

Организация Объединенных Наций

Доклад Комитета по правам человека

Том II

Генеральная Ассамблея

Официальные отчеты

Пятьдесят шестая сессия

Дополнение № 40 (Vol.II) (A/56/40 (Vol.II))

Генеральная Ассамблея
Официальные отчеты
Пятьдесят шестая сессия
Дополнение № 40 (Vol.II) (A/56/40 (Vol.II))

Доклад Комитета по правам человека

Том II

Организация Объединенных Наций • Нью-Йорк, 2001

Примечание

Условные обозначения документов Организации Объединенных Наций состоят из прописных букв и цифр. Когда такое обозначение встречается в тексте, оно служит указанием на соответствующий документ Организации Объединенных Наций.

В настоящем документе содержатся приложения X и XI к докладу Комитета по правам человека. Главы I-VI и приложения I-IX содержатся в томе I.

Содержание

<i>Глава</i>	<i>Пункты</i>	<i>Стр.</i>
Резюме		
I. Юрисдикция и деятельность		
А. Государства — участники Международного пакта о гражданских и политических правах		
В. Сессии Комитета		
С. Выборы, членский состав и участие в работе сессий		
D. Торжественное заявление		
Е. Выборы должностных лиц		
F. Специальные докладчики		
G. Пересмотренные руководящие принципы, касающиеся докладов государств-участников и пересмотренные правила процедуры		
H. Рабочие группы		
I. Торжественное мероприятие по случаю двадцать пятой годовщины Пакта		
J. Соответствующая деятельность Организации Объединенных Наций в области прав человека		
K. Совещание с представителями государств-участников		
L. Отступления в соответствии со статьей 4 Пакта		
M. Замечание общего порядка в соответствии с пунктом 4 статьи 40 Пакта		
N. Кадровые ресурсы		
O. Освещение работы Комитета		
P. Документы и публикации, касающиеся работы Комитета		
Q. Будущие заседания Комитета		
R. Утверждение доклада		
II. Методы работы Комитета в соответствии со статьей 40 Пакта: новые события		
A. Последние решения по процедурам		
B. Заключительные замечания		
C. Связи с другими договорами и договорными органами по правам человека		

D.	Сотрудничество с другими органами Организации Объединенных Наций	
III.	Представление докладов государствами-участниками в соответствии со статьей 40 Пакта	
A.	Доклады, представленные Генеральному секретарю за период с августа 2000 года по июль 2001 года	
B.	Просроченные доклады и невыполнение государствами-участниками своих обязательств по статье 40	
IV.	Рассмотрение докладов, представляемых государствами-участниками в соответствии со статьей 40 Пакта	
	Тринидад и Тобаго	
	Дания	
	Аргентина	
	Габон	
	Перу	
	Венесуэла	
	Доминиканская Республика	
	Узбекистан	
	Хорватия	
	Сирийская Арабская Республика	
	Нидерланды	
	Чешская Республика	
	Монако	
	Гватемала	
	Корейская Народно-Демократическая Республика	
V.	Рассмотрение сообщений в соответствии с Факультативным протоколом	
A.	Ход работы	
B.	Увеличение объема работы Комитета в связи с Факультативным протоколом	
C.	Подходы к рассмотрению сообщений в соответствии с Факультативным протоколом	
D.	Индивидуальные мнения	
E.	Пересмотр решений о приемлемости сообщений	
F.	Вопросы, рассмотренные Комитетом	
G.	Средства правовой защиты, о которых говорится в соображениях Комитета	
VI.	Последующая деятельность в соответствии с Факультативным протоколом	

Приложения

I. Государства — участники Международного пакта о гражданских и политических правах и факультативных протоколов и государства, сделавшие заявление в соответствии со статьей 41 Пакта, по состоянию на 27 июля 2001 года	
А. Государства — участники Международного пакта о гражданских и политических правах	
В. Государства — участники Факультативного протокола	
С. Государства — участники второго Факультативного протокола, направленного на отмену смертной казни	
D. Государства, сделавшие заявление в соответствии со статьей 41 Пакта	
II. Членский состав и должностные лица Комитета по правам человека, 2000-2001 годы	
А. Членский состав Комитета по правам человека	
В. Должностные лица	
III. А. Сводные руководящие принципы, касающиеся докладов государств, представляемых в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах (с поправками, внесенными на семидесятой сессии)	
В. Пересмотренные правила процедуры Комитета по правам человека (официально измененные на семьдесят первой сессии)	
IV. Представление докладов и дополнительной информации государствами-участниками в соответствии со статьей 40 Пакта	
V. О состоянии докладов, рассмотренных за отчетный период, и докладов, которые еще предстоит рассмотреть Комитету	
VI. Замечание общего порядка, принятое Комитетом по правам человека в соответствии с пунктом 4 статьи 40 Международного пакта о гражданских и политических правах	
Замечание общего порядка № 29	
VII. Список делегаций государств-участников, принимавших участие в рассмотрении их соответствующих докладов Комитетом по правам человека на его семидесятой, семьдесят первой и семьдесят второй сессиях	
VIII. Перечень документов, изданных за отчетный период	
IX. Выдержки из документа, подготовленного Комитетом для Всемирной конференции по борьбе против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости	
X. Соображения Комитета по правам человека в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах	1
А. Сообщение № 547/1993, <u>Мауика и др. против Новой Зеландии</u> (соображения приняты 27 октября 2000 года, семидесятая сессия)	1
Добавление	21

B. Сообщение № 630/1995, <u>Мазу против Камеруна</u> (соображения приняты 26 июля 2001 года, семьдесят вторая сессия)	22
C. Сообщение № 675/1995, <u>Тоала и др. против Новой Зеландии</u> (соображения приняты 2 ноября 2000 года, семидесятая сессия)	27
Добавление	40
D. Сообщение № 687/1996, <u>Рохас Гарсиа против Колумбии</u> (соображения приняты 3 апреля 2001 года, семьдесят первая сессия)	42
Добавление	50
E. Сообщение № 727/1996, <u>Парага против Хорватии</u> (соображения приняты 4 апреля 2001 года, семьдесят первая сессия)	52
F. Сообщение № 736/1997, <u>Росс против Канады</u> (соображения приняты 18 октября 2000 года, семидесятая сессия)	63
Добавление	82
G. Сообщение № 790/1997, <u>Чебан против Российской Федерации</u> (соображения приняты 24 июля 2001 года, семьдесят вторая сессия)	83
H. Сообщение № 806/1998, <u>Томпсон против Сент-Винсента и Гренадин</u> (соображения приняты 18 октября 2000 года, семидесятая сессия)	88
Добавление	97
I. Сообщение № 818/1998, <u>Секстус против Тринидада и Тобаго</u> (соображения приняты 16 июля 2001 года, семьдесят вторая сессия)	108
Добавление	118
J. Сообщение № 819/1998, <u>Каванах против Ирландии</u> (соображения приняты 4 апреля 2001 года, семьдесят первая сессия)	119
Добавление	135
K. Сообщение № 821/1998, <u>Чонгве против Замбии</u> (соображения приняты 25 октября 2000 года, семидесятая сессия)	136
L. Сообщение № 833/1998, <u>Каркер против Франции</u> (соображения приняты 26 октября 2000 года, семидесятая сессия)	144
M. Сообщения № 839/1998, 840/1998 и 841/1998, <u>Мансарадж и др. против Сьерра-Леоне</u> <u>Гборье и др. против Сьерра-Леоне</u> <u>Сесай и др. против Сьерра-Леоне</u> (соображения приняты 16 июля 2001 года, семьдесят вторая сессия)	154
N. Сообщение № 846/1999, <u>Янсен-Гилен против Нидерландов</u> (соображения приняты 3 апреля 2001 года, семьдесят первая сессия)	159
Добавление	166
O. Сообщение № 855/1999, <u>Схмитз-де-Йонг против Нидерландов</u> (соображения приняты 16 июля 2001 года, семьдесят вторая сессия)	167

P.	Сообщение № 857/1999, <u>Блажек и др. против Чешской Республики</u> (соображения приняты 12 июля 2001 года, семьдесят вторая сессия)	170
	Добавление	177
Q.	Сообщение № 858/1999, <u>Бакл против Новой Зеландии</u> (соображения приняты 25 октября 2000 года, семидесятая сессия)	178
R.	Сообщение № 869/1999, <u>Пиандионг и др. против Филиппин</u> (соображения приняты 19 октября 2000 года, семидесятая сессия)	184
	Добавление	192
S.	Сообщение № 884/1999, <u>Игнатане против Латвии</u> (соображения приняты 25 июля 2001 года, семьдесят вторая сессия)	195
T.	Сообщение № 930/2000, <u>Вината против Австралии</u> (соображения приняты 26 июля 2001 года, семьдесят вторая сессия)	204
	Добавление	217
XI.	Решения Комитета по правам человека, объявляющие сообщения неприемлемыми в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах	220
A.	Сообщение № 762/1997, <u>Дженсен против Австралии</u> (решение принято 22 марта 2001 года, семьдесят первая сессия)	220
B.	Сообщение № 787/1997, <u>Гобин против Маврикия</u> (решение принято 16 июля 2001 года, семьдесят вторая сессия)	231
	Добавление	235
C.	Сообщение № 791/1997, <u>Сингх против Новой Зеландии</u> (решение принято 12 июля 2001 года, семьдесят вторая сессия)	237
D.	Сообщение № 808/1998, <u>Рогль против Германии</u> (решение принято 25 октября 2000 года, семидесятая сессия)	251
E.	Сообщение № 822/1998, <u>Вакуме против Франции</u> (решение принято 31 октября 2000 года, семидесятая сессия)	260
F.	Сообщение № 831/1998, <u>Мейерс против Франции</u> (решение принято 16 июля 2001 года, семьдесят вторая сессия)	266
G.	Сообщение № 832/1998, <u>Валравенс против Австралии</u> (решение принято 25 июля 2001 года, семьдесят вторая сессия)	271
	Добавление	276
H.	Сообщение № 834/1998, <u>Келер против Германии</u> (решение принято 22 марта 2001 года, семьдесят первая сессия)	277
I.	Сообщение № 866/1999, <u>Торрегроса Лафуенте и др. против Испании</u> (решение принято 16 июля 2001 года, семьдесят вторая сессия)	281
	Добавление	288
J.	Сообщение № 905/2000, <u>Асенсио Лопес против Испании</u> (решение принято 23 июля 2001 года, семьдесят вторая сессия)	289

K.	Сообщение № 935/2000, <u>Махмуд против Словакии</u> (решение принято 23 июля 2001 года, семьдесят вторая сессия)	292
L.	Сообщение № 947/2000, <u>Харт против Австралии</u> (решение принято 25 октября 2000 года, семидесятая сессия)	299
M.	Сообщение № 948/2000, <u>Девган против Канады</u> (решение принято 30 октября 2000 года, семидесятая сессия)	304
N.	Сообщение № 949/2000, <u>Кешавджи против Канады</u> (решение принято 2 ноября 2000 года, семидесятая сессия)	307
O.	Сообщение № 952/2000, <u>Парун и Бальмер против Новой Зеландии</u> (решение принято 22 марта 2001 года, семьдесят первая сессия)	310
P.	Сообщение № 963/2001, <u>Уэберганг против Австралии</u> (решение принято 22 марта 2001 года, семьдесят первая сессия)	313
Q.	Сообщение № 991/2001, <u>Неремберг против Германии</u> (решение принято 27 июля 2001 года, семьдесят вторая сессия)	316

Приложение X

Сообщения Комитета по правам человека в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах

A. Сообщение № 547/1993, Мауика и др. против Новой Зеландии (Сообщения, принятые 27 октября 2000 года, семидесятая сессия)*

<u>Представлено:</u>	Апираной Мауикой и др. (представлены Юридической службой по делам маори)
<u>Предполагаемая жертва:</u>	авторы сообщения
<u>Государство-участник:</u>	Новая Зеландия
<u>Дата сообщения:</u>	10 декабря 1992 года (первоначальное представление)
<u>Предыдущие решения:</u>	– решение Специального докладчика в соответствии с правилом 91, препровожденное государству-участнику 14 июня 1993 года (в виде документа не издавалось) – CCPR/C/55/D/547/1993: решение о приемлемости, 13 октября 1995 года

Комитет по правам человека, учрежденный по статье 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 27 октября 2000 года,

завершив рассмотрение сообщения № 547/1993, представленного Комитету по правам человека Апираной Мауикой и др. в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание всю письменную информацию, предоставленную ему автором сообщения и государством-участником,

принимает следующее:

---

* В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисукэ Андо, г-н Прафуллачандра Натварлал Бхагвати, лорд Колвилл, г-жа Элизабет Эват, г-жа Пилар Гайтан де Помбо, г-н Луис Хенкин, г-н Эккарт Клайн, г-н Давид Крецмер, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Роман Верушевский, г-н Макссуэлл Ялден и г-н Абдалла Захья.
К настоящему документу прилагается текст особого мнения, подписанного одним членом Комитета.

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Авторами сообщения являются Апирана Мауика и 18 других лиц, принадлежащих к новозеландскому народу маори. Они утверждают, что являются жертвами нарушений Новой Зеландией статей 1, 2, 16, 18, 26 и 27 Международного пакта о гражданских и политических правах. Их представляет адвокат. Пакт вступил в силу для Новой Зеландии 28 марта 1979 года, а Факультативный протокол — 26 августа 1989 года.

2. На своей пятьдесят пятой сессии Комитет по правам человека рассмотрел вопрос о приемлемости сообщения и признал, что требования по пункту 2 статьи 5 Факультативного протокола не препятствуют ему в рассмотрении этого сообщения. Вместе с тем Комитет признал неприемлемыми утверждения авторов по статьям 16, 18 и 26 в связи с тем, что они не подтвердили для целей приемлемости нарушение их прав по этим статьям.

3. Признавая приемлемыми остальные утверждения авторов в силу того, что они могут вызывать вопросы в связи со статьями 14 (1) и 27 в совокупности со статьей 1, Комитет все же отметил, что относимость статьи 1 к утверждениям авторов в связи со статьей 27 он сможет установить только при рассмотрении дела по существу.

4. В своем представлении относительно приемлемости обе стороны обстоятельно высказались по существу утверждений, находящихся на рассмотрении Комитета. После того как сообщение было признано приемлемым, государство-участник представило дополнительные замечания, которые авторы никак не прокомментировали.

Фактическая сторона дела

5.1 Численность новозеландского народа маори составляет приблизительно 500 000 человек, причем 70% из них принадлежат к одному или нескольким из 81 иви¹. Авторы принадлежат к семи отдельным иви (в число которых входят два самых крупных и общая численность которых составляет более 140 000 маори) и утверждают, что являются их представителями. В 1840 году маори и предшественник новозеландского правительства — Британская корона — подписали Договор Вайтанги, который закрепил права маори, включая их право на самоопределение и право контроля над племенными рыбопромысловыми ресурсами. В статье 2 этого Договора Корона гарантирует маори:

"Полное исключительное и беспрепятственное владение их землями, лесами, рыбопромысловыми ресурсами и иной собственностью, которой они могут владеть в коллективном или индивидуальном порядке, пока они хотят и желают сохранять эту собственность в своем владении..."².

В новозеландском праве Договор Вайтанги поддается применению только в том случае, если парламент в законодательном порядке полностью или частично придаст ему силу закона. Вместе с тем он возлагает определенные обязательства на Британскую корону, а претензии по Договору могут разбираться трибуналом Вайтанги³.

5.2 До введения в 80-х годах квотной системы хозяйствования никаких попыток установить размеры вылова рыбы не предпринималось. Эта система, являющаяся базовым механизмом сохранения новозеландских рыбных ресурсов и регулирования коммерческого рыболовства в Новой Зеландии, устанавливает постоянные переуступаемые права собственности на квоты ресурсов по каждому промысловому виду, охваченному системой.

5.3 В начале 60-х годов с расширением исключительной рыболовной зоны до девяти, а позднее — до двенадцати миль, новозеландская рыболовецкая отрасль переживала стремительный рост. В то время все новозеландцы, включая маори, имели возможность запросить и получить коммерческую лицензию на вылов рыбы, однако большинство рыбаков, занимавшихся коммерческим ловом, не относились к числу маори, а те, кто относился, в большинстве своем посвящали рыболовству лишь часть своего времени. К началу 80-х годов прибрежные рыбные ресурсы подверглись чрезмерной эксплуатации ресурсов, и правительство ввело мораторий на выдачу новых лицензий и устранило из рыбного промысла рыбаков, занимавшихся ловом на непостоянной основе. Неожиданный эффект этой меры состоял в том, что многие рыбаки-маори были вытеснены из сферы коммерческого рыболовства. Поскольку усилия по рационализации коммерческого рыболовства не дали нужных результатов, в 1986 году правительство приняло поправки к существующему Закону о рыболовстве и ввело систему квотного хозяйствования применительно к коммерческому использованию и эксплуатации рыбных ресурсов страны. Раздел 88 (2) Закона о рыболовстве предусматривает, что "ни одно положение настоящего Закона не затрагивает какие бы то ни было права маори на лов рыбы". В 1987 году племена маори обратились в Высокий суд Новой Зеландии с заявлением о том, что применение квотной системы затронет их исконные договорные права вопреки разделу 88 (2) Закона о рыболовстве, и добились временных судебных запретов на действия правительства.

5.4 В 1988 году правительство приступило к переговорам с маори, которых представляли четыре представителя. Переговорный мандат представителей маори предусматривал получение права на 50% всех новозеландских коммерческих рыбных промыслов. В 1989 году после проведения переговоров и в качестве промежуточной меры маори согласились на принятие Закона 1989 года о рыбных промыслах маори, который предусматривал немедленную передачу 10% всех квот Комиссии по рыбным промыслам маори, уполномоченной осуществлять управление рыбными ресурсами от имени племен. Это вновь открывало возможность для введения намеченной системы квот. Согласно этому Закону, маори могут также ходатайствовать о предоставлении права контроля над рыболовством в зонах, которые традиционно имеют особое значение для племени или рода либо в качестве источника питания, либо по духовным соображениям.

5.5 Хотя Закон о рыбных промыслах маори 1989 года понимался лишь как временная мера, на рынке имелись ограниченные возможности приобретения более или менее значительных количеств дополнительных квот. В феврале 1992 года маори стало известно, что в течение этого года намечалась открытая продажа акций крупнейшей в Австралии и Новой Зеландии рыболовецкой компании "Силордз". Представители маори на переговорах по вопросам рыболовства и Комиссия по рыбным промыслам маори обратились к

правительству с предложением о том, чтобы правительство выделило средства для приобретения компании "Силордз" в порядке частичного урегулирования претензий, касающихся рыболовства, по Договору Вайтанги. Первоначально правительство ответило отказом, однако после того, как в августе 1992 года трибунал Вайтанги издал заключение по вопросу о морском рыболовстве нгаи-таху, в котором он признал, что крупнейшее племя острова Южный в Новой Зеландии нгаи-таху имеет необходимое для его развития право на разумную долю глубоководного промысла, правительство решило вступить в переговоры. Эти переговоры привели к тому, что 27 августа 1992 года был подписан меморандум о договоренности между правительством и представителями маори.

5.6 Согласно этому меморандуму, правительство должно предоставить маори, требующиеся средства на приобретение 50% акций крупной новозеландской рыболовческой компании "Силордз", которой принадлежало 26% имевшихся на тот момент квот. Маори, со своей стороны, должны снять все неурегулированные претензии и поддержать предложение об аннулировании раздела 88 (2) Закона о рыболовстве, а также поправку к Закону 1975 года о Договоре Вайтанги, предусматривающую изъятие из юрисдикции трибунала Вайтанги претензий, касающихся коммерческого рыболовства. Корона также согласилась выделить для Комиссии по рыбным промыслам маори 20-процентную квоту в отношении новых видов, которые будут включаться в квотную систему хозяйствования, и гарантировать участие маори в "любых статутных директивных органах по вопросам хозяйственного использования и развития рыбных ресурсов". Кроме того, в отношении некоммерческого рыболовства Корона согласилась санкционировать разработку — после консультаций с маори — нормативных положений, признающих и закрепляющих традиционные методы добычи продуктов питания и особое значение мест традиционной добычи продуктов питания для маори.

5.7 Представители на переговорах запросили у маори мандат на заключение сделки, предусмотренной в меморандуме о договоренности. Меморандум и его возможные последствия были обсуждены на национальном хьюи⁴, а также на хьюи в 23 маре⁵ по всей стране. Согласно докладу представителей маори, идею урегулирования поддержали 50 иви, насчитывающих 208 681 маори⁶. На основе этого доклада правительство было информировано о предоставлении мандата на урегулирование, и 23 сентября 1992 года было заключено Соглашение об урегулировании между новозеландским правительством и представителями маори. Соглашение вводит в действие положения меморандума о договоренности и касается не только рыболовства в морских водах, но и всего пресноводного и внутреннего рыболовства. Согласно положениям этого соглашения, правительство выплачивает племенам маори 150 млн. новозеландских долларов на развитие их рыбопромыслового хозяйства и предоставляет им 20-процентную квоту на промысел новых видов. Права маори на лов рыбы более не будут реализовываться в судебном порядке, а будут регламентироваться административными положениями. Пункт 5.1 Соглашения гласит:

"Маори соглашаются с тем, что настоящее Соглашение об урегулировании и закрепленный в нем способ урегулирования обеспечивают удовлетворение всех претензий — как настоящих, так и будущих, а также погашают и аннулируют все такие претензии в связи с

любыми правами и интересами маори в области коммерческого рыболовства, будь то в морских, прибрежных или внутренних водах (включая любой коммерческий аспект прав и интересов, касающихся традиционного рыболовства), в контексте статутного права, общего права (включая обычное право и исконные права), Договора Вайтанги или иных норм и вне зависимости от того, упоминались ли такие права и интересы в рекомендациях или постановлениях судов или трибунала Вайтанги".

Пункт 5.2 гласит:

"Корона и маори соглашаются, что статус всех прав и интересов маори в области рыболовства, помимо прав и интересов, связанных с коммерческим рыболовством, изменится таким образом, что они более не устанавливают прав для маори или обязанностей для Короны, которые имели бы юридическую силу (например, их осуществление в порядке гражданского судопроизводства или их использование в качестве основания для исковых возражений в рамках уголовного, административного или иного производства). Они также не подлежат признанию в законодательном порядке. Такие права и интересы не аннулируются настоящим Соглашением об урегулировании и тем способом урегулирования, который в нем закреплён. Они по-прежнему регламентируются принципами Договора Вайтанги и в соответствующих случаях возлагают договорные обязательства на Корону. Такие вопросы могут также служить в качестве основания для ходатайств маори перед правительством или инициатив самого правительства, предпринимаемых в консультации с маори, в отношении разработки стратегий по обеспечению признания тех методов пользования и распоряжения ресурсами, которые применяются маори при осуществлении их традиционных прав".

В Соглашении закреплено, что Комиссия по рыбным промыслам маори переименуется в "Комиссию по рыбным промыслам Договора Вайтанги" и что эта Комиссия будет подотчетна маори, а также Короне в интересах обеспечения более эффективного контроля маори над их рыбными ресурсами в соответствии с гарантиями Договора Вайтанги.

5.8 Согласно утверждениям авторов, содержание Меморандума о договоренности не всегда должным образом излагалось или разъяснялось племенам и общинам. Таким образом, в некоторых случаях серьезно ущемлялось принятие продуманных решений в отношении предложений, содержащихся в Меморандуме о договоренности. Авторы подчеркивают, что, хотя некоторые хьюи и поддержали предложение о приобретении акций "Силордз", значительное число племен и общин либо однозначно отвергли его, либо были готовы поддержать его лишь условно. Авторы далее отмечают, что представители маори на переговорах всячески пытались показать, что они не уполномочены и не намерены представлять отдельные племена и общины в отношении какого бы то ни было аспекта сделки в отношении акций "Силордз", включая заключение и подписание Соглашения об урегулировании.

5.9 Соглашение было подписано 110 представителями. В их числе были 8 представителей маори на переговорах по вопросу о рыбных промыслах (4 представителя и их заместители), 2 из которых представляли крупные организации маори⁷; 31 автор исков против Короны в связи с ущемлением прав

рыболовства, включая представителей 11 иви; 43 представителя от 17 иви; а также 28 представителей, подписавших Соглашение позднее и представляющих 9 иви. Авторы указывают, что одна из трудностей определения точного числа племен, подписавших Соглашение об урегулировании, связана с проверкой полномочий на его подписание от имени племен, а также с утверждением о том, что ряд представителей явно не имели таких полномочий или могли их не иметь. Авторы отмечают, что в числе подписавших не фигурировали племена, претендующие на значительные коммерческие рыбные ресурсы.

5.10 После подписания Соглашения об урегулировании авторы и другие лица обратились в Высокий суд Новой Зеландии с ходатайством о вынесении временного распоряжения с целью воспрепятствовать правительству в реализации этого Соглашения в законодательном порядке. Они, в частности, настаивали на том, что действия правительства представляют собой нарушение Закона 1990 года, касающегося билля о правах Новой Зеландии⁸. 12 октября 1992 года это ходатайство было отклонено, и авторы подали промежуточную апелляцию в апелляционный суд. 3 ноября 1992 года апелляционный суд вынес заключение, что он не может удовлетворить ходатайство на том основании, что суды не могут вмешиваться в парламентские дела и что на данном этапе не возникает никаких вопросов в связи с биллем о правах.

5.11 После этого претензии были переданы в трибунал Вайтанги, который 6 ноября 1992 года выпустил свое заключение по этому вопросу. В заключении говорилось, что данный способ урегулирования не противоречит Договору, за исключением некоторых его аспектов, которые можно было бы скорректировать в ожидаемом законодательстве. В этом отношении трибунал Вайтанги признал, что намечаемое прекращение признания и/или аннулирование закрепленных договорных интересов в области коммерческого и некоммерческого рыболовства противоречит Договору Вайтанги и обязанностям правительства как доверенной стороны. Трибунал рекомендовал правительству проследить за тем, чтобы в законодательстве не было положений об аннулировании интересов в области коммерческого рыболовства и чтобы законодательство, наоборот, подтверждало это интересы и признавало, что они были удовлетворены, что административные положения и стратегии в области рыболовства могут быть оспорены в судах в случае их несоответствия принципам Договора и что суды уполномочены учитывать это урегулирование при рассмотрении будущих претензий, затрагивающих законодательные положения о регулировании коммерческого лова рыбы.

5.12 3 декабря 1992 года на рассмотрение был внесен проект закона 1992 года об урегулировании претензий в области рыболовства по Договору Вайтанги. Из-за ограниченности времени в связи с необходимостью скорейшего приобретения акций "Силордз" этот проект не рассматривался в соответствующем специальном комитете, а был сразу же представлен и обсужден в парламенте. 14 декабря 1992 года законопроект приобрел силу закона. В преамбуле Закона говорится:

"Законодательное оформление достигнутого Соглашения и продолжение отношений между Короной и маори, составляют полное и окончательное урегулирование всех претензий маори в отношении прав коммерческого рыболовства и меняют статус прав некоммерческого рыболовства таким

образом, что они более не устанавливают прав для маори или обязанностей для Короны, которые имели бы обязательную юридическую силу, но будут и впредь регламентироваться принципами Договора Вайтанги и возлагать на Корону обязанности сообразно с этим Договором".

Закон предусматривает, в частности, выделение маори 150 млн. новозеландских долларов. В разделе 9 Закона говорится также, что "все (нынешние и будущие) претензии маори в отношении коммерческого рыболовства... настоящим окончательно урегулируются" и соответственно

"Обязанности Короны перед маори в отношении коммерческого рыболовства настоящим выполнены, соблюдены и погашены, и ни один суд или трибунал не правомочен рассматривать вопросы обоснованности связанных с этим претензий, существования прав и интересов маори в области коммерческого рыболовства или их количественной оценки...". "Все претензии (нынешние и будущие), касающиеся прав и интересов маори в области коммерческого рыболовства, либо прямо или косвенно основанные на таких правах и интересах, настоящим полностью и окончательно урегулируются, удовлетворяются и погашаются".

Что касается последствий этого урегулирования для прав и интересов маори в области некоммерческого рыболовства, то в Законе говорится, что они по-прежнему будут возлагать на Корону обязанности сообразно Договору Вайтанги и что должны быть приняты административные положения для обеспечения признания и закрепления традиционных методов добычи продуктов питания для маори. Права или интересы маори в области некоммерческого рыболовства, являющиеся основанием для таких претензий, более не будут иметь юридической силы и соответственно не смогут отстаиваться в гражданских судах или служить в качестве основания для исковых возражений в любом уголовном, административном или ином производстве, кроме как в той мере, в какой такие права или интересы оговорены в административных положениях. Согласно Закону, Комиссия по рыбным промыслам маори переименуется в Комиссию по рыбным промыслам Договора Вайтанги и ее членский состав расширяется с 7 до 12 членов. Расширяется и круг ее полномочий. В частности, теперь Комиссии отводится главная роль в обеспечении соблюдения интересов маори в области коммерческого рыболовства.

5.13 Заявка на приобретение акций компании "Силордз" в рамках совместного предприятия увенчалась успехом. После консультаций с маори были назначены новые члены Комиссии по рыбным промыслам Договора Вайтанги. После этого стоимостной объем доли маори в секторе коммерческого рыболовства стал стремительно расти. В 1996 году балансовая стоимость их активов достигла 374 млн. долларов. Помимо того, что Комиссии принадлежит 50% акций компании "Силордз", под ее контролем сегодня находятся также компании "Моана Пасифик лимитед" (крупнейшая в Новой Зеландии компания, занимающаяся прибрежным рыболовством), "Те Вака Хьюия лимитед", "Пасифик Марин Фармз лимитед" и "Чатем Просессинг лимитед". Комиссия оказывает существенную помощь, распределяя льготные ежегодные лицензии в рамках имеющейся квоты, предоставляя учебные стипендии и оказывая содействие маори в деле их участия в разработке режима

традиционного рыболовства. Корона в консультации с маори разработала административные положения, регламентирующие порядок традиционного рыболовства.

Жалоба

6.1 Авторы утверждают, что Закон об урегулировании претензий в области рыболовства по Договору Вайтанги лишает их рыбных ресурсов, отказывает им в праве свободно определять свой политический статус и препятствует реализации их права на свободное осуществление своего экономического, социального и культурного развития. Утверждается, что Закон 1992 года об урегулировании претензий в области рыболовства по Договору Вайтанги идет вразрез с обязательствами государства-участника по Договору Вайтанги. В этом контексте авторы утверждают, что право на самоопределение, закрепленное в статье I Пакта, является действительным лишь тогда, когда народ имеет доступ к своим ресурсам и осуществляет контроль над ними.

6.2 Авторы утверждают, что действия правительства ставят под угрозу их образ жизни и культурный уклад их племен в нарушение статьи 27 Пакта. Они заявляют, что рыболовство является одним из основных элементов их традиционной культуры и что они и по сей день имеют интерес в области рыболовства и активно стремятся проявлять свою культуру в рыболовстве по всей площади своих исконных территорий. Они далее заявляют, что их традиционная культура включает коммерческие элементы и не проводит четкого разграничения между коммерческим и иным рыболовством. Они утверждают, что новое законодательство лишает их права заниматься традиционным рыболовством, допуская его лишь в ограниченном смысле, отведенном для них законом, и что в обмен на какую-то долю в рыбопромысловой квоте они лишаются коммерческого компонента рыбного промысла. В связи с этим авторы ссылаются на Соображения Комитета в отношении сообщения № 167/1984 (Оминьяк против Канады), в которых Комитет признал, что "в число прав, охраняемых статьей 27, входит право отдельных лиц совместно с другими лицами заниматься экономической и социальной деятельностью, представляющей часть культуры той общины, к которой они принадлежат"⁹.

6.3 Авторы напоминают, что трибунал Вайтанги признал квотную систему хозяйствования, противоречащей Договору Вайтанги, поскольку она закрепляет исключительные права собственности на рыболовный промысел за немаорийским населением, и что с 1987 по 1990 год Высокий суд и Апелляционный суд Новой Зеландии в нескольких решениях приостанавливали дальнейшее внедрение квотной системы хозяйствования на том основании, что она является "явно спорной" и что квотная система хозяйствования нарушает законные права маори в области рыболовства, защищаемые разделом 88 (2) Закона о рыболовстве 1983 года. С принятием Закона 1992 года об урегулировании претензий в области рыболовства по Договору Вайтанги квотная система хозяйствования была санкционирована во всех отношениях. Авторы заявляют, что в результате аннулирования раздела 88 (2) Закона о рыболовстве 1983 года права маори в области рыболовства уже не пользуются защитой.

6.4 Некоторые из авторов утверждают, что от имени их племен и общин не было подписано никаких уведомлений о прекращении разбирательства по претензиям в области рыболовства, которые находились на рассмотрении в судах, и что это разбирательство было прекращено в статутном порядке без согласия их племен или общин согласно разделу 11 2) g) и Закона 1992 года об урегулировании претензий в области рыболовства по Договору Вайтанги. Это, как утверждается, составляет нарушение их прав по пункту 1 статьи 14 Пакта на доступ к суду для целей определения прав и обязанностей в каком-либо гражданском процессе. В этом контексте авторы заявляют, что права маори в области рыболовства явно относятся к категории "прав и обязанностей в каком-либо гражданском процессе" по смыслу пункта 1 статьи 14 Пакта в силу того, что по своему характеру они являются правами собственности. До принятия Закона 1992 года об урегулировании претензий в области рыболовства по Договору Вайтанги со стороны маори в суды было подано множество исков по вопросам рыболовства. Авторы заявляют, что пункт 1 статьи 14 Пакта гарантирует авторам и их племенам или общинам право на рассмотрение этих споров судом, что отвечает всем требованиям статьи 14. В этом контексте утверждается, что, хотя традиционные и исконные права или интересы могут по-прежнему рассматриваться трибуналом Вайтанги в свете принципов Договора Вайтанги, правомочия трибунала Вайтанги по-прежнему носят лишь рекомендательный характер.

6.5 Авторы заявляют, что до принятия Закона 1992 года об урегулировании претензий в области рыболовства по Договору Вайтанги они, согласно разделу 88 Закона о рыболовстве, имели право доступа к суду или трибуналу для защиты, определения характера и пределов и для обеспечения реализации их прав и интересов в области рыболовства, существующих в системе общего права и закрепленных в Договоре Вайтанги. Аннулирование этого раздела Законом 1992 года ущемляет и умаляет их право на справедливое и публичное рассмотрение их прав и обязанностей в гражданско-правовом порядке, гарантируемое пунктом 1 статьи 14 Пакта, поскольку статутной основы для разбирательства претензий в отношении этих прав или интересов более не существует.

Замечания государства-участника

7.1 Что касается утверждения авторов в отношении статьи 27, то государство-участник признает, что культурное достоинство маори охватывает право на осуществление рыбной ловли, и соглашается с тем, что оно несет позитивные обязательства гарантировать признание этих прав. Соглашение об урегулировании вопроса о рыболовстве, по его словам, обеспечивает выполнение этого требования. Согласно заявлениям государства-участника, право на свою долю дохода и участие маори в приобретении компании "Силордз" являются современным воплощением урегулирования претензий маори в области коммерческого рыболовства. В результате заключения Соглашения об урегулировании вопроса о рыболовстве маори, на которых приходится приблизительно 15% населения Новой Зеландии, обладают сегодня реальным контролем над крупнейшим океанским рыболовным флотом Новой Зеландии и имеют более чем 40-процентную долю в новозеландской рыбопромысловой квоте. Это Соглашение является инструментом, обеспечившим участие маори в коммерческом рыбном промысле — на

условиях, определяемых самими маори в рамках компании, в которой они осуществляют реальный контроль, обладая контрольным пакетом акций и имея своих представителей в совете директоров. Согласно заявлениям государства-участника, Соглашение об урегулировании вопроса о рыболовстве дает маори беспрецедентную возможность расширять свое присутствие на рынке за счет приобретения дополнительных квот и накопления соответствующего потенциала, а также путем освоения новых направлений деятельности в области международной добычи, переработки и сбыта морских продуктов. Этой возможностью все шире пользуются Комиссия по рыбным промыслам Договора Вайтанги и ее компании, а также отдельные племена. Соглашение об урегулировании вопроса о рыболовстве конкретно защищает также права маори в области некоммерческого рыболовства, и уже разработаны статутные постановления, закрепляющие традиционные методы добычи продуктов питания и обеспечивающие признание особого значения мест традиционной добычи продуктов питания.

7.2 Кроме того, государство-участник отмечает, что права меньшинств, закрепленные в статье 27, отнюдь не безграничны. Они могут подлежать разумной регламентации и иным мерам контроля или ограничения, однако эти меры должны иметь разумное и объективное обоснование, быть совместимыми с другими положениями Пакта и не быть равносильными отказу в правах. В Соглашении об урегулировании вопроса о рыболовстве государству-участнику нужно было достичь компромисса между несколькими важными обязательствами. Оно должно было сбалансированным образом учесть озабоченности отдельных сторон, не согласных с наличием обязательств перед маори в целом, для урегулирования претензий в области рыболовства и необходимость принятия мер для обеспечения рационального использования имеющихся ресурсов.

7.3 Государство-участник подчеркивает также, что, как явствует из меморандума о договоренности, правительство и представители маори на переговорах по вопросам рыболовства пришли к общему пониманию относительно того, что достижение урегулирования зависит от подтверждения полномочий представителей выступать от имени всех маори. Предложение предусматривало, что в случае получения такого подтверждения приобретение акций компании "Силордз" приведет к удовлетворению всех прав и интересов маори в области новозеландского коммерческого рыболовства и что намечаемое урегулирование будет включать принятие законодательства, аннулирующего раздел 88 (2) Закона о рыболовстве 1983 года и все другие законодательные положения, утверждающие законную силу всех прав и интересов маори в области рыболовства, прекращение всех разбирательств в связи с правами или интересами маори в области коммерческого рыболовства, а также признание со стороны маори квотной системы хозяйствования. Государство-участник ссылается на постановление Апелляционного суда по делу Те Рунанга о Варекаури Рекоху против Генерального прокурора, в котором было признано, что предложение, обсуждаемое на переговорах между правительством и представителями маори, соответствует обязанности правительства по Договору Вайтанги и неиспользование возможности приобретения компании "Силордз" не соответствовало бы этому обязательству. Государство-участник ссылается далее на аналогичные мнения, выраженные трибуналом Вайтанги.

7.4 Что касается заявления авторов о том, будто такой способ урегулирования встретил лишь ограниченную поддержку со стороны маори, то государство-участник напоминает о консультациях, проведенных представителями маори после парафирования Меморандума о договоренности, на основе результатов которых представители маори и затем правительство пришли к заключению о наличии достаточных полномочий для обсуждения и заключения Соглашения об урегулировании. Государство-участник ссылается на заключение трибунала Вайтанги, в котором говорится, что доклад представителей маори на переговорах создает впечатление, что мандат на урегулирование действительно имеется — при условии ненанесения ущерба самому Договору, и что в свете этого доклада Корона могла резонно полагать, что она может приступить к заключению Соглашения. Государство-участник ссылается также на заключение трибунала Вайтанги о том, что "урегулирование должно происходить невзирая на неизбежное ущемление независимой рангатиратанги¹⁰ несогласных... Таким образом, исходя из того, что это урегулирование должно привести к принятию новой национальной политики в интересах племен, а также не к аннулированию прав, а к их совершенствованию, и памятуя о защите традиционных позиций, мы считаем, что вопрос о таком урегулировании может рассматриваться не просто на уровне иви, а на более высоком уровне, объединяющем все иви, где фактическое согласие каждого иви не является предпосылкой и где можно полагаться на общий консенсус". Государство-участник подчеркивает, что ответственность за удостоверение правительства в том, что предложение пользуется поддержкой со стороны маори, лежит на представителях маори на переговорах и что внутренний процесс принятия решений среди маори не входит в сферу непосредственных забот правительства, которое было вправе полагаться на доклад представителей маори. Государство-участник ссылается далее на решение Комитета по делу Великого вождя Дональда Маршалла и других против Канады¹¹, в котором Комитет по правам человека не согласился с утверждением о том, что все группы, ведущие племенной образ жизни, должны иметь право на участие в консультациях по вопросам, касающимся коренных народов.

7.5 Что касается критических замечаний авторов в отношении квотной системы хозяйствования, то государство-участник заявляет, что эта система была введена в связи с необходимостью принять действенные меры с целью сохранения истощенных рыбных ресурсов в прибрежной зоне. В этом контексте государство-участник отмечает, что оно несет ответственность перед всеми новозеландцами за сохранение и обеспечение рационального использования этих ресурсов в интересах грядущих поколений. Государство-участник напоминает, что в постановлениях трибунала Вайтанги и Апелляционного суда, несмотря на критику этой системы в ее первоначальном варианте, было признано, что цель и задача введения квотной системы хозяйствования вовсе не обязательно противоречат принципам и положениям Договора Вайтанги. Государство-участник подчеркивает, что, хотя квотная система хозяйствования устанавливает новый режим, который меняет статус интересов маори в области коммерческого рыболовства, установление этого режима обусловлено разумными и объективными потребностями обеспечения общего устойчивого хозяйствования.

7.6 Что касается заявления Комитета, которое было сделано при принятии решения о признании сообщения приемлемым и согласно которому Комитет сможет установить относимость статьи 1 к утверждениям авторов по статье 27 лишь при рассмотрении существа дела, то государство-участник отмечает, что оно было бы глубоко озабочено намерением Комитета отойти от позиции, которая была принята государствами — участниками Пакта и самим Комитетом и которая предусматривает, что Комитет не правомочен рассматривать претензии в отношении прав, закрепленных в статье 1. Эти права давно признаны в качестве коллективных прав. Таким образом, они выходят за рамки мандата Комитета, уполномоченного рассматривать жалобы отдельных лиц, и процедуры, установленные Факультативным протоколом, не допускают, чтобы отдельные лица, претендующие на то, что они являются представителями маори, выдвигали утверждения о нарушениях коллективных прав, закрепленных в статье 1. Государство-участник заявляет далее, что права, оговоренные в статье 1, закреплены за "народами" государств в целом, а не за меньшинствами — будь то коренные или нет — в пределах границ независимого и демократического государства. Кроме того, государство-участник оспаривает правомочие авторов выступать от имени большинства членов своих племен.

7.7 В отношении утверждения авторов о том, что они являются жертвами нарушения пункта 1 статьи 14 Пакта, государство-участник заявляет, что жалоба авторов имеет в корне неверное обоснование и представляет собой попытку привнести в эту статью содержание, которое не согласуется с формулировкой этой статьи и которое не предусматривалось при разработке Пакта. По мнению государства-участника, статья 14 не предусматривает общего права доступа к судам в отсутствие прав и юрисдикционных полномочий, признаваемых законом. Статья 14 устанавливает процессуальные нормы, которые должны соблюдаться в интересах обеспечения надлежащего отправления правосудия. Требования статьи 14 существуют не в вакууме. Государство-участник отмечает, что, как явствует из вводных положений статьи, гарантия этих процессуальных норм действует лишь тогда, когда возникает перспектива уголовного или гражданского разбирательства, т.е. когда имеется законное основание для рассмотрения дела в компетентном суде. Если следовать логике авторов, то законодательная власть государства не может определять юрисдикцию своих судов, и Комитету нужно было бы принимать решения относительно возможности судебного рассмотрения прав во внутренних правовых системах государств, что далеко выходит за рамки гарантий, предусмотренных в Пакте.

7.8 Государство-участник добавляет, что в жалобе авторов предпринимается попытка затушевать центральный элемент Соглашения об урегулировании 1992 года. По мнению государства-участника, в заявлении авторов о том, что это Соглашение аннулирует право на судебное разбирательство уже существующих претензий, игнорируется тот факт, что Соглашение, по сути дела, производит урегулирование этих претензий, преобразовывая их в гарантированное право участия в коммерческом рыболовстве. Ну а коль скоро такие претензии урегулированы, то тут уже в принципе не может быть права на обращение в суд в расчете на дальнейшее расширение этих прав. Вместе с тем государство-участник разъясняет, что если существующие прежде претензии утратили свою исковую силу, то проблемы рыболовства маори по-прежнему

входят в юрисдикцию судов. Решения Комиссии по рыбным ресурсам Договора Вайтанги, касающиеся распределения выгод от Соглашения об урегулировании, подлежат судебному надзору, равно как и решения любого другого статутного органа. Аналогичным образом административные положения, касающиеся прав традиционного рыболовства, и решения, принимаемые на основании этих положений, подлежат надзору со стороны судов и трибунала Вайтанги. Недавние процессы в новозеландских судах, в том числе рассматривавшийся в Апелляционном суде вопрос о том, в какой мере маори, проживающие в городах и не имеющие связей со структурами иви, имеют право пользоваться выгодами от Соглашения об урегулировании, а также вопрос о намечаемом распределении выгод от такого Соглашения, являются исчерпывающими свидетельствами того, что доступ к судам по-прежнему существует. Кроме того, маори, занимающиеся рыболовством, точно так же, как и любой другой новозеландец, имеют право обращаться в суд с целью оспорить решения правительства, затрагивающие их права, или добиваться защиты этих прав от чужих посягательств.

7.9 В заключение государство-участник указывает, что Соглашение об урегулировании вопроса о рыболовстве не ущемляет прав авторов или любых других маори согласно Пакту. Наоборот, государство-участник утверждает, что это Соглашение следует рассматривать как одно из наиболее позитивных достижений последних лет в том, что касается обеспечения признания прав маори в соответствии с принципами Договора Вайтанги. Государство-участник заявляет, что оно преисполнено решимости решать и урегулировать проблемы маори достойным и справедливым образом. Оно признает, что любые такие методы урегулирования, которые требуют известного компромисса и покладистости с обеих сторон, едва ли снискают себе единодушную поддержку со стороны маори. В этом контексте оно заявляет, что Соглашение об урегулировании не получило единодушной поддержки и со стороны немаорийского населения Новой Зеландии. Более того, реакция общественности в то время явно свидетельствовала о том, что значительная часть немаорийских новозеландцев выступала против этого Соглашения и не была согласна с тем, чтобы предоставлять маори отдельные права на новозеландские рыбные ресурсы. Вместе с тем государство-участник отмечает, что оно не может позволить себе отказаться от всего перед лицом отсутствия единогласия, и оно не намерено использовать сопротивление некоторых несогласных — будь то маори или не маори — в качестве предлога для непринятия позитивных мер по урегулированию проблем маори в условиях, когда такие меры пользуются явной поддержкой большинства заинтересованных представителей этого народа. В связи с этим государство-участник заявляет, что Комитету следует отклонить жалобы авторов.

Комментарии авторов в отношении представления государства-участника

8.1 Авторы настаивают на том, что статья 27 Пакта требует от правительства Новой Зеландии представить убедительные и бесспорные доказательства, подтверждающие необходимость и соразмерность тех ограничений, которым оно подвергает права и свободы авторов и их племен или общин, гарантируемые статьей 27. Авторы заявляют, что государство-участник не привело никаких доводов и никаких эмпирических свидетельств в обоснование того, что разделы 9, 10, 11, 33, 34, 37 и 40 Закона 1992 года об урегулировании

претензий в области рыболовства по Договору Вайтанги являются "разумными или необходимыми" для достижения таких целей, как обеспечение надлежащего регулирования рыболовства, в том числе для выполнения международных обязательств по сохранению и рациональному использованию живых морских ресурсов. Авторы далее заявляют, что "если правительство Новой Зеландии желает присвоить себе полномочия на распоряжение рыбными ресурсами маори без согласия авторов, а также их племен или общин, за которыми Договор Вайтанги признает наличие рангатиранги и неограниченной собственности на эти ресурсы, а также связанные с ними имущественные интересы, то статья 27 Пакта требует от правительства Новой Зеландии представить убедительные и бесспорные доказательства, подтверждающие необходимость и соразмерность тех ограничений, которым оно подвергает права и свободы авторов и их племен или общин, гарантируемые статьей 27". Авторы заявляют, что государство-участник не представило никаких таких доказательств.

8.2 Кроме того, авторы заявляют, что статья 27 Пакта требует от государства-участника предпринять конструктивные шаги для обеспечения того, чтобы маори могли пользоваться своей культурой. Они указывают, что государство-участник не только не выполнило эту часть своего обязательства по статье 27 Пакта, но и в результате принятия Закона 1992 года об урегулировании претензий в области рыболовства по Договору Вайтанги создало серьезное препятствие для осуществления авторами и их племенами или общинами закрепленных за ними прав и свобод по статье 27. Авторы заявляют также, что статья 27 Пакта требует от правительства Новой Зеландии обеспечить осуществление Договора Вайтанги. Авторы подчеркивают, что рыболовство является одним из фундаментальных аспектов культуры и религии маори. В обоснование наличия этой тесной связи они приводят следующую выдержку из заключения относительно рыболовства муривенуа, составленного трибуналом Вайтанги¹²:

"Для того чтобы понять значение таких ключевых терминов Договора, как "таонга" и "тино рангатиранга", их следует рассматривать в контексте культурных ценностей маори. В маорийской идеоматике понятие "таонга" применительно к рыболовству означает имеющиеся ресурсы, источник пропитания, занятие, источник средств для обмена подарками и является частью сложной системы взаимоотношений между маори и их исконными землями и водными промыслам. Понятие таонга применительно к рыболовству представляет собой концепцию, уходящую корнями в далекое прошлое, охватывающую тысячелетнюю историю народа и его легенды и включающую мифологическое значение богов и танивха, а также типуна и кайтиаки. Таонга пронизывает все перепады в освоении районов проживания племен и в характере распоряжения ресурсами на различных этапах истории и объединяет в единое целое землю, воду, небо, животных, растения и даже космос, которые составляют единый комплекс, охватывающий живые и неживые элементы.

Таонга требует наличия особых умений, сил и навыков рыболовства, а также чувства ответственности за наследуемые ресурсы. В случае нанесения ущерба исконным землям и прилегающим к ним рыбопромысловым зонам в результате чрезмерной эксплуатации или загрязнения объектом ущерба являются также тангата венуа и их

ценности. Причем в восприятии нынешних каитиаки (хранители достояния) оскорбление наносится не только им самим, но и их типуне в прошлом.

"Таонга" маори применительно к рыболовству по своей глубине и размаху выходит за рамки количественных и материальных аспектов, связанных с объемом улова и размером выручки. Она охватывает глубокое чувство необходимости сохранения достояния и ответственности перед будущими поколениями, которое пронизывает все их мышление, отношение и поведение в вопросах рыболовства.

Таонга применительно к рыболовству включает в себя связи между отдельной личностью, племенем, рыбой и рыбопромысловыми зонами не только в плане владения или "принадлежности", но и в таких аспектах, как личная или племенная самобытность, кровное родство и генеалогические связи, а также духовный мир. А это означает, что "урон" окружающей среде или рыбопромысловым зонам может ощущаться в индивидуальном порядке отдельным маори или целым племенем, причем он может ранить не только физическое бытие, но и престиж, эмоциональные ощущения и ману.

Таонга применительно к рыболовству, как и любая иная таонга, является проявлением сложного маорийского психико-духовного восприятия жизни и жизненных сил. Она предполагает определенные экономические блага, но еще и является фактором становления индивидуальности, символом социальной стабильности и источником эмоциональной и духовной силы.

Такое мировосприятие способствовало выработке понятия маори (жизненной силы), которое обеспечивает неизменную жизнеспособность маорийских иви. Рыболовство для маори включает не только сугубо физическое понятие рыболовства, рыбных запасов, промысловых зон, методов лова и сбыта этих ресурсов ради денежного заработка, но и охватывает более глубокие аспекты, прочно укоренившиеся в маорийском сознании".

8.3 В этом контексте авторы ссылаются на Замечание общего порядка, сформулированное Комитетом в отношении статьи 27, и заявляют, что статья 27 Пакта явно предусматривает защиту прав рыболовства, принадлежащих маори. Они отвергают заявление государства-участника о том, что положения Закона 1992 года об урегулировании претензий в области рыболовства по Договору Вайтанги и Закона 1989 года о рыбных ресурсах маори "гарантируют" право маори на занятие рыболовным промыслом. Более того, они утверждают, что на деле эти права были прекращены и/или аннулированы и что выгоды, предоставляемые маори по законодательству, не представляют собой законного удовлетворения. Утверждается, что Закон 1992 года об урегулировании претензий в области рыболовства по Договору Вайтанги устанавливает искусственное разграничение их прав и интересов в области рыболовства без учета священного характера связей, существующих между авторами (как в личном отношении, так и на уровне племен) и их рыбопромысловыми зонами; он реально лишает авторов, а также их племена и общины возможности защищать свои рыбные ресурсы в интересах будущих поколений; он прекращает и/или на деле аннулирует их права и интересы,

закрепленные в системе общего права и в Договоре Вайтанги; он ограничивает их возможность пользоваться и распоряжаться своими рыбными ресурсами в соответствии с их культурными и религиозными обычаями и традициями; и он устанавливает режим, который передает полномочия по определению порядка использования маорийских рыбных ресурсов в руки Генерального директора по вопросам рыбных ресурсов.

8.4 Они указывают также, что трибунал Вайтанги четко заявил, что условием приемлемости любого "неизбежного ущемления независимой рангатиранги несогласных" является изменение правительством Новой Зеландии реализационного законодательства в соответствии с рекомендациями трибунала Вайтанги. Авторы отмечают далее, что их дело отличается от дела Великого вождя Дональда Маршалла и других против Канады, которое не было связано с необходимостью получения согласия группы меньшинства на прекращение и/или реальное аннулирование ее прав собственности и отказ от доступа к судам в целях реализации этих прав.

8.5 Что касается прекращения судебных разбирательств, то пятеро из авторов настаивают на том, что уведомления о прекращении, подписанные от имени их племени, были подписаны лицами, не имевшими на то надлежащих полномочий. Еще пять авторов заявляют, что от имени их племен вообще не подписывалось никаких уведомлений о прекращении разбирательств.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

9.1 Комитет по правам человека рассмотрел данное сообщение с учетом всей информации, представленной ему сторонами, как того требует пункт 1 статьи 5 Факультативного протокола.

9.2 Комитет отмечает, что Факультативный протокол устанавливает процедуру, которая позволяет частным лицам представлять сообщения о нарушениях индивидуальных прав. Речь идет о правах, закрепленных в статьях 6-27 части III Пакта¹³. Как показывает правовая практика Комитета, представлять сообщения о предполагаемых нарушениях этих прав не возбраняется и группе лиц, считающих себя затронутыми сообще. Кроме того, положения статьи 1 могут иметь значение при толковании прав, защищаемых другими положениями Пакта, и в частности статьей 27.

9.3 Таким образом, перед Комитетом прежде всего встает вопрос о том, были ли нарушены права авторов по статье 27 Пакта договоренностью по вопросу о рыболовстве, отраженной в Соглашении об урегулировании и Законе 1992 года об урегулировании претензий в области рыболовства по Договору Вайтанги. Бесспорно то, что авторы являются представителями меньшинства по смыслу статьи 27 Пакта; бесспорно и то, что использование рыбных ресурсов и контроль над ними является важным элементом их культуры. В этом контексте Комитет напоминает, что экономическая деятельность может подпадать под действие статьи 27, если она является важным элементом культуры той или иной общины¹⁴. Признание прав маори на рыбный промысел в Договоре Вайтанги подтверждает то обстоятельство, что осуществление этих прав является значительной частью культуры маори. Вместе с тем вопрос о совместимости Закона 1992 года с Договором Вайтанги не входит в сферу компетенции Комитета.

9.4 Вопрос о праве пользования своей культурой не может решаться абстрактно, он должен рассматриваться в определенном контексте. В частности, статья 27 не только защищает традиционные у меньшинств средства к существованию, но и предусматривает адаптацию этих средств к условиям современного образа жизни и соответствующего уровня технологии. В данном случае законодательство, введенное государством, различными способами сказывается на возможностях маори заниматься коммерческим и некоммерческим рыболовством. Вопрос состоит в том, составляет ли это отказ в правах. Ранее Комитет выносил следующее заключение:

"Понятно, что государство, возможно, стремится поощрять развитие или разрешать экономическую деятельность предприятий. Масштабы его свободы поступать таким образом следует определять с точки зрения не уровня ее понимания, а с учетом обязательств, которые оно взяло на себя по статье 27. Согласно статье 27, представителю меньшинства нельзя отказывать в его праве пользоваться своей культурой. Следовательно, меры, которые в силу своего воздействия сводятся к отказу в таком праве, несовместимы с обязательствами по статье 27. Однако меры, которые оказывают определенное ограниченное воздействие на образ жизни лиц, принадлежащих к тому или иному меньшинству, не обязательно означают отказ в праве, предусмотренном статьей 27"¹⁵.

9.5 Комитет ссылается на свое Замечание общего порядка по статье 27, согласно которому для осуществления права на пользование собственной культурой, особенно в случае коренных народов, от государства-участника может потребоваться принятие позитивных юридических мер и мер по обеспечению эффективного участия членов общин меньшинства в разработке решений, затрагивающих эти общины¹⁶. В своих прецедентных заключениях по Факультативному протоколу Комитет подчеркивал, что приемлемость или неприемлемость мер, затрагивающих имеющую серьезное культурное значение экономическую деятельность меньшинства или создающих препятствия для осуществления такой деятельности, зависит от того, имели ли члены этого меньшинства возможность участвовать в процессе принятия решений по этим мерам и будут ли они и далее с пользой заниматься своей традиционной экономической деятельностью¹⁷. Комитет признает, что Закон 1992 года об урегулировании претензий в области рыболовства по Договору Вайтанги и устанавливаемые им механизмы ограничивают права авторов на пользование их собственной культурой.

9.6 Комитет отмечает, что государство-участник организовало сложный процесс консультаций в целях обеспечения широкой поддержки маори в пользу общенациональной договоренности и административных положений по вопросам рыболовства. В консультациях участвовали общины и национальные организации маори, и их предложения действительно нашли отражение в структуре соглашения. Соглашение было введено в действие лишь после получения от представителей маори сообщения о том, что оно пользуется существенной поддержкой со стороны маори. Для многих маори принятый Закон обеспечивал приемлемое урегулирование их претензий. Комитет принял к сведению заявления авторов о том, что они и большинство членов их племен были несогласны с этим Соглашением и что права, принадлежащие им как членам маорийского меньшинства, были ущемлены. В подобных условиях, когда право отдельных лиц на пользование их собственной культурой вступает

в конфликт с параллельными правами других членов группы меньшинства или меньшинства в целом, Комитет может рассмотреть вопрос о том, соответствует ли рассматриваемое ограничение интересам всех членов меньшинства и существует ли разумное и объективное основание для его применения к лицам, настаивающим на том, что они оказались в неблагоприятном положении¹⁸.

9.7 Что касается последствий Соглашения, то Комитет отмечает, что до начала переговоров, которые привели к его заключению, суды выносили определения на тот счет, что квотная система хозяйствования может ущемлять права маори, поскольку на практике маори не имеют в ней своей доли и таким образом лишены доступа к своим рыбным ресурсам. В результате заключения Соглашения маори получили доступ к значительной доле квот и им были возвращены реальные права собственности на рыбные ресурсы. В области коммерческого рыболовства заключение этого Соглашения привело к тому, что полномочия маори и традиционные методы контроля, закрепленные в Договоре, были заменены новым механизмом контроля, причем в этой структуре маори имеют возможность не только сохранять свои интересы в области рыболовства, но и осуществлять реальный контроль. Что касается некоммерческого рыболовства, то обязательства Короны по Договору Вайтанги остались без изменений и были приняты административные положения, признающие и закрепляющие традиционные методы добычи продуктов питания.

9.8 В процессе консультаций было уделено особое внимание культурному и религиозному значению рыболовства для маори, и в частности обеспечению того, чтобы маори и их общины могли заниматься некоммерческим рыболовством. Испытывая озабоченность по поводу того, что рассматриваемое Соглашение и процесс урегулирования привели к возникновению разногласий среди маори, Комитет вместе с тем приходит к заключению, что, организовав процесс обширных консультаций до принятия законодательного акта и уделив особое внимание сохранению для маори возможности заниматься рыболовством, государство-участник предприняло необходимые шаги для обеспечения того, чтобы Соглашение об урегулировании вопроса о рыболовстве и связанные с ним законодательные механизмы, включая квотную систему хозяйствования, соответствовали положениям статьи 27.

9.9 Комитет подчеркивает, что государство-участник остается связанным статьей 27, которая требует, чтобы при осуществлении Закона об урегулировании претензий в области рыболовства по Договору Вайтанги уделялось должное внимание культурному и религиозному значению рыболовства для маори. Ссылаясь на соответствующие прецеденты¹⁹, Комитет подчеркивает, что для обеспечения соблюдения статьи 27 меры, затрагивающие экономическую деятельность маори, должны приниматься таким образом, чтобы авторы имели возможность продолжать пользоваться своей культурой, а также исповедовать свою религию и отправлять соответствующие религиозные обряды вместе с другими членами их группы. Государство-участник обязано учитывать это в ходе дальнейшего осуществления положений Закона об урегулировании претензий в области рыболовства по Договору Вайтанги.

9.10 Жалобы авторов по поводу прекращения судебных разбирательств в связи с их претензиями по вопросам рыболовства должны рассматриваться в свете вышеизложенных положений. Если чисто абстрактно решение

государства-участника о законодательном прекращении разбирательства дел, находящихся на рассмотрении судов, вызвало бы возражение и составляло бы нарушение права доступа к суду, то в конкретных условиях данного дела разбирательство было прекращено в рамках общенационального урегулирования тех самых претензий, которые находились на рассмотрении судов и рассмотрение которых было приостановлено до завершения переговоров. В этих условиях Комитет считает, что прекращение рассмотрения претензий, переданных авторами в суд, не составляет нарушения пункта 1 статьи 14 Пакта.

9.11 Что касается заявления авторов о том, что принятый Закон не позволяет им обращаться в суды с исками относительно объема их рыбного промысла, то Комитет отмечает, что пункт 1 статьи 14 предусматривает право доступа к суду для определения прав и обязанностей в гражданском процессе. В определенных условиях отсутствие в государстве-участнике суда, правомочного определять объем прав и обязанностей, может составлять нарушение пункта 1 статьи 14. В данном же случае Закон исключает из юрисдикции судов рассмотрение вопросов об обоснованности претензий маори в отношении коммерческого рыболовства на том основании, что этот Закон призван урегулировать эти претензии. В любом случае возможность судебного рассмотрения претензий маори по вопросам рыболовства была ограниченной и до принятия Закона 1992 года: права маори в области коммерческого рыболовства могли отстаиваться в судебном порядке лишь постольку, поскольку раздел 88 (2) Закона о рыболовстве прямо предусмотрел, что ничто в этом Законе не должно затрагивать права маори в области рыболовства. Комитет считает, что вне зависимости от того, подпадает ли рассмотрение претензии в отношении интересов в области рыболовства под определение гражданского процесса, Закон 1992 года содержит конкретные положения, аннулирующие претензии в области рыболовства по Договору Вайтанги. Вместе с тем другие аспекты права рыболовства по-прежнему дают право доступа к суду, например, в отношении распределения квот и применения административных положений, регламентирующих права традиционного рыболовства. Авторы не обосновали заявление о том, что в результате принятия новой законодательной основы они утратили доступ к суду по любому вопросу, подпадающему под действие пункта 1 статьи 14. В связи с этим Комитет считает, что представленные ему факты не свидетельствуют о нарушении пункта 1 статьи 14.

10. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что представленные ему факты не свидетельствуют о нарушении каких-либо статей Пакта.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Примечания

¹ Иви — племя, состоящее из нескольких хапу (общин).

² Адвокат утверждает, что текст на маорийском языке содержит более широкую гарантию по

сравнению с той, которая вытекает из английского текста при его простом прочтении. Он поясняет, что одно из наиболее важных различий в значении между этими двумя текстами касается гарантии — по тексту на маорийском языке — "te tino rangatiratanga" (полного контроля) над "taonga" (всем тем, что имеет для них важное значение), включая их рыболовецкие зоны и рыбопромысловые ресурсы. По словам адвоката, в гарантии rangatiratanga воплощены три основных элемента: защита социальных, культурных, экономических и духовных основ племенной жизни народа, признание духовного источника taonga и тот факт, что речь идет не только о контроле над собственностью, но и о лицах, связанных узами родства, и о их доступе к исконным ресурсам. Авторы настаивают на аутентичности текста Договора Вайтанги на маорийском языке.

³ Трибунал Вайтанги — это специализированный статутный орган, учрежденный Законом 1975 года о Договоре Вайтанги, имеющий статус следственной комиссии и уполномоченный, в частности, разбирать определенные претензии в отношении принципов Договора Вайтанги.

⁴ Хьюи — собрание.

⁵ Маре — место, отведенное для отправления традиционных обрядов маори.

⁶ В докладе указано также, что 15 иви в составе 24 501 маори выступили против урегулирования и в 7 группах иви, насчитывающих 84 255 маори, мнения разделились.

⁷ Национальный конгресс маори — неправительственная организация, объединяющая представителей до 45 иви, и Новозеландский совет маори — орган, представляющий окружные советы маори по всей Новой Зеландии.

⁸ Согласно утверждениям, были нарушены разделы 13 (свобода мысли, совести и религии), 14 (свобода выражения мнения), 20 (права меньшинств) и 27 (право на справедливое судебное разбирательство).

⁹ Сообщение № 167/1984; Соображения, принятые 26 марта 1990 года, CCPR/C/38/D/167/1984, пункт 32.2.

¹⁰ Рангатиранганга — правомочия, позволяющие распоряжаться материальной и нематериальной собственностью.

¹¹ Сообщение № 205/1986; Соображения, принятые 4 ноября 1991 года, CCPR/C/43/D/205/1986.

¹² Waitangi Tribunal, *Muriwhenua Fishing Report*, pp. 180-181, para 10.3.2.

-
- ¹³ См. Соображения Комитета по делу № 167/1984 (Оминьяк против Канады); Соображения, принятые 26 марта 1990 года, CCPR/C/38/D/167/1984.
- ¹⁴ См. в частности, Соображения Комитета по делу Китока против Швеции, сообщение № 197/1985, принятые 27 июля 1988 года, CCPR/C/33/D/197/1985, пункт 9.2. См. также Соображения Комитета по двум делам Лянсмана, сообщения № 511/1992, 26 октября 1994 года (CCPR/C/52/D/511/1992), и 671/1995, 30 октября 1996 года (CCPR/C/58/D/671/1995).
- ¹⁵ Соображения Комитета по делу № 511/1992, Лянсман и другие против Финляндии, CCPR/C/52/D/511/1992, пункт 9.4.
- ¹⁶ Замечание общего порядка № 23, принятое в ходе пятидесятой сессии Комитета в 1994 году, пункт 3.2.
- ¹⁷ Соображения Комитета по делу 511/1992, И. Лянсман и другие против Финляндии, пункты 9.6 и 9.8 (CCPR/C/52/D/511/1992).
- ¹⁸ См. Соображения Комитета по делу № 197/1985, Киток против Швеции, принятые 27 июля 1988 года, CCPR/C/33/D/197/1985.
- ¹⁹ См. Соображения Комитета по делу № 511/1992, И. Лянсман и другие против Финляндии, пункт 9.8, CCPR/C/52/D/511/1992.

Добавление

Особое мнение г-на Мартина Шейнина (частичное несогласие)

Я согласен с основными заключениями Комитета по этому делу в отношении статьи 27 Пакта. Вместе с тем я выражаю несогласие с пунктом 9.10 Соображений. На мой взгляд, тот факт, что общее урегулирование претензий, касающихся рыболовства, признано совместимым со статьей 27 на том основании, что были выполнены условия проведения эффективных консультаций и обеспечения для маори неизменной возможности осуществления значимых в культурном плане форм рыболовства, не освобождает государство-участник от выполнения обязательств по пункту 1 статьи 14. На мой взгляд, в данном случае имело место нарушение прав авторов по пункту 1 статьи 14 в том смысле, что:

- соответствующее законодательство имело следствием прекращение исковых разбирательств, возбужденных этими же авторами или их должным образом уполномоченными представителями;
- такое прекращение не было одобрено авторами или другими лицами, должным образом уполномоченными отзываться соответствующие иски; и
- в результате осуществления Закона об урегулировании претензий в области рыболовства по Договору Вайтанги и других мер, предусмотренных государством-участником, авторы, рассмотрение претензий которых было прекращено на условиях, указанных выше, не получили эффективного средства правовой защиты в соответствии с пунктом 3 статьи 2 Пакта.

[подпись] М. Шейнин

[Совершено на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

**В. Сообщение № 630/1995, Мазу против Камеруна
(Соображения, принятые 26 июля 2001 года,
семьдесят вторая сессия)***

Представлено: г-ном Абдулае Мазу

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Камерун

Дата сообщения: 31 октября 1994 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 26 июля 2001 года,

завершив рассмотрение сообщения № 630/1995, представленного Комитету по правам человека г-ном Абдулае Мазу в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание всю письменную информацию, представленную ему автором сообщения и государством-участником,

принимает следующее:

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автором сообщения от 31 октября 1994 года является камерунский гражданин г-н Абдулае Мазу, по профессии магистрат, который в настоящее время проживает в Яунде (Камерун). Он утверждает, что является жертвой нарушения Камеруном пункта 3 статьи 2, пункта 1 статьи 14 и пункта с) статьи 25 Международного пакта о гражданских и политических правах. Пакт и Факультативный протокол вступили в силу для Камеруна 27 сентября 1984 года.

Факты в изложении автора

2.1 После попытки государственного переворота, имевшей место в Камеруне в апреле 1984 года, автор, бывший в то время магистратом второго класса, 16 апреля 1984 года был арестован. Он подозревался в укрывательстве своего брата, который разыскивался полицией за участие в государственном перевороте. Яундский военный трибунал признал автора виновным и приговорил его к пяти годам лишения свободы. По утверждениям автора, предъявленные ему обвинения были ложными и в трибунале не было

---

* В рассмотрении настоящего сообщения участвовали следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Прафулладандра Натварлал Бхагвати, г-жа Кристина Шане, г-н Морис Глеле Аханханзо, г-н Луис Хенкин, г-н Эккарт Кляйн, г-н Давид Крецмер, г-н Раджсумер Лаллах, г-н Рафаэль Ривас Посада, г-н Найджел Родли, г-н Мартин Шейнин, г-н Иван Ширер, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Ахмед Тауфик Халиль, г-н Патрик Велла и г-н Максвелл Ялден.

представлено никаких доказательств и не был вызван ни один свидетель. Слушание дела носило закрытый характер¹.

2.2 В то время, когда автор содержался под стражей, Президент Республики 2 июня 1987 года подписал указ (№ 87/747) о его отрешении от должности генерального секретаря Министерства национального образования и Председателя Административного совета Национального управления по делам спорта. Этот указ не был мотивирован и, по мнению автора, был принят в нарушение статьи 133 Устава гражданской службы.

2.3 23 апреля 1990 года автор был освобожден, но был сослан под надзор в свой родной город Ягуа на крайнем севере Камеруна. Эти ограничения были отменены только в конце апреля 1991 года после принятия закона об амнистии № 91/002 от 23 апреля 1991 года. Вместе с тем на дату передачи сообщения президентский указ от 2 июня 1987 года оставался в силе, и автор не был восстановлен в своей должности.

2.4 12 июня 1991 года автор ходатайствовал перед Президентом Республики о своем восстановлении на гражданской службе. 18 июля 1991 года он подал министру юстиции апелляцию с просьбой об отмене президентского указа от 2 июня 1987 года. Не получив ответа, он 9 сентября 1991 года подал жалобу в Административную палату Верховного суда и попросил Верховный суд признать указ незаконным, а соответственно и подлежащим отмене. Как подчеркивает автор, несмотря на то, что в своей практике Верховный суд тяготеет к отмене таких указов, его дело по состоянию на 31 октября 1994 года так и не было разрешено.

2.5 4 мая 1992 года были опубликованы указы № 92/091 и № 92/092, регламентирующие процедуры восстановления и компенсации для бенефициаров закона об амнистии.

2.6 13 мая 1992 года автор подал министру юстиции просьбу о восстановлении в должности. В соответствии с указом № 92/091 его ходатайство было препровождено Комиссии по наблюдению за восстановлением на гражданской службе. 12 мая 1993 года эта Комиссия вынесла благоприятное заключение относительно восстановления автора в должности. Однако, по утверждениям автора, министр не последовал этой рекомендации.

2.7 22 сентября 1992 года автор возбудил разбирательство в Административной палате Верховного суда с целью оспорить указы № 92/091 и № 92/092. По мнению автора, эти указы были рассчитаны на то, чтобы заблокировать полноценное применение закона об амнистии от 23 апреля 1991 года, который, как он утверждает, предусматривал автоматическое восстановление. В момент представления его сообщения эта жалоба также еще не была рассмотрена.

2.8 В своем первоначальном сообщении автор заявлял, что с тех пор, как он был освобожден из тюрьмы, он так и не имеет работы. Он утверждал, что является жертвой преследований за свои убеждения и по причине своего этнического происхождения, добавляя, что другие бенефициары закона об амнистии были восстановлены в своих должностях.

2.9 Применительно к той же дате автор указывал, что с учетом молчания властей — и судебных, и политических — у него уже не остается никаких внутренних средств правовой защиты, к которым он мог бы прибегнуть.

2.10 Тем не менее, с тех пор как было представлено его сообщение, у автора произошла значительная эволюция в том, что касается его ситуации, ибо 16 апреля 1998 года он был восстановлен в своей должности вследствие постановления Верховного суда от 30 января 1997 года об отмене указа № 87/747, которым автор был отрешен от должности.

Содержание жалобы

3. По мнению автора, вышеизложенные факты представляют собой нарушение пункта 3 статьи 2, пункта 1 статьи 14 и пункта с) статьи 25 Пакта. Автор просит Комитет предписать государству-участнику восстановить автора на гражданской службе в ретроактивном порядке и выплатить ему возмещение в порядке компенсации за понесенный ущерб.

Замечания государства-участника

4. Своей запиской от 13 мая 1997 года государство-участник проинформировало Комитет, что Административная палата Верховного суда постановлением от 30 января 1997 года отменила указ № 87/747 (которым автор был отрешен от должности).

Решение Комитета относительно приемлемости

5.1 В ходе своей шестидесяти третьей сессии Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости сообщения.

5.2 Комитет тогда констатировал, что государство-участник не оспаривает приемлемости сообщения, но сообщило ему, что Верховный суд отменил указ об отрешении автора от должности. Вместе с тем государство-участник не указало, восстановлен ли автор в своей должности, и если да, то на каких условиях, а если нет, то по каким мотивам. Поэтому Комитет счел, что сообщение должно быть рассмотрено по существу.

5.3 Соответственно 6 июля 1998 года Комитет постановил, что сообщение является приемлемым.

Комментарии государства-участника по существу сообщения

6.1 Письмом от 10 августа 2000 года государство-участник препроводило свои замечания в отношении существа сообщения.

6.2 Государство-участник уточняет, что во исполнение решения Верховного суда от 30 января 1997 года автор сообщения 16 октября 1998 года был восстановлен в должности магистрата второго класса в министерстве юстиции и что выплата заработной платы ему произведена начиная с 1 апреля 1987 года, т.е. с даты, с которой он был сначала неправомерно отстранен от должности, а потом — отрешен.

Комментарии автора по существу сообщения

7.1 Письмом от 8 ноября 2000 года автор препроводил свои комментарии на замечания государства-участника.

7.2 Автор прежде всего подтверждает, что он действительно был восстановлен на работе в министерстве юстиции и что администрация действительно выплатила ему заработную плату за период с 1 апреля 1987 года.

7.3 Тем не менее автор считает, что администрация не учла всех последствий, вытекающих из решения Верховного суда от 30 января 1997 года. Учитывая, что это решение имеет обратную силу, автор полагает, что он имеет право на восстановление своего служебного роста, т.е. его восстановление на работе должно быть сопряжено с присвоением ему того ранга, который причитался бы ему в том случае, если бы он не был подвергнут отрешению от должности. Между тем, несмотря на его ходатайства на этот счет перед министерством юстиции, автор так и не добился принятия решения.

7.4 Автор также продолжает настаивать на выплате ему возмещения за тот ущерб, который он понес в результате своего отрешения от должности.

Рассмотрение Комитетом сообщения по существу

8.1 Комитет по правам человека в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола рассмотрел сообщение, принимая в расчет всю информацию, представленную в его распоряжение сторонами.

8.2 Комитет был проинформирован о том, что вследствие решения Верховного суда от 30 января 1997 года автор был восстановлен в должности и ему была ретроактивно выплачена заработная плата за период с даты его отрешения от должности. Вместе с тем, по-видимому, не оспаривается, что государство-участник не удовлетворило просьбу о выплате возмещения в порядке компенсации за понесенный ущерб и не произвело восстановления служебного роста автора, на который он мог бы претендовать, будучи восстановлен на работе в ранге, который причитался бы ему в том случае, если бы он не был подвергнут отрешению от должности.

8.3 Однако Комитет констатирует, что автор ограничился ссылкой на свои жалобы министерству юстиции в порядке переписки и не представил никаких доказательств на тот счет, что судебному ведомству действительно предлагалось вынести постановление по вопросу о выплате возмещения. Эта часть сообщения не соблюдает принцип исчерпания внутренних средств правовой защиты, как это предусмотрено в пункте 2 b) статьи 5 Факультативного протокола, и поэтому должна быть признана неприемлемой.

8.4 Что же касается утверждений автора о том, что государство-участник якобы нарушило в совокупности статьи 2 и 25 Пакта, то Комитет считает, что процедура, которая проходила в Верховном суде и которая завершилась принятием решения от 30 января 1997 года об удовлетворении просьбы автора, сформулированной им в его сообщении, носила запоздалый характер, что она имела место спустя более чем 10 лет после решения об отрешении от должности и за ней не последовало восстановления служебного роста автора в момент его восстановления в должности, что носило бы правомерный характер, с учетом решения от 10 января 1997 года об отмене указа. Таким образом, эта процедура не может рассматриваться в качестве

удовлетворительного средства правовой защиты с точки зрения статей 2 и 25 Пакта.

9. Соответственно государство-участник несет обязанность произвести восстановление служебного роста автора со всеми теми последствиями, которые отсюда вытекают в силу камерунского законодательства, и должно позаботиться о том, чтобы аналогичные нарушения не происходили впредь.

10. С учетом того, что, присоединяясь к Факультативному протоколу, государство-участник признало компетенцию Комитета устанавливать, имело ли место нарушение Пакта, и что в соответствии со статьей 2 Пакта оно обязалось гарантировать всем лицам, находящимся на его территории и под его юрисдикцией, права, признаваемые в Пакте, и в случаях, когда установлено нарушение, обеспечивать применение эффективного средства правовой защиты, Комитет хотел бы в течение 90 дней получить от государства-участника сведения о принятых мерах по реализации этих соображений. Государству-участнику также предлагается предать гласности соображения Комитета.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является французский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Примечания

¹ Примечание секретариата: автор не представил никаких документов, имеющих отношение к уголовному разбирательству. Сообщение в основном касается того, что автор не был восстановлен в своей должности.

**С. Сообщение № 675/1995, Тоала и др. против Новой Зеландии
(Соображения приняты 2 ноября 2000 года,
семидесятая сессия)***

<u>Представлено:</u>	г-ном Сималае Тоала и др. (представлено г-жой Олиндой Вудрофф)
<u>Предполагаемая жертва:</u>	авторы сообщения
<u>Государство-участник:</u>	Новая Зеландия
<u>Дата сообщения:</u>	19 октября 1995 года (первоначальное представление)
<u>Предыдущие решения:</u>	<ul style="list-style-type: none"> – решение Специального докладчика в соответствии с Правилom 91, препровожденное государству-участнику 21 декабря 1995 года (в форме документа не издавалось) – ССРР/С/63/Д/675/1995 — решение о приемлемости от 10 июля 1998 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 2 ноября 2000 года,

завершив рассмотрение сообщения № 675/1995, представленного в Комитет по правам человека г-ном Сималае Тоала и др. в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание всю письменную информацию, представленную ему авторами сообщения и государством-участником,

принимает следующее:

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Авторами сообщения являются г-н Сималае Тоала, г-жа Фааиу Тоала и их приемный сын Эка Тоала 1984 года рождения, г-н Пита Фата Миса Питоау Тофаеано и г-жа Ановале Тофаеано. На дату сообщения все авторы проживали в Новой Зеландии. Авторы утверждают, что они являются жертвами

---

* В рассмотрении настоящего сообщения участвовали следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Прафулладандра Натварлал Бхагвати, г-жа Кристина Шане, Лорд Колвилл, г-жа Элизабет Эват, г-жа Пилар Гайтан де Помбо, г-н Луис Хенкин, г-н Эккарт Кляйн, г-н Давид Крецмер, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Роман Верушевский, г-н Максвелл Ялден, г-н Абдалла Захья.

В добавлении к настоящему документу содержится текст отдельного мнения, подписанного членами Комитета Амором, Бхагвати, Гайтан де Помбо и Солари Иригойеном.

допущенных Новой Зеландией нарушений статей 2, пункт 1; 2, пункт 3; 12, пункт 4; 14, пункт 3; 17 и 26 Международного пакта о гражданских и политических правах. Авторы представлены г-жой Олиндой Вудрофф, новозеландская адвокатская контора, "Вудрофф энд Кейл".

Факты в изложении авторов

2.1 Все авторы сообщения родились в Западном Самоа: г-н Тоала родился в 1932 году, г-жа Тоала — в 1934 году, их приемный сын Эка Тоала — в 1984 году¹, г-н Тофаеано — в 1934 году и г-жа Тофаеано — в 1933 году. На момент составления сообщения указанные семьи проживали в Новой Зеландии, в которой недавно были изданы постановления об их высылке. Эти семьи скрылись в Новой Зеландии, стремясь избежать высылки. Авторы сообщения утверждают, что они являются гражданами Новой Зеландии и что действия правительства Новой Зеландии, направленные на их высылку из Новой Зеландии, представляют собой нарушения Пакта.

2.2 Г-н Тоала прибыл в Новую Зеландию в январе 1979 года, получив разрешение на временное проживание. В июле 1979 года он вернулся в Западное Самоа. В марте 1980 года он был осужден за "вступление в половую связь" в Западном Самоа и приговорен к двум годам лишения свободы. После отбытия девяти месяцев лишения свободы он был освобожден. В декабре 1986 года г-н Тоала снова прибыл в Новую Зеландию и несколько раз ходатайствовал о выдаче разрешения на постоянное жительство; его ходатайства были отклонены. В марте 1992 года в Новой Зеландии было издано постановление о его высылке в соответствии с положениями закона об иммиграции Новой Зеландии 1987 года (с внесенными поправками). В апреле 1992 года он обжаловал это постановление, приведя в качестве обоснования гуманитарные причины. В августе 1993 года Управление по пересмотру решений о высылке отклонило его ходатайство, после чего, пытаясь избежать высылки, г-н Тоала скрылся.

2.3 Г-жа Тоала и Эка прибыли в Новую Зеландию в июне 1986 года и получили разрешение на временное проживание, действие которого истекло в сентябре 1989 года. Она несколько раз ходатайствовала о предоставлении ей разрешения на постоянное жительство. Семь из ее восьми детей имеют право на постоянное жительство в Новой Зеландии, и некоторые из них являются гражданами. В апреле 1992 года были изданы постановления о высылке ее и ее приемного сына. В мае 1992 года она обжаловала эти постановления от своего имени и от имени своего сына, приведя в качестве обоснования гуманитарные причины. В августе 1993 года Управление по пересмотру решений о высылке отклонило эту апелляцию. Утверждается, что г-жа Тоала была проинформирована о том, что она не имеет права оставаться в Новой Зеландии в связи с осуждением ее мужа в Западном Самоа. Пытаясь избежать высылки, г-жа Тоала и ее сын скрылись.

2.4 Г-н и г-жа Тофаеано прибыли в Новую Зеландию в мае 1993 года и получили разрешения на проживание, которые были действительны до июня 1995 года. У г-на и г-жи Тофаеано 10 детей, пять из которых проживают в Новой Зеландии на законных основаниях. Утверждается, что г-н и г-жа Тофаеано отвечают критерию "воссоединения семьи" в Новой Зеландии, однако им отказывается в этом статусе на основании предполагаемых проблем

со здоровьем. Эта пара обжаловала постановление об их высылке в Управление по пересмотру решений о высылке. 28 июня 1996 года их апелляция была отклонена. Они вернулись в Западное Самоа, где г-н Тофаеано умер. Г-жа Тофаеано проживает в Западном Самоа.

2.5 Авторы утверждают, что они являются гражданами Новой Зеландии в соответствии с решением Судебного комитета Тайного совета по делу Леса против Генерального прокурора Новой Зеландии [1983] 2 A.C.20². В указанном случае Тайный совет пришел к выводу о том, что в соответствии с законом о гражданстве Великобритании и статусе иностранцев (в Новой Зеландии) 1928 года лица, родившиеся в Западном Самоа в период с 13 мая 1924 года по 1 января 1949 года (и их наследники) являются гражданами Новой Зеландии.

2.6 Утверждается, что решение по делу Леса, которое было принято Тайным советом в июле 1982 года, вызвало довольно негативную реакцию в Новой Зеландии. По оценкам, это решение должно затронуть около 100 000 самоанцев из их общего числа в 160 000 человек.

2.7 В связи с этим правительство Новой Зеландии приняло решение о проведении переговоров о принятии протокола к Договору о дружбе между Новой Зеландией и Западным Самоа. Этот протокол был ратифицирован обеими сторонами 13 сентября 1982 года. В течение одного месяца правительство Новой Зеландии приняло закон о гражданстве (Западное Самоа) 1982 года, в соответствии с которым Протокол вступил в силу в Новой Зеландии, а решение по делу "Леса" стало недействительным, за исключением самой г-жи Леса и очень ограниченного числа лиц.

Жалоба

3.1 Авторы утверждают, что закон о гражданстве (Западное Самоа) 1982 года, который привел к возникновению ситуации массового лишения гражданства, затронувшего 100 000 самоанцев, в нарушение пункта 4 статьи 12 и статьи 26 Пакта, лишает их законного гражданства Новой Зеландии.

3.2 Авторы утверждают, что в соответствии со статьей 53 Венской конвенции о праве международных договоров Протокол 1982 года является недействительным в той степени, в которой он вводит в действие закон 1982 года, поскольку он нарушает норму *jus cogens*, позволяя Новой Зеландии осуществлять расовую дискриминацию в отношении самоанцев.

3.3 В этой связи авторы ссылаются на заявления, сделанные Комиссией по правам человека Новой Зеландии в 1982 году, в соответствии с которыми "Комиссия по правам человека считает, что закон о гражданстве (Западное Самоа) приводит к отказу в осуществлении основополагающих прав человека, поскольку он направлен на лишение отдельной группы новозеландцев их гражданства в силу их полинезийского или самоанского происхождения. ... Закон в его нынешнем виде, к сожалению, приводит к расистским последствиям. Практические последствия, связанные с широкомасштабным въездом людей из Западного Самоа, противоречат принципу обеспечения права на гражданство...".

3.4 Авторы далее ссылаются на дебаты в парламенте, предшествовавшие принятию закона 1982 года, в обоснование своего утверждения о том, что указанный закон приводит к последствиям расистского характера. Они

приводят следующие выдержки из дебатов: "...Многие наши граждане имеют двойное гражданство, при этом большинство из них являются выходцами из Соединенного Королевства. ... Почти все люди, на которых распространяется этот закон, не являются белыми"; "Комиссия по правам человека обращает внимание на статью 12 Международного пакта о гражданских и политических правах. В соответствии с Пактом никто не может быть произвольно лишен права на въезд в свою собственную страну. Я был бы удивлен, если бы Новая Зеландия не нарушила этого права, отказав в праве выходцам из Западного Самоа, которые являются и всегда были новозеландскими гражданами, свободно въезжать в Новую Зеландию".

3.5 Авторы также ссылаются на заявление Главного судьи Новой Зеландии Райана³: "[Законодательство] однозначно дискриминирует лиц, которых Высший суд Новой Зеландии признал гражданами Новой Зеландии". Авторы далее ссылаются на обсуждение, касающееся первоначального доклада Новой Зеландии Комитету по правам человека от 11 января 1982 года, в ходе которого представители государства в связи с делом Леса сослались, в частности, на мандат, учрежденный Лигой Наций. Они отмечают, что в соответствии со сделанным заявлением жители подмандатных территорий не могут являться гражданами государства, управляющего мандатом.

3.6 Авторы имеют тесные связи с Новой Зеландией, при этом несколько детей из обеих семей проживают в Новой Зеландии. Г-н и г-жа Тоала имеют 8 детей, 7 из которых имеют разрешение на постоянное жительство в Новой Зеландии, и некоторые из них являются гражданами. Г-н и г-жа Тофаеано имеют 10 детей, 5 из которых живут в Новой Зеландии. Обе семьи характеризуются тесными семейными связями. Адвокат утверждает, что отказ в праве авторов сообщения на гражданство представляет собой нарушение их права на воссоединение семьи в соответствии со статьей 17 Пакта.

3.7 В связи с требованием об исчерпании внутренних средств правовой защиты авторы утверждают, что в Новой Зеландии нет средства правовой защиты для лица, права которого ущемляются законами, нарушающими или предположительно нарушающими Пакт. Закон, надлежащим образом принятый парламентом, не может быть объявлен недействительным каким-либо новозеландским судом или другим судебным органом. Авторы ссылаются на закон о билле о правах Новой Зеландии 1990 года, в соответствии с которым "В связи с принятием любого закона или распоряжения (принятого или утвержденного до или после вступления в силу настоящего Билля о правах) [ни один] суд а) не объявляет никакое положение принятого закона или распоряжения имплицитно отмененным или аннулированным или каким-либо иным образом недействительным или действительным; а также б) не отказывается применять любые положения принятого закона или распоряжения только на том основании, что его положения не соответствуют каким-либо положениям настоящего Билля о правах". Авторы утверждают, что эта статья толкуется как означающая, что любой закон, принятый до или после принятия закона о билле о правах 1990 года, имеет преимущественную силу по отношению к этому закону. Поскольку в названии закона о билле о правах содержатся ссылки на "приверженность Новой Зеландии к соблюдению Международного пакта о гражданских и политических правах", любой закон (принятый до или после принятия закона о билле о правах 1990 года) имеет

приоритет над любой гарантией, предусмотренной в Пакте и отраженной в законе о билле о правах 1990 года.

3.8 Авторы утверждают, что в силу отсутствия внутренних средств правовой защиты, которые могут быть исчерпаны в случае ущемления прав того или иного автора на основании того или иного закона, нарушающего Пакт, государство-участник нарушило статью 2, пункт 3, Пакта.

3.9 Кроме того, авторы утверждают, что факт отсутствия положения о юридической помощи в целях подготовки сообщений для представления в Комитет по правам человека в соответствии с законом о юридических услугах в Новой Зеландии 1991 года, представляет собой нарушение положений подпункта d) пункта 3 статьи 14 Пакта.

3.10 Наконец, авторы просят Комитет принять временные меры защиты, с тем чтобы предотвратить невозместимый ущерб и, в частности, предложить правительству Новой Зеландии не принимать никаких шагов по высылке авторов до принятия Комитетом решения по существу этого сообщения⁴.

Комментарии государства-участника и замечания адвоката по ним

4.1 В представлении от 6 июня 1996 года государство-участник утверждает, что рассматриваемое сообщение следует объявить неприемлемым в силу неисчерпания внутренних средств правовой защиты. Оно утверждает, что г-н Тоала, его жена и сын заявили о своем намерении ходатайствовать перед судами о проведении судебного пересмотра постановлений о высылке, в то время как два других автора, г-н и г-жа Тофаеono участвуют в разбирательстве в национальных судах. Что касается утверждения авторов об отсутствии у них внутренних средств правовой защиты, представляющем собой нарушение Пакта, то государство-участник утверждает, что причина, по которой авторы не могут воспользоваться средствами правовой защиты в связи со своими исками, заключается в том, что эти средства выходят за рамки Пакта, а не в том, что Новая Зеландия не предоставляет средств правовой защиты в случае возможных нарушений положений Пакта.

4.2 Государство-участник утверждает, что это сообщение следует объявить неприемлемым *ratione temporis*, поскольку Факультативный протокол вступил в силу для Новой Зеландии 26 августа 1989 года, а события, о которых говорится в жалобе авторов, произошли в 1982 году. Государство-участник также утверждает, что Комитет был бы компетентен рассматривать это дело только при наличии длящихся последствий, которые сами по себе представляют нарушение Пакта, а государство-участник категорически отрицает факт существования таких длящихся последствий.

4.3 Государство-участник далее утверждает, что это сообщение следует объявить неприемлемым *ratione materiae* как несовместимое с положениями Пакта. В связи с заявлениями по пункту 4 статьи 12 Пакта государство-участник утверждает, что жалоба авторов по сути представляет собой оспаривание решения об отказе в выдаче разрешения на жительство авторам, желающим остаться в Новой Зеландии, а также постановления о высылке, однако вместо этого авторы оспаривают закон 1982 года. Государство-участник оспаривает утверждения о том, что авторы в любом случае были лишены возможности въехать в свою собственную страну, поскольку они всегда

являлись выходцами из Западного Самоа, и их право на въезд в Западное Самоа никак не ограничивалось.

4.4 В связи с утверждением о нарушении статьи 17 и права на семейную жизнь в случаях г-на и г-жи Тоала и их сына государство-участник отмечает, что при принятии решения по ходатайству авторов о выдаче разрешения на жительство оно приняло во внимание семейные проблемы. Вместе с тем, поскольку основной заявитель являлся мигрантом, которому было запрещено проживание стране, этой семье было отказано в разрешении на жительство.

4.5 Что касается утверждения о нарушении пункта 3 статьи 14 Пакта в связи с отказом государства-участника предоставить юридическую помощь в целях рассмотрения их претензии в Комитете по правам человека, то государство-участник утверждает, что пункт 3 статьи 14 относится только к уголовным обвинениям. Кроме того, Факультативный протокол или его правила процедуры не предусматривают требования о предоставлении юридической помощи автору сообщения.

4.6 В связи с утверждением о дискриминации по признаку расы, представляющей собой нарушение статьи 26 juncto пункта 1 статьи 2 Пакта на том основании, что закон 1982 года относится только к выходцам Западного Самоа, государство-участник указывает, что этот закон был принят для устранения недостатка в законодательстве Новой Зеландии, о котором говорится в постановлении Тайного совета по делу Леса, относящемуся исключительно к лицам, родившимся в Западном Самоа в период с 1924 по 1949 год. Государство-участник утверждает, что если бы Тайный совет установил, что какой-либо иной группе лиц, не имеющих реальной и действительной связи с Новой Зеландией, также ошибочно был предоставлен статус граждан Новой Зеландии, то в отношении этих лиц был бы применен аналогичный подход.

5. Адвокат еще раз приводит изложенные в первоначальном сообщении утверждения об отказе в доступе в свою собственную страну, лишении гражданства, дискриминации при возможном получении разрешения на жительство и отказе в праве на воссоединении семьи.

Решение Комитета по вопросу о приемлемости

6.1 Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости сообщения на своем 63-м заседании.

6.2 В связи с утверждением о том, что право авторов в соответствии с пунктом 3 статьи 14 было нарушено, поскольку Новая Зеландия не предоставила юридической помощи для представления сообщения в Комитет по правам человека, Комитет отметил, что статья 14 относится исключительно к внутренним процедурам и что в Пакте или Факультативном протоколе нет отдельного положения, предусматривающего обязательство предоставлять юридическую помощь заявителям в соответствии с Факультативным протоколом. В рассматриваемом случае Комитет пришел к выводу о том, что авторы не имеют претензий в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола и, соответственно, эта часть сообщения является неприемлемой.

6.3 Авторы заявили, что, согласно постановлению по делу Леса, они являются гражданами Новой Зеландии и, следовательно, имеют право

свободно въезжать на территорию Новой Зеландии и проживать в ней, несмотря на закон 1982 года, на основании которого они были лишены гражданства Новой Зеландии. Указанный закон был принят в 1982 году после того, как Новая Зеландия ратифицировала Международный пакт о гражданских и политических правах, но до того, как она ратифицировала Факультативный протокол в 1989 году. Комитет, однако, считает, что указанный закон может иметь длящиеся последствия, которые сами по себе могут представлять нарушения в соответствии с пунктом 4 статьи 12 Пакта. Вопрос о том, являются ли эти длящиеся последствия нарушением Пакта, следует рассмотреть по существу. Таким образом, Комитет считает, что у него нет основания *ratione temporis* для отказа от объявления этого сообщения приемлемым.

6.4 В связи с заявлениями авторов по статьям 17 и 26 Пакта о том, что они имеют право оставаться в Новой Зеландии, несмотря на постановления о высылке, а также право на воссоединение семьи без дискриминации, Комитет принял к сведению утверждение государства-участника о том, что это сообщение следует объявить неприемлемым в связи с неисчерпанием внутренних средств правовой защиты. Комитет не считает, что любые средства правовой защиты, которые, возможно, еще остаются в распоряжении авторов, позволили бы предотвратить их высылку. В связи с этими утверждениями, таким образом, могут возникнуть вопросы по статьям 17 и 26 Пакта, а также по статье 23, которые следует рассмотреть по существу. В связи с этими утверждениями также могут возникнуть вопросы по статье 16 Пакта в отношении г-жи Тоала и ее сына Эки Тоалы, поскольку они рассматриваются не как лица в своем собственном качестве, а как родственники г-на Тоалы, считающегося незаконным мигрантом в силу совершения уголовного преступления в Западном Самоа; эти вопросы следует рассмотреть по существу. Комитет пришел к выводу о том, что его компетенция позволяет ему рассмотреть это сообщение в соответствии с пунктом 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

6.5 Государству-участнику и адвокату авторов было предложено проинформировать Комитет о том, позволяют ли правовые средства, которые могли бы быть использованы или использовались авторами, приостановить их высылку.

7. 10 июля 1998 года Комитет по правам человека решил, что рассматриваемое сообщение является приемлемым, поскольку в связи с ним возникают вопросы по пункту 4 статьи 12, статьям 17, 23 и 26 в отношении всех заявителей и по статье 16 Пакта в отношении г-жи Тоала и ее сына Эки Тоалы.

Представление государства-участника по существу сообщения и замечания по нему авторов сообщения

8.1 В своем представлении от 12 февраля 1999 года государство-участник отмечает, что в основу жалоб авторов положено утверждение о том, что, принимая закон о гражданстве (Западное Самоа) 1982 года, правительство Новой Зеландии действовало произвольно в нарушение соответствующих норм и не соблюдая положения Пакта.

8.2 Государство-участник приводит подробную информацию, свидетельствующую о том, что Западное Самоа в целом не считается доминионом Ее Величества и что жители Западного Самоа в течение рассматриваемого периода не считались британскими подданными/новозеландскими гражданами, соответственно, и рассматривались как лица, имеющие иной специальный статус, соответствующий особому характеру мандата и опеки. Государство-участник далее утверждает, что на момент и со времени достижения независимости в 1962 году жители Западного Самоа, как предполагалось, обладали и должны обладать гражданством только Западного Самоа и что законодательные меры, принятые правительством Новой Зеландии в 1982 году (после консультации с правительством Западного Самоа и при его согласии) для исправления ошибок, допущенных при рассмотрении дела Леса, были направлены на урегулирование возникшей в связи с этим делом важной и абсолютно неожиданной проблемы двойного гражданства. Государство-участник далее отмечает, что его действия в этой связи были основаны на разумных и объективных критериях в соответствии с общим международным правом и преследовали основную цель, не противоречащую положениям Пакта (включая статью 1 о самоопределении), и, следовательно, не представляют дискриминации в отношении затрагиваемых лиц, запрещенной Пактом. Государство-участник соответственно утверждает об отсутствии нарушения статей 26 и 2, пункт 1, Пакта.

8.3. Что касается пункта 4 статьи 12 Пакта, то государство-участник отмечает, что авторы сообщения, не являющиеся гражданами Новой Зеландии, подпадают под действие закона об иммиграции Новой Зеландии 1987 года, в соответствии с которым было издано постановление об их высылке из Новой Зеландии, что авторы имеют право въехать в Западное Самоа и что они, соответственно, не были произвольно лишены права на въезд в их собственную страну в нарушение пункта 4 статьи 12.

8.4 В связи с замечаниями авторов и Комитета по правам человека о том, что закон о гражданстве Новой Зеландии 1982 года может повлечь за собой "длющиеся последствия", которые сами по себе представляют нарушение пункта 4 статьи 12 Пакта, государство-участник сообщает о своей позиции, в соответствии с которой такие длющиеся последствия отсутствуют, и, следовательно, эта часть сообщения должна быть объявлена неприемлемой *ratione temporis*.

8.5 Что касается пункта 1 статьи 17 Пакта, то государство-участник отмечает, что на г-на и г-жу Тоала и Эку Тоала, не являющихся гражданами Новой Зеландии, распространялось действие положений закона об иммиграции 1987 года и что их семейное положение было тщательно и всесторонне рассмотрено новозеландскими властями, включая компетентный апелляционный суд (Управление по пересмотру решений о высылке), который пришел к выводу об отсутствии достаточных оснований для отмены решения об их высылке. Государство-участник утверждает, что постановление о высылке в отношении авторов не является произвольным или незаконным вмешательством в семейную жизнь Тоала в нарушение положений пункта 1 статьи 17 Пакта.

8.6 В связи со статьей 2, пункт 3, Пакта государство-участник отмечает, что авторы сообщения не обосновали свое общее утверждение об отсутствии в

Новой Зеландии внутренних средств правовой защиты, которые могут быть исчерпаны в том случае, если права автора ущемляются на основании закона, нарушающего или, как утверждается, нарушающего положения Пакта. В этой связи государство-участник ссылается на ряд решений судов Новой Зеландии, содержащие ссылки на положения Пакта. Государство-участник утверждает, что авторы сообщения заблуждаются, утверждая в общих словах, что "в Новой Зеландии нет средств правовой защиты для лица, права которого ущемляются на основании того или иного закона, нарушающего или, как утверждается, нарушающего положения Пакта".

8.7 Государство-участник далее отмечает, что в любом случае в соответствии с Факультативным протоколом заявители не имеют права утверждать это без достаточных оснований, поскольку в соответствии с Факультативным протоколом заявители должны доказать наличие непосредственного и конкретного ущемления их прав в данном случае в форме отсутствия эффективного средства правовой защиты — в нарушение той или иной статьи Пакта. В связи с утверждением авторов об отсутствии у них эффективного средства правовой защиты в отношении статьи 6 закона о гражданстве (Западное Самоа) 1982 года, в соответствии с которым указанная группа жителей Западного Самоа лишается гражданства Новой Зеландии, государство-участник утверждает, что, поскольку эта мера, как таковая, не нарушает ни одной из статей Пакта, вопрос об отсутствии эффективного средства правовой защиты в отношении действия указанной статьи, рассмотрению не подлежит.

8.8 В связи с выраженной Комитетом по правам человека просьбой к правительству Новой Зеландии и адвокату авторов проинформировать Комитет о том, могут ли любые средства правовой защиты, которые могли иметься или были в распоряжении авторов, привести к приостановке их высылки, государство-участник приводит информацию о следующих процедурах, которые применяются в соответствии с законом об иммиграции 1987 года в отношении лиц, на которых распространяется действие постановления о высылке. К их числу относятся:

- Апелляция в Управление по пересмотру решений о высылке, подаваемая в течение 42 дней со дня издания постановления о высылке. Апелляция в Управление по пересмотру решений о высылке может быть подана либо на основании того, что данное лицо находится в Новой Зеландии на законных основаниях, или на основании исключительных обстоятельств гуманитарного характера. Постановление о высылке не может быть исполнено до рассмотрения апелляции в Управлении по пересмотру решений о высылке.
- Постановление Управления по пересмотру решения о высылке может быть обжаловано в Высоком суде исключительно в связи с вопросами юридического характера и в течение 28 дней после уведомления данной стороны о постановлении Управления по пересмотру решений о высылке. Постановление о высылке не может быть исполнено до рассмотрения такой апелляции.
- После принятия судебного решения та или иная сторона может обжаловать постановление Высокого суда в Апелляционном суде с точки

зрения вопросов права. Исполнение постановления о высылке приостанавливается до рассмотрения этой апелляции.

- Та или иная сторона может также ходатайствовать перед Высоким судом о судебном пересмотре постановления Управления по пересмотру решения о высылке. Может быть подано ходатайство о временном приостановлении исполнения постановления о высылке. Ограничения по времени для подачи такой апелляции не предусмотрены. Постановление Высокого суда может быть также обжаловано в Апелляционном суде как ошибочное с точки зрения права.
- Та или иная сторона может также ходатайствовать об издании специального распоряжения министра по вопросам иммиграции. Заявители могут воспользоваться этой возможностью даже в случае исчерпания всех остальных законных средств.

8.9 Что касается степени, в которой авторы сообщения воспользовались вышеуказанными процедурами, то государство-участник отмечает, что г-н и г-жа Тоала и их сын Эка Тоала обжаловали решение об их высылке в Управление по пересмотру решений о высылке. Их апелляции были отклонены Управлением по пересмотру решений о высылке 13 августа 1993 года. Г-н и г-жа Тофаеано также обжаловали решение об их высылке в Управление по пересмотру решений о высылке. Управление отклонило их апелляцию 28 июня 1996 года. Никто из вышеупомянутых авторов не обжаловал постановление Управления по пересмотру решений о высылке в Высоком суде и не возбудил процедуру судебного пересмотра упомянутых постановлений. В апреле 1995 года представитель г-н Тофаеано проинформировал Службу иммиграции Новой Зеландии (СИНЗ) о подготовке дела для судебного пересмотра. Это дело не было зарегистрировано. В 1993 году представитель г-на Тоалы уведомил СИНЗ о том, что г-н Тоала и г-жа Тоала будут ходатайствовать о пересмотре в судебном порядке постановления Управления по пересмотру решений о высылке. Такое ходатайство подано не было, и в 1994 году постановление о высылке в отношении семьи Тоала снова вступило в силу. После вынесения постановлений Управления по пересмотру решений о высылке соответственно в 1993 и 1996 годах ходатайство министру иммиграции об издании специального разрешения в соответствии со статьей 130 закона об иммиграции 1987 года подала только семья Тоала. Это ходатайство от 13 января 1999 года направлено с целью добиться отмены постановлений о высылке в отношении Тоала и предоставления им разрешения на жительство, с тем чтобы они могли оставаться в Новой Зеландии на законных основаниях до завершения рассмотрения настоящего сообщения в Комитете по правам человека.

8.10 Что касается замечания Комитета по правам человека⁵ о том, что рассматриваемое сообщение может привести к возникновению вопросов по статье 16 Пакта в отношении г-жи Тоала и ее сына Эки Тоалы, то государство-участник утверждает, что в связи со статьей 16 Пакта ни сами авторы, ни их представители жалобы не подавали. Государство-участник также отмечает, что члены семьи Тоала, ссылаясь на закон об иммиграции, имели и имеют право на признание в качестве отдельных лиц, однако в 1987 году и вновь в 1989 году они предпочли ходатайствовать о выдаче разрешения на постоянное жительство в Новой Зеландии, решив воспользоваться правительственной

политикой в области обеспечения жительства семей, в качестве семьи, а не отдельных лиц, добровольно отказавшись тем самым от указанного права.

8.11 Государство-участник утверждает, что в соответствии с законом и положением об иммиграции члены семьи не обязаны подавать совместное ходатайство; супруг и дети могут быть указаны в ходатайстве заявителя, и в этом случае последний становится основным заявителем. Г-жа Тоала и Эка Тоала могли бы рассматриваться сами по себе как основные заявители, если бы они подали отдельные ходатайства. Государство-участник объясняет, что в случае подачи общего ходатайства основным заявителем является лицо, в отношении которого применяются обычные критерии политики в области проживания, хотя все лица, включенные в ходатайство должны соответствовать требованиям в отношении репутации и здоровья. Основным заявителем в указанном ходатайстве о разрешении на жительство, в которое были включены г-жа Тоала и Эка Тоала, был г-н Тоала, который, однако, не удовлетворял требованиям в отношении репутации. Государство-участник отмечает, что выбор, который добровольно сделали г-жа Тоала и г-н Тоала в целях получения выгоды от учета семейных обстоятельств по законодательству об иммиграции, определил подход иммиграционных служб Новой Зеландии, рассматривавших их в качестве одной группы, и действия новозеландских властей в связи с этим не представляют по отношению к ним никакого нарушения статьи 16 Пакта. Государство-участник далее указывает, что постановления о высылке были изданы отдельно в отношении г-на Тоалы и г-жи Тоала и Эки, соответственно. Эти постановления были отдельно обжалованы г-ном Тоалой и г-жой Тоала и Экой в Управлении по пересмотру решений о высылке. В своем постановлении от 13 августа 1993 года Управление конкретно сослалось на дело г-на Тоалы и отметило, что "дела его жены и сына" были "всесторонне рассмотрены".

9.1 В своих замечаниях адвокат указывает, что конфликт между Новой Зеландией и авторами сообщения по-прежнему не урегулирован. Она утверждает, что основная часть представления государства-участника посвящена оспариванию постановления Тайного совета по делу Леса против Генерального прокурора Новой Зеландии.

9.2 Адвокат напоминает первоначальное утверждение о том, что авторы являются самоанцами и что Судебный комитет Тайного совета указал, что Новая Зеландия является собственной страной авторов. Она утверждает, что, приняв закон, лишавший авторов новозеландского гражданства, Новая Зеландия отнесла авторов к категории иностранцев, которых новозеландское правительство может на законных основаниях выслать из Новой Зеландии. В этой связи она отмечает, что авторы были лишены их прав, предусмотренных в пункте 4 статьи 12 Пакта. Адвокат заявляет, что в соответствии с пунктом 4 статьи 12 никто не может быть лишен полученного гражданства, если лишение гражданства означает ограничение прав на въезд в страну гражданства. Именно такое ограничение новозеландский парламент ввел в отношении многих самоанцев, включая авторов.

9.3 В связи с утверждениями, касающимися статей 17, 23 и 26, адвокат напоминает о заявлениях, содержащихся в первоначальном представлении, в соответствии с которыми авторы подверглись дискриминации в силу своего полинезийского происхождения, а Управление по пересмотру решений о

высылке не учло должным образом семейные и гуманитарные обстоятельства дела авторов.

9.4 Что касается исчерпания внутренних средств правовой защиты, то адвокат напоминает, что, поскольку аргументы авторов против их высылки основаны на недействительности закона о гражданстве (Западное Самоа) 1982 года и поскольку новозеландское законодательство не предусматривает судебного пересмотра того или иного закона, авторы не располагают таким средством правовой защиты, как пересмотр в судебном порядке.

Рассмотрение вопроса о приемлемости

10. Комитет отмечает, что государство-участник представило информацию о процедурах, которыми могут воспользоваться авторы в целях судебного пересмотра постановления Управления по пересмотру решений о высылке. Хотя авторы указали, что они намерены воспользоваться этой процедурой, фактически этого сделано не было. Авторы не привели оснований своего отказа от использования этих средств правовой защиты в связи со своим утверждением о том, что их высылка из Новой Зеландии будет представлять собой нарушение их прав, предусмотренных в статьях 17 и 23, а в отношении г-жи Тоала и ее сына Эки Тоалы — статьи 16 Пакта. С учетом этих обстоятельств Комитет считает, что авторы в этой связи не исчерпали имеющихся внутренних средств правовой защиты. Комитет соответственно, согласно пункту 4 правилу 93 своих правил процедуры, пересматривает свое решение о приемлемости и объявляет эту часть сообщений неприемлемой, согласно пункту 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

Рассмотрение существа дела

11.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами, в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

11.2 В связи с ходатайством авторов о въезде и проживании в Новой Зеландии Комитет отмечает, что решение по этому ходатайству зависит от того, является или являлась ли Новая Зеландия в любой момент времени собственной страной авторов в соответствии с пунктом 4 статьи 12 и, если являлась, были ли авторы произвольно лишены права на въезд в Новую Зеландию. В этой связи Комитет отмечает, что ни один из авторов в настоящее время не является гражданином Новой Зеландии и в соответствии с новозеландским законодательством не имеет право на это гражданство. Комитет также отмечает, что все авторы являются гражданами Западного Самоа в соответствии с законом о гражданстве этой страны, действующим с 1959 года.

11.3 Комитет отмечает, что в соответствии с решением по делу "Леса" 1982 года четырех указанных авторов следует считать гражданами Новой Зеландии со дня их рождения. Пятый автор, Эка Тоала, родился в 1984 году, и решение по делу "Леса" на него не распространяется. Четыре автора, имевшие гражданство Новой Зеландии в соответствии с постановлением по делу "Леса", в силу этого факта имели право на въезд в Новую Зеландию. После того, как авторы были лишены гражданства Новой Зеландии в соответствии с законом 1982 года, им было отказано в праве на въезд в Новую Зеландию в качестве

граждан. В последующем процедуры их въезда в Новую Зеландию регулировались иммиграционным законодательством Новой Зеландии.

11.4 В замечании общего порядка Комитета по статье 12 указывается, что "государство-участник не должно лишать то или иное лицо гражданства или высылать то или иное лицо в третью страну, произвольно препятствовать этому лицу возвращаться в свою собственную страну". В этом случае Комитет считает, что обстоятельства, в которых авторы получили и затем утратили гражданство Новой Зеландии, должны рассматриваться в контексте вопросов, возникающих по пункту 4 статьи 12.

11.5 Комитет отмечает, что в 1982 году у авторов не было связи с Новой Зеландией в силу рождения, происхождения от любого новозеландца, связей с Новой Зеландией или проживания в Новой Зеландии. Они не знали о каком-либо требовании в отношении гражданства Новой Зеландии на момент принятия постановления по делу "Леса" и добровольно получили гражданство Новой Зеландии. За исключением г-на Тоалы, никто из авторов никогда не проживал в Новой Зеландии. С учетом всех этих обстоятельств можно поставить под сомнение утверждение о том, что Новая Зеландия не стала "собственной страной" в соответствии с постановлением по делу "Леса". Однако в любом случае Комитет не считает, что лишение их гражданства Новой Зеландии носило произвольный характер. Помимо уже упомянутых обстоятельств, никто из авторов не проживал в Новой Зеландии в период со дня принятия постановления по делу "Леса" до даты вступления в силу закона 1982 года. Они никогда не ходатайствовали о предоставлении им новозеландского паспорта и не пытались осуществить какие-либо права в качестве граждан Новой Зеландии. Комитет, следовательно, считает, что в случае авторов не было допущено нарушения пункта 4 статьи 12.

11.6 Что касается утверждения о том, что закон 1982 года носит дискриминационный характер, то Комитет отмечает, что этот закон применяется только в отношении тех выходцев из Западного Самоа, которые не проживают в Новой Зеландии, и что авторы на указанный момент не проживали в Новой Зеландии и не имели связей с этой страной. Нет никаких оснований считать, что применение этого закона в отношении авторов носило дискриминационный характер в нарушение статьи 26 Пакта.

12. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что представленные ему факты не позволяют говорить о нарушении какой-либо из статей Пакта.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Примечания

¹ Сообщается, что Эка Тоала был усыновлен г-ном и г-жой Тоала и в качестве наследника получил все принадлежащие им права; приводится ссылка на статью 16 (2) закона об усыновлении Новой Зеландии 1955 года: "Приемный ребенок становится ребенком

приемного родителя, а приемный родитель становится родителем ребенка, аналогично ребенку, рожденному в браке".

² Решение вынесено 28 июля 1982 года.

³ Конституционная ссылка In re: Application by Father Ioane Vito and Others [1988], S.P.L.R. 429 at 435.

⁴ Комитет отказался принимать такие меры.

⁵ См. пункт 6.4 выше.

Добавление

Особое мнение Абдельфаттаха Амора, Прафуллачандры Натварлала Бхагвати, Пилар Гайтан де Помбо и Иполито Солари Иригойена

Большинство членов Комитета рассмотрели вопрос о приемлемости сообщения и пришли к выводу о том, что с учетом неисчерпания внутренних средств правовой защиты это сообщение следует считать неприемлемым. Мы не можем следовать этому, представляющемуся упрощенным подходу, позволяющему избежать принятия решения по существу дела, рассмотрение которого может привести к довольно неудобному результату. Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости на этапе принятия сообщения и счел это сообщение приемлемым, в частности, в соответствии со статьями 17 и 23. Мы не видим никаких причин менять это решение. Мы рассмотрели дело Тавита против министра иммиграции [1994] и дело Пулиувеа против Управления по пересмотру решений о высылке [1996]. Мы установили, что в этих случаях решение министра по вопросам иммиграции в одном случае и решение Управления по пересмотру решений о высылке — в другом — были обжалованы в Апелляционном суде по существу на том основании, что они представляют собой нарушения международных обязательств, взятых на себя Новой Зеландией. Однако в рассматриваемом случае в связи с утверждением, относящимся к пункту 4 статьи 12 Пакта, авторы столкнулись с таким препятствием, как парламентское законодательство Новой Зеландии, в связи с чем возникают большие сомнения в том, что Апелляционный суд был бы полномочен проигнорировать тот или иной парламентский закон и удовлетворить ходатайство авторов. Кроме того, постановление Управления по пересмотру решений о высылке было издано в августе 1992 года, и на этот момент было крайне сомнительно, чтобы новозеландские суды при отсутствии внутреннего законодательства соблюдали международные обязательства Новой Зеландии. Решение по делу Тавит, проясняющее сложившуюся ситуацию, было принято только в 1994 году, однако к этому времени срок подачи апелляции в Апелляционный суд в соответствии со статьей 115А уже истек. В связи с этим мы считаем, что настоящее сообщение не следует рассматривать неприемлемым на основании неисчерпания внутренних средств правовой защиты.

Мы отмечаем, что у г-на Тоала и г-жи Тоала нет детей в Западном Самоа, которые могут обеспечить уход за ними, и что уход может быть предоставлен только детьми, проживающими в Новой Зеландии. У авторов сообщения, которые проживают в Новой Зеландии с 1986 года, сложились прочные семейные связи с этой страной. Отказ государства-участника урегулировать ситуацию с проживанием всех трех авторов в основном основан на судимости г-на Тоалы в 1980 году. Имеющиеся у Комитета материалы не позволяют говорить о том, что фактору семейных связей авторов было уделено надлежащее внимание. Мы считаем, что с учетом особых обстоятельств этого дела отказ авторам в разрешении на жительство в Новой Зеландии со взрослыми/детьми г-на и г-жи Тоалы, которые являются единственными лицами, способными обеспечить уход, носит несоразмерный характер и, следовательно, будет представлять собой произвольное вмешательство в их

семейную жизнь. Мы, следовательно, считаем, что в отношении г-на и г-жи Тоала и их сына Эки было допущено нарушение статей 17 и 23.

(Подпись) Абдельфаттах Амор

(Подпись) Прафуллачандра Натварлал Бхагвати

(Подпись) Пилар Гайтан де Помбо

(Подпись) Иполито Солари Иригойнен

[Совершено на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

**D. Сообщение № 687/1996, Рохас Гарсиа против Колумбии
(Соображения приняты 3 апреля 2001 года,
семьдесят первая сессия)***

Представлено: г-ном Рафаэлем Армандо Рохасом Гарсией

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Колумбия

Дата сообщения: 30 августа 1995 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах:

на своем заседании 3 апреля 2001 года,

рассмотрев сообщение № 687/1996, представленное г-ном Рафаэлем Армандо Рохасом Гарсией в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание всю информацию, представленную в письменной форме автором сообщения и государством-участником,

принимает следующее:

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автором сообщения является Рафаэль Армандо Рохас Гарсиа, гражданин Колумбии, представляющий сообщение от своего имени, от имени своей престарелой матери, двух своих детей, брата и двух сестер, трех племянниц и служанки. Они утверждают, что стали жертвами допущенных Колумбией нарушений статьи 7, подпункта а) пункта 3 статьи 14, пунктов 1 и 2 статьи 17 и подпункта а) пункта 3 статьи 19, а также статей 23 и 24 Международного пакта о гражданских и политических правах. В связи с изложенными фактами может также возникнуть вопрос в связи с пунктом 1 статьи 9 Пакта.

Факты в изложении автора

---

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисукэ Андо, г-н Прафуллачандра Натварлал Бхагвати, г-жа Кристина Шане, г-н Эккарт Кляйн, г-н Давид Крецмер, г-н Раджсумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Найджел Родли, г-н Мартин Шейнин, г-н Иван Ширер, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Ахмед Тауфик Халиль, г-н Патрик Велла, г-н Макссуэлл Ялден.

В соответствии с правилом 85 правил процедуры Комитета г-н Рафаэль Ривас Посада в рассмотрении дела не участвовал.

В приложении к настоящему документу приводится особое мнение членов Комитета г-на Нисукэ Андо и г-на Ивана А. Ширера.

2.1 5 января 1993 года в 2 час. 00 мин. группа вооруженных лиц в штатском, являющихся сотрудниками следственного отдела прокуратуры, ворвались в дом автора, проникнув туда через крышу. Они обыскали все помещения, запугивая и оскорбляя при этом членов семьи автора, включая малолетних детей. В ходе обыска один из сотрудников произвел выстрел из огнестрельного оружия. Два других сотрудника прокуратуры вошли в дом через главный вход; один из них составил акт обыска и заставил подписать этот акт единственного присутствовавшего члена семьи мужского пола (Альваро Рохаса), не разрешив ему ознакомиться с актом и не выдав ему копии. Когда Альваро Рохас задал вопрос о причинах столь грубых действий сотрудников, ему предложили обратиться к прокурору Карлосу Фернандо Мендосе. Семья автора была затем проинформирована о том, что обыск был произведен в рамках расследования убийства мэра Бочалемы Сиро Альфонсо Кольменареса.

2.2 В тот же день Альваро Рохас подал жалобу в прокуратуру провинции Кукуты в связи с незаконным нарушением неприкосновенности своего жилища. Официальные власти возбудили расследование, которое не только не было проведено должным образом, но и было просто прекращено 3 ноября 1993 года. О факте прекращения дела автор проинформирован не был. Автор подал новую жалобу в Национальную генеральную прокуратуру, прокурорский отдел судебной и административной полиции Боготы. Следствие по этой жалобе также было прекращено 24 июня 1994 года, предположительно на основе принципа *non bis in idem*. Автор заявляет, что он подал ходатайство в суд по административным делам Кукуты о возмещении ущерба, нанесенного в связи с незаконным вторжением в его дом и использованием огнестрельного оружия.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что насильственное вторжение в дом его семьи привело к сильному нервному потрясению и сказалось на психике его сестры Фанни Елены Рохас Гарсиа, являвшейся инвалидом. Сестра автора скончалась 8 августа 1993 года, и при этом утверждается, что указанные события стали косвенной причиной ее смерти. Кроме того, 75-летняя престарелая мать автора так и не оправилась полностью после пережитого потрясения.

3.2 Автор утверждает, что власти, не проведя тщательного расследования этого дела, сделали все возможное для сокрытия инцидента. Они не намеревались определять ни ответственность органов, допустивших вторжение, ни правомочность произведенных действий, ни ответственность сотрудника полиции, произведшего выстрел в доме в присутствии детей.

3.3 Автор утверждает, что описанные факты представляют собой нарушения статьи 7, подпункта а) пункта 3 статьи 14, пунктов 1 и 2 статьи 17, подпункта а) пункта 3 статьи 19 и статей 23 и 24 Пакта.

Замечания государства-участника и ответ автора

4.1 В сообщении от 12 ноября 1996 года государство-участник подтверждает, что автор сообщения не исчерпал внутренних средств правовой защиты, поскольку следствие по делу о применении дисциплинарных санкций в отношении сотрудников, допустивших вторжение в дом автора, еще продолжается.

4.2 Государство-участник также отмечает, что обыск в доме автора производился с выполнением всех необходимых формальностей, предусмотренных в статье 343 Уголовно-процессуального кодекса, и, таким образом, является законным. Судья Мигель Анхел Вильямисар Бесерра выдал ордер на обыск, который производился в присутствии сотрудников прокуратуры. В этой связи отмечается, что инспекция генеральной прокуратуры запросила всю документацию, относящуюся к возможной ответственности сотрудников, участвовавших в обыске, для решения вопроса о целесообразности применения дисциплинарных мер. Сообщается также о дисциплинарном расследовании, произведенном подразделением следственного отдела, и о расследовании прокурорского отдела судебной полиции, оба из которых были прекращены.

5. 22 января 1997 года автор еще раз заявил, что вторжение в его дом носило незаконный характер, поскольку статья 343 Уголовно-процессуального кодекса не предусматривает действий "командос" в ночное время, вторжения в помещение через крышу, стрельбу в воздух и т.д. Он отмечает, что уполномоченный инспектор вооруженных сил при обыске *не присутствовал* и что прокурор появился только в конце обыска лишь затем, чтобы составить акт, копия которого не была выдана брату автора. Автор еще раз отмечает серьезные последствия, которые этот обыск повлек для его семьи, указывая, что эти действия нанесли ущерб чести и достоинству его семьи, которой были предъявлены обвинения в убийстве бывшего мэра, что его сестра скончалась после этих событий и что его мать и дети пережили потрясение. Автор указывает, что в настоящий момент административные процедуры, осуществление которых началось в 1993 году, не принесли никаких результатов.

6. 14 октября 1997 года государство-участник сообщило Комитету о результатах осуществления административных процедур по этому делу. Национальная генеральная прокуратура просила подразделение следственного отдела в Кукуте сообщить ей о возбуждении дела в отношении сотрудника Габриэля Руиса Хименеса. По состоянию на 30 апреля 1997 года никакого дела возбуждено не было. Генеральная прокуратура обращалась с аналогичной просьбой в июне, июле и августе 1997 года и еще раз получила отрицательный ответ. Государство-участник утверждает, что следствие по этому делу продолжается и, следовательно, внутренние средства правовой защиты не исчерпаны.

Решение Комитета в отношении приемлемости

7.1 На своем 62-м заседании Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости сообщения и принял к сведению заявление государства-участника о том, что оно считает неприемлемым рассматриваемое сообщение в силу неисчерпания внутренних средств правовой защиты. С учетом обстоятельств дела Комитет пришел к выводу о том, что автор принял все меры для установления лиц, ответственных за вторжение в его жилище, которые не дали никакого результата. По прошествии более пяти лет со дня указанных событий (на момент принятия решения о приемлемости) лица, ответственные за этот инцидент, не были выявлены, обвинены, или подвергнуты судебному преследованию. Комитет считает, что с учетом обстоятельств дела применение

внутренних средств правовой защиты является "необоснованно затянутым" по смыслу подпункта b) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола.

7.2 В связи с жалобами автора в отношении нарушений подпункта а) пункта 3 статьи 14, подпункта а) пункта 3 статьи 19 статей 23 и 24 Пакта Комитет отмечает, что эти жалобы носят общий характер и не подкрепляются новыми фактами. Например, ничего не сообщается о том, что автору было предъявлено обвинение, о котором он не был своевременно проинформирован (подпункт а) пункта 3 статьи 14), или о том, что он был лишен возможности выразить свое мнение (статья 19), а также не сообщается, в какой форме государство нарушило неприкосновенность его семейной жизни или права его детей (статьи 23 и 24).

7.3 Что касается других жалоб в связи со статьей 7 и пунктами 1 и 2 статьи 17 Пакта, то Комитет отмечает, что имеющиеся факты позволяют признать сообщение приемлемым, которое, следовательно, должно быть рассмотрено по существу.

Замечания государства-участника по существу и комментарии к ним автора

8.1 В своем сообщении от 28 декабря 1999 года государство-участник еще раз заявило о неприемлемости представленной жалобы и об отсутствии каких-либо нарушений статей Международного пакта о гражданских и политических правах.

8.2 Государство-участник, как и ранее автор сообщения, отмечает, что подразделение следственного отдела в Кукуте провело административное расследование инцидента, имевшего место 5 января 1993 года, в ходе которого было произведено вторжение в дом семьи Рохаса Гарсии, и в постановлении от 3 ноября 1993 года вынесло решение о прекращении следствия за отсутствием состава преступления. Кроме того, с учетом фактов по этому делу оно распорядилось возбудить предварительное расследование по этим же фактам в отношении Габриэля Руиса Хименеса, производшего выстрел в ходе обыска. Для продолжения предварительного следствия нет никаких оснований, поскольку национальная генеральная прокуратура с помощью начальника местного отделения следственного отдела Кукуты провела и завершила дисциплинарное расследование по тем же фактам и вынесла решение о прекращении дела (см. пункт 2.2).

8.3 Национальная генеральная прокуратура в своем постановлении от 10 мая 1999 года еще раз заявила, что начальник местного участка следственного отдела Кукуты, проводивший предварительное дисциплинарное расследование в отношении Габриэля Руиса Хименеса, распорядился прекратить это дело на том основании, что выстрел стал следствием случайности, а не небрежности или халатности, допущенной указанным сотрудником, и в связи с этим для проведения официального расследования нет никаких оснований.

8.4 В связи с психологическими травмами, нанесенными обитателям дома в связи с обыском, государство-участник отмечает, что их наличие должно быть установлено врачом в рамках проводящегося административного расследования.

8.5 Государство-участник сообщает, что автор подал заявление по указанным фактам в суд по административным делам Норте-де-Сантандера с ходатайством о выплате компенсации за нанесенный ущерб.

8.6 Государство-участник не разделяет мнения Комитета о том, что по прошествии более пяти лет со дня указанных событий не были выявлены и обвинены лица, виновные в этом инциденте. Для государства-участника очевидно, что сотрудники следственного отдела прокуратуры провели обыск в соответствии со статьей 343 Уголовно-процессуального кодекса, которая гласит следующее:

"Обыск, процессуальные действия и требования. При наличии серьезных оснований полагать, что в том или ином помещении, на морском или воздушном судне находится лицо, в отношении которого выдан ордер на арест, или оружие, принадлежности или предметы, с помощью которых было совершено правонарушение или которые могут использоваться для совершения правонарушения, сотрудник судебного органа издает обоснованное распоряжение о проведении соответствующего обыска и составлении протокола.

Вышеуказанное распоряжение уведомления не предусматривает".

8.7 В этой связи государство-участник считает, что ответственность за возможное нарушение при исполнении служебных обязанностей должна быть установлена в ходе расследований, проводимых государственными компетентными органами. Что касается предполагаемой ответственности г-на Габриэля Руиса Хименеса, то прокуратура пришла к выводу о том, что произведенный выстрел носил случайный характер.

8.8 Что касается необоснованного затягивания процедуры использования внутренних средств правовой защиты, о которой упоминает Комитет, то по смыслу статьи 5.2.b Протокола государство-участник заявляет следующее:

1) После указанных событий брат автора сообщения в соответствии с положениями национального законодательства обратился с жалобой в национальную генеральную прокуратуру, которая через отделение прокуратуры судебной и административной полиции Сантафе-де-Боготы в своем решении от 24 июня 1994 года постановила прекратить расследование с учетом того факта, что национальная генеральная прокуратура силами следственного отдела Кукуты провела и завершила дисциплинарное расследование по указанным фактам. По мнению государства-участника, тот факт, что использование внутренних средств правовой защиты не привело к благоприятному для истца результату, сам по себе не говорит об отсутствии или исчерпании всех имеющихся внутренних средств правовой защиты. Если, как в рассматриваемом случае, внутренние средства правовой защиты являются неадекватными, перед обращением к другой процедуре это средство должно быть до конца использовано.

2) Г-н Рохас Гарсиа затем подал жалобу на действия государства в суд по административным делам Норте-де-Сантандера, прибегнув к другому судебному механизму, который на момент получения настоящего сообщения должен был уже принять соответствующее решение. В связи с этим указанные судебные органы не допустили необоснованной задержки

рассмотрения дела, о которой говорит Комитет, поскольку обстоятельства этого дела требовали самого адекватного и эффективного рассмотрения. Адекватность указанных процедур означает, что функционирование этих судебных органов в рамках системы внутреннего права носило квалифицированный характер в целях исправления нарушенной законности. Эта норма должна носить действенный характер и не может рассматриваться с точки зрения отсутствия реальных результатов или с точки зрения явной абсурдности или необоснованности этих результатов. Компетентные органы не собирались затягивать расследование, поскольку его несерьезный характер привел бы к вынесению абсурдных и нелогичных решений.

8.9 Государство-участник еще раз напоминает о том, что на момент представления жалобы на рассмотрение Комитета г-н Рохас Гарсиа не исчерпал всех внутренних средств правовой защиты, и поэтому рассматриваемое сообщение следует считать неприемлемым по смыслу статьи 5.2.b Факультативного протокола.

9.1 Замечания государства-участника по существу дела были направлены автору, который в сообщении от 14 марта 2000 года не оспорил ни одного из доводов, приведенных государством. В этом сообщении он еще раз заявил, что семья, не допуская ранее никаких правонарушений, стала жертвой обыска и жестокого обращения. Автор объясняет, что этот обыск был произведен на основании предположения о том, что в его доме скрываются преступники, что сотрудники прокуратуры вместо этого обнаружили в доме только детей и престарелых, совершив ошибку, которую еще предстоит исправить.

9.2 По утверждению автора, статья 343 Уголовно-процессуального кодекса не может применяться в этом случае в отношении жилища нормальной семьи без заблаговременного выполнения самых элементарных положений законодательства, предусмотренных в таких случаях. Насильственное вторжение в дом через крышу в 2 часа ночи и использование огнестрельного оружия представляют собой нарушение права на личную неприкосновенность, семейную жизнь и другие права и свободы, гарантированные в Конституции Колумбии.

9.3 Автор не согласен с аргументом правительства, в соответствии с которым, чем больше времени длится расследование дела, тем менее абсурдными и нелогичными будут решения по этому делу. Автор еще раз повторяет, что со времени указанных событий прошло более семи лет и данное рассмотрение не принесло никаких результатов.

9.4 Автор добавляет, что в случае произвольного и несоразмерного применения силы крайне важно применять особый подход к таким делам, с тем чтобы их могли рассматривать и расследовать международные органы, тем самым обеспечивая беспристрастность и соблюдение процессуальных норм.

9.5 В своем сообщении от 10 июля 2000 года автор указывает, что в связи с жалобой на действия государства, поданной им в суд по административным делам Норте-де-Сантандера с целью получения компенсации за ущерб, нанесенный в связи с вторжением в его дом, суд отклонил представленное ходатайство на основании отсутствия доказательств в строгом соответствии со статьей 343 Уголовно-процессуального кодекса. Автор отмечает, что это

постановление было обжаловано во второй инстанции в государственном совете Боготы.

9.6 Автор еще раз отмечает, что, согласно свидетельским показаниям, обыску должен был быть подвергнут дом № 2-36, а не 2-44 (дом семьи Рохаса Гарсии). Автор также указывает, что вдова Сиро Алонсо Колменареса (мэра Бочалемы, по делу об убийстве которого проводилось следствие, в связи с чем и был произведен обыск дома семьи Рохаса) заявила ему, что она никогда не упоминала фамилии членов семьи Рохаса Гарсии. В связи с выстрелом, произведенным Габриелем Руисом Хименесом, автор утверждает, что выстрел был не случайным, а специально произведенным внутри дома, с тем чтобы заставить жителей дома отдать ключи от входной двери. Автор отмечает также, что, когда лица, производившие обыск, узнали, что в этом доме проживает сотрудник прокуратуры из Памплоны, Сесилия Рохас Гарсиа, они изменили свое отношение, при этом некоторые из них извинились за допущенную ошибку.

9.7 Что касается смерти сестры автора через несколько месяцев после обыска, то автор утверждает, что власти не приняли необходимых мер, позволяющих установить причинную связь между обыском и смертью сестры.

Рассмотрение по существу дела

10.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, представленной сторонами, в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

10.2 Комитет принял к сведению утверждение государства-участника о том, что автор на момент представления сообщения в Комитет не исчерпал внутренних средств правовой защиты, и поэтому указанное сообщение следует считать неприемлемым. Комитет также принял к сведению утверждение государства-участника о том, что компетентные органы не намерены продолжать расследование по этому делу, поскольку его несерьезный характер привел бы к вынесению абсурдных и нелогичных решений. Комитет учел вышесказанное в своем решении о приемлемости сообщения.

10.3 Первый вопрос, который должен решить Комитет, заключается в том, представляют ли собой конкретные условия, в которых производился обыск в доме семьи Рохаса Гарсии (лица в масках проникли в дом через крышу в два часа ночи), нарушение статьи 17 Пакта. Государство-участник в своем сообщении от 28 декабря 1999 года еще раз заявило о том, что обыск дома семьи Рохаса Гарсии производился с соблюдением положений закона в соответствии со статьей 343 Уголовно-процессуального кодекса. Комитет не подвергает сомнению законность обыска, однако при этом считает, что в соответствии со статьей 17 Пакта нарушение неприкосновенности жилища не должно быть не только незаконным, но и произвольным. В соответствии со своим Замечанием общего порядка № 16 (HRI/GEN/1/REV.4 от 7 февраля 2000 года) Комитет считает, что концепция произвольности, указанная в статье 17, призвана гарантировать, чтобы любое вмешательство, предусмотренное Законом, производилось в соответствии с положениями этого Закона, положениями и целями Пакта и в любом случае было обосновано с учетом конкретных обстоятельств дела. Кроме того, Комитет считает, что государство-участник недостаточно обосновало описанные действия. Таким образом,

Комитет делает вывод о факте нарушения пункта 1 статьи 17 в форме произвольного нарушения неприкосновенности жилища семьи Рохаса Гарсии.

10.4 Комитет считает, что в данном случае было допущено нарушение статьи 17 с точки зрения произвольности обыска жилища г-на Рохаса Гарсии, однако, по его мнению, квалифицировать эти действия, как нанесшие ущерб чести и достоинству семьи автора, представляется нецелесообразным.

10.5 В связи с заявлением о нарушении статьи 7 Пакта Комитет отмечает, что обращение с семьей Рохаса Гарсии со стороны сотрудников полиции, описанное в пункте 2.1, государством-участником не отрицается. В связи с этим Комитет постановляет, что в этом случае было допущено нарушение Пакта.

11. Комитет по правам человека в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах считает, что указанные факты представляют собой нарушение статей 7 и 17.1 Международного пакта о гражданских и политических правах, допущенное государством-участником в отношении семьи Рохаса Гарсии.

12. Согласно положениям подпункта а) пункта 3 статьи 2 Пакта государство-участник обязано гарантировать Рафаэлю А. Рохасу Гарсии и его семье эффективные средства правовой защиты, включая выплату компенсации. Государство-участник также обязано принять меры для недопущения подобных нарушений в будущем.

13. С учетом того факта, что государство-участник как сторона Факультативного протокола признает компетенцию Комитета определять наличие факта того или иного нарушения и что в соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник обязано гарантировать всем лицам, находящимся на его территории и подпадающим под его юрисдикцию, осуществление прав, признанных в Пакте, и обеспечить эффективные средства правовой защиты в случае того или иного нарушения, Комитет просит государство-участник в течение 90 дней представить информацию о мерах, принятых для выполнения этого решения. Комитет также просит государство-участник опубликовать решение Комитета.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является испанский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве настоящего доклада.]

Добавление

Особое мнение членов Комитета г-на Нисуке Андо и г-на Ивана А. Ширера

Мы разделяем вывод Комитета о факте нарушения пункта 1 статьи 17, допущенного в форме произвольного вторжения в дом семьи Рохаса Гарсии. Вместе с тем мы не согласны с выводом Комитета о том, что в данном случае имеет место нарушение статьи 7 (пункта 10.3 и 10.5).

Согласно мнению большинства членов Комитета, обращение с семьей Рохаса Гарсии в полиции, описанное в пункте 2.1, факт которого государством-участником не отрицается, представляет собой нарушение статьи 7. В пункте 2.1 говорится, что 5 января 1993 года в 2 час. 00 мин. группа вооруженных лиц в штатском, являвшихся сотрудниками государственной прокуратуры, насильственно проникла в дом автора сообщения через крышу. Эти лица произвели обыск всех помещений дома, запугивая и оскорбляя при этом членов семьи автора, включая малолетних детей, и один из сотрудников прокуратуры в ходе обыска произвел выстрел из огнестрельного оружия.

По утверждению самого автора, производившая обыск группа лиц явно ошиблась домом (№ 2-44, вместо 2-36), и, поняв, что в этом доме проживает сотрудник местного отделения прокуратуры, один из членов группы принес извинения и сказал, что в этом случае произошла ошибка (пункт 9.6). Автор также заявляет, что этот обыск производился на основании предположения о том, что в указанном помещении находятся преступники, однако после инцидента отделение прокуратуры отказалось исправить эту ошибку и возбудить следствие по данному делу (пункт 9.1).

Мы считаем, что производившая обыск группа, возможно, ожидала встретить в этом доме серьезное сопротивление, даже с применением огнестрельного оружия, исходя из предположения о том, что в нем скрывается убийца или убийцы мэра. Этим, возможно, объясняются факты, изложенные в пункте 2.1: насильственное проникновение в дом через крышу посреди ночи; последующий обыск помещений и устные оскорбления со стороны производивших обыск лиц, а также случайный выстрел, произведенный одним из сотрудников. Со стороны отделения прокуратуры, безусловно, была допущена ошибка, однако квалифицировать вызванное этой ошибкой поведение производившей обыск группы в качестве нарушения статьи 7 представляется нецелесообразным.

Мы считаем, что производившая обыск группа действовала надлежащим образом до тех пор, пока не выяснилась их ошибка. Государство-участник утверждает, что обыск дома автора производился в соответствии с законом. Государство-участник также считает, что начальник местного следственного отдела провел предварительное расследование факта выстрела и пришел к выводу о том, что это было не нарушение, а случайность (пункт 8.3). С учетом обстоятельств дела мы делаем вывод, что производившая обыск группа не имела намерения запугать семью автора.

Статья 7, как правило, требует наличия намерения в отношении возможных последствий действий со стороны лица, допустившего эти действия, и отсутствие такого намерения позволяет говорить об отсутствии

или смягчении незаконного характера таких действий. Это относится и к полицейскому расследованию, указанному в настоящем случае. В связи с этим, по нашему мнению, в этом случае факт нарушения статьи 7 отсутствовал.

(Подпись) Нисуке Андо

(Подпись) Иван А. Ширер

[Совершено на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является испанский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

**Е. Сообщение № 727/1996, Парага против Хорватии
(Сообщения, принятые 4 апреля 2001 года,
семьдесят первая сессия)***

Представлено: г-ном Доброславом Парагой

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Хорватия

Дата сообщения: 16 апреля 1996 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 4 апреля 2001 года,

завершив рассмотрение сообщения № 727/1996, представленного Комитету по правам человека г-ном Доброславом Парагой в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание всю письменную информацию, представленную ему автором сообщения и государством-участником,

принимает следующее:

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автором сообщения от 16 апреля 1996 года является хорватский гражданин Доброслав Парага, проживающий в Загребе. Он утверждает, что является жертвой нарушения Хорватией пункта 3 статьи 2, пунктов 1, 5 и 7 статьи 9, пункта 2 статьи 12, пунктов 2 и 7 статьи 14, пунктов 1 и 2 статьи 19, а также статей 25 и 26 Международного пакта о гражданских и политических правах. Пакт вступил в силу для Хорватии 8 октября 1991 года, а Факультативный протокол — 12 января 1996 года. Автора представляет адвокат.

Факты в изложении автора и его утверждения

2.1 Автор утверждает, что на протяжении всей своей жизни он был активистом-правозащитником и подвергался тюремному заключению, пыткам и политическим судебным преследованиям в бывшей Югославии. В 1990 году он реорганизовал Хорватскую партию права (ХПП), которая была запрещена с 1929 года, и затем возглавил её.

---

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисукэ Андо, г-жа Кристина Шане, г-н Эккарт Кляйн, г-н Давид Крецмер, г-н Раджсумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Рафаэль Ривас Посада, г-н Мартин Шейнин, г-н Иван Ширер, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Ахмед Тауфик Халиль, г-н Патрик Велла, г-н Макссуэлл Ялден.

2.2 По словам автора, после распада Югославии новое Хорватское государство также подвергало его гонениям и многочисленным репрессивным мерам, таким, как противозаконные аресты, лживые обвинения, политическое судебное преследование, выдача необоснованных санкций на арест и т.д.

2.3 21 сентября 1991 года после посещения политического митинга был убит заместитель Председателя ХПП Анте Параджик. Автор утверждает, что эта акция была направлена также против него и что лишь по счастливой случайности он не сидел в той же машине, что и его соратник. В 1993 году за это убийство были осуждены четыре сотрудника министерства внутренних дел, а в 1995 году они, как сообщается, были выпущены на свободу.

2.4 22 ноября 1991 года во время полицейской облавы г-н Парага был арестован по обвинению в подготовке свержения правительства. Он содержался под стражей до 18 декабря 1991 года, когда было принято решение о его освобождении после того, как Верховный суд указал на отсутствие достаточных улик. В этой связи автор заявляет о нарушении пунктов 1 и 5 статьи 9. Он также утверждает, что Председатель Верховного суда был уволен после того, как вынес решение в его пользу.

2.5 1 марта 1992 года произошел взрыв в помещениях ХПП в Винковци, где должен был находиться автор. Хотя в результате этого взрыва погибли несколько человек, никакого официального расследования, по словам автора, проведено не было. 21 апреля 1992 года автора вызвали в суд за то, что он назвал президента Республики диктатором. Г-н Парага утверждает, что эти действия представляют собой нарушение статьи 19 Пакта, поскольку принятые против него меры были посягательством на его свободу выражения мнений.

2.6 По словам г-на Параги, 2 июня 1992 года его обвинили в "организации незаконного вооруженного формирования". Он утверждает, что цель этого обвинения заключалась в том, чтобы помешать ему участвовать в парламентских выборах и выставить свою кандидатуру на выборах президента Республики. По мнению автора, это действие является нарушением статьи 25 Пакта, поскольку ему действительно помешали выставить свою кандидатуру на выборах. Кроме того, он заявляет, что проведенные выборы были фальсифицированы.

2.7 30 сентября 1992 года прокурор направил в Конституционный суд ходатайство о запрещении ХПП. 8 ноября 1992 года военный трибунал в Загребе инициировал расследование деятельности ХПП на предмет заговора в целях свержения правительства. По мнению автора, это действие представляло собой нарушение пункта 7 статьи 14, поскольку в 1991 году в связи с этим же обвинением он был оправдан. Действие его парламентского иммунитета было приостановлено на 13 месяцев. 4 ноября 1993 года военный трибунал снял с автора все обвинения.

2.8 После поездки в Соединенные Штаты Америки, во время которой автор назвал президента Республики угнетателем, 3 июня 1993 года ему было предъявлено обвинение в клевете. Парламент освободил автора от должности заместителя Председателя Парламентского комитета по правам человека и меньшинств. Автор утверждает, что в статье, опубликованной в одном из еженедельных изданий в июле 1993 года, один из сотрудников тайной полиции признался, что он получил приказ убить автора.

2.9 28 восьмого сентября 1993 года регистрационное ведомство лишило автора права представлять ХПП, наделив им, как утверждает автор, одного из правительственных чиновников, в результате чего ХПП превратилась в придаток правящей партии. Жалобы автора в Регистрационный и Конституционный суды были отклонены.

2.10 На состоявшиеся в октябре 1995 года парламентские выборы автор пошел с новой партией — "Хорватской партией права — 1861", но добиться переизбрания ему не удалось. Он утверждает, что в результате принятых против него мер он не имел возможности вести равную борьбу на выборах, в нарушение статьи 25 Пакта. По мнению автора, Избирательный комитет нарушил Закон о выборах, который позволял ХПП (тогда ее возглавлял правительственный чиновник) войти в парламент, хотя она и не получила требуемых 5% всех голосов. Автор и лидеры десяти других политических партий подали жалобу, которую Конституционный суд отклонил 20 ноября 1995 года.

2.11 Автор отмечает, что нападки на него продолжались. Он упоминает судебное решение от 31 января 1995 года, подтвержденное 25 марта 1996 года, в котором ему предписывается освободить занимаемые административные помещения. По его мнению, цель этого решения заключается в том, чтобы помешать ему вести политическую деятельность. Далее он отмечает, что его политическая партия вошла в коалиционное правительство Загребской области, но президент Республики не согласился с результатами выборов и заблокировал назначение мэра.

Замечания государства-участника относительно приемлемости сообщения и комментарии автора

3.1 В своих замечаниях от 31 октября 1997 года государство-участник напоминает о том, что при присоединении к Факультативному протоколу оно сделало следующее заявление, которое ограничивает *ratione temporis* компетенцию Комитета рассматривать сообщения: "Республика Хорватия толкует статью 1 настоящего Протокола как наделяющую Комитет компетенцией получать и рассматривать сообщения находящихся под ее юрисдикцией лиц, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения Республикой какого-либо из прав, изложенных в Пакте в результате действий, упущений или событий, происшедших после вступления Протокола в силу для Республики Хорватии". Государство-участник полагает, что утверждения автора касаются практически исключительно тех событий и действий, которые имели место задолго до вступления Протокола в силу для Хорватии 12 января 1996 года.

3.2 По мнению государства-участника, предполагаемые нарушения нельзя рассматривать как продолжающийся процесс, который в совокупности представляет собой конкретное и длящееся нарушение предусмотренных в Пакте прав автора. Кроме того, некоторые из упомянутых автором судебных процедур завершились в его пользу, например процессуальные действия, связанные с запрещением ХПП, которое Прокурор решил отменить. Тот факт, что на протяжении ряда лет автор был участником целой серии судебных разбирательств, не доказывает, что эти процессуальные действия были между

собой связаны или оказывают продолжающееся воздействие на пользование автором его правами.

3.3 Государство-участник признает, что исключением из изложенных выше соображений является вынесенное в отношении г-на Параги судебное решение об освобождении занимаемых им самим и его партией помещений, которое было подтверждено 25 марта 1996 года, т.е. после вступления Факультативного протокола в силу для Хорватии. Однако государство-участник заявляет, что, поскольку в этой связи г-н Парага говорит не о нарушении статьи 26, а о нарушении его права собственности, защита которого не обеспечивается Пактом, в данной части сообщение является неприемлемым *ratione materiae*. Кроме того, государство-участник отмечает, что в рамках защиты закрепленных в Конституции основополагающих прав и свобод, Конституционный суд Хорватии может рассматривать дела, касающиеся как запрещения дискриминации на основе политических убеждений, так и защиты прав собственности. Поскольку в связи с его утверждением автор не воспользовался этим средством, имевшиеся в его распоряжении внутренние средства правовой защиты исчерпаны не были.

3.4 Таким образом, государство-участник считает данное сообщение неприемлемым частично вследствие сделанного им заявления о *ratione temporis* и частично по причине неисчерпания внутренних средств правовой защиты.

4.1 В своих комментариях автор утверждает, что все правовые и иные последствия мер, принятых против него властями Хорватии, оказывали продолжительное воздействие. Он повторяет, что:

а) убийство его бывшего помощника, заместителя Председателя ХПП Анте Параджика так и не было до конца расследовано. После второго суда над четырьмя сотрудниками министерства внутренних дел лица, совершившие это преступление, были помилованы, а судья, вынесший им обвинительный приговор за участие в преступном сговоре, потерял работу;

б) возбужденное против автора дело, в рамках которого 22 ноября 1991 года он был арестован, а затем освобожден ввиду отсутствия улик, официально закрыто не было, в результате чего автор не может подать иск о компенсации за противозаконный арест и противозаконное содержание под стражей;

с) процедура, возбужденная против автора 21 апреля 1992 года по обвинению в клевете, не закрыта;

д) до сих пор не проведено никакого объективного и беспристрастного расследования взрыва в штаб-квартире его партии 1 марта 1992 года в Винковци;

е) не проведено беспристрастное расследование нарушений, совершенных в ходе выборов 2 августа 1992 года;

ф) до сих пор не проведено никакого расследования предполагаемого заговора, в который вступили члены правительства в целях убийства автора в марте 1993 года;

г) и наконец, после того, как автора отлучили от руководства ХПП, его (бывшая) партия превратилась в "сателлита" правящей партии.

4.2 Автор утверждает, что он стал жертвой нарушения статьи 26, поскольку был подвергнут дискриминации на основании его политических убеждений. 7 октября 1997 года Областной суд Загреба возбудил в соответствии со статьей 191 Уголовного кодекса Хорватии уголовное дело против автора за распространение ложной информации; автор отмечает, что если бы его признали виновным, то его могли приговорить к шести месяцам тюремного заключения. 4 декабря 1997 года автора арестовали на австрийской границе после того, как министерство иностранных дел Хорватии, как утверждается, ввело австрийские власти в заблуждение относительно целей поездки автора. В Австрии автор провел 16 часов под стражей. Аналогичный случай имел место также во время поездки автора в Канаду, когда в июне 1996 года он провел шесть суток под стражей в Торонто, поскольку, как утверждается, правительство Хорватии обвинило его в подрывной деятельности.

4.3 Автор отвергает как необоснованный аргумент правительства о том, что судебные процедуры, связанные с освобождением и изъятием квартиры, которая использовалась в качестве офиса политической партии автора, не имеют ничего общего с дискриминацией на основе политических убеждений. Вопреки этому он утверждает, что лишь под давлением международной общественности и благодаря вмешательству хозяина квартиры, имеющего двойное гражданство (Хорватии и Канады), судебное решение от 25 марта 1996 года исполнено не было.

4.4 Что касается полномочий Конституционного суда выносить решения по жалобам на противозаконную дискриминацию и экспроприацию, а также на нарушения других основополагающих прав, то, по мнению автора, этот Суд "является инструментом правящей олигархии и в важных вопросах решения... президента Туджмана" сомнению не подвергаются. Поэтому автор считает такие конституционные средства защиты неэффективными, заявляя, что в отношении всех упомянутых выше утверждений и жалоб он исчерпал внутренние средства правовой защиты.

Соображения по вопросу о приемлемости

5.1 На своей шестьдесят третьей сессии Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости данного сообщения.

5.2 Комитет напомнил о том, что при присоединении к Факультативному протоколу государство-участник сделало заявление об ограничении компетенции Комитета событиями, происшедшими после вступления Факультативного протокола в силу для Хорватии 12 января 1996 года. Комитет отметил, что большинство предполагаемых нарушений, предусмотренных в Пакте прав г-на Параги, стало результатом серии действий и событий, имевших место в период между 1991 и 1995 годами, т.е. до даты вступления Факультативного протокола в силу для Хорватии.

5.3 В то же время Комитет счел, что утверждения автора о том, что он не может ходатайствовать о компенсации за его предположительно незаконный арест и задержание 22 ноября 1991 года, поскольку дело против него официально так и не закрыто, а также его утверждение о том, что возбужденное против него 21 апреля 1992 года дело по обвинению в клевете не закрыто, касаются инцидентов, имеющих длящиеся последствия, которые

могут *сами по себе* являться нарушением Пакта. Поэтому Комитет признал эти утверждения приемлемыми и подлежащими рассмотрению по существу.

5.4 По мнению Комитета, вследствие заявления, сделанного государством-участником при присоединении к Факультативному протоколу, он лишен возможности *ratione temporis* рассматривать остальные содержащиеся в сообщении утверждения, затрагивающие события, имевшие место до 12 января 1996 года, поскольку их длящиеся последствия, о которых говорит г-н Парага, не являются, по всей видимости, *сами по себе* нарушением Пакта и не могут быть истолкованы как подтверждение действием или фактами, явно предполагающими таковое, предыдущих нарушений со стороны государства-участника¹.

5.5 В связи с судебным решением об освобождении квартиры, которую автор использовал в качестве офиса его политической партии, Комитет принял к сведению аргумент государства-участника о том, что с жалобами на незаконное и произвольное лишение собственности и на противозаконную дискриминацию можно обращаться в Конституционный суд. Автор ограничился утверждением о том, что это средство защиты не является эффективным, поскольку Конституционный суд — "инструмент правящей олигархии". Комитет напомнил, что простые сомнения в эффективности внутренних средств правовой защиты не освобождают истцов от их использования; в этой связи Комитет отметил, что в отношении других предполагаемых нарушений прав автора хорватские суды ранее выносили решения в его пользу. В этих обстоятельствах Комитет сделал вывод о том, что обращения в Конституционный суд в связи с решением об освобождении квартиры, которая использовалась автором в качестве служебного помещения, не будет *a priori* бесполезным. Соответственно в этом плане требования пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола выполнены не были.

5.6 Касаясь утверждения автора о том, что он стал жертвой упомянутого в пункте 4.2 выше нарушения статьи 26, Комитет признал эту жалобу приемлемой и подлежащей рассмотрению по существу.

6. Таким образом, 24 июля 1998 года Комитет по правам человека постановил, что данное сообщение является приемлемым в той части, в которой оно касается ареста и задержания автора 22 ноября 1991 года, возбужденного против него 21 апреля 1992 года дела по обвинению в клевете и его утверждения о том, что он стал жертвой дискриминации.

Информация государства-участника и ответ автора по существу сообщения

7.1 В своем представлении по существу сообщения государство-участник изложило более подробную информацию о процессуальных действиях, связанных с арестом и задержанием автора в ноябре 1991 года, а также о выдвинутых в апреле 1992 года обвинениях в "распространении ложной информации". Оно заявляет, что возбужденные по всем этим обвинениям дела сейчас прекращены.

7.2 Государство-участник подтверждает, что г-н Парага был арестован 22 ноября 1991 года, что решение о его содержании под стражей принял следственный судья на основании подпунктов 2 и 3 пункта 2 статьи 191

Уголовно-процессуального кодекса и что по решению Областного суда Загреб он был освобожден из-под стражи 18 декабря 1991 года.

7.3 Государство-участник заявляет, что 25 ноября 1991 года Областная прокуратура Загреб сделала запрос под № КТ-566/91 о возбуждении против г-на Параги дела по обвинениям в "вооруженном мятеже" и "противозаконном владении оружием и взрывчатыми веществами", исходя, соответственно, из пунктов 1 и 2 статьи 236 f) и пунктов 2 и 3 статьи 209 действовавшего тогда Уголовного кодекса Хорватии. На основании подпунктов 2 и 3 пункта 2 статьи 191 Уголовно-процессуального кодекса был также направлен запрос о заключении г-на Параги под стражу.

7.4 Следственный судья отклонил ходатайство о проведении расследования и передал дело в коллегия судей, которая постановила провести расследование лишь в связи с пунктами 2 и 3 статьи 290. Однако Областная прокуратура не подготовила обвинительное заключение и не предложила следственному судье провести расследование. Поэтому следственный судья вновь передал материалы по делу в коллегия из трех судей, которая в соответствии с подпунктом 3 пункта 1 статьи 162 Уголовно-процессуального кодекса приняла решение Кв-48/98 от 10 июня 1998 года о прекращении дальнейших процессуальных действий в отношении г-на Параги. Как утверждает государство-участник, 17 июня 1998 года это решение было направлено г-ну Параге и получено им 19 июня 1998 года.

7.5 Государство-участник заявляет, что арест г-на Параги был произведен обоснованно, в соответствии с действовавшими в то время положениями Уголовно-процессуального кодекса, и, следовательно, Республика Хорватия не нарушила пункт 1 статьи 9 Пакта. Кроме того, государство-участник отмечает, что после прекращения процессуальных действий автор мог подать в суды Хорватии иск о компенсации, как-то предусмотрено в пункте 5 статьи 9 Пакта.

7.6 Государство-участник подтверждает, что в апреле 1992 года Муниципальная прокуратура возбудила уголовное дело в связи с "распространением ложной информации" на основании статьи 191 Уголовного кодекса (пункта 1 статьи 197 прежнего Кодекса) и в соответствии с пунктом 1 статьи 425 и подпунктом 1 пункта 1 статьи 260 Уголовно-процессуального кодекса (подробности см. ниже). Государство-участник заявляет, что, учитывая поправки, внесенные в соответствующее положение Уголовного кодекса, и фактор времени, Сплитский муниципальный суд, которому Прокуратура ранее препроводила обвинительное заключение, снял с г-на Параги обвинения своим решением № ИК-504/92 от 26 января 1999 года.

7.7 Что касается предполагаемой дискриминации, мотивированной политическими взглядами автора, особенно после его интервью, опубликованных в ежедневной газете "Нови лист", то государство-участник подтверждает, что 7 октября 1997 года Загребская муниципальная прокуратура возбудила уголовное дело против г-на Параги в связи с "распространением ложной информации" на основании статьи 191 действовавшего тогда Уголовного кодекса. Однако по окончании проведенного затем расследования 26 января 1998 года уголовное дело было закрыто.

7.8 Государство-участник поясняет, что, согласно действовавшей тогда статье 191 Уголовного кодекса, распространением ложной информации "занимается

лицо", передающее или распространяющее сведения или информацию, которые являются заведомо ложными, могут ввести в заблуждение значительное число граждан, а также направлены на нарушение общественного спокойствия". В соответствии с новым Уголовным кодексом, действующим с 1 января 1998 года, это же уголовное преступление квалифицируется сейчас как "распространение ложных и нарушающих общественное спокойствие слухов" (статья 322 Уголовного кодекса), и для привлечения ответственности за совершение этого преступления необходимо, чтобы виновное лицо знало, что распространяемые им слухи являются ложными и чтобы это лицо хотело ввести и ввело в заблуждение значительное число граждан". Таким образом, необходимо, чтобы последствия отражали изначальное намерение. Как отмечает государство-участник, поскольку уголовного рассматриваемого дела были иными, 26 января 1998 года уголовные обвинения были сняты и дело против г-на Параги было производством прекращено.

7.9 Касаясь утверждения автора о том, что его арестовали и задержали на австрийской границе 4 декабря 1997 года и на канадской границе в июне 1996 года, исходя из лживой информации, представленной ранее министерством иностранных дел Хорватии относительно целей его поездки, министерство иностранных дел Хорватии решительно отвергает такое заявление как злонамеренное и абсолютно необоснованное. Как сообщает государство-участник, посольство Хорватии в Вене запросило и получило официальное разъяснение от австрийских властей по факту задержания г-на Параги, о котором, как оно отмечает, оно узнало лишь из австрийской печати. Государство-участник было проинформировано о том, что г-н Парага приехал в Австрию как гражданин Словении и был задержан для выяснения некоторых обстоятельств, касающихся того, почему г-ну Параге был запрещен въезд в Австрию в 1995 году. Государство-участника уведомили также о том, что поданная самим г-ном Парагой жалоба на его задержание еще находится в стадии рассмотрения. Государство-участник заявляет, что, поскольку г-н Парага не сообщил об этом инциденте в дипломатическое представительство Хорватии, возможность обеспечить ему защиту в соответствии с международными конвенциями отсутствовала.

7.10 Как утверждает государство-участник, оно также узнало лишь из печати о задержании г-на Параги канадской иммиграционной службой в Торонто, и Генеральный консул Республики Хорватии в Миссисаги сразу же установил контакт с адвокатом г-на Параги, который отказался предоставить ему какую-либо информацию. Затем Генеральный консул попытался установить контакт с начальником отделения Канадской иммиграционной службы в аэропорту Торонто г-ном Генри Сишеком, который сообщил ему, что г-н Парага путешествовал со словенским паспортом (в его хорватском паспорте нет действительной канадской визы) и что он отказался от консульской защиты, не пожелав беседовать с Генеральным консулом.

8.1 Автор отвергает аргументы государства-участника по существу сообщения как "абсолютно лживые". Касаясь своего ареста и задержания в ноябре 1991 года, автор утверждает, что его арестовали "без предъявления обвинений" и задержали "произвольно и без каких-либо оснований", исходя лишь из политических соображений. Автор заявляет, что президент Республики Хорватии оказал давление на тогдашнего Председателя Верховного

суда, с тем чтобы автору вынесли "противозаконный" приговор, и что, когда тот отказался сделать это, 24 декабря 1991 года его уволили с должности Председателя Верховного суда².

8.2 Автор подтверждает, что судебное решение о прекращении возбужденных против него уголовных дел было принято 10 июня 1998 года. Вместе с тем он утверждает, что это решение было принято лишь после того, как он обратился в Комитет по правам человека и направил в Областной суд Загреба четвертое "срочное ходатайство" о прекращении дел. Кроме того, автор заявляет, что по крайней мере с 1991 по 1998 год он был подследственным по уголовному делу, был лишен гражданских и политических прав и, поскольку "подследственный не может иметь никакой постоянной работы, он не мог воспользоваться социальной и медицинской помощью, а также устроиться на работу".

8.3 Касаясь обвинений в клевете, выдвинутых против него в апреле 1992 года, г-н Парага, признавая, что эти обвинения были сняты, утверждает, что это произошло лишь спустя семь лет после их предъявления.

8.4 Касаясь выдвинутых 7 октября 1997 года обвинений в распространении ложной информации, автор утверждает, что, несмотря на заявление государства-участника об обратном, возбужденное против него дело до сих пор не прекращено. Автор заявляет, что никакого решения о прекращении этих дел он не получал. Автор вновь выражает уверенность в том, что его арест пограничниками в Канаде в 1996 году и в Австрии в 1997 году был результатом того, что хорватские власти сообщили пограничным службам обеих стран об участии автора в подрывной деятельности. Действительно, автор утверждает, что ему подтвердили этот факт как канадская, так и австрийская иммиграционные службы. Он отвергает заявление государства-участника о том, что ему были готовы оказать помощь в период его содержания под стражей в Канаде и Австрии, и утверждает, что ни в том, ни в другом случае хорватские власти не принимали меры для его освобождения. По словам автора, после его задержания в Канаде и Австрии он подал жалобу на правительство Хорватии в целях получения компенсации за ущерб, понесенный им в результате того, что он называет "злоупотреблением властью".

Пересмотр решения о приемлемости и рассмотрение существа сообщения

9.1 В соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола Комитет по правам человека рассмотрел данное сообщение с учетом всей информации, представленной ему сторонами.

9.2 Комитет удостоверился, как то предусмотрено в пункте 2 а) статьи 5 Факультативного протокола, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования³.

9.3 Касаясь предположительно противозаконного ареста и задержания автора 22 ноября 1991 года, Комитет постановил в своем решении о приемлемости от 24 июля 1998 года, что данное сообщение является приемлемым в части, касающейся длящихся последствий производства по делу, которое было возбуждено против автора в то время и не было прекращено на момент представления сообщения. Комитет напоминает о том, что его решение о

приемлемости было основано на предполагаемых длящихся последствиях нарушений, которые, как утверждалось, были совершены до вступления Факультативного протокола в силу для Хорватии.

9.4 Комитет принимает к сведению заявление государства-участника о том, что упомянутые дела были прекращены 17 июня 1998 года, а также его утверждение о том, что автор может сейчас обратиться в национальные суды с ходатайством о получении компенсации. С учетом этой новой информации, представленной после принятия решения о приемлемости, Комитет пересматривает свое предшествующее решение о приемлемости в соответствии с правилом 93(4) своих правил процедуры и заявляет, что жалоба на предполагаемое нарушение пункта 5 статьи 9 является неприемлемой, поскольку автор не исчерпал в этой связи внутренние средства правовой защиты, как то предусмотрено в пункте 2 b) статьи 5 Факультативного протокола. Автору надлежит использовать соответствующие внутренние средства правовой защиты.

9.5 Комитет незамедлительно приступает к рассмотрению существа жалобы, которая касается преследований автора за клевету и его предполагаемой дискриминации.

9.6 Касаясь преследований автора за клевету, Комитет принял к сведению заявление автора о том, что уголовные дела были возбуждены против него на том основании, что он назвал президента Республики диктатором. Хотя государство-участник не отрицает, что автору, действительно, было предъявлено такое обвинение, оно проинформировало Комитет, что в январе 1999 года суд в конечном итоге снял с автора эти обвинения. Комитет отмечает, что положение Уголовного кодекса, позволяющее возбуждать такие дела, может, при определенных обстоятельствах, привести к ограничениям, которые выходят за рамки ограничений, допускаемых в соответствии с пунктом 3 статьи 19 Пакта. Учитывая, однако, отсутствие конкретной информации, представленной автором, и последующее снятие с него обвинений, Комитет не может сделать вывод о том, что само по себе возбуждение уголовных дел против автора следует рассматривать как нарушение статьи 19 Пакта.

9.7 Комитет отмечает, что в связи с обвинениями, выдвинутыми против г-на Параги в ноябре 1991 года, и обвинениями в клевете, выдвинутыми против него в апреле 1992 года, возникает вопрос о неоправданной задержке (пункт 3 с) статьи 14 Пакта). Комитет полагает, что эта часть сообщения является приемлемой, поскольку уголовные дела не были прекращены спустя соответственно два с половиной и три года после вступления Факультативного протокола в силу для государства-участника. Комитет принимает к сведению, что для завершения обеих процедур потребовалось в общей сложности семь лет, и отмечает, что, хотя государство-участник и представило информацию о ходе этих процедур, оно не дало никаких объяснений, почему связанные с упомянутыми обвинениями дела занимают так много времени, и не изложило никаких конкретных причин, оправдывающих такую задержку. Поэтому Комитет полагает, что автор не был судим "без неоправданной задержки", как то предусмотрено в пункте 3 с) статьи 14 Пакта.

9.8 Касаясь утверждения автора о том, что он стал жертвой дискриминации, так как находился в политической оппозиции к тогдашнему правительству Хорватии, Комитет отмечает, что процессуальные уголовные дела,

возбужденные против автора 7 октября 1997 года, были прекращены через несколько месяцев, 26 января 1998 года. Учитывая данный факт и отсутствие какой-либо более подробной информации, которая подкрепляла бы утверждение автора, Комитет не может констатировать в этой связи нарушения той или иной статьи Пакта.

9.9. Касаясь утверждения автора о том, что власти Хорватии оклеветали его в Австрии и Канаде, Комитет принимает к сведению заявление государства-участника о том, что ни в том, ни в другом случае автор не информировал хорватские власти о его задержании, и что при въезде в Канаду он имел при себе словенский паспорт. Комитет отмечает, что автор не представил никаких новых замечаний по этим вопросам. Поэтому Комитет приходит к выводу о том, что автор не обосновал свое утверждение, и констатирует отсутствие какого бы то ни было нарушения в этой связи.

10. Действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, Комитет по правам человека приходит к заключению, что представленные Комитету факты свидетельствуют о нарушении Хорватией пункта 3 с) статьи 14.

11. Исходя из пункта 3 а) статьи 2 Пакта, Комитет полагает, что автор имеет право на эффективное средство правовой защиты, включая надлежащую компенсацию.

12. Принимая во внимание, что при присоединении к Факультативному протоколу государство-участник признало компетенцию Комитета устанавливать наличие или отсутствие какого-либо нарушения Пакта и что, в соответствии со статьей 2 Пакта, государство-участник обязано обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, а также эффективное и действенное средство правовой защиты в случае выявления какого-либо нарушения, Комитет просит государство-участника представить в течение 90 дней информацию о мерах, принятых с учетом Соображений Комитета.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Примечания

¹ См. Соображения Комитета относительно сообщения № 516/1992 (Симунек и др. против Чешской Республики), принятые 19 июля 1995 года, пункт 4.5.

² Автор не приводит никаких подробных фактов в обоснование своего утверждения.

³ Следует отметить, что в 1999 году автор направил два сообщения в Европейский суд по правам человека, но поднятые в них вопросы отличаются от вопросов, затрагиваемых в рассматриваемом сообщении.

Е. Сообщение № 736/1997, Росс против Канады (Соображения приняты 18 октября 2000 года, семидесятая сессия)*

Представлено: Малькольмом Россом (представлен адвокатом г-ном Дугласом Х. Кристи)

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Канада

Дата сообщения: 1 мая 1996 года

Предыдущие решения: решение Специального докладчика в соответствии с правилом 91, препровожденное государству-участнику 20 января 1997 года (в качестве документа не издавалось)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 18 октября 2000 года,

завершив рассмотрение сообщения № 736/1997, представленного Комитету по правам человека Малькольмом Россом в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание всю письменную информацию, представленную ему автором сообщения и государством-участником,

принимает следующее:

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автором сообщения является канадский гражданин Малькольм Росс. Он утверждает, что является жертвой нарушения Канадой статей 18 и 19 Пакта. Он представлен адвокатом г-ном Дугласом Х. Кристи.

Факты в изложении автора

2.1 Автор работал учителем-консультантом с отстающими учениками по развитию навыков чтения в одном из школьных округов провинции

---

* В рассмотрении настоящего сообщения участвовали следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Прафуллачандра Натварлал Бхагвати, г-жа Кристина Шане, лорд Колвилл, г-жа Элизабет Эват, г-жа Пилар Гайтан де Помбо, г-н Луис Хенкин, г-н Эккарт Кляйн, г-н Давид Крецмер, г-н Раджумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Роман Верушевский и г-н Абдалла Захья.

В соответствии с пунктом 85 правил процедуры Комитета г-н Максвелл Ялден не участвовал в рассмотрении дела.

Текст особого мнения одного члена Комитета прилагается к настоящему документу.

Нью-Брансуик с сентября 1976 года до сентября 1991 года. На протяжении этого периода он опубликовал несколько книг и брошюр и выступал с публичными заявлениями, включая телевизионное интервью, касающимися спорных, предположительно религиозных вопросов. В его книгах затрагивались проблемы аборт, конфликтов между иудаизмом и христианством и защиты христианской религии. Освещение его работ в местных средствах массовой информации способствовало распространению его идей в общине. Автор подчеркивает, что его публикации не противоречили канадским законам и что он никогда не подвергался преследованиям за выражение своих мнений. Кроме того, все его публикации были написаны в свободное от работы время, а свои мнения он никогда не пропагандировал в своей преподавательской деятельности.

2.2 Вследствие высказывавшихся замечаний преподавательская работа автора в школе контролировалась с 1979 года. Споры вокруг автора разрастались, и в связи с выраженной общественностью озабоченностью 16 марта 1988 года школьный совет объявил автору выговор и предупредил его о том, что дальнейшее публичное осуждение его взглядов может привести к новым дисциплинарным мерам, включая увольнение. Вместе с тем ему было разрешено продолжать преподавательскую деятельность, а запись о применении указанной дисциплинарной меры была исключена из его личного дела в сентябре 1989 года. 21 ноября 1989 года автор выступил по телевидению, в связи с чем 30 ноября 1989 года школьный совет объявил ему новый выговор.

2.3 21 апреля 1988 года г-н Дэвид Эттис, родитель-еврей, чьи дети учились в другой школе в том же школьном округе, обратился с жалобой в Комиссию по правам человека провинции Нью-Брансуик, утверждая, что школьный совет, не приняв мер против автора, простил ему антиеврейские высказывания и тем самым нарушил статью 5 Закона о правах человека, проявив дискриминацию в отношении учеников-евреев и учеников других меньшинств. Эта жалоба в конечном итоге привела к санкциям, изложенным ниже в пункте 4.3.

Соответствующие внутренние процедуры и законодательство

3.1 В силу федерального государственного устройства канадское законодательство в области прав человека подразделяется на федеральную и провинциальную ветви. В каждой провинции, равно как и на федеральном и территориальном уровнях, принято свое законодательство в области прав человека. Детали различных законодательных режимов могут различаться, но их общая структура и охват одинаковы.

3.2 Согласно утверждениям государства-участника, кодексы прав человека защищают канадских граждан и резидентов от дискриминации в различных областях, включая работу, жилье и услуги, оказываемые населению. Любое лицо, утверждающее, что оно является жертвой дискриминации, может подать жалобу в соответствующую комиссию по правам человека, которая проводит расследование по факту жалобы. Бремя доказывания, которое возлагается на истца, основано на принятом в гражданском праве критерии соотношения вероятностей, и от истца не требуется доказать наличие умысла у того или иного лица. Суд, назначаемый для рассмотрения жалобы, уполномочен применять широкий круг мер судебной защиты, но не может выносить

уголовные наказания. Лица, обеспокоенные высказываниями, направленными против конкретных меньшинств, могут направлять жалобу только в комиссию по правам человека или, помимо этого, в полицию.

3.3 Жалоба на действия школьного совета была подана в соответствии со статьей 5(1) Кодекса прав человека провинции Нью-Брансуик. Эта статья гласит:

"Никто, прямо или косвенно, в индивидуальном порядке или совместно с другим лицом, лично или со слов другого лица, не должен

а) отказывать какому-либо лицу или группе лиц в жилье, услугах или возможностях, предоставляемых населению, или

б) дискриминировать какое-либо лицо или группу лиц в том, что касается жилья, услуг или возможностей, предоставляемых населению,

по признаку расы, цвета кожи, религии, национального или родового происхождения, места рождения, возраста, физических и умственных недостатков, семейного положения, половой ориентации или пола".

3.4 В своей жалобе г-н Эттис заявил, что школьный совет нарушил статью 5 при предоставлении населению услуг в области образования, которые представляли собой дискриминацию по признаку религии и родового происхождения, поскольку он не принял адекватные меры в отношении автора. В соответствии со статьей 20 (1) того же закона, если Комиссия по правам человека не в состоянии урегулировать дело, она может назначить следственную комиссию в составе одного или нескольких лиц для проведения расследования этого дела. Комиссия, назначенная для изучения жалобы против школьного совета, вынесла свое решение в соответствии со статьей 20 (6.2) того же закона, которая гласит:

"В тех случаях, когда по завершении расследования комиссия, исходя из соотношения вероятностей, устанавливает, что имело место нарушение настоящего Закона, она может предписать любой стороне, признанной нарушившей Закон,

а) совершить то или иное действие или те или иные действия или воздерживаться от их совершения для соблюдения положений Закона,

б) устранить любой вред, причиненный нарушением,

с) восстановить любую сторону — жертву нарушения, в том положении, в котором она находилась до совершения нарушения,

d) восстановить на работе любую сторону, которая была уволена в нарушение Закона,

е) компенсировать любой потерпевшей стороне любые последующие расходы, финансовые потери или лишение пособия в таком объеме, который Комиссия считает справедливым и уместным, и

f) компенсировать любой потерпевшей стороне любой последующий моральный ущерб, включая ущерб в результате оскорбления достоинства личности, чувств или посягательства на самоуважение в таком объеме, в каком Комиссия считает справедливым и уместным".

3.5 С 1982 года Канадская хартия прав и свобод (Хартия) стала составной частью Конституции Канады, в связи с чем любой закон, вступающий в коллизию с ее положениями, утрачивает силу в связи с таким несоответствием. Хартия распространяется на федеральные, провинциальные и территориальные органы власти в Канаде в отношении всех предпринимаемых ими действий на законодательном, исполнительном или административном уровнях. Провинциальные кодексы прав человека и любые решения, принимаемые на основании таких кодексов, контролируются положениями Хартии. Ограничение того или иного права, провозглашенного в Хартии, может быть обосновано положениями статьи 1 Хартии, если правительство сможет доказать, что это ограничение предписано законом и оправдано в свободном и демократическом обществе. В статьях 1, 2 а) и 2 b) Хартии провозглашается следующее:

"1. *Канадская хартия прав и свобод* гарантирует провозглашенные в ней права и свободы, в отношении которых допускаются только такие разумные ограничения, которые установлены законом и могут быть убедительно обоснованы в свободном и демократическом обществе.

2. Каждый пользуется следующими основными свободами:

а) свободой совести и религии;

б) свободой мысли, мнений и убеждений и их выражения, включая свободу прессы и прочих средств коммуникации;..."

3.6 Как на федеральном, так и на провинциальном уровнях существуют также и другие законодательные механизмы, регулирующие вопросы, касающиеся выражения мнений, направленных против отдельных групп лиц в канадском обществе. Например, Уголовным кодексом запрещается пропаганда геноцида, публичного разжигания ненависти и преднамеренного распространения ненавистнических взглядов. Для возбуждения преследования в связи с таким правонарушением необходимо получить согласие Генерального прокурора. Бремя доказывания со стороны Короны состоит в том, чтобы показать, что обвиняемый виновен сверх разумного сомнения, и доказать наличие всех требуемых элементов правонарушения, включая тот факт, что обвиняемый имел необходимую *mens rea*.

Рассмотрение в национальных судах

4.1 1 сентября 1988 года для изучения жалобы была учреждена Следственная правозащитная комиссия. Комиссия начала слушание дела в декабре 1990 года и продолжала его до весны 1991 года. На слушании были представлены все стороны, которые согласно государству-участнику имели полную возможность приводить доказательства и выступать с заявлениями. В целом слушание заняло 22 дня, свидетельские показания были представлены 11 свидетелями. Комиссия признала, что наличие каких-либо аспектов преподавательской деятельности автора, позволяющих обосновать жалобу о дискриминации, не было доказано. Вместе с тем Комиссия также отметила, что:

"...поведение учителя в свободное от преподавания время может отразиться на его служебных обязанностях и тем самым имеет отношение к делу... Важным аспектом, подлежащим рассмотрению при определении наличия дискриминации в отношении истца со стороны г-на Малькольма

Росса и школьного совета, является то, что учителя призваны служить примером для учащихся независимо от того, учатся ли они в классе этого учителя или нет. Помимо простого преподавания учебных дисциплин детям в классе учителя играют намного более широкую роль, влияя на детей посредством своего общего поведения на занятиях и посредством своего внешкольного образа жизни. Такое общее влияние на учащихся означает, что поведение учителя за стенами школы может входить в сферу действия трудовых отношений. Хотя трудно ограничивать свободу работников вести свою независимую жизнь в свободное от работы время, судебные прецеденты предусматривают право принимать дисциплинарные меры в отношении работников в связи с их поведением в нерабочее время, если доказано, что это поведение оказывает отрицательное влияние на деятельность работодателя".

4.2 В своей оценке деятельности автора в нерабочее время и ее воздействия Следственная комиссия учла четыре опубликованные книги или брошюры, озаглавленные соответственно Web of Deceit, The Real Holocaust, Spectre of Power и Christianity vs. Judeo-Christianity, а также письмо издателю газеты The Miramichi Leader от 22 октября 1986 года и телевизионное интервью в 1989 году. Следственная комиссия указала, в частности, что она

"...без колебаний пришла к выводу о том, что в этих опубликованных Малькольмом Россом материалах и комментариях содержатся высказывания, которые *prima facie* являются дискриминационными в отношении лиц иудейской веры и их родового происхождения. Невозможно перечислить все наносящие вред мнения или дискриминационные комментарии, содержащиеся в его письменных материалах, поскольку они многочисленны и пронизывают все его печатные работы. Эти комментарии дискредитируют религиозные убеждения евреев и призывают подлинных христиан не только подвергать сомнению обоснованность иудейских верований и учений, но и презрительно относиться к иудаизму и родовому происхождению евреев как подрывающих свободу, демократию и христианские убеждения и ценности. Малькольм Росс квалифицирует иудаизм как врага и призывает всех христиан объединиться в борьбе с ним.

Малькольм Росс использует в своих печатных материалах метод цитирования других авторов, которые выступали с заявлениями, порочащими евреев и иудаизм. Он сопровождает эти порочащие цитаты своими собственными комментариями таким образом, что имеются все основания считать, что он придерживается мнений, высказанных в этих цитатах. Во всех своих книгах Малькольм Росс постоянно утверждает, что христианской вере и образу жизни угрожает международный заговор, в котором ведущую роль играют лидеры еврейства.

...Публикации и комментарии Малькольма Росса нельзя отнести к области научной полемики, что могло бы исключить их из сферы действия положений статьи 5 [Закона о правах человека]. Манера изложения материалов не предполагает объективного суммирования результатов и выводов или предложений. Хотя эти публикации, вероятно, связаны с определенной значительной исследовательской работой, главная цель Малькольма Росса явно заключается в том, чтобы

подвергнуть сомнению честность, порядочность, достоинство и побуждения евреев, а не в том чтобы изложить результаты научных исследований".

4.3 Следственная комиссия заслушала двух учащихся из школьного округа, которые подробно описали учебную среду. В частности, они сообщили о неоднократном и постоянном преследовании еврейских учащихся, выражающемся в присвоении унижительных кличек, вырезании свастики на партах учащихся-евреев, рисовании свастики на школьных досках и общем запугивании учащихся-евреев. Следственная комиссия не нашла прямых доказательств того, что поведение автора вне стен школы оказывало влияние на школьный округ, но вместе с тем признала разумным предположить, что его публикации представляют собой фактор, способствующий дискриминационному в некотором роде поведению учащихся. В заключение Следственная комиссия сочла, что публичные высказывания и публикации Малькольма Росса на протяжении многих лет постоянно способствовали созданию "нездоровой среды в школьном округе 15, что негативно сказывалось на качестве услуг в области образования, предоставлявшихся истцу и его детям". Таким образом, Следственная комиссия признала, что Школьный совет несет косвенную ответственность за дискриминационные действия его работника и что он прямо нарушил закон, не применив своевременных и надлежащих дисциплинарных мер к автору, одобряя тем самым его внешкольную деятельность и публикации. Исходя из этого, 28 августа 1991 года Следственная комиссия постановила:

"...2) Школьному совету

a) немедленно предоставить Малькольму Россу отпуск без сохранения содержания на 18 месяцев;

b) назначить Малькольма Росса на пост, не связанный с преподаванием, если ... такой пост окажется вакантным в школьном округе 15 и для которого Малькольм Росс имеет достаточную квалификацию...

c) прекратить пользоваться его услугами по окончании 18-месячного отпуска без сохранения содержания, если за это время ему не будет предложена работа, не связанная с преподаванием, которую он согласится выполнять;

d) незамедлительно уволить Малькольма Росса из Школьного совета, если в любое время в течение 18-месячного отпуска без сохранения содержания или в любое иное время во время его работы на посту, не связанном с преподаванием, он: i) опубликует или напишет в целях публикации что-либо относительно еврейского или сионистского заговора или выступит с нападками на последователей иудаизма, или ii) прямо или косвенно опубликует, продаст или распространит любые из следующих публикаций: Web of Deceit, The Real Holocaust (The attack on unborn children and life itself), Spectre of Power, Christianity vs Judeo-Christianity (The battle for truth)".

4.4 Во исполнение этого постановления Школьный совет перевел автора на работу, не связанную с преподаванием в школьном округе. Автор обратился с ходатайством о пересмотре этого решения в судебном порядке, требуя признать

недействительным и отменить это решение. 31 декабря 1991 года Кригэн Дж., судья Суда королевской скамьи, признал эту апелляцию частично обоснованной и отменил пункт 2 d) постановления на том основании, что он выходит за рамки юрисдикции и нарушает статью 2 Хартии. В отношении пунктов а), b) и с) постановления суд указал, что они ограничивают признанные Хартией права автора на свободу религии и выражения своих мнений, но вместе с тем сохранил их в силе в соответствии со статьей 1 Хартии.

4.5 Автор обжаловал решение Суда королевской скамьи в Апелляционном суде провинции Нью-Брансуик. Одновременно с этим г-н Эттис подал встречную апелляцию в отношении решения Суда, касающегося пункта 2 d) постановления. Апелляционный суд удовлетворил апелляцию автора, отменив постановление, вынесенное Следственной комиссией и тем самым отклонил встречную апелляцию. В своем решении от 20 декабря 1993 года Суд признал, что постановление нарушило права автора, закрепленные в статьях 2 а) и b) Хартии, установив ему наказание за публичное выражение его искренних взглядов и воспрепятствовав продолжению им преподавательской работы. Суд указал, что, поскольку именно деятельность автора в свободное от преподавания время послужила причиной жалобы и поскольку никогда не утверждалось, что он использовал свое служебное положение для распространения своих религиозных взглядов, принятая мера защиты не соответствует критериям статьи 1 Хартии; другими словами, как представляется, отсутствовало конкретное весомое основание для отмены конституционной гарантии пользования автором свободой выражения своих мнений. По мнению Суда, принятие иного решения означало бы оправдание запрещения высказывать мнения, которые не являются политически популярными на данном конкретном этапе. Один судья, Райан Дж.А., не согласился с такой позицией и заявил, что следует отклонить апелляцию автора и удовлетворить встречную апелляцию, восстановив пункт 2 d) упомянутого постановления.

4.6 После этого г-н Эттис, Комиссия по правам человека и Канадский еврейский конгресс попросили разрешения на подачу апелляции в Верховный суд Канады, который принял апелляцию и своим решением от 3 апреля 1996 года отменил решение Апелляционного суда и восстановил пункты 2 а), b) и с) постановления. Принимая это решение, Верховный суд, во-первых, признал, что заключение Следственной комиссии о том, что дискриминация со стороны Школьного совета противоречит статье 5 закона о правах человека, подкрепляется доказательствами и не содержит никаких ошибок. В отношении доказательства наличия дискриминации со стороны Школьного совета в целом и, в частности, создания нездоровой обстановки в школьном округе, что обусловлено поведением автора, Верховный Школьный суд постановил:

"...что в данном деле логическое рассуждение позволяет подкрепить вывод о том, что постоянная работа [автора] в целом оказывала вредное воздействие на учебный процесс, создавая "нездоровую" обстановку, характеризующуюся отсутствием равенства и терпимости. Поведение [автора] в свободное от уроков время отрицательно сказывалось на его способности быть беспристрастным и воздействовало на учебную среду, в которой он преподавал. (пункт 49)

...Основанием, позволяющим "разумно предполагать" наличие причинно-следственной связи в этой апелляции, является то серьезное влияние, которое учителя оказывают на своих учеников, а также общественный статус учителя. Таким образом, необходимо освободить [автора] от преподавательской деятельности, с тем чтобы он не оказывал никакого влияния подобного рода на своих учеников и чтобы обучение было свободно от дискриминации." (пункт 101)

4.7 В отношении особого положения и ответственности учителей, а также значимости поведения учителя в свободное от уроков время Верховный суд высказал далее следующее замечание:

"...Деятельностью учителя обусловлен авторитет школьной системы. Учителя пользуются доверием и оказывают значительное влияние на своих учеников в силу своего положения. Поведение учителя оказывает непосредственное воздействие на восприятие обществом способности учителя занимать такое положение, основанное на доверии, а также на доверие общества к национальной школьной системе.

...Благодаря своему поведению преподаватели как "передаточное звено" должны восприниматься в качестве носителей ценностей, убеждений и знаний, передаваемых школьной системой. Поведение учителя оценивается исходя из его статуса в обществе, а не из того, как он ведет себя в школе или за ее пределами. Общество видит в учителе лицо, выполняющее образовательную миссию, и ввиду его статуса в обществе он не может менять свое поведение в зависимости от обстоятельств.

...Именно исходя из статуса, которому присущи доверие и влияние, мы можем предъявлять к учителю высокие требования как в школе, так и вне школы, а эрозия этих требований может подорвать доверие общества к национальной школьной системе. Мы не хотим быть понятыми так, как будто мы выступаем за подход, подчиняющий всю жизнь учителей чрезмерному контролю, руководствуясь более высокими нравственными нормами поведения. Это могло бы привести к излишнему посягательству на право на частную жизнь и на основные свободы учителей. Вместе с тем если "нездоровая" обстановка в школьной системе объясняется поведением учителя в свободное от преподавания время, следствием которого может быть утрата доверия к учителю и к системе в целом, то в этом случае поведение учителя за стенами школы имеет отношение к делу." (пункты 43-45)

4.8 Во-вторых, Суд изучил соответствие отмененного постановления положениям Конституции Канады. В этом отношении Суд, во-первых, признал, что постановление нарушило статьи 2 а) и 2 b) Хартии, поскольку оно фактически ограничило соответственно свободу вероисповедания автора и его свободу выражать свое мнение. Далее Суд рассмотрел вопрос о том, можно ли обосновать эти нарушения положениями статьи 1 Хартии, и нашел, что эти нарушения были совершены в стремлении устранить дискриминацию в предоставлении услуг в области образования населения, которое является "наущной и существенной" целью. Суд далее указал, что меры а), b) и c), предусмотренные постановлением, соответствуют критерию соразмерности (т.е. что существует разумная связь между этими мерами и их целью), что ограничение права автора было минимальным и что существует соразмерность

между последствиями мер и их целью. Мера d) была признана необоснованной, поскольку она предусматривает не минимальное ограничение конституционных свобод автора, а налагает постоянный запрет на выражение его мнений.

Жалоба

5.1 Автор утверждает, что его права, предусмотренные статьями 18 и 19 Пакта, были нарушены, поскольку ему было отказано в праве свободно выражать свои религиозные убеждения. В этом контексте его адвокат подчеркивает, — что было признано судами, — что автор никогда не выражал свои мнения во время уроков и что он считается хорошим учителем. Адвокат далее заявляет, что нет никаких доказательств того, что публикации автора отрицательно повлияли на учеников школы и что автор никогда не совершал никаких актов дискриминации. В этом контексте указывается, что в классе, где преподавал автор, не было учеников-евреев.

5.2 Адвокат утверждает, что нет никакой разумной связи между выражением дискриминационного религиозного мнения (т.е. что одна религия подлинна, а другая ложна) и актом дискриминации (т.е. особое отношение к кому-нибудь ввиду его религиозной принадлежности). В этой связи он заявляет, что мнения автора являются искренними и носят религиозный характер; он выступает против философии иудаизма, поскольку полагает, что христианство подвергается нападкам со стороны сионистских кругов. Адвокат утверждает, что требование о том, чтобы совесть работника и его религиозные убеждения в его неслужбное время подвергались контролю со стороны государства или работодателя, выхолащивает саму суть свободы вероисповедания.

5.3 Адвокат далее утверждает, что мнения автора и их выражение не противоречат канадскому законодательству, которое запрещает пропаганду вражды, и что он никогда не подвергался преследованию за выражение своих идей. Адвокат считает, что дело автора не сравнимо с делом Дж. Р. Т. и У. Дж. против Канады¹, а скорее сопоставимо с делом Фогт против Германии², рассматривавшимся Европейским судом по правам человека. Адвокат заявляет, что постановление аннулировало право автора на преподавание, которое является его профессиональным источником существования.

5.4 Адвокат далее утверждает, что, если Следственная комиссия считала, что в школьном округе ощущается антисемитская атмосфера среди учащихся, она должна была бы рекомендовать принять дисциплинарные меры в отношении учащихся, совершающих такие акты дискриминации. Автор отрицает, что его мнения являются расистскими, и заявляет, что расизма в них не более, чем в атеизме или даже в самом иудаизме. Далее утверждается, что критику иудаизма или сионизма по религиозным причинам нельзя приравнивать к антисемитизму. Автор вновь утверждает, что он подвергается дискриминации, поскольку он убежден в том, что учитель, публично выступивший бы с нападками на христианство, не подвергался бы подобным дисциплинарным мерам.

Сообщение государства-участника и соответствующие комментарии автора

6.1 В своем сообщении от 7 сентября 1998 года государство-участник излагает свои замечания как в отношении приемлемости сообщения, так и в

отношении его существа. Государство-участник заявляет, что сообщение следует признать неприемлемым как из-за отсутствия оснований, так и по причине его несовместимости с соответствующими положениями Пакта. Если же Комитет решит, что сообщение автора приемлемо, государство-участник намерено заявить, что оно не нарушило статьи 18 и 19 Пакта.

6.2 Государство-участник утверждает, что сообщение должно считаться неприемлемым как несовместимое с положениями Пакта в связи с тем, что публикации автора подпадают под действие пункта 2 статьи 20 Пакта, поскольку они должны рассматриваться как "выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию". В связи с этим государство-участник указывает, что, по мнению Верховного суда Канады, указанные публикации унижают веру и убеждения еврейского народа и призывают "истинных христиан" не просто ставить под сомнение обоснованность этих убеждений, а пренебрежительно относиться к тем, кто исповедует иудаизм. Кроме того, говорится, что автор квалифицирует иудаизм как врага и призывает "христиан" присоединиться к борьбе.

6.3 Государство-участник утверждает, что статьи 8, 19 и 20 Пакта следует толковать в совокупности и что тем самым его нельзя считать нарушившим статью 18 или 19 в результате принятия мер с целью соблюдения статьи 20. Оно заявляет, что свобода вероисповедания и выражения мнений в соответствии с Пактом должна толковаться как исключаящая пропаганду национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющую собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию. В связи с этим государство-участник также ссылается на пункт 1 статьи 5 Пакта и заявляет, что толкование статей 18 и 19 как защищающих распространение антисемитских высказываний, прикрывающихся христианством, отрицает за евреями свободу на свое вероисповедание, порождает страх у евреев и прочих религиозных меньшинств и подрывают авторитет христианской веры.

6.4 В отношении толкования и применения положений статьи 20 государство-участник ссылается на практику Комитета, в частности, на дело Дж. Р. Т. и У. Дж. против Канады³. Государство-участник отмечает, что по утверждению адвоката автора рассматриваемое дело отличается от дела Дж. Р. Т. и У. Дж. против Канады в том, что г-н Росс не высказывал свои мнения на своем рабочем месте; что его мнения носили религиозный характер; и что ни одна из его публикаций не противоречила канадскому законодательству. Признавая, что между этими двумя делами имеются некоторые фактические различия, государство-участник заявляет, что между ними имеются также важные общие черты и что правило о неприемлемости сообщений, несовместимых с Пактом, в равной степени применимо. Во-первых, оно указывает, что оба сообщения касаются антисемитских выступлений. Государство-участник отрицает утверждение адвоката о том, что взгляды автора носят религиозный характер, и утверждает, что они пропагандируют антисемитизм и их нельзя считать религиозными убеждениями или частью христианской веры. Во-вторых, указывается, что оба сообщения касаются постановлений, принятых во исполнение законодательства в области прав человека, а не обвинений в пропаганде вражды на основании положений Уголовного кодекса. В связи с этим государство-участник заявляет, что адвокат ошибается, когда он утверждает, что публикации и публичные заявления автора не противоречат

канадскому законодательству. Согласно государству-участнику, публикации и заявления противоречат закону о правах человека провинции Нью-Брансуик, на основании которого они признаны дискриминационными и создавшими нездоровую обстановку в школьном округе.

6.5 Государство-участник далее заявляет, что жалобу автора, поданную в соответствии со статьей 18, следует признать неприемлемой как несовместимую с положениями Пакта также потому, что его мнения "не отражают религиозных верований и, несомненно, не соответствуют принципам христианства". Государство-участник утверждает, что автор "прикрывает свои высказывания христианством, но фактически его взгляды выражают вражду и подозрение к еврейскому народу и его религии". Оно далее указывает, что автор не привел никаких доказательств, свидетельствующих о том, что антисемитские взгляды являются частью христианства и что никакого такого доказательства не будет представлено. Государство-участник также утверждает, что мнения автора не являются выражением религиозных взглядов, поскольку он опубликовал их не в целях отправления и соблюдения религиозных обрядов или пропаганды вероучения.

6.6 Наконец, что касается совместимости сообщения с положениями Пакта, то государство-участник ссылается на пункты 2 и 4 статьи 18 и утверждает, что государства-участники в соответствии с этими положениями обязаны обеспечивать, чтобы учителя в системах национального образования поощряли уважение ко всем религиям и верованиям и активно разоблачали любые формы пристрастности, предубеждения или нетерпимости. Государство-участник утверждает, что, если бы автору было разрешено продолжать преподавание, это было бы нарушением этих положений и воспрепятствовало бы праву учеников-евреев выражать свои убеждения и испытывать чувство спокойствия и самоуважения в системе национального образования. Таким образом, оно заявляет, что жалобу автора в соответствии со статьей 18 следует признать неприемлемой как несовместимую также с пунктами 2 и 4 статьи 18 Пакта.

6.7 Кроме того, государство-участник заявляет, что жалоба в соответствии со статьей 18 и жалоба в соответствии со статьей 19 должны быть признаны неприемлемыми на том основании, что автор не представил достаточных доказательств для обоснования жалобы *prima facie*. Отмечая, что автор препроводил Комитету только копии своих собственных представлений Верховному суду и решений судов, государство-участник утверждает, что, автор высказав самоуверенное утверждение о том, что решение Верховного суда нарушает его права, предусмотренные статьями 18 и 19, не представил в сообщении никаких конкретных фактов, достаточных для обоснования его приемлемости. В частности, оно заявляет, что ничто в обширном и тщательно мотивированном решении, принятом единогласно девятью членами Верховного суда, не может служить подтверждением утверждений, высказанных автором.

6.8 Что же касается существа сообщения, то государство-участник, во-первых, заявляет, что автор не пояснил, каким образом его права на свободу вероисповедания и свободное выражение своих мнений были ограничены постановлением Следственной комиссии, подтвержденным Верховным судом. Утверждается, что автор свободен выражать свои мнения, будучи принятым на

работу Школьным советом, но только в свободное от преподавания время, или же на работе в другом месте.

6.9 Если же Комитет сочтет, что права автора на свободу вероисповедания и/или выражение своих мнений были ограничены, государство-участник заявляет, что эти ограничения основаны соответственно на положениях пункта 3 статьи 18 и пункта 3 статьи 19, поскольку они i) предусмотрены законом, ii) были наложены согласно одной из признанных целей и iii) были необходимы для достижения указанной цели. Государство-участник заявляет, что анализ, который должен быть проведен Комитетом в этой связи, весьма напоминает анализ, примененный Верховным судом Канады в соответствии со статьей 1 Хартии и что Комитету следует обратить должное внимание на решение Суда.

6.10 Что касается требования о том, что любые ограничения должны быть предусмотрены законом, то государство-участник указывает, что решение о признании публикаций и публичных заявлений автора дискриминационными и создавшими нездоровую обстановку было принято на основании пункта 1 статьи 5 закона о правах человека провинции Нью-Брансуик. Далее говорится, что постановление, вынесенное Следственной комиссией, представляет собой средство правовой защиты от нарушения пункта 1 статьи 5 и соответствует упомянутому закону.

6.11 Что же касается требования о том, что ограничение должно налагаться по одному из мотивов, изложенных соответственно в пункте 3 статьи 18 и в пункте 3 статьи 19, то государство-участник заявляет, что постановление было вынесено в целях как защиты основных прав других лиц⁴, так и защиты нравственности населения. Что касается первой из этих целей, то государство-участник ссылается на дело Фориссон против Франции⁵ и заявляет, что постановление в отношении автора было принято в целях защиты свободы религии и свободного выражения мнений, а также права на равенство еврейской общины. Государство-участник указывает, что Верховный суд признал, что постановление в отношении автора защищает основные права и свободы родителей-евреев на образование их детей, а детей-евреев — получать образование в национальной школьной системе, свободной от необъективности, предубеждений и нетерпимости. Что же касается защиты нравственности населения, то государство-участник заявляет, что канадское общество является многокультурным и что нравственные устои требуют, чтобы все канадцы имели право на равное отношение без дискриминации по признаку расы, религии или национального происхождения.

6.12 Кроме того, государство-участник заявляет, что любые ограничения, содержащиеся в постановлении, явно необходимы для защиты как основных прав и свобод еврейского населения, так и канадских ценностей уважения равенства и разнообразия (моральные устои). Государство-участник утверждает, что постановление было необходимо, для того чтобы обеспечить детям в соответствующем школьном округе возможность получения образования в учебных заведениях, свободных от необъективности, предубеждений и нетерпимости и способствующих укреплению канадских ценностей равенства и уважения разнообразия. Кроме того, утверждается, что было необходимо отстранить автора от преподавания, с тем чтобы оздоровить обстановку, созданную его публикациями и публичными заявлениями. В этой

связи государство-участник заявляет — как признал Верховный суд, — что учителя пользуются доверием и оказывают значительное влияние на учащихся. Именно поэтому к учителям следует предъявлять более высокие требования в отношении их поведения как в классе, так и за пределами школы. По мнению государства-участника, автор как школьный учитель занимает положение, дающее ему возможность оказывать влияние на молодежь, которая еще не обладает знаниями или суждениями, позволяющими правильно оценивать мнения и убеждения. Кроме того, Следственная комиссия заслушала свидетелей, которые подтвердили, что учащиеся-евреи испытывали страх, унижение и нежелание участвовать в школьных мероприятиях из-за заявлений автора. Утверждается, что такое постановление было необходимым для исправления сложившейся ситуации.

6.13 Наконец, государство-участник, отмечая, что автор ссылается на решение Европейского суда по правам человека в деле Фогт против Германии⁶, утверждает, что это решение отличается от данного решения по многим важным аспектам. Во-первых, истец в деле Фогта был активным членом законной политической партии, объявленной целью которой является содействие миру и борьба с неофашизмом. Во-вторых, характер речей в обоих случаях полностью различен, поскольку политические убеждения в деле Фогта не носили дискриминационного характера, как в рассматриваемом деле.

7.1 В своих замечаниях от 27 апреля 1999 года автор вновь повторяет, что нет доказательств того, что он когда-либо выражал какое-либо свое мнение в ходе занятий. Кроме того, нет никаких доказательств того, что его личные убеждения оказывали какое-либо влияние на его рабочем месте, т.е. что они создавали нездоровую обстановку. Следственная комиссия сочла разумным лишь предполагать такие последствия.

7.2 Автор отрицает, что его публикации и заявления подрывают демократические ценности и что они являются антисемитскими. Он также отрицает, что они аналогичны пропаганде религиозной вражды, являющейся подстрекательством к дискриминации, вражде и насилию. В отношении утверждения государства-члена применительно к статье 20 Пакта автор заявляет, что нигде в своих публикациях он не пытается подстрекать к вражде, а "защищает свою религию от вражды со стороны других". По поводу статьи 5 Пакта автор указывает, что он никогда не заявлял, что евреи не могут исповедовать свою религию без каких-либо ограничений. Напротив, он утверждает, что государство-участник отрицало за ним права и свободы, признанные в Пакте, поскольку Верховный суд постановил, что автор не может пользоваться своей религиозной свободой и одновременно быть учителем.

7.3 Кроме того, в отличие от того, что считает государство-участник, он указывает, что его заявления выражают религиозные убеждения по смыслу Пакта. Автор утверждает, что его книги были написаны "ради защиты христианства и его наследия от тех, кто хотел бы умалить их, и поощрения людей к преклонению перед Богом, Святой Троицей, как это проповедует христианство". Согласно автору, "пристрастное прочтение его книг направлено против его стремления работать совместно с другими христианами для выполнения старейшего христианского наказа установить Царство Христа в Обществе". В связи с этим автор также указывает, что Верховный суд Канады в своем решении признал, что это дело связано с выражением религиозных

убеждений, и отметил, что постановление Следственной комиссии нарушило свободу религии автора.

7.4 По поводу утверждения государства-участника о том, что автор не представил доказательств в отношении того, каким образом принятие постановления об отстранении его от преподавания при сохранении за ним возможности выражать собственное мнение вне занятий ущемило его свободу исповедовать свою религию и выражать свои мнения, автор заявляет, что в июне 1996 года ему было вручено уведомление работодателя об увольнении. Автор утверждает, что это является "тяжелым наказанием за осуществление им гарантированных Конституцией прав на свободу религии и свободу выражения своих мнений", и предполагает, что это уведомление стало результатом предыдущего постановления и решения Верховного суда или, по крайней мере, было с ним связано. Он далее утверждает, что не получил компенсации или выходного пособия и что единственной сообщенной ему причиной было сокращение поста. Автор заявляет, что с ним никогда не беседовали и ему не предлагали другой работы, хотя он к этому времени уже проработал 25 лет в школьном округе.

Дополнительное представление государства-участника и соответствующие комментарии автора сообщения

8.1 В своем новом представлении от 28 сентября 1999 года государство-участник отмечает утверждение автора об отсутствии каких-либо доказательств, подтверждающих вывод о "нездоровой обстановке" в школьном округе, создавшейся якобы ввиду публикаций и публичных заявлений автора. Оспаривая это утверждение, государство-участник ссылается на единогласное решение Верховного суда и, в частности, на его выводы, изложенные выше в пункте 4.7. Государство-участник утверждает, что Верховный суд подробно изучил установленные факты, касающиеся дискриминации, и пришел к выводу о наличии достаточных доказательств. Таким образом, по мнению государства-участника, следует отклонить относящиеся к этому утверждения автора.

8.2 По вопросу о том, можно ли считать мнения автора религиозными убеждениями по смыслу Пакта, государство-участник признает, что Верховный суд Канады квалифицировал мнения автора в качестве "религиозных убеждений" по смыслу Канадской хартии. Вместе с тем государство-участник указывает, что даже если канадский закон практически не налагает ограничений в отношении того, что он считает религиозными убеждениями в соответствии со статьей 2 Хартии, он все же защищает от злоупотреблений правом на религиозную свободу с помощью ограничительного положения, содержащегося в статье 1. Государство-участник утверждает, что в отличие от подхода, характерного для канадского законодательства, правовая практика Комитета по правам человека свидетельствует о том, что он более узко толкует статью 18. В частности, государство-участник ссылается на дело М.А.Б., У.Т. и Дж.-А.И.Т. против Канады⁷. Именно по причине этого различия в подходе государство-участник заявляет, что жалобу на основании статьи 18 следует признать неприемлемой в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола, даже если аналогичные по содержанию положения по-разному толкуются во внутреннем законодательстве Канады.

8.3 В отношении трудовой деятельности автора государство-участник отмечает, что он "был уволен с работы в 1996 году", но оспаривает утверждение о том, что это является "суровым наказанием за осуществление им гарантированных Конституцией прав на свободу религии и свободу выражения своих мнений" или что это каким-либо образом связано с предыдущими мерами в отношении автора. Государство-участник утверждает, что постановление следственной комиссии, подтвержденное Верховным судом, лишь в минимальной степени отразилось на обеспечении занятости автора сообщения. Оно заявляет, что после принятия постановления 28 августа 1991 года автору был предоставлен отпуск без сохранения содержания всего лишь на одну неделю, а именно с 4 по 10 сентября 1991 года. С 11 сентября 1991 года ему была предоставлена работа на полной ставке в управлении школьного округа, состоящая в организации помощи "отстающим" учащимся. Согласно государству-участнику, открытие этого поста, первоначально предусмотренного на 1991/92 учебный год, было обусловлено наличием финансовых средств, но фактически его финансирование осуществлялось до июня 1996 года. Финансирование было прекращено в результате общей реорганизации школьной системы провинции Нью-Брансуик с 1 марта 1996 года. Это повлекло за собой отмену школьных советов и наделение министра образования полномочиями по управлению системой образования с последующим сокращением как преподавательских, так и административных постов в этой провинции.

8.4 Государство-участник заявляет, что в любом случае не связанный с преподаванием пост автора, как конкретно оговаривалось, регулировался положениями коллективного договора между Советом управляющих и Федерацией преподавателей провинции Нью-Брансуик, который позволяет любому работнику обжаловать неправомерное временное отстранение от должности или увольнение и, если жалоба принимается к рассмотрению, получать правовую защиту. Государство-участник заявляет, что, поскольку автор не обращался за такой правовой защитой, он в настоящее время не может обращаться в Комитет с необоснованными утверждениями о том, что потеря работы является результатом постановления Следственной комиссии или решения Верховного суда.

9. В своем сообщении от 5 января 2000 года автор вновь повторяет свои доводы в отношении отсутствия прямых доказательств и вновь указывает на то, что его спорные мнения никогда не составляли часть его преподавательской деятельности. В отношении своей работы автор отмечает, что 3 апреля 1996 года Верховный суд поддержал постановление, аннулирующее решение Школьного совета, на основании которого ему должен был быть предложен пост, не связанный с преподаванием. При этом указывается, что ему никогда не предлагался такой пост, а что фактически он был уволен с 1 июля 1996 года. Согласно адвокату, тот факт, что автору не предлагалось нового поста после его увольнения в 1996 году, "является дальнейшим доказательством того пренебрежения, с которым правительство" относится к автору.

Рассмотрение вопроса о приемлемости сообщения

10.1 Прежде чем рассматривать любую жалобу, содержащуюся в сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 87 своих

правил процедуры принять решение о его приемлемости или неприемлемости в соответствии с положениями Факультативного протокола к Пакту.

10.2 Комитет отмечает, что обе стороны коснулись существа сообщения. Это позволяет Комитету рассмотреть как вопрос о приемлемости, так и существо дела на данной стадии в соответствии с пунктом 1 правила 94 правил процедуры. Вместе с тем в соответствии с пунктом 2 правила 94 правил процедуры Комитет не принимает решение относительно существа сообщения, не рассмотрев применимость всех критериев приемлемости, указанных в Факультативном протоколе.

10.3 Что касается утверждения автора о том, что его увольнение в 1996 году было связано с постановлением Верховного суда и тем самым является результатом ограничений его свободы слова и свободы исповедовать свою религию, то Комитет отмечает, что автор не использовал все доступные внутренние средства правовой защиты. Таким образом, эта часть жалобы автора является неприемлемой согласно пункту 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

10.4 Что же касается утверждений автора о том, что он является жертвой дискриминации, то Комитет считает, что его жалоба не обоснована с точки зрения приемлемости и тем самым неприемлема согласно статье 2 Факультативного протокола.

10.5 Комитет отмечает, что государство-участник оспорило приемлемость остальной части сообщения по целому ряду причин. Во-первых, государство-участник ссылается на пункт 2 статьи 20 Пакта, утверждая, что публикации автора следует считать "выступлением в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющим собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию". Ссылаясь на решение Комитета в деле Дж. Р.Т. и У. Дж. против Канады, государство-участник заявляет, что аналогичным образом данное сообщение должно быть признано неприемлемым в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола как несовместимое с положениями Пакта.

10.6 Отмечая, что такой подход действительно был применен в решении по делу Дж. Р.Т. и У. Дж. против Канады, Комитет считает, что ограничения права на свободное выражение своего мнения, которые могут быть основаны на статье 20, должны также допускаться в соответствии с пунктом 3 статьи 19, в которой излагаются условия допустимости ограничений на свободное выражение мнений. При применении этих положений тот факт, что введение ограничения, как утверждается, необходимо согласно статье 20, несомненно, имеет отношение к делу. В данном случае допустимость ограничений представляет собой вопрос, требующий рассмотрения по существу.

10.7 Аналогичным образом, Комитет считает, что вопросы о наличии ограничений права автора высказывать свои религиозные убеждения и о допустимости таких ограничений в соответствии с пунктом 3 статьи 18, являются приемлемыми.

10.8 Государство-участник также заявляло, что сообщение следует признать неприемлемым, поскольку автор не представил достаточных доказательств для обоснования жалобы *prima facie*. Государство-участник утверждает, что автор вместо того, чтобы представить подробное сообщение Комитету, просто

основывался на решениях национальных судов и на своих собственных представлениях Верховному суду. Таким образом, как утверждается, сообщение "не содержит достаточных фактов в обоснование его приемлемости". Однако Комитет считает, что автор четко изложил свои жалобы на нарушения и что прилагаемые материалы в достаточной мере обосновывают эти жалобы с точки зрения их приемлемости. Исходя из этого, Комитет изучает жалобы автора по существу в свете информации, представленной ему сторонами, как это требуется пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

Рассмотрение существа дела

11.1 В отношении жалобы автора в соответствии со статьей 19 Пакта Комитет отмечает, что согласно статье 19 Пакта любое ограничение права на свободное выражение мнений должно в совокупности отвечать ряду условий, изложенных в пункте 3. Таким образом, первый вопрос, рассматриваемый Комитетом, сводится к тому, было ли право автора на свободное выражение своих мнений ограничено постановлением Следственной комиссии от 28 августа 1991 года, подтвержденным Верховным судом Канады. В результате этого постановления автору был предоставлен отпуск без сохранения содержания сроком на одну неделю, а впоследствии он был переведен на должность, не связанную с преподаванием. Принимая к сведению довод государства-участника (см. пункт 6.8 выше) о том, что право автора на свободное выражение своих мнений не было ограничено, поскольку он мог свободно выражать свои мнения, выполняя не связанную с преподаванием работу или перейдя на другую работу, Комитет не может согласиться с тем, что отстранение автора от преподавания не было фактическим ограничением его права на свободное выражение своих мнений. Потеря должности преподавателя является значительным ущербом, даже если автор незначительно пострадал в материальном отношении или вообще не пострадал. Этот ущерб был причинен автору в связи с выражением им собственных мнений, и, согласно Комитету, это является ограничением, которое должно быть обосновано по смыслу пункта 3 статьи 19, с точки зрения его соответствия положениям Пакта.

11.2 Следующий вопрос, рассмотренный Комитетом, сводится к тому, удовлетворяет ли ограничение права автора на свободное выражение своих мнений условиям, изложенным в пункте 3 статьи 19, в том смысле, что оно должно быть установлено законом, должно соответствовать одной из целей, указанных в пункте 3 а) и b) (уважение прав и репутации других лиц; охрана государственной безопасности или общественного порядка, или здоровья или нравственности населения) и должно быть необходимым для достижения законной цели.

11.3 В отношении требования о том, что ограничение должно быть установлено законом, Комитет отмечает, наличие законных оснований для рассмотрения дела в суде, в результате которого автор был отстранен от преподавательской работы. Следственная комиссия указала, что высказанные автором в неслужебное время комментарии порочат еврейскую веру и что это отрицательно сказалось на обстановке в школе. Следственная комиссия признала Школьный совет косвенно ответственным за дискриминационные действия его работника и что он допускал дискриминацию учащихся-евреев непосредственно в Школьном округе в нарушение статьи 5 Закона о правах

человека провинции Нью-Брансуик вследствие непринятия своевременных и надлежащих дисциплинарных мер в отношении автора. В соответствии с положениями статьи 20 (6.2) того же закона Следственная комиссия предписала школьному совету принять меры для защиты от дискриминации, прибегнув к средствам, перечисленным выше в пункте 4.3. Действительно, как отмечено выше, дискриминация была устранена в результате предоставления автору отпуска без сохранения содержания сроком на одну неделю и его перевода на пост, не связанный с преподаванием.

11.4 Отмечая расплывчатые критерии положений, которые применялись в деле против Школьного совета и которые использовались для отстранения автора от преподавательской работы, Комитет должен также учитывать, что Верховный суд рассмотрел все аспекты этого дела и указал, что во внутреннем праве есть достаточно оснований для тех частей постановления, которые он восстановил. Комитет также отмечает, что автор был заслушан в ходе всего судопроизводства и что он имел возможность и воспользовался ею для обжалования решений, принятых в отношении него. В этих обстоятельствах Комитет не правомочен давать оценку заключениям Верховного суда по этому вопросу и соответственно признает, что ограничение установлено законом.

11.5 При оценке того, применялись ли ограничения права автора на свободное выражение своего мнения в целях, признанных Пактом, Комитет прежде всего отмечает⁸, что над правами или репутацией других лиц для защиты которых допустимы ограничения в соответствии со статьей 19, могут пониматься права каких-либо лиц или общины в целом. Например, как указывалось в деле Фориссон против Франции, применение ограничений может допускаться в отношении заявлений, способных породить или укрепить антисемитизм, с тем чтобы утвердить право еврейских общин на защиту от религиозной ненависти. Такие ограничения также вытекают из принципов, отраженных в пункте 2 статьи 20 Пакта. Комитет отмечает, что как Следственная комиссия, так и Верховный суд сочли, что заявления автора дискриминируют лиц иудейского вероисповедания и происхождения и что они порочат веру и убеждения евреев и призывают истинных христиан не только сомневаться в обоснованности установок и учения иудаизма, но и презрительно относиться к иудейской вере и родовому происхождению евреев как подрывающим свободу, демократию и христианские установления и ценности. Учитывая заключения в отношении характера и последствий публичных заявлений автора, Комитет приходит к выводу о том, что принятые в отношении него ограничения преследовали цель защиты "прав или репутации" лиц иудейского вероисповедания, включая право на обучение в системе школьного образования, свободной от необъективности, предубеждения и нетерпимости.

11.6 Последний вопрос, рассмотренный Комитетом, сводится к тому, было ли ограничение свободы автора выражать свои мнения необходимым для защиты прав или репутации лиц иудейского вероисповедания. В данных обстоятельствах Комитет напоминает, что осуществление права на свободное выражение мнений сопряжено с особыми обязанностями и ответственностью. Эти особые обязанности и ответственность особенно уместны в системе образования, прежде всего при обучении молодых учащихся. По мнению Комитета, влияние, оказываемое школьными учителями, может оправдывать введение ограничений с целью обеспечить, чтобы школьная система не придавала законный характер выражению мнений, являющихся

дискриминационными. В данном деле Комитет отмечает тот факт, что Верховный суд счел разумным предполагать наличие причинно-следственной связи между выражением автором своих мнений и "нездоровой школьной обстановкой" для детей-евреев в школьном округе. В этом контексте отстранение автора от преподавания может считаться ограничением, необходимым для защиты права и свободы детей-евреев обучаться в системе школьного образования, свободной от необъективности, предубеждения и нетерпимости. Кроме того, Комитет отмечает, что автор был переведен на работу, не связанную с преподаванием, после минимального отпуска без сохранения содержания и что такое ограничение не выходило за пределы необходимого, с тем чтобы обеспечить защитные меры. Исходя из этого, Комитет по правам человека приходит к выводу о том, что факты не свидетельствуют о нарушении статьи 19.

11.7 По поводу жалоб автора на основании статьи 18, то Комитет отмечает, что меры, принятые в отношении автора в постановлении Следственной комиссии в августе 1991 года были направлены не против его мнений или убеждений как таковых, а против их выражения в особом контексте. Свобода выражать религиозные убеждения может подвергаться ограничениям, установленным законом и необходимым для защиты основных прав и свобод других лиц, и в настоящем деле вопросы, подпадающие под действие пункта 3 статьи 18, являются, таким образом, по существу такими же, как и вопросы, подпадающие под действие статьи 19. В связи с этим Комитет считает, что статья 18 не была нарушена.

12. В соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах Комитет по правам человека считает, что представленные ему факты не обнаруживают нарушения какой-либо из статей Международного пакта о гражданских и политических правах.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Примечания

¹ Сообщение № 104/1981 — решение о неприемлемости, принятое 6 апреля 1983 года.

² Дело № 7/1994/454/535 — постановление, принятое 26 сентября 1995 года. В этом деле г-жа Фогт, в частности, утверждала, что ее увольнение с гражданской службы (как учителя) из-за ее политической деятельности как члена Германской коммунистической партии нарушило ее право на свободу выражения своего мнения, гарантированное статьей 10 Европейской конвенции. В конкретных обстоятельствах дела Суд постановил, что статья 10 была нарушена.

³ Это дело касалось записанных на пленку телефонных обращений автора и одной политической партии, предупреждавших людей "об опасностях сговоров международных финансовых кругов и международного еврейства, ведущих мир к войнам, безработице и инфляции и к подрыву мировых ценностей и принципов". Во исполнение статьи 3 Закона о правах человека Канадская комиссия по правам человека предписала автору и политической партии прекратить использовать телефон для передачи таких речей. Комитет

по правам человека постановил, что сообщение политической партии неприемлемо из-за статуса партии, а сообщение от автора неприемлемо как несовместимое с Пактом, поскольку передаваемые телефонограммы "явно представляли собой выступление в пользу расовой или религиозной вражды".

⁴ Пункт 3 статьи 18 касается "основных прав и свобод других лиц", тогда как пункт 3 статьи 19 — "прав и репутации других лиц".

⁵ Сообщение № 550/1993 — Соображения, принятые 8 ноября 1996 года.

⁶ См. сноску 3.

⁷ Сообщение № 570/1993 — Решение о неприемлемости, принятое 8 апреля 1994 года.

⁸ Как это указывается в Замечании общего порядка № 10 и в сообщении № 550/1993 Фориссон против Франции — Соображения, принятые 8 ноября 1996 года.

Добавление

Особое мнение Иполито Солари Иригойена (несогласное)

По моему мнению, пункты 11.1 и 11.2 соображений Комитета должны читаться следующим образом:

В отношении жалобы автора на нарушение права, защищаемого статьей 19 Пакта, Комитет отмечает, что осуществление права на свободное выражение своего мнения, предусмотренного пунктом 2 этой статьи, влечет за собой особые обязанности и особую ответственность, упомянутые в пункте 3. Таким образом, он не может принять жалобу относительно того, что право автора на свободное выражение своего мнения было ограничено постановлением Следственной комиссии от 28 августа 1991 года, подтвержденным Верховным судом Канады, поскольку это постановление согласуется с пунктом 3 статьи 19 Пакта. Следует также указать, что осуществление права на свободное выражение своего мнения нельзя рассматривать в отрыве от требований, изложенных в статье 20 Пакта, и что именно на эту статью ссылается государство-участник в обоснование мер, принятых в отношении автора, как указано выше в пункте 6.3.

(Подпись) И. Солари Иригойен

[Совершено на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является испанский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

**Г. Сообщение № 790/1997, Чебан против Российской Федерации
(Соображения приняты 24 июля 2001 года,
семьдесят вторая сессия)***

Представлено: г-ном Сергеем Анатольевичем Чебаном и др.
(представленными адвокатом г-жой Еленой
Козловой)

Предполагаемые жертвы: авторы сообщения

Государство-участник: Российская Федерация

Дата сообщения: 12 марта 1997 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28
Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 24 июля 2001 года,

завершив рассмотрение сообщения №790/1997, представленного
Комитету по правам человека г-ном Сергеем Анатольевичем Чебаном и др. в
соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о
гражданских и политических правах,

приняв во внимание всю письменную информацию, представленную ему
авторами сообщения и государством-участником,

принимает следующее:

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Авторами сообщения от 12 марта 1997 года являются Сергей Анатольевич Чебан, родившийся 27 февраля 1977 года, Сергей Александрович Мишкеткул, родившийся 20 февраля 1977 года, Василий Иванович Филиппевич, родившийся 14 апреля 1978 года и Станислав Игоревич Тимохин, родившийся 22 ноября 1978 года. Они утверждают, что являются жертвами нарушения Российской Федерацией пунктов 1, 2 и 3 е) статьи 14 и пункта 4 статьи 14 Пакта. Они утверждают также, что им было отказано в слушании их дела судом присяжных, что доступно для других, в связи с чем возникают проблемы по статье 26. Авторы представляет адвокат.

Фактическая сторона дела¹

2.1 Авторы были осуждены 17 февраля 1995 года Московским городским судом за совершение 24 января 1994 года уголовных преступлений как-то: изнасилование несовершеннолетней (в возрасте 13 лет на момент инцидента) с применением насилия и угроз и вступление в предварительный сговор с

---

* В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Прафулладандра Натварлал Бхагвати, г-н Морис Глеле Аханхансо, г-н Луис Хенкин, г-н Ахмед Тауфик Халиль, г-н Эккарт Кляйн, г-н Давид Крецмер, г-н Раджсумер Лаллах, г-н Рафаэль Ривас Посада, сэр Наджел Родли, г-н Мартин Шейнин, г-н Иван Ширер, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Патрик Велла и г-н Максвелл Яден.

преступной целью. Во время совершения преступления, за которое они были осуждены, авторам было по 15-16 лет, и они учились в школе-интернате в городе Москве. Московский городской суд вынес свой приговор на основе показаний потерпевшей; письменных показаний свидетелей; письменных показаний авторов; милицейского протокола по факту ареста авторов; и двух судебно-медицинских экспертиз, установивших, что потерпевшая имела половые сношения и что авторы были в состоянии вступать в половые сношения.

2.2 При вынесении приговора Суд заявил, что он принял во внимание возраст обвиняемых и положительные характеристики в их пользу. Филипцевич был приговорен к шести годам тюремного заключения, а трое других обвиняемых к пяти годам тюремного заключения каждый. Рассмотрев кассационную жалобу, Верховный суд оставил в силе приговор Московского городского суда и подтвердил вынесенные приговоры. Впоследствии заместитель Председателя Верховного Суда принес в Президиум этого Суда протест на вынесенные приговоры в порядке надзорного производства. 10 апреля 1996 года Президиум Верховного суда сократил сроки лишения свободы по приговору до четырех с половиной лет в случае Филипцевича и до четырех лет в случае каждого из трех других обвиняемых.

Жалоба

3.1 Авторы утверждают, что Московский городской суд проявил несправедливость в процессе принятия решения, чрезмерно перенеся центр тяжести в пользу потерпевшей. Они утверждают, что в отсутствие свидетелей изнасилования и прямых доказательств изнасилования судья основывал свое решение главным образом на показаниях потерпевшей. Адвокат подсудимых ходатайствовал перед судом о том, чтобы подвергнуть потерпевшую психиатрическому и психологическому обследованию, с тем чтобы оценить, насколько здраво она могла воспринимать и понимать события и обстоятельства, однако такого обследования предпринято не было.

3.2 На суде обвиняемые также просили воспроизвести обстановку инцидента и представить описание сцены предполагаемого преступления, включая фотографии и схемы, которые, по мнению авторов, позволили бы установить, виновны ли они в инкриминируемом им изнасиловании. Эти просьбы были отклонены. Авторы утверждают, что отклонение их просьб представляет собой нарушение пунктов 1, 2 и 3 е) статьи 14 Пакта.

3.3 Факты в изложении авторов могут также быть сопряжены с утверждениями о том, что государство-участник совершило нарушения пункта 4 статьи 14 и статьи 26 Пакта. Что касается пункта 4 статьи 14, то факты в изложении авторов позволяют предположить, что суд не принял во внимание возраст обвиняемых. Авторы неоднократно пытались прибегнуть к статье 20 российской Конституции 1993 года, которая предусматривает, что по делам, в связи с которыми обвиняемым может быть вынесен смертный приговор, обвиняемый может просить о рассмотрении дела с участием присяжных заседателей. В связи с отказом авторам в рассмотрении их дела судом с участием присяжных заседателей также может возникнуть вопрос по статье 26 по причине разницы в обращении между ними и другими

обвиняемыми, которые добились разбирательства своих дел в суде с участием присяжных заседателей.

Ответ государства-участника

4.1 В ответе государства-участника говорится, что жалоба о нарушении конституционных прав, утверждение о том, что вина авторов доказана не полностью и что досудебное следствие и процедуры не были доведены до конца, неоднократно расследовались компетентными судебными инстанциями и своего подтверждения не получили. Государство-участник заявляет, что на протяжении всего судебного разбирательства обвинение и обвиняемые пользовались равными правами.

4.2 Государство-участник утверждает, что обвиняемым не могла быть предоставлена возможность для рассмотрения их дела в суде присяжных потому, что в то время в его внутреннем праве отсутствовало положение о суде присяжных в городе Москве.

4.3 Авторы пользовались услугами адвоката с момента предъявления им обвинения, и их процессуальные права несколько раз разъяснялись им в присутствии адвоката.

Замечания авторов по поводу ответа государства-участника

5. В своих замечаниях по поводу ответа государства-участника авторы вновь заявляют, что суд над ними был несправедлив, поскольку им помешали собрать и представить доказательства своей невиновности.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

6.1 Прежде чем рассматривать любые утверждения, содержащиеся в сообщении, Комитет по правам человека в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры должен решить, является ли сообщение приемлемым по Факультативному протоколу к Пакту.

6.2 Комитет отмечает, что это дело не рассматривается по другой процедуре международного разбирательства и что внутренние средства правовой защиты были исчерпаны. Таким образом, соблюдены требования, изложенные в пункте 2 статьи 5 Факультативного протокола.

6.3 Комитет отмечает, что государство-участник не выдвинуло возражений в отношении приемлемости сообщения.

6.4 Что касается утверждений авторов о нарушении презумпции невиновности (пункт 2 статьи 14 Пакта), то Комитет находит, что это утверждение не было обосновано в достаточной мере для целей приемлемости.

6.5 Что касается предполагаемых нарушений пунктов 1, 3 е) и пункта 4 статьи 14, то Комитет отмечает, что жалобы авторов имеют отношение преимущественно к оценке фактов и доказательств, а также к применению внутреннего права. Комитет напоминает, что оценка фактической стороны конкретного дела и толкование национального законодательства, как правило, входят в компетенцию не Комитета, а судов государств-участников. Информация, имеющаяся у Комитета, и доводы, выдвинутые авторами, не свидетельствуют о том, что оценка судами фактической стороны дела и

толкование ими закона носят явно произвольный характер или равнозначны отказу в правосудии. Поэтому Комитет приходит к выводу, что эти жалобы являются неприемлемыми по статьям 2 и 3 Факультативного протокола.

6.6 Другие представленные жалобы являются приемлемыми, и Комитет приступает к их рассмотрению по существу.

Рассмотрение по существу

7.1 Хотя авторы не цитируют статью 26 Пакта, Комитет считает, что в свете представлений авторов, он должен установить, была ли нарушена эта статья.

7.2 Выдвигаемая авторами жалоба на дискриминацию состоит в том, что им было отказано в суде присяжных, тогда как некоторым другим обвиняемым в судах государства-участника была предоставлена возможность для слушания дела судом присяжных. Комитет отмечает, что, хотя в Пакте не содержится положений, устанавливающих право на слушание уголовных дел судом присяжных, если такое право предусмотрено национальным законодательством государства-участника и предоставляется некоторым лицам, обвиняемым в совершении преступлений, то оно должно на равной основе предоставляться и другим лицам, оказывающимся в схожей ситуации. Если же проводятся разграничения, то они должны опираться на объективные и резонные обоснования.

7.3 Авторы заявляют, что им следовало бы предоставить возможность для рассмотрения их дела судом присяжных, как это делается в отношении всех обвиняемых, которые могут быть приговорены к смертной казни. Комитет отмечает, однако, что в данном случае авторы были несовершеннолетними в момент совершения преступления, и поэтому, согласно национальному законодательству, они не могли быть приговорены к смертной казни.

7.4 Еще одна возможная претензия на нарушение статьи 26 состоит в том, что рассмотрение дела судом присяжных было возможным в ходе судебного разбирательства в некоторых частях страны, но не в Москве, где авторы были привлечены к суду и осуждены. Комитет отмечает, что по Конституции государства-участника возможность рассмотрения дела судом присяжных регулируется федеральным законодательством, но соответствующий федеральный закон отсутствовал. Тот факт, что государство-участник, являющееся федеративным союзом, допускает различия среди субъектов федерации в отношении суда присяжных сам по себе не составляет нарушения статьи 26². Поскольку авторы не предоставили информации о делах, не сопряженных с возможностью применения смертной казни, которые рассматривались бы в г. Москве судом присяжных, Комитет не может заключить, что государство-участник нарушило статью 26.

8. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, приходит к заключению, что имеющиеся в его распоряжении факты не свидетельствуют о нарушении какой-либо статьи Пакта.)

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Примечания

- ¹ Сообщение не содержит прямого изложения фактической стороны дела ни его авторами, ни адвокатом.
- ² В статье 5 Российской Конституция предусматривает, что области, города федерального значения являются равноправными субъектами Российской Федерации, имеют свою собственную законодательную власть и могут принимать свое собственное законодательство. (В статье 65 перечисляются субъекты Федерации. Город Москва и Московская область являются равными и самостоятельными "субъектами" Российской Федерации.) См. также базовый документ HRI/CORE/1/Add.52, 25 октября 1995 года, пункты 24 и 30.

**Н. Сообщение № 806/1998, Томпсон против Сент-Винсента и Гренадин
(Соображения приняты 18 октября 2000 года,
семидесятая сессия)***

Представлено: г-ном Эверсли Томпсоном (представлен г-ном Солом Лерфрейндом, контора Симонс, Мьюрхед и Бертон, Лондон)

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Сент-Винсент и Гренадины

Дата сообщения: 17 февраля 1998 года

Предыдущие решения: решение Специального докладчика в соответствии с правилами 86 и 91, препровожденное государству-участнику 19 февраля 1998 года (в виде документа не издавалось)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 18 октября 2000 года,

завершив рассмотрение сообщения № 806/1998, представленного Комитету по правам человека г-ном Эверсли Томпсоном в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание всю письменную информацию, предоставленную ему автором сообщения и государством-участником,

принимает следующее:

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автором сообщения является Эверсли Томпсон, сент-винсентский гражданин, родившийся 7 июля 1962 года. Он представлен Солом Лерфрейндом из конторы Симонс, Мьюрхед и Бертон, Лондон. Адвокат утверждает, что автор является жертвой нарушений статей 6 (1) и (4), 7, 10 (1), 14 (1) и 26 Пакта.

---

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Прафуллачандра Натварлал Бхагвати, г-жа Кристина Шане, лорд Колвилл, г-жа Элизабет Эват, г-жа Пилар Гайтан де Помбо, г-н Луис Хенкин, г-н Эккарт Кляйн, г-н Давид Крецмер, г-н Раджсумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Роман Верушевский, г-н Макссуэлл Ялден и г-н Абдалла Захья.

К настоящему документу приобщается текст двух особых мнений, подписанных пятью членами Комитета.

Факты, представленные адвокатом

2.1 Автор сообщения был арестован 19 декабря 1993 года по обвинению в умышленном убийстве четырехлетней девочки Д'Андре Олливьер, которая исчезла днем ранее. Высокий суд (Палата по уголовным делам) 21 июня 1995 года признал его виновным в предъявленном обвинении и приговорил его к смертной казни. Его апелляция была отклонена 15 января 1996 года. В своей просьбе о выдаче специального разрешения на подачу апелляции, поданной в Судебный комитет Тайного совета, адвокат привел пять оснований для апелляции, касающихся приемлемости признательных показаний автора и инструкций, которые судья дал жюри присяжных. 6 февраля 1997 года Судебный комитет Тайного совета дал разрешение на подачу апелляции, а 16 февраля 1998 года, после передачи дела в связи с одним спорным вопросом в местный Апелляционный суд — отклонил апелляцию. На этом, как утверждается, были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты.

2.2 На судебном процессе обвинение представило следующие доказательства: девочка исчезла 18 декабря 1993 года, а автор был замечен прятавшимся под деревом неподалеку от ее дома. На пляже поблизости от дома семьи были обнаружены следы крови, испражнений и колготки девочки. Тело девочки так и не было найдено.

2.3 По данным обвинения, сотрудники полиции задержали автора у него в доме рано утром 19 декабря 1993 года. После того, как они предъявили ему обнаруженные накануне вечером красные трусы, он заявил, что они принадлежат ему. После доставки автора в полицейский участок он сознался в том, что совершил сексуальное надругательство над девочкой, а затем бросил девочку с пляжа в море. Он пошел с полицейскими и показал место происшествия. По возвращении он дал признательные показания.

2.4 В ходе судебного разбирательства вышеупомянутые показания полицейских были подвергнуты непосредственному заслушиванию. Автор оспаривал факт своих признаний. Он показал, что сотрудники полиции избili его дома и в полицейском участке, пропускали через него электроток и били его пистолетом и лопатой. По показаниям его родителей, 20 декабря 1993 года они увидели, что у него у него сильно распухли руки и лицо. После непосредственного заслушивания свидетельских показаний судья постановил, что признание носило добровольный характер, и принял его в качестве доказательства. Представ перед жюри присяжных, автор дал показания под присягой и вновь оспорил признание.

Жалоба

3.1 Адвокат утверждает, что вынесение смертного приговора по делу автора представляет собой жестокое и необычное наказание, поскольку по закону Сент-Винсента смертный приговор предусматривается в качестве обязательной меры наказания за умышленное убийство. Он также указывает, что не существует никаких критериев для осуществления права на помилование и что осужденный не имеет возможности представить какие-либо замечания по любой информации, которую мог получить Генерал-губернатор в этом отношении¹. В этой связи адвокат полагает, что смертные приговоры следует выносить только за особо тяжкие преступления и что такой приговор, применяемый огульно к каждой категории тяжкого убийства, не обеспечивает

соразмерности между фактическими обстоятельствами преступления, личностью правонарушителя и наказанием. Поэтому такой приговор становится жестокой и необычной мерой наказания. Исходя из этого, он полагает, что это является нарушением статьи 7 Пакта.

3.2 Утверждается также, что это представляет собой нарушение статьи 26 Пакта, ибо обязательный характер смертного приговора не позволяет судье вынести менее строгий приговор с учетом любых смягчающих обстоятельств. Кроме того, учитывая, что такой приговор носит обязательный характер, дискреционное усмотрение на этапе осуществления прерогативы помилования является нарушением принципа равенства перед законом.

3.3 Далее адвокат утверждает, что обязательный характер смертного приговора нарушает права автора по пунктам 1 и 4 статьи 6.

3.4 Адвокат также утверждает, что был нарушен пункт 1 статьи 14, поскольку Конституция Сент-Винсента не позволяет ходатайствующему ссылаться на то, что его казнь носит неконституционный характер, будучи бесчеловечной или унижающей достоинство или жестокой или необычной мерой наказания. Далее, она не дает права на проведение заслушивания или судебного разбирательства по вопросу о том, следует ли назначать или приводить в исполнение такую меру наказания.

3.5 Согласно представлению адвоката, описанные ниже условия в тюрьме Кингстауна равносильны нарушениям статей 7 и 10 (1) применительно к автору. Он содержится в камере размером 8 на 6 футов; у него в камере круглосуточно горит свет; в камере нет ни мебели, ни постельных принадлежностей; в камере имеется лишь одеяло, помойное ведро и кружка; его камера недостаточно проветривается, поскольку там нет окна; санитарно-гигиенические условия крайне плохи и не соответствуют нормам; питание является низкокачественным и скудным, так как ежедневный рацион состоит из риса; заключенному разрешено трижды в неделю по полчаса заниматься физическими упражнениями в спальном блоке. Адвокат также утверждает, что условия содержания в тюрьме не соответствуют внутреннему тюремному уставу Сент-Винсента и Гренадин. Адвокат также утверждает, что эти условия еще больше усугубляют то наказание, которому был подвергнут автор.

3.6 Далее адвокат утверждает, что содержание автора в этих условиях делает незаконным приведение в исполнение вынесенного ему смертного приговора.

3.7 Кроме того, адвокат утверждает, что имеет место нарушение пункта 1 статьи 14, поскольку отсутствует какая бы то ни была правовая помощь в том, что касается конституционных ходатайств, и поэтому автор, будучи нуждающимся, лишен права доступа к суду, гарантируемого разделом 16 (1) Конституции.

Просьба Комитета в отношении промежуточных мер защиты

4.1 19 февраля 1998 года в соответствии с пунктом 2 правила 91 правил процедуры Комитета государству-участнику было представлено сообщение с просьбой предоставить информацию и замечания как в отношении приемлемости, так и в отношении существа утверждений. По правилу 86 правил процедуры Комитета государству-участнику было также предложено не

приводить в исполнение смертный приговор в отношении автора, пока его дело находится на рассмотрении Комитета.

4.2 16 сентября 1999 года Комитет получил информацию о том, что был отдан приказ об исполнении смертного приговора в отношении автора. После направления государству-участнику срочного послания с напоминанием о просьбе согласно правилу 86 в связи с этим делом государство-участник известило Комитет, что ему неизвестно ни о получении соответствующей просьбы, ни о получении соответствующего сообщения. После обмена корреспонденцией между Специальным докладчиком по вопросу о новых сообщениях и представителями государства-участника и после внесения в Высокий суд Сент-Винсента и Гренадин конституционного ходатайства государство-участник согласилось предоставить автору отсрочку приведения в исполнение смертной казни, с тем чтобы позволить Комитету рассмотреть его сообщение.

Информация, представленная государством-участником

5.1 В своем представлении от 16 ноября 1999 года государство-участник отмечает, что автор добивался удовлетворения своих жалоб в порядке конституционного ходатайства, которое было отклонено Высоким судом 24 сентября 1999 года. Суд отверг заявления адвоката о том, что суд над автором происходил в отсутствие надлежащего судебного разбирательства и защиты со стороны закона, что осуществление смертного приговора носит неконституционный характер, ибо оно является бесчеловечной или унижающей достоинство мерой наказания, что условия содержания в тюрьме были равносильны бесчеловечному и унижающему достоинство обращению и что автор имеет юридическое право на рассмотрение его петиции Комитетом по правам человека Организации Объединенных Наций. Государство-участник заявляет, что с целью ускорить рассмотрение дела Комитетом оно не будет выдвигать возражений в отношении приемлемости сообщения по причинам неисчерпания внутренних средств правовой защиты.

5.2 Государство-участник утверждает, что обязательный характер вынесения смертного приговора допускается по международному праву. Оно разъясняет, что в уголовном праве Сент-Винсента и Гренадин проводится разграничение между различными видами незаконного лишения жизни. В случаях лишения жизни, равнозначного простому убийству, смертный приговор не подлежит назначению в обязательном порядке. Смертный приговор назначается в обязательном порядке только за такое преступление, как умышленное убийство. Умышленное убийство расценивается законом как особо тяжкое преступление. По этим соображениям государство-участник утверждает, что смертный приговор по настоящему делу был вынесен в соответствии с пунктом 2 статьи 6 Пакта. Государство-участник также отрицает, что в этой связи имело место нарушение статьи 7, поскольку установление смертного приговора за преступления, рассматриваемые законом в качестве особо тяжкого преступления, обеспечивает соразмерность между обстоятельствами преступления и наказанием. Аналогичным образом, государство-участник отвергает утверждение адвоката о том, что имела место дискриминация по смыслу статьи 26 Пакта.

5.3 Государство-участник также отмечает, что дело автора рассматривалось в ходе справедливого судебного разбирательства и что его осуждение было рассмотрено и поддержано Апелляционным судом и Тайным советом. Соответственно, приведение в исполнение смертного приговора в отношении автора не представляет собой произвольное лишение жизни по смыслу пункта 1 статьи 6 Пакта.

5.4 Что касается предполагаемого нарушения пункта 4 статьи 6 Пакта, то государство-участник отмечает, что автор имеет право добиваться помилования или смягчения приговора и что Генерал-губернатор может осуществить прерогативу помилования согласно разделам 65 и 66 Конституции в свете консультативного заключения, представляемого Консультативным комитетом.

5.5 Что касается условий содержания в тюрьме и тюремного режима, то государство-участник отмечает, что автор не проводит никаких свидетельств на тот счет, что условия его содержания под стражей равнозначны пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию. Нет и никаких свидетельств на тот счет, что обращение с ним производилось в нарушение пункта 1 статьи 10 Пакта. По мнению государства-участника, общие заявления, приводимые в сообщении, не свидетельствуют о каком-либо конкретном нарушении соответствующих статей. Кроме того, государство-участник отмечает, что это дело было рассмотрено Высоким судом при разборе конституционного ходатайства и что Суд отклонил его. Государство-участник ссылается на постоянную практику Комитета в том плане, что Комитет не компетентен производить переоценку фактов и доказательств, рассмотренных судом, и делает вывод, что ходатайство автора следует отклонить. Далее государство-участник ссылается на правовую практику Комитета в том плане, что продолжительные периоды заключения не могут рассматриваться в качестве жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения в том случае, если осужденный просто-напросто прибегает к апелляционным средствам правовой защиты.

5.6 Государство-участник также полагает, что, даже если бы имело место нарушение прав автора в связи с тюремным режимом, это не делало бы приведение смертного приговора в исполнение незаконным и нарушающим статьи 6 и 7 Пакта. В этой связи государство-участник ссылается на решение Тайного совета по делу Томас и Хилэр против Генерального прокурора Тринидада и Тобаго, в котором Тайный совет счел, что, даже если тюремный режим представляет собой нарушение конституционных прав ходатайствующих, смягчение приговора не было бы надлежащим средством правовой защиты, и ущемление конституционных прав осужденного вследствие условий его содержания под стражей перед приведением в исполнение смертного приговора не придает законному приговору неконституционный характер.

5.7 Поскольку адвокат утверждает, что было нарушено право автора на доступ к конституционному суду, государство-участник отмечает, что автор действительно представил и реализовал конституционное ходатайство в Высокий суд, причем на этом этапе он был представлен опытным местным адвокатом. После отклонения его ходатайства автор направил просьбу об апелляции. 13 октября 1999 года он отозвал свою апелляцию. В ходе этих процессуальных действий его вновь представлял тот же самый адвокат. Как полагает государство-участник, это свидетельствует о том, что со стороны государства отсутствовало поведение, которое имело своим практическим последствием лишение автора доступа к суду.

Комментарии адвоката

6.1 В своих комментариях адвокат настаивает, что вынесение автору смертного приговора нарушает различные положения Пакта, поскольку судья, выносивший приговор, приговорил автора к смертной казни без рассмотрения и учета его личности, его личных обстоятельств и обстоятельств преступления. В этой связи адвокат ссылается на доклад Межамериканской комиссии по правам человека по делу Хилэр против Тринидада и Тобаго².

6.2 Что касается prerogative помилования, то, как полагает адвокат, государство-участник не отдает себе отчета в том, что право ходатайства о помиловании должно быть действительным правом. В случае же автора он не может эффективно представить его дело на предмет помилования, и поэтому право ходатайства о помиловании носит теоретический и иллюзорный характер. Автор не может участвовать в самой процедуре — его лишь уведомляют об ее исходе. По мнению адвоката, это означает, что решения относительно помилования принимаются на произвольной основе. В этой связи адвокат отмечает, что Консультативный комитет не беседует с заключенным или с его семьей. Кроме того, осужденному не было предоставлено шанса отреагировать на возможную отягощающую информацию, которую может иметь в своем распоряжении Консультативный комитет.

6.3 Что касается тюремного режима, то адвокат представляет письменное заявление автора под присягой от 30 декабря 1999 года. Он заявляет, что размеры его камеры в кингстаунской тюрьме, где он содержался с 21 июня 1995 года по 10 сентября 1999 года, составляли 8 на 6 футов и что единственными предметами, которые ему были предоставлены в его камере, были одеяло, помойное ведро, маленькая кружка и библия. Спал он на полу. В камере не было электрического освещения, но рядом с камерой, в коридоре, имелась электрическая лампочка, которая горела днем и ночью. Он заявляет, что из-за плохого освещения он не мог читать. Физическую разминку ему разрешали делать по крайней мере три раза в неделю в коридоре рядом с его камерой. Физической разминкой на открытом воздухе он не занимался и не получал солнечного света. Постоянно присутствовали охранники. Питание было скудным и не отличалось большим разнообразием (в основном рис). Во время пожара 29 июля 1999 года, возникшего в результате тюремного бунта, он находился в запертой камере, и спастись ему удалось только тогда, когда другие заключенные проломили крышу. Носить ему разрешают только тюремную одежду, которая растирает кожу. 10 сентября 1999 года его поместили в камеру в форте Шарлотт, который является тюрьмой XVIII века. Камера, где он содержится, сейчас переувлажнена и имеет мокрый пол. Ему выдали небольшой матрас. И днем, и ночью в камере темно, потому что в нее не проникает свет от электрической лампочки в коридоре. Ему ежедневно дают возможность сделать физическую разминку, но — внутри здания, так что солнечного света он не видит. От переувлажненности у него стали опухать ноги, о чем он сообщил властям, которые 29 декабря 1999 года доставили его в больницу на обследование. Он добавляет, что его повешение было назначено на 13 сентября 1999 года, и его уже привели из камеры к виселице, но адвокату удалось всего лишь за 15 минут до намеченной казни добиться отсрочки исполнения. Он заявляет, что пережил психологическое потрясение и утратил способность к ориентации.

6.4 Относительно права автора на доступ к суду адвокат полагает, что безуспешные попытки автора убедить адвоката принять его behalf его недавнее конституционное ходатайство не снимают с государства-участника его обязанности обеспечивать юридическую помощь в отношении конституционных ходатайств.

Рассмотрение вопроса о приемлемости

7.1 Прежде чем рассматривать любое утверждение, содержащееся в сообщении, Комитет по правам человека должен, в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры, принять решение о его приемлемости по Факультативному протоколу к Пакту.

7.2 Комитет отмечает, что, как явствует из представленных ему фактов, автор подал конституционное ходатайство в Высокий суд Сент-Винсента и Гренадин. Поэтому Комитет считает, что автор не обосновал для целей приемлемости свое утверждение по пункту 1 статьи 14 Пакта о том, что государство-участник отказало автору в праве на доступ к суду в этом отношении.

7.3 Комитет считает, что для целей приемлемости автор достаточно веско обосновал, что остальные утверждения могут вызывать проблемы по статьям 6, 7, 10 и 26 Пакта. Поэтому Комитет безотлагательно приступает к рассмотрению этих утверждений по существу.

Рассмотрение по существу

8.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение в свете всей письменной информации, предоставленной ему сторонами, как предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

8.2 Адвокат утверждает, что обязательный характер смертного приговора и его применение в случае автора представляет собой нарушение пункта 1 статьи 6, а также статей 7 и 26 Пакта. В ответ государство-участник отмечает, что смертный приговор является обязательной мерой наказания только за умышленное убийство, которое является по закону особо тяжким преступлением, и что это само по себе подразумевает соразмерность приговора. Комитет отмечает, что обязательное вынесение смертного приговора по законам государства-участника основывается исключительно на категории преступления, в котором был признан виновным преступник, безотносительно к личным обстоятельствам обвиняемого или обстоятельствам конкретного преступления. Смертный приговор носит обязательный характер по всем делам об "умышленном убийстве" (умышленные акты насилия, повлекшие за собой смерть человека). Комитет считает, что такая система обязательного вынесения смертного приговора лишала бы автора самого фундаментального из прав — права на жизнь — без учета того, уместна ли такая исключительная форма наказания исходя из обстоятельств дела того или иного лица. Существование права ходатайствовать о помиловании или смягчении приговора, как это требуется пунктом 4 статьи 6 Пакта, не обеспечивает адекватной защиты права на жизнь, поскольку эти дискреционные меры исполнительной власти, сопряжены с широким комплексом иных соображений в сопоставлении с надлежащим судебным разбором всех аспектов уголовного дела. Комитет считает, что исполнение

смертного приговора по делу автора представляло бы собой произвольное лишение его жизни в нарушение пункта 1 статьи 6 Пакта.

8.3 По мнению Комитета, доводы адвоката в отношении обязательного характера вынесения смертного приговора, исходя из статей 6 (2), 7, 14 (5) и 26 Пакта, не вызывают проблем, которые носили бы обособленный характер от вышеупомянутого вывода о нарушении пункта 1 статьи 6.

8.4 Автор утверждает, что условия его заключения являются нарушением статей 7 и 10 (1) Пакта, а государство-участник отрицает это утверждение в общих формулировках и ссылается на решение Высокого суда, который отклонил ходатайство автора. Комитет считает, что, хотя в принципе оценивать факты и доказательства по тому или иному делу надлежит внутренним судам государства-участника, Комитету надлежит изучать вопрос о том, являются ли нарушением Пакта факты, установленные судом. В этом отношении Комитет отмечает, что автор, обращаясь в Высокий суд, жалуется на то, что он содержался в маленькой камере, что ему выдали только одеяло и помойное ведро, что спит он на полу, что круглосуточно горит электрический свет, а также что его выпускали из камеры во двор на один час в день. Далее автор утверждает, что он не видит солнечного света и что в настоящее время он содержится в сырой и темной камере. Государство-участник не оспаривает этих утверждений. Комитет заключает, что условия заключения автора представляют собой нарушение пункта 1 статьи 10 Пакта. Что же касается утверждений автора, будто тот факт, что он был приведен к виселице после отдачи приказа о его казни и увезен всего лишь за 15 минут до приведения приговора в исполнение, представляет собой жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение, то Комитет отмечает, что никакая информация, имеющаяся в распоряжении Комитета, не указывает на то, что автор не был уведен от виселицы сразу же после предоставления отсрочки исполнения приговора. Поэтому Комитет полагает, что имеющиеся у него факты не вскрывают нарушения статьи 7 Пакта в этой части.

9. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, приходит к заключению, что имеющиеся у него факты вскрывают нарушение пункта 1 статьи 6 и пункта 1 статьи 10 Пакта.

10. По пункту 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник несет обязанность обеспечить г-ну Томпсону эффективное и соответствующее средство правовой защиты, включая смягчение приговора. Государство-участник несет обязанность принять меры к тому, чтобы предотвратить аналогичные нарушения в будущем.

11. Принимая во внимание тот факт, что, став государством-участником Факультативного протокола, государство-участник признало компетенцию Комитета определять, имеет ли место нарушение Пакта, и что, согласно статье 2 Пакта, государство-участник обязывается обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и предоставлять эффективные и обеспеченные правовой санкцией средства правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о принятых мерах по реализации соображений Комитета. Государству также предлагается опубликовать соображения Комитета.)

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии документ издан на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Примечания

- ¹ По разделу 65 Конституции Генерал-губернатор может осуществлять право помилования по представлению министра, выступающего в качестве Председателя Консультативного комитета по помилованиям. В состав Консультативного комитета входят Председатель (один из министров кабинета), Генеральный прокурор и еще три-четыре члена, назначаемых Генерал-губернатором по представлению премьер-министра. В число этих трех-четырех членов Комитета должен входить по крайней мере один министр и один практикующий врач. Прежде чем принять решение об осуществлении права помилования по любому делу, в связи с которым был вынесен смертный приговор, Комитет должен получить письменный отчет о деле от судьи, который проводил разбирательство дела (или Главного судьи, если отчет не может быть получен от судьи, производившего судебное разбирательство), а также любую другую необходимую информацию из протокола судебного разбирательства или из какого-либо иного требуемого источника.
- ² Доклад Комиссии № 66/99, дело № 11.816, одобренный Комиссией 21 апреля 1999 года; гласности не предавался.

Добавление

Особое мнение лорда Колвилла (несогласное)

Решение большинства основано исключительно на том, что закон предусматривает назначение в обязательном порядке смертного приговора за преступление такой категории, как умышленное убийство, в котором был признан виновным преступник, без учета личных обстоятельств обвиняемого или обстоятельств конкретного преступления. Этот вывод был сделан безо всякой оценки любого из этих комплексов обстоятельств, что в любом случае выходило бы за рамки компетенции Комитета. Поэтому большинство основывало свое мнение на несоответствии между определением умышленного убийства по общему праву, которое применяется в государстве, и градацией категорий убийства в рамках гражданско-правовых юрисдикций и в статутных системах некоторых государств, чье уголовное право проистекает из общего права. Таким образом, решение большинства не увязано конкретно с данным автором, а имеет широкое применение на генерализированной основе. В данном случае этот постулат впервые используется в связи с настоящим сообщением, несмотря на соображения по многочисленным предыдущим сообщениям, касавшимся (среди прочего) обязательного вынесения смертного приговора за умышленное убийство; в тех случаях такая позиция не избиралась.

При вынесении в связи с настоящим сообщением заключения о том, что приведение в исполнение смертного приговора по делу автора представляло бы собой произвольное лишение его жизни в нарушение статьи 6.1 Пакта, был избран неверный отправной пункт. В формулировках пункта 8.2 решения большинства не анализируются тщательно сконструированные положения статьи 6 в целом. Эта статья начинается с положения, в котором, несмотря на призыв, содержащийся в пункте 6 той же статьи, допускается, что назначение смертного приговора остается наличной мерой наказания. Затем она указывает гарантии, которые комментируются следующим образом:

а) неотъемлемое право на жизнь исключает произвольное лишение жизни. В последующих положениях статьи содержатся требования относительно предупреждения произвольности, однако они не рассматриваются большинством, за исключением положений пункта 4 статьи 6, по которым в настоящее время имеется правовая практика, что, по-видимому, было проигнорировано (см. ниже);

б) статья 6.2 подчеркивает основной порок аргументации большинства. Умышленное убийство, бесспорно, является особо тяжким преступлением; однако, исходя из мнения большинства, определение умышленного убийства по общему праву может охватывать преступления, которые не надлежит характеризовать в качестве "особо тяжких". И хотя это не отражено в их решении в таких формулировках, неизбежное следствие состоит в том, что надо пересмотреть определение "умышленного убийства".

Во втором положении пункта 2 статьи 6 подчеркивается, что наказание в виде смертной казни может осуществляться только согласно окончательному решению компетентного суда. А отсюда неизбежно вытекает, что реальный закон, который предписывает судье, проводящему судебное разбирательство, вынести смертный приговор в случае осуждения подсудимого за умышленное

убийство, сам по себе не нарушает и не может нарушать пункт 1 статьи 6, и уж, конечно, не потому, что игнорируются фактические и личные обстоятельства: если по делу о простом убийстве прокуратура решит предъявить обвинение в умышленном убийстве, у адвоката тотчас же возникает ряд возможностей отвести это обвинение в судебном порядке. В их число входит следующее:

- самооборона: если обвинение не сумеет убедить суд в том, что действия обвиняемого, которые повлекли за собой летальный исход, превышали, по его собственной оценке обстоятельств, соразмерную реакцию на ту угрозу, с которой он сталкивался, то обвиняемый должен быть полностью оправдан в том, что касается всякого преступления;
- другие обстоятельства, связанные с преступлением и касающиеся сугубо сложившейся ситуации или психического состояния обвиняемого, позволяют суду, рассматривающему дело по существу, прийти к заключению, что если эти возражения защиты не будут опровергнуты обвинением (бремя доказывания никогда не лежит на обвиняемом), то обвинение в умышленном убийстве может быть сведено к обвинению в простом убийстве, которое не влечет за собой обязательное вынесение смертного приговора. Исходя из позиции, занятой защитой, и доказательств, предъявленных сторонами, судья обязан разъяснить эти проблемы; если этого не будет сделано в соответствии с юридическим прецедентом, то такое упущение приведет к отмене любого обвинительного приговора;
- необходимо лишь привести примеры проблем, которые могут быть подняты таким образом защитой: одна из них связана с уменьшенной ответственностью обвиняемого за свои действия (не достигающей степени такого психического расстройства, которое повлекло бы за собой не осуждение, а принудительное помещение на лечение в психиатрическую больницу); или провокация, квалификация которой была распространена судебным решением на так называемый "синдром избитого партнера", — провокация как следствие будь то спонтанного либо кумулятивного усугубления ситуации со стороны потерпевшего;
- в итоге в вердикте указывается, является ли умышленное убийство единственно возможным преступлением, за которое может быть осужден обвиняемый. Вопросы права, которые могут поколебать осуждение за умышленное убийство, могут быть поставлены перед высшим апелляционным судом. И именно вследствие такого обжалования закон признал в качестве "провокации" продолжительное насилие в семье или надругательство, сведя тем самым в соответствующих случаях умышленное убийство к простому убийству.

По пунктам 3 или 5 статьи 6 в данном случае каких-либо замечаний не возникает. Что же касается пункта 4 статьи 6, то недавно он приобрел важное значение, которое, пожалуй, было проигнорировано в решении большинства. Всегда имела место такая практика, когда глава государства должен получить заключение соответствующего министра или консультативного органа, такого, как Тайный совет, относительно того, действительно ли надлежит приводить в исполнение смертный приговор. Необходимость такой системы возникает в связи с пунктом 4 статьи 6, а она предполагает ряд предварительных шагов: как гласит мнение большинства в пункте 8.2, эти дискреционные меры

исполнительной власти сопряжены с широким комплексом иных соображений в сопоставлении с надлежащим судебным разбором всех аспектов уголовного дела. Это является не только правильной констатацией, но и представляет собой существо и достоинство пункта 4 статьи 6; именно этот процесс и действует в государстве.

Вместе с тем Судебный комитет Тайного совета 12 сентября 2000 года вынес свое консультативное заключение по делу Льюис и др. против Генерального прокурора Ямайки и др. Хотя мнение лорда Слинна, отражающее мнение большинства, не имеет обязательной юридической силы для какой-либо судебной инстанции, действующей в рамках общего права, оно обладает столь убедительным авторитетом, что наверняка будет введено в действие. Он указывает, что в Ямайке по ее Конституции да, аналогичным образом, и по другим нормам:

- лицу или органу, выносящему консультативное заключение относительно помилования или смягчения приговора, предоставляется письменный отчет судьи, который проводил разбирательство дела. (В порядке толкования этой практики следует сказать, что судья, проводивший разбирательство дела, непосредственно наблюдал обвиняемого и свидетелей в ходе судебного разбирательства, а также имел доступ к другому материалу, касавшемуся обстоятельств дела и личности обвиняемого, который никак не был использован в ходе самого судебного разбирательства. Например, немало симптоматичной информации могут содержать доказательства, неприемлемые для предъявления суду, разбирающему дело по существу);
- "любая другая информация, почерпнутая из протокола судебного разбирательства или из какого-либо иного источника", должна быть препровождена органу, уполномоченному производить помилование;
- на практике осужденному подсудимому никогда не отказывают в возможности представить свои доводы, которые будут рассмотрены этим органом.

Новшество по делу Льюиса состоит в рекомендации о том, чтобы процедуры, реализуемые в процессе рассмотрения петиции лица, были открыты для судебного надзора. Необходимо, чтобы осужденный был уведомлен о дате, когда орган по помилованиям будет рассматривать его дело. Это уведомление должно быть достаточно заблаговременным для того, чтобы он или его консультанты могли подготовить свои представления до принятия решения. Таким образом, практика по делу Льюиса формализует право обвиняемого производить свои представления и закрепляет требование об их рассмотрении.

Этот анализ статьи 6 в целом, в сочетании с судебным постановлением, которое, по всей видимости, будет введено в действие во всех судебных органах, функционирующих в рамках системы общего права, включая Сент-Винсент и Гренадины, неизбежно подводит к выводу о том, что вопросы произвольности не зависят от судебного разбирательства и приговора по первой инстанции, не говоря уж об обязательном характере вынесения приговора при осуждении за умышленное убийство. И ничто не позволяет предположить, что в ходе апелляционных процедур проявлялась какая-то

произвольность. Поэтому мнение большинства должно опираться на решение о том, что положения пункта 4 статьи 6, как они применяются в системе общего права, должны предусматривать произвольное решение "без учета того, уместна ли такая исключительная форма наказания в обстоятельствах" конкретного дела (пункт 8.2). Явно некорректно это и в ракурсе давнишней практики, а теперь уже — и убедительного заключения Тайного совета: речь уже идет не просто о добросовестном рассмотрении со стороны соответствующей инстанции, но и о судебной поднадзорности ее решения.

Любое толкование, усматривающее произвольность в свете существующих процедур в рамках общего права, может лишь подразумевать, что полное соблюдение пункта 4 статьи 6 не может не ассоциироваться с произвольностью по пункту 1 статьи 6. Такую внутреннюю нестыковку не следует применять к толкованию Пакта, и она может проистекать лишь из ошибочного толкования формулировок статьи 6.

Исходя из фактической стороны этого дела и развертывания любой процедуры помилования, которое, быть может, еще последует, я не могу согласиться с наличием какого-то нарушения пункта 1 статьи 6 Пакта.

(Подпись) лорд Колвилл

[Совершено на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии документ издан на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Особое мнение г-на Давида Крецмера, к которому присоединились г-н Абдельфаттах Амор, г-н Макссуэлл Ялден и г-н Абдалла Захья (несогласное)

А. Предыдущая практика

1. Как и многие из моих коллег, я нахожу прискорбным, что Пакт не запрещает смертную казнь. Однако я не усматриваю в этом основание для отхода от принятых правил толкования, когда речь идет о положениях Пакта, касающихся смертной казни. Поэтому я не могу согласиться с соображением Комитета, будто в силу того, что смертный приговор был вынесен автору в обязательном порядке, государство-участник, приведя приговор в исполнение, нарушило бы защищаемое по пункту 1 статьи 6 право автора не подвергаться произвольному лишению жизни.

2. Назначение в обязательном порядке смертных приговоров за умышленное убийство не является для Комитета новым вопросом. Комитет годами занимается сообщениями от лиц, приговоренных к смертной казни по законодательству, которое предусматривает обязательность вынесения смертного приговора за умышленное убийство. (См., например, сообщение № 719/1996, Конрой Леви против Ямайки; сообщение № 750/1996, Сильберт Дейли против Ямайки; сообщение № 775/1997, Кристофер Браун против Ямайки.) Ни в одном из этих случаев Комитет не заявлял, что обязательность вынесения такого приговора сопряжена с нарушением статьи 6 (или любой другой статьи) Пакта. Кроме того, выполняя свои полномочия по статье 40 Пакта, Комитет изучил и прокомментировал многочисленные доклады государств-участников, в которых законодательство предусматривает обязательное вынесение смертного приговора за умышленное убийство. Если, занимаясь индивидуальными сообщениями, Комитет обычно ограничивается доводами, выдвигаемыми авторами, то при изучении докладов государств-участников инициатива выдвижения аргументов, касающихся совместимости национального законодательства с Пактом, принадлежит самому Комитету. Тем не менее в заключительных замечаниях Комитет никогда не выражал мнения о том, что обязательность вынесения смертного приговора за умышленное убийство несовместима с положениями Пакта. (См., например, Заключительные замечания Комитета от 19 января 1997 года по второму периодическому докладу Ямайки, в которых нет никаких упоминаний об обязательности вынесения смертного приговора.)

Следует также напомнить, что вопрос о смертной казни обсуждался Комитетом в его Замечании общего порядка, касающемся статьи 6 Пакта. И он не дал никаких указаний на тот счет, что смертные приговоры, назначаемые в обязательном порядке, несовместимы со статьей 6.

Комитет не связан своей прежней правовой практикой. Он волен отступать от такой практики, да ему и следует поступать именно так, если он убежден, что его подход в прошлом был ошибочен. Однако, как мне представляется, если Комитет желает, чтобы государства-участники всерьез воспринимали его правовую практику и руководствовались ею при осуществлении Пакта, при изменении своего курса его долг перед государствами-участниками и всеми другими заинтересованными лицам и

состоит в том, чтобы разъяснить, почему именно он решил так поступить. И мне жаль, что в своих соображениях по настоящему делу Комитет не разъяснил, почему он решил отступить от своей прежней позиции относительно смертных приговоров, выносимых в обязательном порядке.

В. Статья 6 и обязательные смертные приговоры

3. При обсуждении статьи 6 Пакта важно очень четко проводить разграничение между обязательностью вынесения смертного приговора и обязательностью приведения его в исполнение. В самом Пакте проводится четкое разграничение между вынесением смертного *приговора* и *приведением приговора в исполнение*. Вынесение смертного приговора судом после судебного разбирательства, которое удовлетворяет всем требованиям статьи 14 Пакта, является *необходимым, но недостаточным* условием для приведения в исполнение смертной казни. Пункт 4 статьи 6 дает каждому лицу, приговоренному к смертной казни, право просить о помиловании или о смягчении приговора. И поэтому ясно, что Пакт прямо запрещает обязательную смертную казнь. Однако вопрос, возникающий в данном деле, имеет отношение не к обязательному исполнению высшей меры наказания, не к обязательному исполнению смертной казни, а к обязательному вынесению смертного *приговора*. И тут речь идет не о семантических вариациях. К сожалению, говоря об обязательной смертной казни, Комитет неразумно произвел ложное впечатление. Ну а это, на мой взгляд, привело его еще и к неверной трактовке встающей проблемы. Проблема состоит не в том, может ли государство-участник производить смертную казнь без учета субъективных обязательств преступления или личности подсудимого, а в том, требует ли Пакт наделить суды дискреционным правом определять целесообразность вынесения смертного приговора за умышленное убийство.

4. Пункт 1 статьи 6 защищает неотъемлемое право каждого человека на жизнь. Он гласит, что никто не может быть произвольно лишен жизни. Существой этот пункт сам по себе, можно было бы выдвинуть весьма вескую аргументацию на тот счет, что сама по себе смертная казнь является нарушением права на жизнь. И именно такой подход как раз и был избран конституционными судами двух государств при толковании ими своих конституций (см. решение южноафриканского Конституционного суда по делу Государство против Макваньяна [1995] 1 LRC 269; решение № 23/1990 (X.31) АВ венгерского Конституционного суда). К сожалению, Пакт возбраняет этот подход, поскольку статья 6 допускает смертную казнь в странах, которые не отменили ее, при соблюдении жестких условий, изложенных в пунктах 2, 4 и 5 и других положениях Пакта. При рассмотрении статьи 6 Пакта в целом неизбежно напрашивается вывод о том, что применение наказания в виде смертной казни не может рассматриваться как нарушение пункта 1 статьи 6, *при соблюдении всех этих жестких условий*. Поэтому при оценке того, является ли исполнение смертного приговора нарушением статьи 6, кардинальное значение имеет вопрос о том, действительно ли государство-участник соблюдает эти условия.

5. Первое условие, которое должно быть соблюдено, состоит в том, что смертный приговор может выноситься только за особо тяжкие преступления в соответствии с законом, действовавшим во время совершения преступления. В

настоящем случае Комитет прямо не основывает свой вывод о наличии нарушения на несоблюдении этого условия. Однако Комитет упоминает, что "обязательное вынесение смертного приговора по законам государства-участника основывается исключительно на категории преступления, в котором был признан виновным преступник" и что "смертный приговор носит обязательный характер по всем делам об умышленном убийстве". Хотя Комитет не упоминает пункт 2 статьи 6, в отсутствие любого другого объяснения могло бы показаться, что Комитет испытывает сомнения относительно совместимости с Пактом вынесения смертного приговора за умышленное убийство (категория преступлений, за которые по закону государства-участника выносятся смертные приговоры). Можно лишь допустить, что в основе этих сомнений лежит опасение на тот счет, что категория умышленных убийств может включать преступления, которые не относятся к числу особо тяжких. И я нахожу весьма тревожным, что Комитет готов декларировать, что умышленное убийство может и не быть особо тяжким преступлением. Комитет ведь сам утверждает, что право на жизнь является высшим правом (см. Замечание общего порядка 6). И поэтому умышленное лишение жизни другого человека в обстоятельствах, которые влекут за собой уголовную ответственность, должно уже по самой своей природе рассматриваться как особо тяжкое преступление. Как явствует из материалов, представленных Комитету в этом сообщении, по закону государства-участника лицо, причинившее смерть другому человеку с заранее обдуманном злым умыслом, является виновным в умышленном убийстве. Государство-участник разъяснило (и это не было оспорено), что такое преступление, как умышленное убийство, не включает "лишение жизни, равнозначное простому убийству (например, по причине провокации или уменьшенной ответственности)". В этих обстоятельствах каждый случай умышленного убийства, за которое лицо несет уголовную ответственность, должен рассматриваться как особо тяжкое преступление. Это, разумеется, не означает, что следует назначать смертную казнь, равно как это и не означает, что в случае вынесения смертного приговора его следует привести в исполнение. Но зато это означает, что само по себе вынесение смертного приговора не может рассматриваться как несовместимое с Пактом.

6. При решении вопроса о том, подлежит ли уголовной ответственности подсудимый, который обвиняется в умышленном убийстве, суд должен рассмотреть различные личные обстоятельства обвиняемого, а также обстоятельства конкретного деяния, которое образует состав преступления. Как было продемонстрировано в мнении моего коллеги лорда Колвилла, эти обстоятельства будут иметь значение при установлении как *mens rea*, так и *actus reus*, что входит в круг требований на предмет уголовной ответственности, а также наличия потенциальных средств защиты от уголовной ответственности, таких, как автоматическая защита. Эти обстоятельства будут иметь значение и при решении вопроса о наличии провокации или уменьшенной ответственности, что по закону государства-участника выводит акт преднамеренного лишения жизни из категории умышленного убийства. Поскольку все эти вопросы входят в состав разбирательства по уголовному обвинению против обвиняемого, согласно пункту 1 статьи 14 Пакта, они должны решаться компетентным, независимым и беспристрастным судом. Если бы судам было отказано в праве принимать решения по любому из этих вопросов, то не были бы соблюдены требования статьи 14. Согласно

юриспруденции Комитета по делу о смертной казни, это означало бы, что приведение смертного приговора в исполнение представляло бы собой нарушение статьи 6. Каких-либо аргументов на тот счет, что в настоящем деле не были соблюдены вышеупомянутые условия, приведено не было. И тем не менее Комитет заявляет, что если государство-участник приведет в исполнение смертный приговор "безотносительно к личным обстоятельствам обвиняемого или обстоятельствам конкретного преступления" (см. пункт 8.2 соображений Комитета), то это представляло бы собой нарушение права автора не подвергаться произвольному лишению жизни. А поскольку не было выдвинуто никаких утверждений на тот счет, что судами не были приняты во внимание субъективные обстоятельства конкретного преступления, имеющие отношение к уголовной ответственности автора за умышленное убийство, очевидно, что Комитет ссылается на другие обстоятельства, которые не имеют отношения к ответственности автора за умышленное убийство. В пункте 4 статьи 6 Пакта действительно приводится требование о том, чтобы государство-участник учитывало такие обстоятельства перед приведением в исполнение смертного приговора. Но в Пакте нет никаких требований о том, чтобы именно *суды* государства-участника были теми внутренними органами, которые учитывают эти обстоятельства, которые, как заявляется, не имеют отношения к разбору уголовного обвинения.

7. Во многих обществах закон указывает максимальное наказание за данное преступление, а суды наделяются дискреционным правом выносить надлежащий приговор по конкретному делу. Вполне может статься, что в этом состоит наилучшая система вынесения приговоров (хотя многие критики утверждают, что она неизбежно оборачивается неравными или дискриминационными приговорами). Однако при рассмотрении проблемы вынесения приговора, как и всех других проблем, касающихся толкования Пакта, Комитету надо задаваться вопросом не о том, какая именно система представляется наилучшей, а о том, отвечает ли такая система требованиям Пакта. Тут очень уж легко склониться к допущению, что требованиям Пакта отвечает как раз та система, которая лучше всего знакома членам Комитета. Но это есть неприемлемый подход к толкованию Пакта, который в настоящее время применяется к 144 государствам-участникам с разными правовыми режимами, культурами и традициями.

8. В связи с этим делом встает существенный вопрос: *требуется ли Пакт*, чтобы именно *суды* были наделены дискреционным правом определять надлежащий приговор по каждому делу. В Пакте нет положений, которые позволяли бы предположить, что на этот вопрос следует дать утвердительный ответ. Кроме того, утвердительный ответ, пожалуй, предполагал бы, что с Пактом несовместимы минимальные приговоры за определенные преступления, такие, как изнасилование и наркобизнес (что допускается во многих правовых системах). Лично мне трудно принять такой вывод.

Обязательные приговоры (или минимальные приговоры, которые, по сути дела, носят обязательный характер) действительно могут вызывать серьезные проблемы по Пакту. Если такие приговоры несоразмерны с преступлениями, за которые они выносятся, то их вынесение может быть сопряжено с нарушением статьи 7 Пакта. Если обязательный смертный приговор выносится за преступления, которые не относятся к числу особо тяжких преступлений, то нарушается пункт 2 статьи 6 Пакта. Однако, невзирая на целесообразность или

нецелесообразность таких приговоров, если соблюдать все положения Пакта относительно наказаний, то сам по себе тот факт, что минимальная или абсолютно определенная мера наказания за преступление устанавливается не судом, а законодателем, вовсе не сопряжен с нарушением Пакта. Приведение в исполнение приговора, который был вынесен компетентным, независимым и беспристрастным судом, учрежденным по закону, после судебного разбирательства, отвечающего всем требованиям статьи 14, нельзя расценивать как произвольный акт.

Мне хорошо известно, что в настоящем случае в качестве обязательного приговора выступает смертный приговор. И к смертному приговору действительно применяются особые правила. Он может выноситься только за самые тяжкие преступления. Кроме того, Пакт прямо требует, чтобы лицам, приговоренным к смерти, было дано право просить о помиловании или смягчении приговора до приведения его в исполнение. Аналогичного права не предоставляется лицам, приговоренным к любым другим мерам наказания. Однако в Пакте нет положений с требованием о том, чтобы суды были наделены дискреционным правом в отношении вынесения приговоров по делам, связанным с применением смертной казни, тогда как по другим делам наделять их таким правом не следует.

Одним словом, в Пакте нет положений, которые требовали бы наделить суды дискреционным правом определять точный приговор по уголовному делу. Если сам приговор не нарушает Пакта, то тот факт, что он предусмотрен в качестве обязательного по законодательству, а не определен судом, не меняет его природы. Если при рассмотрении дел, связанных с применением смертной казни, такой приговор выносится за особо тяжкое преступление (а любой случай умышленного убийства является, по определению, особо тяжким преступлением), то его нельзя рассматривать как не совместимый с Пактом. И я не могу согласиться, что исполнение смертного приговора, вынесенного судом в соответствии со статьей 6 Пакта после судебного разбирательства, отвечающего всем требованиям статьи 14, может рассматриваться как *произвольное* лишение жизни.

9. Уже отмечалось выше, что в Пакте нет ничего такого, что требовало бы наделить суды дискреционным правом в отношении вынесения приговоров по уголовным делам. Нет там и никакого положения на тот счет, чтобы как-то иначе практиковать вынесение *приговоров* по делам о преступлениях, влекущих за собой применение смертной казни. Однако это не означает, что на государства-участники не возлагается обязанность рассматривать индивидуальные обстоятельства подсудимого или обстоятельства конкретного преступления до приведения в исполнение смертного приговора. Но зато отличие смертного приговора от других приговоров проявляется в том, что пункт 4 статьи 6 прямо требует, чтобы каждый, кто приговорен к смертной казни, имел право просить о помиловании или о смягчении приговора и чтобы амнистия, помилование или замена смертного приговора могли быть дарованы во всех случаях. Надо отметить, что в пункте 4 статьи 6 признается *право*. Как и в случае всех других прав, признание этого права Пактом налагает на государства-участники юридическую обязанность соблюдать и обеспечивать его. Поэтому государства-участники юридически обязаны добросовестно рассматривать все просьбы о помиловании или о смягчении приговора со стороны лиц, приговоренных к смертной казни. Государство-участник, не

делающее этого, нарушает право осужденного по пункту 4 статьи 6 со всеми теми последствиями, которые вытекают из нарушения того или иного права по Пакту, включая право потерпевшего на эффективное средство правовой защиты.

Комитет заявляет, что "существование права ходатайствовать о помиловании или смягчении приговора не обеспечивает адекватной защиты права на жизнь, поскольку эти дискреционные меры исполнительной власти сопряжены с широким комплексом иных соображений в сопоставлении с разбором всех аспектов уголовного дела". Это заявление не способствует последовательности в подходе Комитета. Для соблюдения требований пункта 4 статьи 6 государство-участник обязано добросовестно рассматривать все индивидуальные обстоятельства и обстоятельства конкретного преступления, которые желает представить осужденный. Верно, конечно, что орган государства-участника, принимающий решение по этому вопросу, может принимать в расчет другие факторы, которые могут быть сочтены в качестве имеющих значение для предоставления помилования или для смягчения приговора. Однако и суд, наделенный дискреционными полномочиями по вынесению приговоров, также может принимать в расчет целую массу факторов, помимо индивидуальных обстоятельств обвиняемого или обстоятельств преступления.

10. Ну а теперь я могу резюмировать свое понимание юридической ситуации в связи с обязательным вынесением смертного приговора за умышленное убийство:

а) вопрос о совместимости смертного приговора с положениями Пакта зависит от того, соблюдены ли условия, изложенные в статье 6 и других статьях Пакта, особенно в статье 14;

б) приведение в исполнение смертного приговора, вынесенного в соответствии с требованиями статьи 6 и других статей Пакта, нельзя рассматривать как произвольное лишение жизни;

в) в Пакте нет ничего такого, что требовало бы наделять суды дискреционными полномочиями в плане вынесения приговоров. Нет в нем и какого-то особого положения, в силу которого практика вынесения приговоров по делам, связанным с применением смертной казни, имела бы отличия от других дел;

г) Пакт содержит прямое требование на тот счет, чтобы государства-участники до приведения в исполнение смертного приговора учитывали конкретные обстоятельства подсудимого или конкретного преступления. Государство-участник несет юридическое обязательство принимать в расчет такие обстоятельства при рассмотрении ходатайств о помиловании или смягчении приговора. Такое рассмотрение надо производить добросовестно и согласно справедливой процедуре.

С. Нарушение прав автора в настоящем деле

11. Даже если бы я был согласен с Комитетом в том, что касается юридической стороны дела, мне было бы трудно согласиться с тем, что в данном деле были нарушены права автора.

В контексте индивидуального сообщения по Факультативному протоколу вопрос состоит не в совместимости законодательства с Пактом, а в том, были ли нарушены права автора. (См., например, дело Фориссон против Франции, в котором Комитет подчеркнул, что он рассматривает не вопрос о том, совместимо ли со статьей 19 Пакта законодательство, на основании которого был осужден автор, а вопрос о том, было ли нарушено право автора на свободу выражения мнения при осуждении автора исходя из конкретных фактических обстоятельств его дела.) В настоящем деле автор был осужден за конкретное преступление: умышленное убийство маленькой девочки. И даже если по закону государства-участника категория умышленного убийства может включать кое-какие преступления, не относящиеся к числу особо тяжких, ясно, что в их число не входит то преступление, за которое был осужден автор. Не указывает автор и никаких личных обстоятельств или обстоятельств преступления, которые следовало бы рассматривать в качестве смягчающих обстоятельств, но которые могли бы быть не рассмотрены в судах.

12. Наконец, я хотел бы подчеркнуть, что Пакт накладывает строгие ограничения на применение смертной казни, включая ограничения по пункту 4 статьи 6. В данном случае нет спора о том, что автор имеет право ходатайствовать о помиловании или о смягчении его приговора. Консультативный комитет должен изучить ходатайство и представить рекомендации Генерал-губернатору по любому такому ходатайству. По правилам, изложенным Тайным советом в последнем деле Невилл Люис и др. против Ямайки, государство-участник должно позволить заявителю представить подробную петицию с изложением обстоятельств, на которых он основывает свое ходатайство; ему надо разрешить доступ к информации, имеющейся у комитета; а решение о помиловании или смягчении приговора должно подлежать судебному надзору.

Хотя автор высказал определенные общие замечания относительно процедур помилования или смягчения приговора в государстве-участнике, он не утверждает, что он представил ходатайство о помиловании или о смягчении приговора, которое было отклонено. Поэтому он не может претендовать на то, что он является жертвой нарушения его прав по пункту 4 статьи 6 Пакта. Разумеется, в случае представления автором ходатайства о помиловании или смягчении приговора, которое не было бы подвергнуто надлежащему рассмотрению, как это требуется Пактом и внутригосударственной правовой системой, он был бы вправе рассчитывать на эффективное средство правовой защиты. Будь ему отказано в таком средстве, перед ним оставались бы открытыми двери Комитета для рассмотрения дальнейшего сообщения.

(Подпись) Давид Крецмер

(Подпись) Абдельфаттах Амор

(Подпись) Максвелл Ялден

(Подпись) Абдалла Захья

[Совершено на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

**I. Сообщение № 818/1998, Секстус против Тринидада и Тобаго
(Соображения приняты 16 июля 2001 года,
семьдесят вторая сессия)***

Представлено: г-ном Сэнди Секстусом (представлен адвокатом
г-ном Саулом Лехрфрейндом)

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Тринидад и Тобаго

Дата сообщения: 23 апреля 1997 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28
Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 16 июля 2001 года,

завершив рассмотрение сообщения № 818/1998, представленного
Комитету по правам человека г-ном Сэнди Секстусом в соответствии с
Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и
политических правах,

приняв во внимание всю письменную информацию, представленную ему
автором сообщения и государством-участником,

принимает следующее:

**Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного
протокола**

1. Автором сообщения от 23 апреля 1997 года является гражданин
Тринидада и Тобаго г-н Сэнди Секстус, который в настоящее время находится
в государственной тюрьме Тринидада. Он утверждает, что является жертвой
нарушений Тринидадом и Тобаго статей 2 (пункт 3), 7, 9 (пункт 3), 10
(пункт 1), 14 (пункты 1, 3 с)) и 5 Международного пакта о гражданских и
политических правах. Он представлен адвокатом.

Факты в изложении автора

2.1 21 сентября 1988 года автор был арестован по подозрению в совершении
убийства своей тещи в этот же день. До суда над ним в июле 1990 года автор
находился в предварительном заключении в тюрьме "Голден Гроув", Арука, где
его содержали в камере размером 9 на 6 футов вместе с еще 7-11 другими
заключенными. У него не было кровати, и он был вынужден спать на бетонном
полу или на старом картоне и газетах.

---

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета:
г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисукэ Андо, г-н Прафулладандра Натварлал Бхавгати,
г-жа Кристина Шане, г-н Луис Хенкин, г-н Эккарт Кляйн, г-н Давид Крецмер,
г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Рафаэль Ривас Посада, сэр Найджел Родли, г-н Мартин
Шейнин, г-н Иван Ширер, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Ахмед Тауфик Халиль,
г-н Патрик Велла и г-н Максвелл Ялден.

2.2 Спустя более чем 22 месяца после ареста автор предстал 23 июля 1990 года перед Высоким судом. 25 июля 1990 года суд присяжных единогласно признал его виновным и приговорил к смертной казни по обвинению в совершении убийства. С этого момента (до смягчения его наказания) автор находился в государственной тюрьме в Порт-оф-Спейне (Фредерик-стрит) в одиночной камере размером 9 на 6 футов, в которой была железная кровать, матрац, скамья и стол¹. Ввиду отсутствия встроенной сантехники туалетом служило пластмассовое ведро. Единственным отверстием в камере, не обеспечивающим должного проветривания, было небольшое вентиляционное отверстие размером 8 на 8 дюймов. Ввиду отсутствия какого-либо естественного освещения свет поступал лишь благодаря лампе дневного света (включенной круглые сутки и находящейся над дверью снаружи камеры). Из-за своего артрита автор выходил из камеры только для того, чтобы взять еду и опорожнить туалетное ведро. Из-за проблем с желудком автору была предписана овощная диета, а когда овощей не было, он оставался без еды. Автор не получил ответа от омбудсмана на письменную жалобу, связанную с последней проблемой.

2.3 14 марта 1995 года — более чем через 4 года и 7 месяцев — апелляционный суд отклонил заявление автора о получении разрешения на обжалование². 10 октября 1996 года Судебный комитет Тайного совета в Лондоне отклонил ходатайство автора о выдаче специального разрешения на обжалование осуждения и приговора. В январе 1997 года смертный приговор автору был заменен 75 годами тюремного заключения.

2.4 С этого времени автор находился под стражей в тюрьме Порт-оф-Спейна, где был помещен в камеру размером 9 на 6 футов вместе с другими 9-12 заключенными, между которыми происходили жестокие столкновения, вызванные переполненностью помещения. На всю камеру приходится одна кровать, из-за чего автор спит на полу. Помойным ведром служит пластиковый бачок, который опорожняется один раз в день, из-за чего он иногда бывает переполненным. Окно с решеткой размером 2 на 2 фута не обеспечивает необходимой вентиляции. Заключенный находится в его камере в среднем 23 часа в сутки, при этом отсутствуют какие-либо возможности для образования, работы или чтения. Явная опасность для здоровья связана с расположением секции тюрьмы, предназначенной для приготовления пищи, которая находится на расстоянии около 2 метров от того места, где заключенные опорожняют свои помойные ведра. Повторяется утверждение о том, что снабжение пищей не удовлетворяет потребности автора в питании.

Жалоба

3.1 Центральным элементом жалобы автора являются якобы имевшие место чрезмерные задержки в судебном процессе по его делу, а также условия содержания под стражей, в которых ему приходилось находиться на различных этапах этого процесса.

3.2 В отношении заявления о задержке автор утверждает, что его права, закрепленные в пункте 3 статьи 9 и пункте 3 с) статьи 14, были нарушены, поскольку его дело было передано в суд с задержкой в 22 месяца. Это был период с даты его ареста 21 сентября 1988 года — день совершения правонарушения, за которое он был осужден, — до начала суда над ним

23 июля 1990 года. Автор утверждает, что полиция очень мало занималась расследованием его дела.

3.3 Автор приводит соображения Комитета по делам Селиберти де Касарьего против Уругвая, Миллан Сикейра против Уругвая и Пинкни против Канады³, по которым сопоставимые периоды задержки были признаны нарушением Пакта. Ссылаясь на дело Пратт Морган против Генерального прокурора Ямайки⁴, автор утверждает, что государство-участник отвечает за действия без учета подобных периодов задержки в рамках его системы уголовного правосудия, и что в связи с этим оно несет ответственность в данном конкретном случае. Автор утверждает, что данную задержку усугубил тот факт, что полиция, которая должна была провести расследование, мало занималась этим делом, при этом прямое показание дал один очевидец, а три других представили косвенные доказательства. Единственным свидетельством судебного эксперта, приведенным на суде, были отчет о посмертном обследовании и справка об анализе крови.

3.4 Автор заявляет также о нарушениях пунктов 1, 3 с) и 5 статьи 14, которые выразились в необоснованно длительной задержке более чем на четыре года и семь месяцев, которые истекли до того момента, как апелляционный суд рассмотрел и отклонил обжалование осуждения автором. Автор приводит целый ряд дел, по которым Комитет принял решение о том, что сопоставимые (а также менее длительные) задержки являются нарушением Пакта⁵. Автор заявляет о том, что направлялись многочисленные обращения к регистратору апелляционного суда, генеральному прокурору и министру национальной безопасности, а также омбудсмену. Он заявляет, что ко времени рассмотрения апелляции он все еще не получил копии запрошенных им доказательств обвинения, приобщенных к материалам дела, замечаний на представленные доказательства и резюме ведущего данное дело судьи. Автор утверждает, что при оценке обоснованности задержки необходимо иметь в виду, что ему было определено наказание в виде смертной казни, и все это время он находился в заключении в неприемлемых условиях.

3.5 Во второй части жалобы дается описание различных изложенных выше условий содержания автора под стражей, в которых ему пришлось находиться до суда после осуждения и в которых он находится в настоящее время после смягчения приговора. Эти условия, как утверждается, неоднократно были предметом осуждения со стороны международных организаций по правам человека, поскольку они являются нарушением международно принятых стандартов минимальной защиты⁶. Автор заявляет, что после смягчения его наказания он по-прежнему находится в условиях заключения, которые являются явным нарушением, в частности, целого ряда как национальных стандартных правил тюремного заключения, так и Минимальных стандартных правил обращения с заключенными Организации Объединенных Наций⁷.

3.6 Ссылаясь на Замечания общего порядка 7 и 9 Комитета по статьям 7 и 10⁸, соответственно, а также ряд сообщений, в которых делался вывод о том, что условия содержания под стражей являются нарушением Пакта⁹, автор утверждает, что те условия, в которых ему пришлось находиться на каждой стадии судопроизводства, являются нарушением минимального не подлежащего нарушению стандарта условий заключения (который должен соблюдаться независимо от уровня развития государства-участника) и

соответственно нарушением статьи 7 и пункта 1 статьи 10. В частности, автор делает ссылку на дело Эстрелья против Уругвая¹⁰, в котором Комитет при определении существования практики негуманного отношения в тюрьме "Либертад" исходил в определенной мере из "рассмотрения им других сообщений...", которые подтверждают существование практики негуманного отношения в тюрьме "Либертад". При рассмотрении дела Нептун против Тринидада и Тобаго¹¹ Комитет пришел к выводу о наличии весьма схожих обстоятельств в данном деле, не совместимых с пунктом 1 статьи 10, и призвал государство-участник улучшить общие условия заключения, с тем чтобы не допустить аналогичных нарушений в будущем. В качестве обоснования своего заявления о нарушении статьи 7 и пункта 1 статьи 10 автор ссылается на целый ряд примеров из международной судебной практики, в соответствии с которой необоснованно суровые условия тюремного заключения представляют собой негуманное обращение¹².

3.7 В заключение автор заявляет о нарушении пункта 1 статьи 14 в совокупности с пунктом 3 статьи 2, суть которого заключается в том, что его лишают права на доступ в суд. Автор утверждает, что право на представление конституционного ходатайства не действует в условиях, связанных с настоящим делом, из-за недоступной стоимости судебного разбирательства в Высоком суде для обеспечения конституционной защиты, отсутствия правовой помощи при подаче конституционных ходатайств, а также нехватки местных адвокатов, готовых бесплатно представлять заявителей. Автор приводит в качестве примера дело Шампаньи и другие против Ямайки¹³, с тем чтобы показать, что при отсутствии правовой помощи конституционное ходатайство в данном случае не является эффективным средством судебной защиты для неимущего автора. Автор приводит в качестве примера судебную практику Европейского суда по правам человека¹⁴ как аргумент в отношении того, что эффективное право на доступ в суд может потребовать обеспечения правовой помощи неимущим заявителям. Автор утверждает, что это в первую очередь связано со случаем смертной казни, и утверждает, что, таким образом, отсутствие правовой помощи для подачи конституционных ходатайств само по себе является нарушением Пакта.

Замечания государства-участника по вопросу о приемлемости и существу сообщения

4.1 В своем ответе от 6 сентября 1999 года государство-участник оспорило приемлемость и существо сообщения. В отношении заявлений о задержках, связанных с досудебным производством и рассмотрением апелляции, которые противоречат пункту 3 статьи 9 и пункта 3 с) и 5 статьи 14, государство-участник утверждает, что до направления сообщения автор не пытался протестовать против тех задержек, которые возникли с передачей данного дела в суд. Суть данного нарушения заключается в том, что автору было известно о возможном нарушении самое позднее в день суда, однако этот вопрос не поднимался или не являлся предметом обжалования. Государство-участник утверждает, что авторам не следует давать возможность "спать на" своих правах в течение длительного периода времени и лишь годы спустя подавать заявления о нарушении в Комитет. Соответственно разумно ожидать, что авторы будут пытаться получить сатисфакцию посредством

конституционного ходатайства или подачи заявления в Комитет непосредственно после совершения предполагаемого нарушения, а не через многие годы, и эту часть сообщения следует объявить неприемлемой.

4.2 В отношении существа заявлений о задержке государство-участник утверждает, что ни один из соответствующих периодов не является неоправданным в той ситуации, которая преобладала в государстве-участнике в годы сразу после предпринятой попытки переворота. Рост преступности создал значительную нагрузку для судов в тот период, в результате которой накопилось большое количество нерассмотренных дел. Трудности, возникшие с своевременной подготовкой полных и точных судебных материалов, вызвали задержки в представлении дел в суд и рассмотрении апелляций. Государство-участник заявляет, что оно осуществило реформы процедурного характера, с тем чтобы предотвратить подобные задержки, включая назначение новых судей для рассмотрения дел в суде и апелляций. Благодаря увеличению финансовых и других ресурсов, в том числе для ведения судебных протоколов при помощи компьютеров, апелляции рассматриваются в настоящее время в течение одного года после осуждения. Следует учитывать происшедшие улучшения.

4.3 В отношении заявлений о ненадлежащих условиях заключения в нарушение статьи 7 и пункта 1 статьи 10 государство-участник отрицает, что те условия, в которых заявитель содержался после вынесения ему приговора о смертной казни и содержится в настоящее время, являются нарушением Пакта¹⁵. Государство-участник ссылается на аналогичные утверждения, которые были сделаны другими лицами в отношении условий в той же самой тюрьме, которые были сочтены приемлемыми судами государства-участника и которые, согласно имеющейся информации, по мнению самого Комитета, не представляли собой нарушения, когда он рассматривал вопросы, связанные с указанными условиями¹⁶. Тайный совет постановил по делу Томас против Баптиста¹⁷, что неприемлемые условия тюремного заключения в этом случае, которые являлись нарушением тюремных правил, необязательно доходят до уровня негуманного обращения, и согласился в этой связи с решением Апелляционного суда. Государство-участник утверждает, что эти различные выводы, сделанные судами в государстве-участнике, Тайным советом и Комитетом, должны иметь преимущество перед необоснованными и общими утверждениями автора.

4.4 В отношении заявления о нарушении права на обращение в суды в соответствии с пунктом 1 статьи 14 государство-участник отрицает факт какого-либо отказа в доступе к судам посредством конституционных ходатайств с целью получения сатисфакции за нарушения основных прав. В настоящее время судами рассматриваются конституционные ходатайства, представленные 19 осужденными заключенными, и поэтому утверждение о каком-либо нарушении пункта 1 статьи 14 является неправомерным и вводящим в заблуждение.

Комментарии автора по представлениям государства-участника

5.1 В представлении от 19 ноября 1999 года автор ответил на утверждения государства-участника. В отношении аргументов, касающихся задержки, автор указывает на наличие противоречия в доводах государства-участника,

выражающегося в отрицании того, что произошла необоснованная задержка, при указании при этом на то, что в течение соответствующего периода отправление уголовного правосудия характеризовалось общими проблемами. Автор считает, что государством-участником допускалась возможность того, что различные задержки не имели под собой оснований, ибо в противном случае не было бы никакой необходимости улучшать ситуацию, с тем чтобы предотвращать подобные задержки. Автор указывает также на решение Комитета по делу Смарт против Тринидада и Тобаго¹⁸, в котором признавалось, что период времени более двух лет с момента ареста до суда представляет собой нарушение пункта 3 статьи 9 и пункта 3 с) статьи 14.

5.2 Автор утверждает, что вопросы задержки не могли быть представлены на рассмотрение Комитета на более раннем этапе, поскольку лишь после отказа Тайного совета 10 октября 1996 года дать разрешение на обжалование были исчерпаны все имеющиеся внутренние средства правовой защиты. Автор заявляет также, что в любом случае не существует каких-либо конституционных средств защиты, поскольку Тайным советом было определено по делу ДПП против Токай¹⁹, что, хотя Конституцией Тринидада и Тобаго предусматривается право на справедливое судебное разбирательство, в ней не предусматривается право на быстрое судебное разбирательство или судебное разбирательство в течение разумного срока.

5.3 В отношении заявлений о ненадлежащих условиях тюремного заключения, противоречащих статье 7 и пункту 1 статьи 10 автор указывает, что в решении Тайного совета по делу Томас против Батиста, на которое ссылается государство-участник, признавалось, что заявители по данному делу содержались в переполненных и зловонных камерах и были лишены в течение длительных периодов времени возможности физических упражнений или доступа к свежему воздуху. Во время физических упражнений на свежем воздухе на них надевались наручники. Большинство голосов Тайный совет вынес решение о том, что подобные условия являются нарушением правил тюремного заключения и незаконными, но необязательно представляют собой жестокое и негуманное обращение, заявив при этом, что оценочное решение зависит от местных условий как внутри тюрьмы, так и за ее пределами. По мнению Совета, хотя подобные условия являются "совершенно неприемлемыми в цивилизованном обществе", дело прав человека не выигрывает от того, что будут установлены такие высокие стандарты, при которых нарушения станут обычным явлением.

5.4 Автор указывает, что, хотя Тайный совет большинством голосов принял более низкие стандарты на основании того, что в странах третьего мира "нередко, к сожалению, не достигается тот минимум, который будет приемлемым в более богатых странах", Комитет настаивал на том, чтобы всегда соблюдались определенные минимальные стандарты тюремного заключения независимо от уровня развития страны²⁰. В этой связи автор настаивает на том, что грубое нарушение не подлежащих изменению минимальных стандартов обращения, признанных среди цивилизованных стран, все же является жестоким и негуманным обращением.

5.5 В отношении заявления о праве на доступ в суды автор ссылается на решение Комитета о приемлемости по делу Смарт против Тринидада и Тобаго²¹, в соответствии с которым в случае отсутствия правовой помощи для

обеспечения возможности использования конституционного средства судебной защиты это средство не может считаться эффективным. Автор задает вопрос о том, по скольким из 19 конституционных случаев, на которые делает ссылку государство-участник, была оказана правовая помощь, заявляя при этом о том, что, насколько он понимает, большинство из них было представлено *pro bono* (дела, которые обычно не ведут местные адвокаты)²².

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

6.1 Прежде чем рассматривать любое утверждение, содержащееся в сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии со статьей 87 своих правил процедуры принять решение о том, является ли сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

6.2 В отношении заявлений автора о предполагаемой задержке Комитет принимает к сведению довод государства-участника о том, что внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны, поскольку i) на суде и при обжаловании не ставились никакие вопросы по поводу задержки и ii) автором не было подано конституционное ходатайство. Государством-участником не было показано, что постановка вопросов о задержке при рассмотрении дела в суде или при обжаловании могла бы обеспечить эффективное средство судебной защиты. В отношении довода государства-участника о том, что конституционное ходатайство было и является возможным для автора, Комитет напоминает о своей практике, в соответствии с которой, для того чтобы данное средство судебной защиты считалось доступным для неимущего заявителя, должна существовать возможность получения правовой помощи. Хотя государство-участник предоставило цифры, подтверждающие, что этим средством правовой защиты пользуются другие заключенные, оно не сумело показать, что это средство будет доступно данному конкретному автору в том бедственном положении, в котором он находится. В любом случае в отношении заявления о неоправданной задержке Комитет отмечает, что в соответствии с толкованием Тайным советом соответствующих конституционных положений полностью отсутствуют конституционные средства судебной защиты, при помощи которых эти заявления могут быть сделаны. Комитет считает в этой связи, что в соответствии с пунктом 2 b) статьи 5 Факультативного протокола отсутствуют основания для того, чтобы не рассматривать данное сообщение.

6.3 В отношении заявления относительно ненадлежащих условий заключения в нарушение статей 7 и 10 Комитет отмечает, что автор представил конкретные и подробные заявления относительно тех условий, в которых ему пришлось находиться во время тюремного заключения. Вместо того, чтобы отвечать на отдельные заявления, государство-участник просто констатирует, что автор не дал обоснований своим заявлениям. В подобных обстоятельствах Комитет считает, что автор в достаточной степени обосновал свои утверждения для целей приемлемости.

7.1 Комитет, соответственно, считает, что данное сообщение является приемлемым, и переходит к рассмотрению существа утверждений в свете всей информации, представленной ему сторонами, как это предусмотрено пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

7.2 В отношении утверждения о необоснованной досудебной задержке Комитет напоминает о своей практике, в соответствии с которой "в делах,

связанных с серьезными обвинениями, таких, как убийство или тяжкое убийство, а также когда суд отказывает обвиняемому в освобождении под залог, обвиняемый должен привлекаться к суду как можно быстрее"²³. В данном случае, когда автора арестовали в день совершения преступления, обвинили в убийстве и содержали под стражей до суда и когда практическое доказательство было очевидным и явно требовало незначительного полицейского расследования, Комитет считает, что необходимо привести существенные причины для оправдания задержки с судом на 22 месяца. Государство-участник указывает лишь на проблемы общего характера и нестабильность в период после попытки переворота и признает связанные с ними задержки. В подобных обстоятельствах Комитет делает вывод о нарушении прав автора по пункту 3 статьи 9 и пункту 3 с) статьи 14.

7.3 В отношении утверждения о периоде задержки более четырех лет и семи месяцев между осуждением и судебным решением по апелляции Комитет также ссылается на свою судебную практику, в соответствии с которой права, предусмотренные в пунктах 3 с) и 5 статьи 14, в совокупности составляют право на безотлагательный пересмотр решения судом²⁴. По делу Джонсон против Ямайки²⁵ Комитет постановил, что при отсутствии исключительных обстоятельств задержка на четыре года и три месяца является необоснованно длительной. В настоящем случае государство-участник также лишь указало на общую ситуацию и косвенным образом признало чрезмерность задержки в виде объяснения о том, что в настоящее время меры, принятые с целью обеспечения судебных средств защиты, гарантируют рассмотрение апелляции в течение года. Комитет делает вывод, соответственно, о нарушении пунктов 3 с) и 5 статьи 14.

7.4 В отношении утверждений автора о том, что условия содержания под стражей на различных этапах его тюремного заключения являлись нарушением статьи 7 и пункта 1 статьи 10, Комитет отмечает общий довод государства-участника о том, что условия содержания в его тюрьмах соответствуют положениям Пакта. В то же время ввиду отсутствия конкретных ответов государства-участника, касающихся условий содержания под стражей, изложенных автором²⁶, Комитет должен верить заявлениям автора, поскольку они не были опровергнуты должным образом. В отношении вопроса о том, являются ли изложенные условия нарушением положений Пакта, Комитет отмечает доводы государства-участника в отношении того, что в других случаях его суды признали условия тюремного заключения по другим делам в качестве удовлетворительных²⁷. Комитет не может рассматривать выводы судов по другим делам в качестве ответа на конкретные жалобы, с которыми автор обратился в данном случае. В соответствии с неоднократно сделанными выводами в отношении аналогичных обоснованных заявлений Комитет считает²⁸, что изложенные условия содержания автора под стражей являются нарушением его права на гуманное обращение с соблюдением неотъемлемого достоинства человеческой личности и в этой связи противоречат пункту 1 статьи 10. В свете этого вывода, касающегося статьи 10 — нормы Пакта, конкретно предусматривающей положение лиц, лишенных свободы, и содержащей элементы, касающиеся подобных лиц, которые обычно предусматриваются статьей 7, нет необходимости отдельно рассматривать утверждения, связанные со статьей 7.

8. Действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, Комитет по правам человека считает, что представленные ему факты свидетельствуют о наличии нарушения положений пункта 3 статьи 9, пункта 1 статьи 10 и пунктов 3 с) и 5 статьи 14 Пакта.

9. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить г-на Секстуса эффективным средством правовой защиты, включая выплату надлежащей компенсации. Государство-участник также обязано улучшить нынешние условия заключения автора или освободить его.

10. Став государством — участником Факультативного протокола, Тринидад и Тобаго признало компетенцию Комитета определять наличие или отсутствие нарушения Пакта. Данное дело было представлено на рассмотрение до того, как 27 июня 2000 года вступила в силу денонсация Тринидадом и Тобаго Факультативного протокола; в соответствии с пунктом 2 статьи 12 Факультативного протокола оно по-прежнему подпадает под действие Факультативного протокола. Согласно статье 2 Пакта государство-участник обязуется обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и обеспечить эффективное и применимое средство правовой защиты в случае установления наличия нарушения. Комитет желает получить от государства-участника в 90-дневный срок информацию о мерах, принятых по осуществлению Соображений Комитета.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Примечания

¹ Описание адвокатом этих условий дается на основе переписки автора и личного посещения адвокатом автора во время его нахождения под стражей в июле 1996 года.

² В этот день после рассмотрения представленного аргумента Суд отказался предоставить возможность апелляции и подтвердил осуждение и приговор. Вскоре после этого 10 апреля 1995 года были представлены основания данного судебного решения (20 страниц).

³ Соответственно сообщения 56/1979, 6/1977 и 27/1978.

⁴ [1994] 2 AC 1 (Тайный совет).

⁵ Автор ссылается на дела Пинкни против Канады (сообщение 27/1978), Литтл против Ямайки (сообщение 283/1998), Пратт и Морган против Ямайки (сообщения 210/1986 и 226/1987), Келли против Ямайки (сообщение 253/1987) и Нептун против Тринидада и Тобаго (сообщение 523/1992).

⁶ Автор ссылается на общий анализ условий содержания в тюрьме Порт-оф-Спейн, описанных Вивиан Штерн в "Deprived of their Liberty" (1990).

⁷ Автор ссылается также, с точки зрения описания общей ситуации, на приведенное в средствах массовой информации 5 марта 1995 года высказывание Генерального секретаря Ассоциации сотрудников тюремных учреждений, в соответствии с которым санитарные условия являются "весьма прискорбными, неприемлемыми и создают опасность для здоровья". Он также заявил о том, что ограниченные ресурсы и распространение тяжелых инфекционных заболеваний делают работу сотрудников тюремных учреждений еще более

тяжелой.

⁸ Эти Замечания общего порядка были затем заменены, соответственно, Замечаниями общего порядка 20 и 21.

⁹ Валентини де Баззано против Уругвая (сообщение № 5/1997), Буффо Карбальял против Уругвая (сообщение № 33/1978), Сендик Антонаксио против Уругвая (сообщение № 63/1979), Гомес де Войтурет против Уругвая (сообщение № 109/1981), Уайт против Мадагаскара (сообщение № 115/1982), Пинто против Тринидада и Тобаго (сообщение № 232/1987), Муконг против Камеруна (сообщение № 458/1991).

¹⁰ Сообщение № 27/1980.

¹¹ Сообщение № 523/1992. Описанные условия (и не оспоренные государством-участником) включали камеру размером 6 x 9 футов, в которой находилось от 6 до 9 других заключенных, с тремя кроватями, недостаточным освещением, полчаса упражнений через каждые две-три недели и неадекватное питание

¹² В Европейском суде: Greek Case 12 YB 1 (1969) и Cyprus v. Turkey (Appln. No. 6780/74 and 6950/75); в Верховном суде Зимбабве: Conjwayo v. Minister of Justice, Legal and Parliamentary Affairs et. al. (1992) 2 SA 56, Gubbay CJ for the Court.

¹³ Сообщение № 445/1991, объявленное приемлемым 18 марта 1993 года.

¹⁴ Golder v. United Kingdom [1975] 1 EHRR 524 и Airey v. Ireland [1979] 2 EHRR 305. Автор приводит также мнения Комитета по делу Карри против Ямайки (сообщение № 377/1989) в связи с тем, что в тех случаях, когда этого требуют интересы правосудия, осужденному заявителю должна предоставляться юридическая помощь для подачи конституционного ходатайства относительно нарушений уголовного судопроизводства.

¹⁵ Государство-участник никак не упоминает условия досудебного содержания под стражей.

¹⁶ См. мнение большинства по делу Чади против Тринидада и Тобаго (сообщение № 813/1998).

¹⁷ [1999] 3 W.L.R. 249.

¹⁸ Сообщение № 672/1995.

¹⁹ [1996] 3 WLR 149.

²⁰ Муконг против Камеруна (сообщение № 458/1991). Особое мнение лорда Стейна по делу Thomas & Hilaire имеет аналогичное значение

²¹ Op. cit.

²² Автор заявляет, что при зачитании приказа о приведении в исполнение приговора к смертной казни обеспечивается бесплатное юридическое представительство.

²³ Барросо против Панамы (сообщение № 473/1991, пункт 8.5).

²⁴ Лубуто против Замбии (сообщение № 390/1990) и Нептун против Тринидада и Тобаго (сообщение № 523/1992).

²⁵ Сообщение № 588/1994.

²⁶ По делу Чади против Тринидада и Тобаго (сообщение № 813/1998), на которое ссылается государство-участник, государством-участником не были сообщены подробности данного факта, и Комитет большинством голосов решил в конечном итоге, что он не в состоянии принять решение о нарушении статьи 10.

²⁷ Эти случаи были истолкованы в качестве конституционного положения, аналогичного по своему содержанию статье 7 Пакта, и в этой связи они могут, вероятно, иметь последствия только для оценки заявлений, которые делаются в настоящее время согласно статье 7, но не в отношении иной нормы, содержащейся в статье 10.

²⁸ См., например, дело Келли против Ямайки (сообщение № 253/1987) и Тейлор против

Ямайки (сообщение № 707/1996).

Добавление

Особое мнение члена Комитета Иполито Солари Иригойена в соответствии с правилом 98 правил процедуры

Выражаю свое особое мнение по пункту 9, согласно которому я считаю следующее:

"В соответствии с пунктом 3 с) статьи 2 Международного пакта о гражданских и политических правах государство-участник обязано обеспечить г-на Сэнди Секстуса надлежащим средством судебной защиты, включая выплату ему надлежащей компенсации. Государство-участник обязано также освободить автора".

(Подпись) Иполито Солари Иригойен

[Совершено на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

**Ж. Сообщение № 819/1998, Каванах против Ирландии
(Соображения приняты 4 апреля 2001 года,
семьдесят первая сессия)***

Представлено: г-ном Джозефом Каванахом (представлен
г-ном Майклом Фарреллом)

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Ирландия

Дата сообщения: 27 августа 1998 года (первоначальное
представление)

Дата решения о приемлемости
и принятия соображений: 4 апреля 2001 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28
Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 4 апреля 2001 года,

завершив рассмотрение сообщения № 819/1998, представленного в
Комитет по правам человека г-ном Джозефом Каванахом в соответствии с
Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и
политических правах,

приняв во внимание всю письменную информацию, представленную ему
автором сообщения и государством-участником,

принимает следующее:

**Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного
протокола**

1. Автором сообщения от 27 августа 1998 года является г-н Джозеф Каванах,
гражданин Ирландии, родившийся 27 ноября 1957 года. Автор заявляет о
нарушении Республикой Ирландией статьи 2 (пункты 1 и 3 а)), статьи 4
(пункты 1 и 3), статьи 14 (пункты 1, 2 и 3) и статьи 26 Пакта. Пакт и
Факультативный протокол к нему вступили в силу для Ирландии 8 марта 1990
года. Автора представляет адвокат.

---

* В рассмотрении настоящего сообщения участвовали следующие члены Комитета: г-н Нисукэ
Андо, г-н Прафуллачандра Н. Бгахвати, г-жа Кристина Шане, г-н Луис Хенкин, г-н Эккарт
Кляйн, г-н Дэвид Крецмер, г-н Раджсумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кирога,
г-н Рафаэль Ривас Посада, г-н Найджел Родли, г-н Мартин Шейнин, г-н Иван Ширер,
г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Ахмед Тауфик Халиль, г-н Патрик Велла и г-н Максуэлл
Ялден.

Текст одного особого мнения, подписанный пятью членами Комитета, прилагается к
настоящему документу в качестве добавления.

Исходная информация

2.1 Статья 38 (3) Конституции Ирландии предусматривает создание в законном порядке специальных судов для проведения судебного разбирательства в случаях, когда в соответствии с законом установлено, что обычные суды "не в состоянии обеспечить эффективное отправление правосудия и поддержание общественного мира и порядка". 26 мая 1972 года правительство, воспользовавшись своими полномочиями в соответствии со статьей 35(2) *Закона о государственных преступлениях от 1939 года* издало постановление, предусматривающее создание специального уголовного суда для проведения судебного разбирательства в связи с определенными категориями преступлений. В пунктах 4 и 5 статьи 35 этого закона указано, что если правительство или парламент в какой-либо момент сочтут, что обычные суды вновь в состоянии обеспечивать эффективное отправление правосудия и поддержание общественного мира и порядка, то принимается соответствующее постановление или решение о прекращении деятельности специального уголовного суда. До настоящего времени власти не издавали никаких постановлений или решений о прекращении полномочий такого суда.

2.2 В силу статьи 47(1) Закона специальный уголовный суд вправе рассматривать "списочные преступления" (т.е. преступления, перечисленные в соответствующем списке) в тех случаях, когда Генеральный прокурор "считает целесообразным" проводить разбирательство по делу обвиняемого лица не в обычных судах, а в специальном уголовном суде. "Списочное преступление" характеризуется в Постановлении 1972 года о государственных преступлениях (списочных преступлениях) как противоправные деяния, подпадающие под сферу действия Закона 1861 года об умышленном причинении вреда, Закона 1883 года о взрывчатых веществах, законов 1925-1971 годов об огнестрельном оружии и Закона 1939 года о государственных преступлениях. В том же году к разряду "списочных преступлений" были добавлены преступления, предусмотренные статьей 7 Закона 1875 года о посягательстве на собственность и защите собственности. Кроме того, специальный уголовный суд может рассматривать и "несписочные" преступления, если Генеральный прокурор, руководствуясь статьей 47(2) Закона, постановляет, что, по его мнению, обычные суды "не в состоянии обеспечить эффективное отправление правосудия в контексте судебного разбирательства по делу такого лица, обвиняемого в таком преступлении". В этой связи Государственный обвинитель (ГО) выполняет делегируемые ему полномочия Генерального прокурора.

2.3 В отличие от судов общеуголовной юрисдикции, в составе которых действует жюри присяжных, специальные уголовные суды состоят из трех судей, которые выносят решения большинством голосов. Кроме того, в специальном уголовном суде используется ряд процедур, не предусмотренных для обычных уголовных судов, включая, в частности, правило, согласно которому обвиняемый не имеет доступа к предварительным следственным процедурам, касающимся дачи показаний некоторыми свидетелями.

Представленные факты

3.1 2 ноября 1993 года имел место серьезный и по всей видимости тщательно спланированный инцидент, в результате которого банда в составе семи человек

захватила и подвергла физическому насилию исполнительного директора одной ирландской банковской компании, его жену, трех его детей и приходящую няню в доме, принадлежащем этой семье. Затем исполнительного директора заставили под угрозой применения насилия выкрасть в этом банке весьма крупную сумму денег. Автор признает свое участие в данном инциденте, однако утверждает, что он сам был захвачен бандой непосредственно перед инцидентом и был вынужден принять участие в этом налете под угрозой насилия в отношении него самого и членов его семьи.

3.2 19 июля 1994 года автор был арестован в связи с вышеописанным инцидентом, и ему были предъявлены следующие семь обвинений: неправомерное задержание, ограбление, вымогательство денег путем угроз, вступление в сговор с целью вымогательства денег путем угроз, обладание огнестрельным оружием с целью совершения противоправного деяния в форме неправомерного задержания. Шесть из этих обвинений были обвинениями в преступлениях, не относящихся к категории списочных, и только седьмое обвинение (обладание огнестрельным оружием с целью совершения противоправного деяния в форме неправомерного задержания) было обвинением в совершении "списочного преступления".

3.3 20 июля 1994 года на основании постановления Государственного обвинителя (ГО) от 15 июля 1994 года, принятого в соответствии с пунктами 1 и 2 статьи 47 Закона, автор предстал перед специальным уголовным судом, где ему были предъявлены все семь обвинений в совершении как списочных, так и несписочных преступлений.

3.4 14 ноября 1994 года автор направил в Высокий суд ходатайство о предоставлении ему разрешения на пересмотр в судебном порядке постановления ГО. В тот же день Высокий суд дал ему такое разрешение, и ходатайство автора было заслушано в июне 1995 года. Автор утверждал, что преступления, в совершении которых он обвинялся, не имели отношения к подрывной деятельности или деятельности военизированной группы и что обычные суды были в состоянии рассматривать его дело. Автор оспорил применимость постановления 1972 года, мотивируя это отсутствием разумных фактических оснований для этого постановления, и просил вынести соответствующее решение. Кроме того, автор потребовал аннулировать квалификационное решение ГО по поводу "несписочных" преступлений на том основании, что ГО не вправе решать вопрос о правомочности рассмотрения несписочных преступлений специальным уголовным судом в тех случаях, когда они не имеют отношения к подрывной деятельности. В этой связи он отмечал, что заявление Генерального прокурора на сорок восьмой сессии Комитета по правам человека о том, что существование специального уголовного суда обусловлено проведением кампании в связи с Северной Ирландией, представляется достаточным основанием для предположения о том, что в специальном уголовном суде следует рассматривать только те преступления, которые имеют отношение к Северной Ирландии. Он заявил также, что решение о передаче его дела в специальный уголовный суд является актом его неправомерной дискриминации.

3.5 6 октября 1995 года Высокий суд отклонил все представленные автором аргументы. Поддержав действия нижестоящих инстанций, суд постановил, что решения ГО не подлежат пересмотру за отсутствием доказательств *mala fides*

ГО или того, что в своих действиях он руководствовался неправомерными мотивами или соображениями. Суд не усмотрел никаких нарушений в решении о правомерности рассмотрения несписочных противоправных действий, не связанных с подрывной деятельностью или деятельностью военизированных групп. Суд подтвердил возможность вынесения надлежащего и имеющего юридическую силу решения и поддержал квалификационное решение. Коснувшись связанной с этим попытки оспорить само постановление 1972 года, Высокий суд отметил, что его полномочия ограничиваются рассмотрением конституционности действий правительства в 1972 году и что он не вправе высказывать мнение относительно предусмотренной в пункте 4 статьи 35 обязанности правительства прекращать применение этого специального режима. По мнению Высокого суда, сама возможность отмены им этого постановления была бы равносильной узурпации им законодательных полномочий в области, которая находится вне пределов компетенции судебных органов.

3.6 Что касается утверждения о том, что к автору был применен режим судебного разбирательства, отличавшийся от режима судебного разбирательства по делам лиц, обвиняемых в совершении аналогичных преступлений, не попадающих тем не менее в категорию преступлений, подлежащих рассмотрению специальным уголовным судом, то Высокий суд счел, что автор не обосновал злонамеренности такого различия в обращении. В заключение Высокий суд указал, что никакие заявления представителя государства в том или ином международном комитете не могут влечь за собой изменения действующего закона или увязываться с дискреционными полномочиями, осуществляемыми ГО в соответствии с таким законом.

3.7 24 октября 1995 года автор направил апелляцию в Верховный суд. Автор, в частности, утверждал, что постановление 1972 года касалось преступлений, связанных с подрывной деятельностью, и что сфера компетенции специального уголовного суда никогда не распространялась на "обычные уголовные преступления". Далее автор утверждал, что правительство обязано пересмотреть и отменить это постановление, как только оно удостоверится в том, что обычные суды в состоянии обеспечивать эффективное отправление правосудия и поддержание общественного мира и порядка.

3.8 18 декабря 1996 года Верховный суд отклонил апелляцию автора на решение Высокого суда. Верховный суд заявил, что принятое правительством в 1972 году решение о принятии такого постановления носило по существу политический характер и базировалось на принципе презумпции конституционности, который не был оспорен. Верховный суд отметил, что как правительство, так и парламент обязаны в соответствии со статьей 35 Закона отменить специальный режим, как только они удостоверятся в том, что обычные суды могут вновь адекватно выполнять свои функции. Хотя сам факт существования специального уголовного суда в принципе может быть предметом рассмотрения в судебном порядке, Верховный суд не усмотрел в факте сохранения специального режима посягательства на конституционные права в свете свидетельств того, что ситуация находится под контролем и что правительство по-прежнему считает оправданным его существование.

3.9 Опираясь на свое предыдущее решение по делу Государство (Государственный обвинитель) против Киллигэна¹, Верховный суд посчитал

допустимым рассмотрение "преступлений неподрывного характера" специальным уголовным судом с учетом мнения ГО о нецелесообразности направления дела в обычные суды. Автор заявляет, что с учетом отклонения этой его апелляции он исчерпал все возможные внутренние средства правовой защиты, предусмотренные ирландской правовой системой в связи с такими вопросами.

3.10 После отклонения ряда ходатайств о поручительстве 14 октября 1997 года в специальном уголовном суде начался процесс по делу автора. 29 октября 1997 года автор был осужден за грабеж, хранение огнестрельного оружия, а именно пистолета, с целью совершения преследуемого по обвинительному акту преступления в форме неправомерного лишения свободы и вымогательство денег с применением угроз с целью последующего их присвоения. Автор был приговорен к лишению свободы соответственно на 12, 12 и 5 лет с отбытием этих сроков одновременно с 20 июля 1994 года (т.е. с момента взятия автора под стражу). 18 мая 1999 года апелляционный суд по уголовным делам отклонил ходатайство автора о предоставлении разрешения на обжалование вынесенного ему приговора.

Жалоба

4.1 Автор утверждает, что постановление ГО о передаче его дела на рассмотрение специального уголовного суда противоречит принципам справедливости и равенства состязательных возможностей, которые предусматриваются в пунктах 1 и 3 статьи 14 Пакта. Автор утверждает, что он находился в крайне неблагоприятном положении по сравнению с другими лицами, обвиняемыми в совершении аналогичных или таких же уголовных преступлений, дела которых в отличие от его дела рассматривались обычными судами, вследствие чего обвиняемые могли пользоваться более широким кругом возможных в этой связи гарантий. Автор подчеркивает, что в его случае рассмотрение дела судом присяжных и предоставление возможности допроса свидетелей в рамках предварительного расследования имело бы особо важное значение. Оценка достоверности показаний некоторых ключевых свидетелей явилась бы основным вопросом в его деле. В силу вышеизложенного автор заявляет, что его процессуальные права были произвольным образом ограничены и с точки зрения соблюдения этих прав его подвергли несправедливому обращению, поскольку ГО не привел никаких доводов или аргументов в обоснование принятого им решения.

4.2 Автор признает, что право на суд присяжных и на допрос свидетелей в рамках предварительного расследования однозначно не предусмотрено пунктом 3 статьи 14, однако заявляет при этом, что в пункте 3 статьи 14 излагается только часть требований, соблюдение которых позволяет обеспечить справедливое судебное разбирательство. Он утверждает, что в широком плане цель указанной статьи заключается в том, чтобы предоставить всем людям возможность равноправного пользования этими важными гарантиями. В этой связи автор заявляет, что указанные права, которые он относит к категории ключевых гарантий в рамках юрисдикции государства-участника, также охраняются статьей 14 Пакта.

4.3 Автор далее утверждает, что основанное на статье 47 Закона решение ГО было принято без указания каких-либо доводов или аргументов в его

обоснование и, таким образом, является нарушением предусмотренной в пункте 1 статьи 14 гарантии публичного разбирательства. Высший суд государства-участника, а именно Верховный суд, постановил по делу Х. против Государственного обвинителя², что ГО не может принуждаться к даче пояснений по поводу принимаемого им решения, кроме как в исключительных случаях, таких, как случаи установления *mala fides*. Автор заявляет, что одно из ключевых решений по его делу, а именно решение о выборе процедуры и суда, принималось тайно и на основе соображений, которые не были доведены ни до него самого, ни до публики и которые в силу этого фактора не могут быть обжалованы.

4.4 Кроме того, автор утверждает, что решение ГО нарушает принцип презумпции невиновности, предусмотренный в пункте 2 статьи 14 Пакта. Он считает, что восстановление ирландским правительством в 1972 году специального уголовного суда было обусловлено ростом насилия в Северной Ирландии и имело целью обеспечение более эффективной защиты жюри присяжных от неправомерного постороннего воздействия и давления. Автор утверждает, что принятое ГО решение предполагает его членство или связь с какой-либо военизированной или подрывной группой, вовлеченной в конфликт в Северной Ирландии, или возможность того, что он сам или связанные с ним лица могут попытаться оказать давление или иное воздействие на жюри присяжных, если дело будет рассматриваться обычным судом. Кроме того, автор заявляет, что содержание под стражей до суда с учетом этих обстоятельств означает также, что его уже отчасти заранее квалифицируют как виновное лицо.

4.5 Автор отрицает, что он связан или когда-либо был связан с какой-либо военизированной или подрывной группой. В силу этого он утверждает, что решение ГО по его делу косвенным образом предполагает наличие у него связи с преступной группой, несущей ответственность за незаконное задержание людей 2 ноября 1993 года, члены которой могли бы оказать давление или какое-либо иное воздействие на присяжных при вынесении ими решения. Автор отрицает свою причастность к этой преступной группе и заявляет, что это главный вопрос который должен был решаться судом и не мог решаться заранее Государственным обвинителем.

4.6 Автор утверждает, что государство-участник не обеспечило ему эффективное средство правовой защиты, как того требует статья 2 Пакта. В ходе рассмотрения его дела было вынесено решение, однозначно дающее основания ссылаться на положения Пакта и не подлежащее обжалованию в рамках эффективных средств правовой защиты. Нельзя говорить о наличии эффективных средств правовой защиты, когда суды сами связывают себя по рукам и ногам и ограничивают применение процедуры пересмотра исключительными обстоятельствами, когда практически невозможно доказать недобросовестность действий и неправомерность доводов или соображений ГО. Поскольку автор полагает, что никаких исключительных обстоятельств в данном случае не существует, то у него нет никаких средств правовой защиты.

4.7 Кроме того, автор заявляет о нарушении предусмотренного в статье 26 принципа недискриминации, поскольку он был лишен без объективной на то причины важных правовых гарантий, предоставляемых другим лицам, обвиняемым в совершении аналогичных преступлений. В этой связи автор

утверждает, что постановление ирландского правительства 1972 года о восстановлении специального уголовного суда является по смыслу пункта 1 статьи 4 Пакта отступлением от некоторых прав, закрепленных в статье 14 Пакта. Он заявляет, что в настоящее время в Северной Ирландии отсутствует фактор роста насилия, который побудил правительство принять соответствующее решение, и что существующая ситуация не может более квалифицироваться как чрезвычайная и угрожающая жизни нации. В силу этого автор считает, что теперь нет необходимости в сохранении отступлений от части положений Пакта. В этой связи сохранение в Ирландии специального уголовного суда было бы нарушением обязательств Ирландии по пункту 1 статьи 4 Пакта.

4.8 В заключение автор заявляет, что Ирландия нарушила также свое обязательство по пункту 3 статьи 4 Пакта. Он утверждает, что нежелание Ирландии аннулировать свое постановление 1972 года, по меньшей мере на данный момент, означает де-факто или неформально отступление от статьи 14 Пакта без уведомления об этом других государств — участников Пакта, как этого требуют его положения.

Замечания государства-участника по вопросу о приемлемости сообщения

5.1 Государство-участник заявляет, что сообщение следует считать неприемлемым по смыслу пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола, поскольку внутренние средства правовой защиты исчерпаны не были. На момент представления сообщения автор еще не обжаловал вынесенного ему приговора в апелляционном суде по уголовным делам. Кроме того, государство-участник заявляет, что элементы настоящей жалобы вообще не доводились до сведения национальных судов. Государство-участник утверждает, что автор ни разу не ставил в национальных судах вопрос о том, что ему было отказано в праве на публичное разбирательство дела или что было нарушено его конституционное право на презумпцию невиновности. В силу этого государство считает данные элементы жалобы неприемлемыми. К своему представлению государство-участник прилагает текст одного из постановлений, принятых высшей судебной инстанцией страны, а именно Верховным судом, в 1995 году, в котором отмечается, что решение ГО не нарушает принципа презумпции невиновности³. (В последующих представлениях государство-участник признает, что вопрос о презумпции невиновности поднимался в обеих судебных инстанциях в рамках процедур судебного пересмотра.)

5.2 Кроме того, государство-участник утверждает, приводя в подтверждение своего утверждения подробную информацию, что автор в полной мере пользовался предусмотренными в Пакте гарантиями в связи с арестом, задержанием, предъявленными ему обвинениями и судебным разбирательством по его делу. Государство-участник заявляет далее о неприменимости различных положений Пакта в контексте претензий автора, о несовместимости этих претензий с Пактом и об их недостаточной обоснованности.

Замечания автора в связи с представлениями государства-участника по вопросу о приемлемости

6. В дополнение к информации по поводу выдвинутых государством-участником аргументов относительно обоснованности претензий и применимости Пакта автор рассматривает также вопрос об исчерпании внутренних средств правовой защиты. Он отмечает, что пытался обжаловать вынесенный ему приговор и что такое обжалование касалось только предъявленных в суде доказательств и сделанных на их основе заключений. Он утверждает, что вопросы, касающиеся вынесенного ГО квалификационного решения и неравноправного и несправедливого с ним обращения, в полной мере оспаривались еще до начала судебного разбирательства в различных судебных инстанциях вплоть до Верховного суда. Касаясь утверждений государства-участника о том, что автором не поднимался в национальных судах вопрос о "публичном" слушании и о нарушении принципа презумпции невиновности, автор сообщает, что содержание этих претензий в полной мере учитывалось в ходе процедур судебного пересмотра.

Замечания государства-участника по существу сообщения

7.1 Государство-участник заявляет, что Конституция страны конкретно предусматривает возможность создания специальных судов в соответствии с законом. Государство-участник отмечает, что, после того как 14 января 1997 года была введена в действие правительственная процедура пересмотра и оценки, 11 февраля 1997 года, 24 марта 1998 года и 14 апреля 1999 года правительством проводился такой пересмотр с учетом мнений соответствующих государственных учреждений. Пересмотр показал необходимость сохранения специального суда не только по причине сохраняющейся угрозы для государственной безопасности в форме актов насилия, но и с учетом конкретной угрозы для системы отправления правосудия, включая запугивание суда присяжных со стороны организованных и отличающихся жестокостью преступных групп, которые активизируют свою деятельность и занимаются, главным образом, наркобизнесом и совершением тяжких преступлений.

7.2 Государство-участник заявляет, что режим специального уголовного суда отвечает всем предусмотренным в статье 14 Пакта критериям. Государство-участник отмечает, что ни в статье 14 Пакта, ни в Замечании общего порядка Комитета по статье 14, ни в каких-либо других международных нормах не содержится требования о проведении судебного разбирательства с участием присяжных или предварительного расследования с возможностью допроса свидетелей под присягой. В вышеупомянутых документах предусматривается лишь необходимость обеспечения справедливого судебного разбирательства. Таким образом, отсутствие этих двух или какого-либо из этих двух элементов само по себе не является основанием для того, чтобы считать процедуру разбирательства несправедливой. В разных государствах могут существовать разные судебные системы, и одно лишь существование несхожих механизмов не может само по себе рассматриваться как нарушение.

7.3 Касаясь утверждения автора о том, что отсутствие у него возможности допрашивать свидетелей под присягой в ходе предварительного расследования является нарушением статьи 14 Пакта, в которой гарантируется право на справедливое судебное разбирательство, государство-участник подчеркивает, что стороны находились в одинаковом положении и что, следовательно, в ходе разбирательства обеспечивалось соблюдение принципа равенства

состязательных возможностей. В любом случае процедура предварительного расследования служит всего лишь средством для постановки возможных вопросов для целей перекрестного допроса на суде и никоим образом не сказывается на самом судебном разбирательстве.

7.4 Касаясь выдвинутого автором аргумента о том, что его права были нарушены, поскольку, несмотря на предъявленные ему "обычные" уголовные обвинения, его дело рассматривалось специальным уголовным судом, государство-участник указывает на необходимость защиты надлежащего отправления правосудия от разного рода угроз, включая угрозы со стороны существующих в обществе подрывных групп и представителей организованной преступности и опасность запугивания присяжных. При наличии угрозы для нормального хода судебной процедуры с участием жюри присяжных, что было подтверждено в данном случае решением ГО, наличие трех независимых судей, менее уязвимых для неправомерного внешнего воздействия по сравнению с жюри присяжных, позволяет лучше обеспечить соблюдение прав обвиняемого. Государство-участник отмечает, что неадекватность обычного суда, в чем должен удостовериться ГО для передачи дела в специальный уголовный суд, может возникать не только в случае преступлений "политического" или "подрывного" характера или преступлений, совершаемых военизированными группами, но и в случае "обычного бандитизма или хорошо отлаженного с финансовой и организационной точки зрения наркобизнеса или других ситуаций, которые дают основания полагать, что присяжные по каким-то нечестным мотивам или в силу угроз или незаконного давления не смогут надлежащим образом вершить правосудие"⁴. Поэтому утверждение автора о том, что совершенное им правонарушение не является "политическим", не означает, что его дело не может быть передано на рассмотрение специального уголовного суда.

7.5 Государство-участник заявляет, что автору были предоставлены все права, предусмотренные в пункте 3 статьи 14 Пакта. В соответствии со статьей 47 Закона 1939 года этими правами могут пользоваться не только все лица, дела которых рассматриваются в Ирландии обычными уголовными судами, но и все лица, предстающие перед специальным уголовным судом.

7.6 Касаясь утверждения автора о том, что по его делу не проводилось "публичное" разбирательство, как того требует пункт 1 статьи 14, поскольку ГО не обязан обосновывать свое решение о нецелесообразности рассмотрения дела в обычных судах и не сделал этого, государство-участник отмечает, что право на публичное разбирательство охватывает и судопроизводство, которое также и в специальном уголовном суде является открытым и публичным на всех этапах и на всех уровнях рассмотрения дела. Право на публичное разбирательство не распространяется на досудебные решения ГО. Равным образом было бы нецелесообразным требовать обоснования или пояснения принимаемого ГО решения, поскольку это могло бы повлечь за собой обсуждение конфиденциальной информации, затрагивающей вопросы безопасности, лишало бы всякого смысла саму цель создания специального уголовного суда и не отвечало бы общественным интересам.

7.7 Касаясь утверждения автора о нарушении его права на презумпцию невиновности, которое предусматривается в пункте 2 статьи 14 Пакта, государство-участник заявляет, что презумпция невиновности относится к

числу основополагающих принципов ирландского законодательства, которое специальный уголовный суд должен соблюдать и соблюдает. В специальных уголовных судах и обычных уголовных судах в равной мере должен соблюдаться принцип бремени доказывания, в соответствии с которым любые разумные сомнения должны толковаться в пользу обвиняемого. Если бы этот принцип не был соблюден, то автор был бы вправе требовать освобождения от судебной ответственности.

7.8 Государство-участник отмечает, что обвиняемый успешно оспорил в начале судебного разбирательства одно из предъявленных ему обвинений, был оправдан по трем пунктам обвинения и осужден по трем другим. В более общем плане государство-участник отмечает, что из 152 лиц, представавших перед специальным уголовным судом в период 1992-1998 годов, 48 признали себя виновными, 72 — были осуждены, 15 — оправданы и 17 — освобождены от судебной ответственности в силу принципа *nolle prosequi*. Что касается рассмотрения дела автора, то этот вопрос затрагивался в апелляционном суде по уголовным делам, который постановил с учетом всей совокупности доказательств, что принцип презумпции невиновности в данном случае не нарушался.

7.9 Государство-участник утверждает, что совокупность вышеприведенных элементов указывает на то, что применяемые в специальном уголовном суде процедуры являются справедливыми и соответствуют статье 14 Пакта и что решение ГО о передаче дела автора в этот суд не является нарушением статьи 14 Пакта.

7.10 Касаясь утверждения автора о неравноправном и произвольном обращении в нарушение статьи 26 Пакта, государство-участник заявляет, что в соответствии с предусмотренным законом статутным режимом все лица подлежат равному обращению. Равным образом все лица находятся в одинаковых условиях в отношении возможности вынесения ГО решения о том, что обычные суды не в состоянии обеспечивать эффективное отправление правосудия и поддержание общественного мира и порядка. Кроме того, режим обращения с автором соответствует режиму обращения с любым лицом, по делу которого ГО выносит аналогичное решение. Даже если Комитет усмотрит наличие различий между положением автора и положением других лиц, обвиняемых в совершении аналогичных или в равной степени тяжких преступлениях, во всех случаях применяются разумные и объективные критерии, на основе которых и было принято решение о нецелесообразности рассмотрения данного дела в обычном суде.

7.11 Вопреки утверждениям автора государство-участник заявляет, что, по мнению полиции, автор *являлся* членом организованной преступной группы, и обращает внимание на тяжесть совершенных преступлений, наличие детального плана проведения этой преступной операции и ее бесчеловечный характер. Несмотря на содержание автора под стражей до суда, нельзя было исключить опасности запугивания жюри присяжных другими членами преступной группы. В этой связи нет никаких оснований предполагать, что при принятии решения ГО проявил недобросовестность, руководствовался неправомерными мотивами или принципами или какими-либо иными произвольными соображениями.

7.12 Касаясь в заключение утверждения автора о том, что государство-участник не обеспечило ему эффективные средства правовой защиты в связи с нарушением его прав, как того требует статья 2 Пакта, государство-участник отмечает, что Конституция страны гарантирует гражданам широкие права и что ряд нарушений оспаривались автором в судах вплоть до суда высшей инстанции. Суды досконально рассмотрели представленные автором факты, признав обоснованными одни утверждения автора и отклонив другие.

7.13 Кроме того, государство-участник отвергает как неуместный выдвинутый автором аргумент относительно совершенного государством-участником фактического или неформального отступления от Пакта в силу статьи 4. Государство-участник отмечает, что статьей 4 допускаются отступления от положений Пакта в определенных обстоятельствах, однако заявляет, что в данной ситуации оно не ссылается на это право и в силу этого считает эту норму неприменимой.

Замечания автора по поводу соображений государства-участника по существу сообщения

8.1 Касаясь выдвинутого государством-участником аргумента о том, что решение ГО о передаче дела автора в специальный уголовный суд мотивировалось наличием риска запугивания присяжных или свидетелей другими членами преступной группы, автор заявляет, что государство-участник нигде не сообщает о мотивах принятия ГО такого решения. Кроме того, при рассмотрении ходатайств о поручительстве ГО ни разу не заявлял, что от автора может исходить такая угроза. В любом случае принятие ГО решения о том, что от автора или других членов преступной группы исходит такая угроза — даже при наличии оснований для такого решения — означало бы, что ГО предрешает исход судебного разбирательства. Кроме того, автор был лишен какой бы то ни было возможности опротестовать это решение ГО.

8.2 Касаясь утверждения государства-участника о том, что автор действительно являлся членом организованной преступной группы, автор решительно против этого возражает, отмечая, что государство-участник впервые выдвигает такой аргумент. Действительно, в ходе рассмотрения в суде ходатайства о поручительстве полиция однозначно отклонила такую версию, а в ходе судебного разбирательства суду не было предъявлено в этой связи никаких иных доказательств, кроме тех, которые подтверждают участие автора в совершении противоправных деяний. В любом случае государство-участник не утверждает, что именно это обстоятельство лежало в основе решения ГО, поскольку это означало бы, что данным решением заранее предопределяется вопрос, подлежащий рассмотрению в ходе судебного разбирательства.

8.3 Касаясь конкретных ссылок государства-участника на статью 14 Пакта, автор обращает внимание на содержащееся в принятом Комитетом Замечании общего порядка № 13 соображение, согласно которому требования пункта 3 статьи 14 Пакта следует рассматривать в качестве минимальных гарантий, соблюдение которых не во всех случаях является достаточным для целей обеспечения гарантируемого пунктом 1 принципа справедливого разбирательства.

8.4 Касаясь замечания о том, что в феврале 1997 года, в марте 1998 года и в апреле 1999 года правительство возвращалось к вопросу о целесообразности

сохранения специального уголовного суда, автор отмечает, что о ходе осуществления этих процедур пересмотра ничего не сообщалось, что к их проведению не привлекались ни общественные или неправительственные организации, ни специализированные органы и что никому не известно, кто именно проводил такой пересмотр и какими конкретно мотивами руководствовалось правительство, принимая решение о необходимости сохранения специального уголовного суда. В силу вышеизложенного автор утверждает, что такой пересмотр носил явно закрытый характер, не был независимым и потому не имеет реального веса в качестве процессуальной гарантии.

8.5 Касаясь утверждения государства-участника о том, что сохранение суда представляется необходимым, в частности, в силу активизации деятельности организованных преступных групп, зачастую замешанных в наркобизнесе и совершении особо тяжких преступных деяний, автор отмечает, что постановление 1972 года явно принималось в контексте "политически мотивированного насилия" и что это подтверждается последующими заявлениями правительства, включая ряд заявлений в Европейском суде по правам человека в 1980 году и в Комитете по правам человека в 1993 году⁵. Никаких других причин для создания такого суда не существовало. Любая угроза со стороны сегодняшних преступных групп выходит за рамки постановления 1972 года, и для решения проблемы этой угрозы следовало бы принять новое постановление. В любом случае многие дела, связанные с наркобизнесом и актами насилия со стороны преступных групп, рассматриваются обычными судами, и нет никаких явных причин, по которым к делу автора следовало бы применять особый режим рассмотрения.

8.6 Автор отвергает утверждение государства-участника о том, что лишение автора права на проведение предварительного опроса не ставило его в невыгодное положение, поскольку сторона обвинения находилась в таком же положении. Автор заявляет, что обвинение имело возможность лишить автора этого права, и оно это сделало, предварительно заслушав и опросив ряд соответствующих свидетелей, при том что автор не имел возможности лишить стороны обвинения права на проведение предварительного опроса. В силу вышеизложенных соображений автор заявляет о нарушении принципа равенства состязательных возможностей.

8.7 Касаясь утверждения государства-участника о том, что по делу автора было проведено "справедливое и публичное разбирательство", автор заявляет, что он оспаривает не публичный характер самого судебного разбирательства, а непубличный характер решения ГО, являющегося неотъемлемым и важным элементом определения суда по существу предъявленных обвинений. Справедливое слушание по принятому решению проведено не было, поскольку о нем не было объявлено, не были оглашены мотивы, обусловившие его принятие, и не была обеспечена возможность его обжалования. Ссылаясь на различные решения Европейского суда по правам человека⁶, из которых следует, что в праве на эффективный пересмотр судебных решений не может быть отказано лишь по соображениям, связанным с обеспечением безопасности, автор заявляет, что в рамках разбирательства по его делу у него отсутствовали реальные возможности для эффективного и независимого пересмотра принимаемых решений. Суды жестко ограничивали свою компетенцию в отношении рассмотрения принимаемых ГО решений.

8.8 Что касается права на презумпцию невиновности, то автор утверждает, что решение ГО направить его дело на рассмотрение специального уголовного суда является одним из элементов определения по существу предъявленных обвинений и что ГО также обязан соблюдать этот принцип. Автор полагает, что принятое ГО решение фактически означает, что автор принимал участие в деятельности подрывной организации или являлся членом преступной группы, которая осуществила захват людей. Автор утверждает, что направление его дела на рассмотрение специального уголовного суда явилось для этого суда своего рода сигналом того, что автор является участником опасной преступной группы. Трудно поверить в то, что этот фактор не оказал никакого воздействия на исход судебного разбирательства.

8.9 Касаясь аргументов государства-участника относительно равенства перед законом, автор заявляет, что утверждение государства-участника о том, что обращение с автором соответствовало обращению, которому подвергаются другие лица, предстающие перед специальными уголовными судами, означает лишь, что обращение с ним соответствовало тому обращению, которому подвергается меньшинство, предстающее перед специальными уголовными судами, а не большинство лиц, обвиняемых в совершении аналогичных преступлений и предстающих перед обычными судами. В любом случае почти все из остальных 18 лиц, дела которых рассматривались специальными судами, были обвинены в совершении преступлений, связанных с подрывной деятельностью. Таким образом, его включили в состав этой маленькой группы, не объяснив мотивов такого решения и не обеспечив его эффективными средствами для целей ему оспаривания.

8.10 Касаясь вопроса об объективности и целесообразности такой дифференциации в контексте законного осуществления соблюдения предусмотренных в Пакте целей, автор ставит вопрос о целесообразности сохранения такого суда с учетом резкого сокращения актов насилия со стороны военизированных групп. Даже если применение указанных процедур и является соразмерной реакцией на подрывную деятельность, при том, что сам автор так не считает, можно ли считать правомерным применение этих процедур к действиям, не имеющим отношения к подрывной деятельности. Автор считает невозможным определить целесообразность такой дифференциации, поскольку критерии, которыми руководствовался ГО, по-прежнему неизвестны и поскольку именно ГО несет ответственность за поддержание уголовного обвинения.

8.11 Касаясь аргумента государства-участника о том, что оно не ссылается на свое право отступать от положений Пакта в соответствии со статьей 4, автор заявляет, что, хотя государство-участник не объявляло никакого чрезвычайного положения, принятие постановления 1972 года о создании специального уголовного суда фактически является действием, правомерным только в условиях чрезвычайного положения. Автор утверждает, что в 1972 году не существовало условий, оправдывавших применение такой меры, а именно условий, в которых жизни нации угрожала бы опасность; равным образом такие условия отсутствуют и сейчас. В любом случае, если государство-участник отказывается обосновать свои действия ссылкой на статью 4, то оно не вправе и оправдывать свои действия ссылкой на предусмотренные в этой статье исключения.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

9.1 До рассмотрения любой претензии, содержащейся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека должен решить в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры вопрос о том, является ли эта претензия приемлемой согласно Факультативному протоколу к Пакту.

9.2 Во исполнение требования, содержащегося в пункте 2 а) статьи 5 Факультативного протокола, Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

9.3 Касаясь утверждения государства-участника о том, что доступные внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны, Комитет отмечает, что рассмотрение досудебной тяжбы по поводу решения ГО завершилось в Верховном суде. Кроме того, представленная автором апелляция на вынесенный ему приговор, которая мотивировалась тем, что решение ГО повлияло на ход судебного разбирательства, была отклонена апелляционным судом по уголовным делам. Истец, представляющий соответствующие вопросы на рассмотрение национальных судов, не обязан использовать точные формулировки Пакта по причине несхожести средств правовой защиты в различных государствах. Требуемый решения в этой связи вопрос имеет несколько иной характер и заключается в следующем: затрагивались ли в ходе соответствующих процессуальных действий с учетом всей их совокупности факты и вопросы, представленные на рассмотрение Комитета. С учетом этих процессуальных действий, мнения другого контрольного органа в рамках судебной системы государства-участника и отсутствия каких-либо оснований предполагать наличие дополнительных средств правовой защиты Комитет заключает, что пункт 2 b) статьи 5 Факультативного протокола не препятствует рассмотрению Комитетом настоящего сообщения.

9.4 Касаясь претензии автора по статье 2, Комитет отмечает, что утверждения автора в этой связи не влекут за собой постановки каких-либо новых вопросов в дополнение к вопросам со ссылкой на другие статьи, которые рассматриваются ниже. Касаясь предполагаемого нарушения статьи 4, Комитет отмечает, что государство-участник не пыталось сослаться на эту статью.

9.5 Что касается остальных аргументов государства-участника в контексте вопроса о приемлемости сообщения, то Комитет считает, что эти аргументы неразрывно связаны с вопросами существа и потому не могут быть должным образом оценены в отрыве от полного рассмотрения представленных фактов и аргументов. Комитет признает сообщение приемлемым, поскольку в нем затрагиваются вопросы, касающиеся статей 14 и 26 Пакта.

Рассмотрение существа дела

10.1 Автор утверждает, что имело место нарушение пункта 1 статьи 14 Пакта, поскольку в результате передачи его дела на рассмотрение специального уголовного суда, процедура которого не предусматривает использование жюри присяжных и права на допрос свидетелей на этапе предварительного рассмотрения дела, ему было отказано в праве на справедливое судебное разбирательство. Автор признает, что ни рассмотрение дела судом присяжных, ни проведение предварительного расследования не относятся к числу

предписываемых Пактом требований и что отсутствие какого-либо одного или сразу двух этих элементов не обязательно означает, что судебное разбирательство было несправедливым, однако при этом он утверждает, что вся совокупность факторов, связанных с рассмотрением его дела в специальном уголовном суде, свидетельствует о несправедливом характере судебного разбирательства. Комитет считает, что проведение судебного разбирательства не обычными, а какими-либо другими судами само по себе не обязательно означает нарушение права на справедливое слушание дела и что факты по настоящему делу не свидетельствуют о том, что такое нарушение действительно имело место.

10.2 Утверждение автора о нарушении принципа равенства перед судами и трибуналами, предусмотренного в пункте 1 статьи 14 Пакта, перекликается с его утверждением о нарушении его права на равенство перед законом и на равную защиту закона, которое предусматривается в статье 26 Пакта. В результате принятого ГО решения о передаче дела автора на рассмотрение специального уголовного суда автор предстал перед судом, который был создан в чрезвычайном порядке. Применение к автору такого подхода лишило его доступа к некоторым предусмотренным национальным законодательством процедурам и поставило его в положение, которое отличается от положения других лиц, обвиняемых в совершении аналогичных преступлений, в обычных судах. В рамках юрисдикции государства-участника использование суда присяжных рассматривается как важное средство правовой защиты, как правило, доступное обвиняемым. В силу этого в соответствии со статьей 26 Пакта государство-участник обязано показать, что в основе решения о рассмотрении дела в соответствии с отличной от обычной процедуры лежат разумные и объективные мотивы. В этой связи Комитет отмечает, что в законодательстве государства-участника, а именно в Законе о государственных преступлениях, перечисляются конкретные преступления, которые могут рассматриваться специальным уголовным судом по усмотрению государственного обвинителя. Кроме того, в этом законе предусмотрено, что специальным уголовным судом могут рассматриваться любые другие преступления, если государственный обвинитель считает, что обычные суды "не в состоянии обеспечить эффективное отправление правосудия". Даже если исходить из приемлемости упрощенного уголовного процесса для разбирательства по некоторым тяжким преступлениям при условии справедливости такого разбирательства, Комитет считает проблемной ситуацию, когда в принятом парламентом законодательстве перечисляются конкретные тяжкие преступления, относимые к юрисдикции специального уголовного суда по ничем не ограничиваемому усмотрению государственного обвинителя ("если он считает это целесообразным"), и допускается, как это имело место в деле автора, возможность рассмотрения в таком специальном суде любых других преступлений, если государственный обвинитель находит неадекватным использование для этих целей обычных судов. При этом не требуется дачи каких-либо объяснений по поводу "целесообразности" использования специального уголовного суда или "неадекватности" обычных судов. Комитет не был поставлен в известность о мотивах, лежащих в основе решения по данному делу. Кроме того, возможность судебного пересмотра решений государственного обвинителя на практике ограничивается исключительными и по существу недоказуемыми обстоятельствами.

10.3 Комитет считает, что государство-участник не показало, что в основе решения о передаче дела автора на рассмотрение специального уголовного суда лежали разумные и объективные мотивы. В силу этого Комитет констатирует факт нарушения предусмотренного в статье 26 Пакта права автора на равенство перед законом и на равную защиту закона. С учетом этого заключения по поводу статьи 26 в контексте данного случая представляется излишним рассматривать вопрос о нарушении принципа равенства "перед судами и трибуналами", который предусматривается в пункте 1 статьи 14 Пакта.

10.4 Автор утверждает о нарушении его права на публичное разбирательство, которое предусматривается в пункте 1 статьи 14 Пакта, поскольку он не был заслушан государственным обвинителем в связи с решением ГО о передаче дела на рассмотрение специального уголовного суда. Комитет считает, что право на публичное разбирательство касается судебного процесса и не применяется к досудебным решениям, принимаемым обвинителями и государственными властями. Поскольку открытый и публичный характер судебного разбирательства и процедур обжалования не оспаривает, Комитет заключает, что право на публичное разбирательство нарушено не было. Кроме того, Комитет отмечает, что решение о передаче дела автора на рассмотрение специального уголовного суда само по себе не является нарушением принципа презумпции невиновности, который предусматривается в пункте 2 статьи 14 Пакта.

11. Комитет по правам человека, руководствуясь пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, заключает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении статьи 26 Пакта.

12. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить автору эффективное средство правовой защиты. Государство обязано также не допускать аналогичных нарушений в будущем: в этой связи ему следует обеспечить, чтобы решения о передаче дел на рассмотрение специального уголовного суда принимались исключительно на основе разумных и объективных критериев.

13. С учетом того, что присоединение государства-участника к Факультативному протоколу означает признание им компетенции Комитета выносить решения по факту наличия или отсутствия нарушений Пакта и что согласно статье 2 Пакта государство-участник обязано гарантировать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам признаваемые в Пакте права и обеспечивать их действенными и имеющими исковую силу средствами правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет хотел бы получить от правительства Ирландии в течение 90 дней информацию о принятых мерах во исполнение сформулированных Комитетом соображений. Государству-участнику предлагается также обеспечить максимально широкое распространение текста принятых Комитетом соображений.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Примечания

¹ [1986] I.R. 495.

² [1994] 2 I.R. 589

³ О'Лири против Генерального прокурора [1995] 1 I.R. 254.

⁴ Верховный суд, Государство (Государственный обвинитель) против Киллигэна [1986] I.R.495, 510.

⁵ В ходе рассмотрения первоначального периодического доклада государства-участника Генеральный прокурор государства-участника заявил Комитету, что существование специального уголовного суда "обусловлено необходимостью обеспечения основных прав граждан и защиты демократии и законности с учетом продолжающейся кампании, связанной с проблемой Северной Ирландии". Государство-участник высказывало аналогичную точку зрения в своих представлениях по делу Голландия против Ирландии (сообщение 593/1994, объявленное неприемлемым 25 октября 1996 года, CCPR/C/58/D/593/1994).

⁶ Тиннелли против Соединенного Королевства (дело 62/1997/846/1052-3), Чахал против Соединенного Королевства (дело 70/1995/576/662) и Фитт против Соединенного Королевства (ходатайство № 29777/96, решение от 16 февраля 2000 года).

Добавление

Особое мнение членов Комитета г-на Луиса Хенкина, г-на Раджсумера Лаллаха, г-жи Сесилии Медины Кироги, г-на Ахмеда Тауфика Халиля и г-на Патрика Веллы

1. Хотя жалоба автора может рассматриваться в контексте статьи 26, согласно которой государства обязаны гарантировать каждому человеку в рамках деятельности своей законодательной, судебной, исполнительной власти право на равное и свободное от дискриминации обращение, за исключением случаев, когда разумные и объективные критерии оправдывают применение иного режима обращения, мы полагаем, что в данном случае имело место также нарушение принципа равноправия, закрепленного в пункте 1 статьи 14 Пакта.

2. В первом предложении пункта 1 статьи 14 Пакта провозглашается принцип равенства людей в рамках самой судебной системы. Этот принцип углубляется и дополняется принципами, закрепленными в других пунктах статьи 14 и касающимися справедливости судебного разбирательства, доказательства вины, процедурных и доказательных гарантий, права на обжалование и пересмотр судебных решений и, наконец, запрещения вторичной судимости или наказания за одно и то же преступление. Нарушение принципа равноправия имеет место в тех случаях, когда не все лица, обвиняемые в совершении одного и того же преступления, предстают перед обычными судами по подсудности, поскольку часть из них предстает перед специальным судом на основании дискреционного решения исполнительной власти. При этом не имеет значения, подлежат ли обжалованию в судебном порядке эти дискреционные действия исполнительной власти.

(Подпись) Луис Хенкин

(Подпись) Раджсумер Лаллах

(Подпись) Сесилия Медина Кирога

(Подпись) Ахмед Тауфик Халиль

(Подпись) Патрик Велла

[Совершено на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

**К. Сообщение № 821/1998, Чонгве против Замбии
(Соображения приняты 25 октября 2000 года, семидесятая сессия)***

Представлено: г-ном Роджером Чонгве
Предполагаемая жертва: автор сообщения
Государство-участник: Замбия
Дата сообщения: 7 ноября 1997 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 25 октября 2000 года,

завершив рассмотрение сообщения № 821/1998, представленного Комитету по правам человека г-ном Роджером Чонгве в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание всю письменную информацию, представленную ему автором сообщения и государством-участником,

принимает следующее:

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автор сообщения является г-н Роджер Чонгве, гражданин Замбии, родившийся 2 октября 1938 года. Он утверждает, что является жертвой нарушения Замбией его прав, которыми он наделен в соответствии со статьями 6 и 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, и ставит вопрос о личной неприкосновенности, который мог бы быть рассмотрен в свете статьи 9.

Факты, представленные автором

2.1 Автор — замбийский адвокат и председатель альянса, состоящего из 13 оппозиционных партий, заявляет о том, что во второй половине дня 23 августа 1997 года он сам и д-р Кеннет Каунда, который в течение 27 лет был президентом Замбии, были обстреляны полицией и ранены. Автор утверждает, что данный инцидент произошел в Кабве — городе в 170 км к северу от Лусаки, когда он и д-р Каунда собирались принять участие в крупном политическом митинге с целью начала кампании гражданского неповиновения.

---

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисукэ Андо, г-н Прафулладандра Натварлал Бхагвати, лорд Колвилл, г-жа Элизабет Эват, г-жа Пилар Гайтан де Помбо, г-н Луис Хенкин, г-н Эккарт Кляйн, г-н Давид Крецмер, г-н Раджусумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Роман Верушевский, г-н Максвелл Ялден и г-н Абалла Захья.

Он прилагает к своему сообщению доклады Организации по наблюдению за осуществлением прав человека и Межафриканской системы за права человека и развитие.

2.2 Автор заявляет, что полиция открыла огонь по машине, в которой он находился, легко ранив бывшего президента Каунду и серьезно ранив его самого. После этого случая полиция обещала провести свое собственное расследование. Сообщалось также о том, что Замбийская комиссия по правам человека также занимается расследованием этого инцидента, однако не поступило никакой информации о каких-либо результатах расследований.

2.3 Автор ссылается далее на документ, опубликованный Организацией по наблюдению за осуществлением прав человека в мае 1998 года, том 10, № 2 (А) под названием "Zambia, no model for democracy" ("Замбия не является образцовой демократией"), в котором 10 страниц посвящено так называемой "стрельбе в Кабве" и который подтверждает инцидент с обстрелом, который имел место, посредством цитирования заявлений свидетелей и медицинских справок.

2.4 В докладе данный инцидент описывается следующим образом:

"...В тот момент, когда г-н Каунда и руководитель Альянса г-н Роджер Чонгве собирались уехать на машине, полиция напала на машину, применив слезоточивый газ, а затем боевые патроны, с тем чтобы, возможно, попытаться помешать их отъезду. Согласно показаниям очевидцев, перед открытием огня не было сделано никакого предупреждения. В тот день небольшое число полицейских были вооружены автоматами АК-47, старшие офицеры имели револьверы, а сотрудники мобильных подразделений были вооружены несколькими Г-3. Большинство полицейских были вооружены лишь дубинками и гранатами со слезоточивым газом..."

2.5 В ходе встречи с представителями Организации по наблюдению за осуществлением прав человека водитель г-на Каунды Нельсон Чиманга заявил следующее:

"...Они (полицейские) стреляли по машине гранатами со слезоточивым газом; одна из них попала в машину, так как я опустил стекло, чтобы дым выветрился. Когда мы выбрались из окутанной дымом зоны, мне пришлось резко свернуть в сторону, чтобы избежать столкновения с полицейской машиной, которая пыталась заблокировать нам дорогу. Прямо перед перекрестком с круговым движением мне пришлось еще раз резко повернуть в сторону, чтобы избежать столкновения со второй машиной, которая блокировала дорогу, а затем с третьей, которая стояла поперек дороги. Только после того, как мы объехали эту машину, мы увидели результаты обстрела. Неожиданно у сидящего рядом со мной Роджера Чонгве пошла кровь. Мы оказали ему первую помощь в машине, однако из-за очень сильного кровотечения нам пришлось сделать разворот и поехать в больницу Кабве. Ввиду присутствия повсюду полувоенных полицейских я оставил машину за больницей, и около трех часов мы выехали в Лусаку".

2.6 Бывший президент Кеннет Каунда дал следующее описание этого инцидента:

"Выпущенная замбийским полицейским пуля слегка коснулась верхней части моей головы, та же пуля гораздо более серьезно ранила д-ра Чонгве...

После этого полицейские открыли огонь боевыми патронами. Одна из пуль задела мою голову и попала затем в голову ниже правого уха д-ра Чонгве, который находился на переднем сиденье. Мой помощник г-н Энтони Мамби был легко ранен осколками. Меня, вероятно, убили бы, если бы мой телохранитель Дункан Мтонга не оттолкнул меня в сторону, услышав выстрелы. Я же не слышал их".

2.7 Одним из пассажиров в машине был юридический эксперт Объединенной партии национальной независимости (ЮНИП) Мвангала Залумис, который представил в Организацию по наблюдению за осуществлением прав человека письменное заявление, датированное 4 сентября 1997 года:

"...Полицейские автомашины три раза блокировали нашу машину в трех разных местах. Приблизительно в 200 метрах от штаб-квартиры партии президентский автомобиль (примечание секретаря: автомашина бывшего президента) попал под обстрел, и в тот же момент в него были произведены выстрелы гранатами со слезоточивым газом, которые попали в салон, поскольку стекла были опущены из-за предыдущих разрывов гранат со слезоточивым газом вокруг машины и под ней. Из-за дыма, заполнившего салон автомашины, совершенно невозможно было понять что-либо. В следующий момент мы увидели кровь, которая была повсюду. У д-ра Чонгве была поражена щека и шло обильное кровотечение. Один из сидевших рядом со мной сотрудников охраны также истекал кровью. Он был поражен осколками в трех разных местах..."

2.8 Согласно докладу Организации по наблюдению за осуществлением прав человека, президент Чилуба опроверг 26 августа 1997 года сообщение о том, что обстрел в Кабве являлся попыткой покушения, организованной государством. Он заявил, что замбийская полиция начала расследование и что Нунгу Сассасали — офицер, командующий полицией в Кабве, отстранен от должности. Однако он отказался дать указание о начале независимого расследования этого инцидента. В докладе делается ссылка на сообщение радиостанции Замбийской национальной радиовещательной корпорации о том, что 28 августа президент Чилуба заявил, что правительство не будет приносить извинения в связи с обстрелом в Кабве, поскольку его нельзя считать ответственным за него.

2.9 Согласно этому сообщению, в котором воспроизводилось сообщение газеты "Замбия дейли мейл", министр внутренних дел Читалу Сампа заявил 31 августа следующее:

"Нам было сообщено, что пуля попала г-ну Каунде в голову, та же самая пуля прошла через щеку д-ра Чонгве и та же самая пуля ранила другого человека в шею. Честно говоря непонятно, каким образом это могло случиться, и поэтому мы не можем с уверенностью заявить, что эти выстрелы были произведены полицией".

Кроме того, 13 ноября президент Чилуба заявил:

"Эти два человека не были ранены пулей. От пули из АК-47 не может остаться простая рана. Пусть они докажут, что в них (стреляли)".

После этого президент признал, что полиция стреляла в воздух, с тем чтобы разогнать митинг оппозиции.

2.10 Автор заявляет, что он был принят в больнице Кабве сразу после инцидента с обстрелом. В докладе Организации по наблюдению за осуществлением прав человека приводится медицинская справка, выданная в больнице Кабве постоянному заместителю министра здравоохранения в Лусаке, в которой говорится следующее:

"Обследование пациента выявило наличие сквозной раны на правой щеке, связанной с кровоточащей открытой раной в верхней части шеи".

Кроме того, в медицинской справке от 3 октября 1997 года, выданной больницей Св. Иоанна в Австралии, где автор обрел убежище, говорится следующее:

"В мягкой ткани основания черепа непосредственно под кожей наблюдается небольшое металлическое инородное тело, что соответствует рассказу о полученной огнестрельной ране... Маленький металлический фрагмент отмечается в мягких тканях непосредственно под кожей верхней части затылка..."

2.11 Организация по наблюдению за осуществлением прав человека сообщает, что она показала медицинские справки, фотографии и видеозапись, сделанную Комиссией по правам человека, д-ру Ричарду Шепарду из отделения судебной медицины Медицинской школы при больнице Св. Георгия в Лондоне для экспертной оценки. Д-р Шепард дал следующее заключение:

"Судя по тем доказательствам, которые я видел, можно с уверенностью сказать, что пуля попала в машину и по всему салону полетели осколки, которые можно сравнить с роем разъяренных пчел. Все ранения, полученные г-ном Каунда, г-ном Чонгве и помощником г-на Куанды, были вызваны этими осколками. Роджеру Чонгве повезло, и он остался в живых. Если бы осколки попали на пять сантиметров левее, он был бы мертв. Образованное пулей отверстие свидетельствует о несколько наклонной траектории ее полета, из чего можно предположить, что стрелок находился несколько выше, на высоте, приблизительно соответствующей кузову грузовика. Угол стрельбы не предполагает, что выстрел был сделан с дерева или крыши".

2.12 Организация по наблюдению за осуществлением прав человека запросила также мнение специалиста по стрелковому оружию и баллистике д-ра Грэхам Реншью, который изучил фотографии пулевого отверстия в машине г-на Каунды, фотографии гильзы, найденной недалеко от места обстрела на следующий день после митинга, а также фотографию пули, которую, согласно утверждению ЮНИП, извлекли из машины после данного инцидента. Как сообщала Организация по наблюдению за осуществлением прав человека этот специалист дал следующий ответ:

"Одна пуля явно попала в машину сзади... Эта пуля соответствует гильзе... Замятины на пуле в направлении, обратном направлению ее полета, свидетельствуют о том, что она прошла через три слоя

металла, что сопоставимо с прохождением пули через корпус автомобиля. Она могла быть выпущена из АК-47 нерусского производства, однако с большей вероятностью можно говорить о Г-3 или бельгийском ФАР...

Пулевое отверстие в автомашине г-на Куанды соответствует этой пуле и гильзе. Благодаря этой информации можно, вероятно, установить соответствие между данной пулей и тем оружием, из которого она была выпущена. Хотя невозможно говорить о том, что было покушение на убийство, можно с уверенностью сказать, что всем пассажирам автомашины повезло, что они остались живы. Если бы пуля попала в стекло, она могла бы сразу убить одного из них. При прохождении через металл ее скорость снизилась и она изменила направление полета".

2.13 Во-вторых, в своем докладе о расследовании случая с обстрелом в Кабве, представленном автором, Межафриканская система за права человека и развитие сделала вывод о том, что случай с обстрелом имел место и что международному трибуналу необходимо расследовать покушение на убийство бывшего президента Кеннета Каунды. Этот доклад, основанный на свидетельских показаниях лиц, непосредственно связанных с данным инцидентом, свидетельствует о том, что машина, в которой находился автор, покинула центр Кабве. Из показаний свидетелей следует, что до выезда машины из центра начальник местной полиции отдал приказ своим людям открыть по ней огонь без какого-либо объяснения цели этой операции; эта информация была передана по полицейской радиосети. На выезде из Кабве на перекрестке с круговым движением полицейская автомашина, номер и водитель которой были опознаны, пыталась заблокировать проезд машины. Водителю удалось объехать блокирующую машину, и из свидетельских показаний следует, что два полицейских, находящихся в задней части полицейской машины, открыли огонь.

2.14. Автор утверждает, что 28 ноября 1997 года, когда он находился на борту самолета "Бритиш эруэйз" в Хараре, сотрудники аэропорта и авиакомпании сообщили ему о том, что на взлетной полосе находится специальный самолет, присланный замбийским правительством, чтобы забрать его. Он решил не возвращаться в Замбию, и после этого инцидента живет в Австралии. Он не вернется в Замбию, поскольку опасается за свою жизнь.

2.15 Согласно представленной автором информации он не принял, по-видимому, мер по исчерпанию внутренних средств правовой защиты, за исключением подачи заявления о компенсации генеральному прокурору Республики Замбии, бюро которого находится в министерстве юстиции. Это заявление было подано приблизительно через полтора месяца после обстрела в Кабве, т.е. 15 октября 1997 года. Автор заявляет о том, что он не имел никакого доступа к действенным внутренним средствам правовой защиты.

Суть жалобы

3. Автор утверждает, что инцидент 23 августа 1997 года был попыткой убийства со стороны замбийского правительства и что он является нарушением статьи 6 Пакта. Автор утверждает далее, что замбийские судьи не свободны от оказания на них давления при осуществлении их обязанностей и что это подразумевает нарушение статьи 14. Он также ставит вопрос о личной

неприкосновенности. По его мнению, разумной компенсацией за причиненный ущерб была бы выплата 2,5 млн. долл. США.

Решение Комитета по вопросу о приемлемости

4.1 3 июля 1998 года сообщение с приложенными к нему документами было передано государству-участнику. Государство-участник не ответило на запрос Комитета в соответствии с правилом 91 правил процедуры о представлении информации и замечаний в отношении приемлемости сообщения и его существа несмотря на несколько направленных ему напоминаний, последнее из которых датируется 5 августа 1999 года. Комитет напоминает, что из Факультативного протокола следует, что государство-участник должно представлять Комитету всю информацию, которой оно располагает, и сожалеет, что в данном случае не было сотрудничества со стороны государства-участника. При отсутствии какого-либо ответа от государства-участника заявлениям автора должен быть придан необходимый вес, соответствующий степени их обоснованности.

4.2 До рассмотрения утверждений, содержащихся в сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии со статьей 87 правил процедуры принять решение о том, является ли данное сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

4.3 В отношении исчерпания внутренних средств правовой защиты Комитет отмечает утверждение автора о том, что у него не было никакого доступа к национальным судам и что он не располагает какими-либо эффективными внутренними средствами правовой защиты. Государство-участник не оспаривало эти заявления в Комитете, и таким образом утверждению автора необходимо придать соответствующий вес. Комитет считает поэтому, что он не связан пунктом 2 b) статьи 5 Факультативного протокола и может рассматривать данное сообщение.

4.4 Что касается заявления автора о нарушении статьи 14 Пакта, то Комитет отмечает, что представленная автором информация не является основанием для целей приемлемости заявления автора о том, что он является жертвой нарушения статьи 14 Пакта. В этой связи эта часть сообщения является неприемлемой в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

4.5 Комитет считает, что остальные утверждения автора необходимо рассмотреть с точки зрения их существа. Соответственно, Комитет принимает решение о том, что данное сообщение является приемлемым, и незамедлительно переходит к рассмотрению сути заявлений автора в соответствии с пунктом 1 статьи 6 и пунктом 1 статьи 9.

Рассмотрение Комитетом существа сообщения

5.1 Комитет по правам человека рассмотрел данный случай на основе документов, представленных ему сторонами, как это предусматривается пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

5.2 Комитет отмечает, что из пункта 1 статьи 6 вытекает обязательство государства-участника охранять право на жизнь всех лиц на его территории и в рамках его юрисдикции. В настоящем случае автор заявил, а государство-участник не оспорило в Комитете, что государство-участник санкционировало

применение смертоносной силы без законных оснований, которое могло бы привести к смерти автора. В подобных обстоятельствах Комитет делает вывод о том, что государство-участник не действовало в соответствии с его обязательством об охране права автора на жизнь в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Пакта.

5.3 Комитет напоминает о своих решениях, в соответствии с которыми право на личную неприкосновенность лица гарантируется пунктом 1 статьи 9 Пакта даже в том случае, когда отсутствует формальное лишение свободы¹. Толкование статьи 9 не позволяет государству-участнику игнорировать угрозы личной неприкосновенности не содержащихся под стражей лиц, которые находятся под его юрисдикцией. В настоящем случае представляется, что лица, действовавшие в официальном качестве в составе замбийских полицейских сил, стреляли в автора, ранили его и лишь случайно не убили. Государство-участник отказалось провести независимые расследования, а расследования, начатые замбийской полицией, все еще не завершены и не преданы гласности спустя более трех лет после данного инцидента. Не было начато никакого уголовного судопроизводства, и заявление автора о выплате компенсации было, по-видимому, отклонено. В подобных обстоятельствах Комитет делает вывод о том, что было нарушено право автора на личную неприкосновенность, гарантированное в соответствии с пунктом 1 статьи 9 Пакта.

6. Руководствуясь пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, Комитет по правам человека считает, что рассматриваемые им факты свидетельствуют о нарушении пункта 1 статьи 6 и пункта 1 статьи 9 Пакта.

7. В соответствии с положениями пункта 3а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить г-ну Чонгве эффективные средства правовой защиты и принять адекватные меры для защиты его личной неприкосновенности и жизни от угроз любого вида. Комитет настоятельно призывает государство-участник провести независимые расследования инцидента с обстрелом и ускорить уголовное судопроизводство против лиц, ответственных за него. Если в результате уголовного судопроизводства выяснится, что лица, действовавшие в официальном качестве, несли ответственность за обстрел и ранения автора, средство правовой защиты должно включать компенсацию ущерба г-ну Чонгве. Государство-ответчик несет ответственность за обеспечение того, чтобы подобные нарушения не повторялись в будущем.

8. С учетом того, что, став участником Факультативного протокола, государство-участник признало компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение положений Пакта, и что в соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник обязалось обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, а также предоставлять им эффективные и применимые средства правовой защиты в случае выявления какого-либо нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в 90-дневный срок информацию о принятых мерах по выполнению требований, изложенных в соображениях Комитета. Государству-участнику также предлагается опубликовать соображения Комитета.

[Принято на английском, французском и испанском языках; язык оригинала — английский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Примечания

- ¹ См. соображения Комитета по сообщению № 195/1985, Дельгадо Паес, пункт 5.5, принятые 12 июля 1990 года, документ CCPR/C/39/D/195/1985, и соображения по сообщению № 711/1996, Карлуш Диаш, пункт 8.3, принятые 20 марта 2000 года, документ CCPR/C/68/D/711/1996.

**L. Сообщение № 833/1998, Каркер против Франции
(Соображения приняты 26 октября 2000 года, семидесятая сессия)***

Представлено: г-жой Самирой Каркер от имени ее мужа, г-на Салаха Каркера
(представлен г-ном Жаном-Даниэлем Дешезелем)

Предполагаемая жертва: г-н Салах Каркер

Государство-участник: Франция

Дата сообщения: 27 марта 1998 года (первоначальное представление)

Предыдущие решения: решение Специального докладчика, принятое в соответствии с правилом 86/91 и переданное государству-участнику 18 сентября 1998 года (в форме документа не издавалось)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 26 октября 2000 года,

завершив рассмотрение сообщения № 833/1998, представленного в Комитет по правам человека г-жой Самирой Каркер в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание всю письменную информацию, направленную ему автором сообщения и государством-участником,

принимает следующее:

**Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5
Факультативного протокола**

1. Автором сообщения является г-жа Самира Каркер. Она представляет сообщение от имени ее мужа, Салаха Каркера, тунисского гражданина, родившегося 22 октября 1948 года и проживающего во Франции с 1987 года. Она утверждает, что ее муж является жертвой нарушений Францией его прав, закрепленных в Пакте. После направления первоначального сообщения автора представлял парижский адвокат Жан-Даниэль Дешезель.

---

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Нисуке Андо, лорд Колвилл, г-жа Элизабет Эват, г-жа Пилар Гайтан де Помбо, г-н Луис Хенкин, г-н Эккарт Кляйн, г-н Давид Крецмер, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Роман Верушевский, г-н Макссуэлл Ялден и г-н Абдалла Захья.

Изложение фактов

2.1 В 1987 году г-н Каркер, который является одним из основателей политического движения "Эннахда", бежал из Туниса, где суд заочно приговорил его к смертной казни. В 1988 году французские власти признали его политическим беженцем. 11 октября 1993 года по подозрению в том, что г-н Каркер активно поддерживает террористическое движение, министр внутренних дел принял решение о его незамедлительной высылке с французской территории. Постановление о высылке не было, однако, выполнено: вместо этого г-ну Каркеру было предписано проживать в департаменте Финистер. 6 ноября 1993 года г-н Каркер подал апелляцию на эти решения в Административный суд Парижа. 16 декабря 1994 года Суд отклонил его апелляцию, признав принятые решения законными. Суд отметил, что, как вытекает из имеющейся в его распоряжении информации, министерство внутренних дел располагало сведениями о тесных связях г-на Каркера с исламскими организациями, применяющими насильственные методы, и что в свете сложившейся во Франции ситуации министр имеет законные основания сделать вывод о необходимости высылки г-на Каркера по соображениям государственной безопасности. Суд также отметил, что происшедшее в результате вмешательство в семейную жизнь г-на Каркера оправдано с точки зрения защиты общественного порядка. Суд признал решение о предписанном местожительстве, принятое министром, с тем чтобы позволить г-ну Каркеру найти третью страну, которая была бы готова его принять, законным в соответствии со статьей 28 Декрета от 2 ноября 1945 года¹, поскольку г-н Каркер получил статус политического беженца и не может быть выслан в Тунис. 29 декабря 1997 года Государственный совет отклонил новую апелляцию г-на Каркера.

2.2 В соответствии с принятыми решениями г-н Каркер был размещен в гостинице в департаменте Финистер, а затем переведен в Брест. Утверждается, что под давлением средств массовой информации его затем перевели в Сен-Жюльен в Луарской области, а оттуда в Кайрес и затем на юго-восток Франции. В конечном итоге в октябре 1995 года его местом жительства было определено Динь-ле-Бен (провинция Верхние Альпы), где он и живет с тех пор. В соответствии с решением, определяющим условия его проживания в Динь-ле-Бен, г-н Каркер обязан являться в полицию раз в день. Автор подчеркивает, что в связи с возникшими в отношении ее мужа подозрениями никакого судебного разбирательства не проводилось.

2.3 Автор сообщает, что она живет в Париже с шестью детьми в тысяче километров от мужа. Она заявляет, что ей трудно поддерживать контакт с мужем. 3 апреля 1998 года г-на Каркера условно приговорили к шести месяцам тюремного заключения за то, что в нарушение решения о предписанном местожительстве он гостил у своей семьи в течение трех недель.

Жалоба

3. Автор не ссылается на какую-либо конкретную статью Пакта, но, как представляется, в связи с изложенными фактами могут возникнуть вопросы по статьям 12 и 17 и, возможно, 9 и 13 Пакта.

Замечания государства-участника

4.1 В своем представлении от 23 ноября 1998 года государство-участник касается как приемлемости, так и существа рассматриваемого сообщения.

4.2 Касаясь приемлемости сообщения, государство-участник утверждает, что автор сообщения не представила доказательства того, что она полномочна представлять своего мужа. Государство-участник ссылается на правило 90 b) правил процедуры Комитета, в котором предусмотрено, что сообщение должно представляться самой жертвой или ее представителем, и что Комитет может согласиться рассмотреть сообщение, представленное от имени жертвы, если выяснено, что сама жертва неспособна представить сообщение. В настоящем случае автор не привела никаких причин в доказательство того, что ее муж не в состоянии лично направить сообщение Комитету, и не доказала, что получила полномочия представлять его. Поэтому государство-участник просит Комитет отклонить данное сообщение как неприемлемое.

4.3 Кроме того, государство-участник утверждает, что данное сообщение является неприемлемым вследствие исчерпания внутренних средств правовой защиты в связи с предполагаемыми нарушениями статей 9, 12 и 17 Пакта. В этом контексте государство-участник отмечает, что, хотя постановление о высылке и первое решение о предписанном местожительстве были обжалованы г-ном Каркером, на последующие решения о предписанном местожительстве, в частности на принятое в октябре 1995 года решение о его предписанном местожительстве в Динь-ле-Бен, апелляции подано не было. Государство-участник добавляет, что подача апелляции в Административный суд является доступным и эффективным средством правовой защиты, которое позволяет судье проверить, ущемляет ли в большей степени, чем это необходимо, решение о предписанном местожительстве права данного лица, в частности его право на семейную жизнь.

4.4 В то же время, касаясь существа сообщения, государство-участник утверждает, что никакого нарушения положений Пакта не было. Прежде всего государство-участник заявляет, что статья 9 Пакта неприменима в случае г-на Каркера, поскольку он не был подвергнут ни аресту, ни задержанию. В этой связи государство-участник поясняет, что в соответствии с национальным законодательством суды проводят четкое различие между мерами по удержанию какого-либо лица в замкнутом пространстве, например задержанием, и мерами по установлению для какого-либо лица предписанного местожительства, которые предусматривают свободу передвижения в рамках определенной территории. Что касается г-на Каркера, то вначале он мог свободно передвигаться по территории департамента Финистер, а после перевода в Динь-ле-Бен он вправе свободно передвигаться в пределах этого населенного пункта. По мнению государства-участника, свобода г-на Каркера никак не ограничена по смыслу статьи 9 Пакта.

4.5 Государство-участник признает, что решение о предписанном местожительстве ограничивает свободу передвижения г-на Каркера по смыслу статьи 12 Пакта. В то же время государство-участник утверждает, что эти ограничения допустимы в соответствии с пунктом 3 статьи 12, поскольку они предусмотрены законом (статьей 28 измененного Декрета от 2 ноября 1945 года) и необходимы для защиты общественного порядка, как то подтвердили суды. Государство-участник ссылается на решение

Административного суда Парижа о том, что министр внутренних дел имел законные основания сделать вывод о том, что высылка г-на Каркера необходима по соображениям государственной безопасности. Поскольку постановление о высылке не могло быть выполнено по причине статуса беженца г-на Каркера, необходимо было принять определенные меры для контроля за его действиями. Государство-участник делает вывод о том, что меры по ограничению свободы передвижения г-на Каркера были, таким образом, приняты в его собственных интересах для обеспечения его прав как политического беженца.

4.6 Государство-участник заявляет, что постановление о высылке г-на Каркера соответствовало требованиям статьи 13 Пакта. В этой связи оно отмечает, что решение от 11 октября 1993 года было принято в соответствии с законом (статьей 26 измененного Декрета от 2 ноября 1945 года). Закон предусматривает, что в случае необходимости, обусловленной соображениями государственной безопасности или общественного порядка, постановление о высылке может быть вынесено и без рекомендации комиссии, состоящей из трех судей. Государство-участник ссылается на статью 13, утверждая, что императивные соображения государственной безопасности позволили ему отказать г-ну Каркеру в праве на пересмотр его дела. Однако на практике г-н Каркер имел доступ к Административному суду, а позже — к Государственному совету для обжалования принятого постановления о его высылке. Таким образом, по мнению государства-участника, требования статьи 13 были полностью выполнены.

4.7 Касаясь статьи 17 Пакта, государство-участник утверждает, что решение о предписанном местожительстве не препятствует членам семьи г-на Каркера жить вместе с ним. Члены его семьи не подвергнуты никаким ограничениям и могут переехать к г-ну Каркеру в Динь-ле-Бен. Проживание г-на Каркера отдельно от его семьи обусловлено тем, что его семья выбрала своим местом жительства не Динь-ле-Бен, а парижский пригород Обонн. Кроме того, государство-участник отмечает, что с разрешения административных органов г-н Каркер регулярно посещает свою семью в Париже. Государство-участник далее утверждает, что в контексте решений о предписанном местожительстве раздельное проживание членов семьи не является в целом нарушением статьи 17 Пакта. Касаясь заявлений о нестабильности положения г-на Каркера, государство-участник подчеркивает, что до тех пор, пока он будет пользоваться статусом беженца, постановление о его высылке не может быть исполнено.

Комментарии адвоката относительно представления государства-участника

5.1 В своих комментариях относительно представления государства-участника адвокат автора отвергает аргумент государства-участника о том, что рассматриваемое сообщение следует признать неприемлемым. Касаясь полномочий автора направлять сообщение, адвокат утверждает, что нет никаких сомнений в том, что г-н Каркер не в состоянии лично представить свое сообщение. Он далее утверждает, что правила процедуры Комитета не требуют наличия ясного поручения о представительстве, что предписывается некоторыми процессуальными нормами национального законодательства. Адвокат поясняет, что ввиду нестабильности его местожительства г-н Каркер предпочел передать документы по его делу жене. Кроме того, он находится далеко от своего адвоката, что затрудняет контакты между ними. По этим

причинам г-н Каркер согласился на то, чтобы жена представляла его в Комитете. На всякий случай адвокат прилагает письмо г-на Каркера, в котором тот дает ясное согласие на представительство его интересов женой.

5.2 Касаясь аргумента государства-участника о том, что не все доступные внутренние средства правовой защиты были исчерпаны, адвокат заявляет, что в апреле 1998 года г-н Каркер обжаловал законность решения о предписанном местожительстве в Динь-ле-Бен в рамках возбужденного против него уголовного разбирательства в суде первой инстанции в Понтуазе. В ходе этого разбирательства, когда г-на Каркера обвиняли в нарушении решения о предписанном местожительстве, он положил в основу своей защиты аргумент о незаконности принятого решения. Кроме того, в мае 1996 года г-н Каркер обжаловал в суде первой инстанции в Динь-ле-Бене конкретные положения решения о предписанном местожительстве, поскольку полиция дополнительно установила за ним круглосуточное наблюдение. Суд не удовлетворил его ходатайство, а Апелляционный суд в Экс-ан-Провенсе отклонил его апелляцию. Адвокат далее утверждает, что, поскольку решение о предписанном местожительстве увязано с постановлением о высылке и никаких процедур обжалования постановления о высылке более нет, продолжать подавать апелляции на каждое отдельное решение о предписанном местожительстве не имеет смысла. В этой связи адвокат напоминает, что в соответствии с пунктом 2 b) статьи 5 Факультативного протокола должны быть исчерпаны лишь те средства правовой защиты, которые имеют какой-либо смысл. Поскольку апелляция, в которой автор оспаривал законность первого решения о предписанном местожительстве, была отклонена, не возникает сомнений в отсутствии каких-либо эффективных средств обжалования последующих решений, принятых на основании того же постановления о высылке.

5.3 Касаясь существа сообщения, адвокат отвергает аргумент государства-участника о том, что г-н Каркер не был лишен свободы по смыслу статьи 9 Пакта. Адвокат утверждает, что, как и задержание, предписанное местожительство также ограничивает свободу передвижения. Он напоминает о том, что первое решение ограничило свободу передвижения г-на Каркера территорией в 15,6 км², которая, по его мнению, является замкнутым пространством, серьезно ограничивающим личную свободу. В Динь-ле-Бене свобода г-на Каркера ограничена территорией в 117,7 км², что составляет 0,02% территории Франции. Кроме того, адвокат подчеркивает, что полиция установила за г-ном Каркером наблюдение, которое само по себе является посягательством на его свободу.

5.4 Касаясь статьи 12 Пакта, адвокат признает, что ограничение свободы передвижения г-на Каркера предусмотрено законом, но он не согласен с доводом государства-участника о том, что это ограничение необходимо для защиты общественного порядка. Адвокат отмечает, что государство-участник исходило из решения Административного суда Парижа, подтверждающая законность принятого в октябре 1993 года постановления о высылке, а также принятого в те же сроки первого решения о предписанном местожительстве, и он заявляет, что сделанное в то время Судом заключение не может служить обоснованием для нынешнего ограничения свободы передвижения автора. По мнению адвоката, государство-участник не представило доказательств того, что действующее в настоящий момент ограничение необходимо для защиты

общественного порядка. Он подчеркивает, что решение о предписанном местожительстве, вынесенное вследствие невозможности выполнения постановления о высылке, является по своему характеру исключительной мерой и не может продлеваться бесконечно. В этой связи адвокат отмечает, что в 1994 году Парижский суд вынес обвинительный приговор газете "Минют" за то, что она назвала г-на Каркера активным террористом, поскольку эта газета не смогла обосновать свои обвинения в причастности автора к совершенным в Монастире акциям и к покушению на премьер-министра Туниса. По мнению адвоката, это свидетельствует о том, что суды отвергли выдвинутые против г-на Каркера обвинения в терроризме. Государство-участник тем не менее исходит из этих обвинений, оправдывая ограничения свободы передвижения г-на Каркера. По мнению адвоката, если государство-участник не представило доказательств связей г-на Каркера с террористическими организациями, то постановление о высылке и, следовательно, решение о предписанном местожительстве являются противозаконными. Адвокат далее отмечает, что в пункте 3 статьи 12 излагается еще одно условие для введения ограничений на свободу передвижения, а именно то, что они должны быть совместимыми с признаваемыми в Пакте другими правами. В этой связи адвокат утверждает, что предписать какому-либо лицу местожительство в сотнях километров от его семьи, в сельском районе, с постоянным с 1993 года ограничением его свободы передвижения, несомненно, является нарушением многих провозглашенных в Пакте прав: права на свободу передвижения (статья 9 и 12), права на уважение достоинства, присущего человеческой личности (статья 10), права на пересмотр дела (статья 13) и права не подвергаться вмешательству в семейную жизнь (статьи 17 и 23).

5.5 Касаясь статьи 13 Пакта, адвокат отмечает, что в соответствии с данным положением отказ в праве на пересмотр постановления о высылке возможен лишь при наличии императивных соображений государственной безопасности. Он утверждает, что государство-участник не доказало наличия таких соображений, поскольку в качестве обоснования оно приводит лишь решения Административного суда Парижа и Государственного совета, которые оспариваются г-ном Каркером. Адвокат вновь заявляет, что государству-участнику надлежит доказать Комитету, что высылка г-на Каркера необходима в настоящее время для защиты общественного порядка. Он далее утверждает, что если даже в 1993 году могла возникнуть неотложная необходимость, то сейчас, по всей видимости, такой необходимости в этом более нет. В этой связи адвокат напоминает о том, что ни один французский суд не вынес г-ну Каркеру обвинительного приговора за участие в террористических акциях.

5.6 Касаясь статьи 17 Пакта, адвокат отвергает аргумент государства-участника о том, что раздельное проживание г-на Каркера и его семьи обусловлено решением его семьи жить в Обонне. Адвокат отмечает, что г-н Каркер и его семья проживали в Обонне на момент принятия постановления о его высылке и последующего решения о предписанном местожительстве. Адвокат напоминает о том, что в течение первых двух лет после принятия постановления о высылке г-ну Каркеру было последовательно предписано жить в пяти различных населенных пунктах. Поскольку власти могут в любое время принять новое решение об изменении предписанного местожительства и соответственно г-н Каркер никогда не знал, сколь долго он будет жить в конкретном населенном пункте, неразумно было требовать от его семьи

переезда и прерывания социальной жизни и школьного обучения детей каждый раз, когда власти меняли место проживания г-на Каркера. Насколько адвокату известно, г-н Каркер лишь дважды получал разрешение посетить свою семью в Париже. Адвокат делает вывод о том, что никаких оправданий для вмешательства в семейную жизнь г-на Каркера нет.

5.7 Касаясь возникшего у г-на Каркера чувства нестабильности его положения, адвокат отмечает, что полученный г-ном Каркером статус беженца не является постоянным. Однако, по мнению адвоката, еще более серьезную обеспокоенность вызывает нестабильность, обусловленная решением о предписанном местожительстве, которое может быть изменено в любой момент без предварительного уведомления. Адвокат полагает, что вытекающее из этого нестабильное положение г-на Каркера является произвольным вмешательством в его семейную жизнь. Адвокат напоминает о том, что г-н Каркер неоднократно обращался к министру внутренних дел, последний раз в апреле 1998 года, но ни разу не получал ответа.

5.8 Адвокат прилагает письмо г-на Каркера, в котором тот оспаривает постановление о его высылке и последующее решение о предписанном местожительстве, и заявляет, что они были приняты по политическим мотивам. Он жалуется на то, что предъявляемые ему обвинения ни разу четко сформулированы не были и что его никогда не заслушивал суд для выяснения обоснованности этих обвинений. По его словам, движение "Эннахда", которое он возглавляет, никогда не осуществляло и не поддерживало террористические акции и является одним из наиболее умеренных исламских движений в мире. Поэтому он утверждает, что вынесенные против него решения были произвольными. Касаясь условий, определенных в решении о предписанном местожительстве, г-н Каркер заявляет, что в период с 30 октября 1993 года по 25 мая 1996 года сотрудники полиции практически круглосуточно следили за ним. Эта слежка была возобновлена 8 октября 1997 года, за несколько недель до визита Президента Туниса во Францию, и вновь прекратилась после возвращения Президента в Тунис. По мнению г-на Каркера, это свидетельствует о том, что решения, принятые французскими административными органами по его делу, носят чисто политический характер.

5.9 Г-н Каркер далее оспаривает беспристрастность решений, которые были приняты судами относительно законности постановления о его высылке и последующего решения о предписанном местожительстве. Он заявляет, что правительство Франции предоставило судам полицейские документы, которые были специально сфабрикованы на основе материалов тунисской полиции и не заслуживают доверия, но которые суды сочли достоверными. По мнению г-на Каркера, судебные решения являются несправедливыми и были приняты в условия политического давления. Если бы государство-участник имело против него какие-либо конкретные улики, то оно предъявило бы ему соответствующее обвинение и передало суду.

5.10. Г-н Каркер подтверждает, что его жена действовала с его согласия, вынося его дело на рассмотрение Комитета. Он заявляет, что нет никаких сомнений в том, что решение о предписанном местожительстве нарушает его право на семейную жизнь, поскольку он вынужден жить в гостинице и не располагает средствами для аренды жилища для своей семьи. Он также утверждает, что государственные органы отказались оплачивать расходы,

связанные с приездом его семьи во время каникул. Г-н Каркер далее заявляет, что он не желает навязывать членам своей семьи жизнь в таких же нестабильных условиях, в которых он вынужден жить сам, побуждая их каждый раз следовать за ним на новое местожительство. Он отмечает, что летом 1995 года, когда он жил в Сен-Жюльен Шаптой, его семья взяла на неделю в аренду дачный домик недалеко от его гостиницы. Однако г-ну Каркеру не разрешили ночевать с его семьей, обязав его находиться в гостинице с 10 часов вечера до 8 часов утра. Он также заявляет, что в то время за ним повсюду следовали вооруженные полицейские в гражданском.

5.11 Г-н Каркер жалуется на то, что с любой точки зрения его практически лишили свободы, поскольку он не может свободно перемещаться, работать и жить с семьей. Кроме того, он жалуется на то, что лишение его свободы не ограничено по срокам и было ему навязано без вынесения какого-либо обвинительного приговора французскими судами.

Последующие представления

6.1 На своем заседании, состоявшемся перед шестьдесят девятой сессией Комитета в июле 2000 года, Рабочая группа Комитета обратилась к государству-участнику с просьбой представить информацию относительно ответа министра на ходатайство г-на Каркера об изменении постановления о высылке и решения о предписанном местожительстве от 28 апреля 1998 года. Государство-участник сообщило, что министр оставил упомянутое ходатайство без ответа. В соответствии с административным законодательством Франции молчание в течение четырех месяцев после направления ходатайства в компетентный орган следует толковать как отклонение ходатайства. Такое имплицитное отклонение можно обжаловать в административных судах.

6.2 Касаясь вопроса Рабочей группы о том, какие меры государство-участник принимало для регулярного рассмотрения вопроса о положении г-на Каркера и о необходимости продления действия вынесенного против него решения, государство-участник напоминает о том, что любое лицо, в отношении которого вынесено постановление о высылке или решение о предписанном местожительстве, вправе в любое время ходатайствовать перед административными органами об изменении такого решения. Получив подобное ходатайство от г-на Каркера, власти могут пересмотреть его дело и рассмотреть вопрос о необходимости продления действия принятых в отношении него мер.

6.3 Касаясь причин продления действия решения о предписанном местожительстве г-на Каркера, государство-участник поясняет, что это решение было принято вследствие невозможности выполнить постановление о его высылке. По мнению государства-участника, предписание местожительства было необходимо для защиты общественного порядка, чтобы предотвратить осуществление г-ном Каркером противозаконной деятельности. Государство-участник не считает возможным отменить это решение, поскольку сохраняется угроза со стороны движений, активным сторонником которых считается г-н Каркер. Государство-участник напоминает, что г-н Каркер может в любое время ходатайствовать об отмене вынесенного против него решения, и в случае отклонения его ходатайства он может направить апелляцию в административные суды, чего он до сих пор не сделал. Государство-участник

также отмечает, что, при необходимости, г-ну Каркеру дают разрешение временно покинуть его местожительство. Кроме того, государство-участник заявляет, что г-н Каркер может свободно уехать из Франции в любую страну по его выбору, которая согласна принять его.

7. В своих комментариях адвокат заявляет, что представление государства-участника не содержит никакой новой информации. Он направляет Комитету копии ходатайств, поданных от имени г-на Каркера третьими лицами, и отрицательные ответы на них министра внутренних дел. Он также прилагает копии писем от 24 марта 1999 года и 22 февраля 2000 года, в которых префект провинции Верхние Альпы отказывается дать г-ну Каркеру разрешение выехать в Обонн. Кроме того, адвокат прилагает газетные статьи, свидетельствующие об общественной поддержке г-на Каркера.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

8.1 Прежде чем рассматривать любые жалобы, содержащиеся в сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры определить, является ли данное сообщение приемлемым согласно положениям Факультативного протокола к Пакту.

8.2 Комитет принял к сведению возражения государства-участника против приемлемости сообщения *ratione personae*. Комитет полагает, что нет никаких оснований сомневаться в полномочиях автора сообщения — жены предполагаемой жертвы, которая действовала с его полного согласия, подтвержденного им самим.

8.3 Касаясь внутренних средств правовой защиты, Комитет отмечает, что г-н Каркер исчерпал все имевшиеся средства правовой защиты в отношении постановления о его высылке. Поскольку все последующие решения о предписанном местожительстве основаны на упомянутом постановлении о высылке и на невозможности осуществить эту высылку, а также с учетом того, что апелляция г-на Каркера на первое решение о предписанном местожительстве была отклонена судами, Комитет полагает, что г-н Каркер не должен оспаривать в судах каждое новое решение о предписанном местожительстве, чтобы выполнить требование пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

8.4 Касаясь утверждения о том, что было нарушено право г-на Каркера на защиту от вмешательства в его личную и семейную жизнь, Комитет отмечает, что, утверждая это, автор ссылается на условия, которые определены в вынесенном против него решении о предписанном местожительстве. Комитет принимает к сведению, что г-н Каркер неоднократно ходатайствовал об изменении этих условий и что, поскольку он не получил никакого ответа на его ходатайства, спустя четыре месяца в соответствии с французским законодательством его ходатайства были сочтены отклоненными. Государство-участник пояснило, и автор не оспаривал, что г-н Каркер мог обжаловать отклонение своих ходатайств в компетентном административном суде, что он, однако, не сделал. Поэтому жалоба автора на нарушение статьи 17 Пакта является неприемлемой в соответствии с пунктом 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

8.5 Комитет полагает, что жалоба на нарушение статьи 9 Пакта является неприемлемой *ratione materiae*, поскольку меры, принимаемые в отношении г-на Каркера, не означают лишения свободы по смыслу статьи 9 Пакта.

8.6 Комитет признает сообщение приемлемым в той мере, в которой оно может вызывать вопросы в связи со статьями 12 и 13 Пакта, и незамедлительно приступает к рассмотрению существа сообщения.

9.1 Комитет по правам человека рассмотрел данное сообщение в свете всей письменной информации, представленной ему сторонами, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

9.2 Комитет отмечает, что постановление о высылке г-на Каркера было принято в октябре 1993 года, но не могло быть выполнено, после чего его свобода передвижения по территории Франции была ограничена. Государство-участник утверждает, что те ограничения, которым был подвергнут автор, необходимы по соображениям национальной безопасности. В этой связи государство-участник представило национальным судам материалы о том, что г-н Каркер активно поддерживает движение, призывающее к насильственным действиям. Следует также отметить, что ограничение свободы передвижения г-на Каркера позволило ему пребывать на относительно широкой территории. Кроме того, ограничения свободы передвижения г-на Каркера были рассмотрены национальными судами, которые, изучив все представленные материалы, признали эти ограничения необходимыми по соображениям национальной безопасности. Г-н Каркер оспорил лишь первоначальное судебное решение по данному вопросу и предпочел не оспаривать в национальных судах законность последующих решений об ограничении его свободы передвижения. В данных обстоятельствах Комитет полагает, что имеющиеся в его распоряжении материалы не позволяют ему сделать вывод о том, что государство-участник неправильным образом использовало ограничения, предусмотренные в пункте 3 статьи 12.

9.3 Комитет отмечает, что статья 13 Пакта предусматривает процедурные гарантии в случае высылки. Комитет констатирует, что министр внутренних дел принял постановление о высылке г-на Каркера по императивным соображениям государственной безопасности и что, соответственно, г-ну Каркеру не разрешили изложить доводы против его высылки до принятия постановления. Его дело, однако, было рассмотрено Административным судом и Государственным советом, причем в ходе обоих рассмотрений его представлял адвокат. Комитет делает вывод о том, что доведенные до его сведения факты не свидетельствуют о нарушении статьи 13 в рассматриваемом случае.

10. Действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, Комитет по правам человека считает, что имеющиеся в его распоряжении факты не свидетельствуют о нарушении какой-либо статьи Международного пакта о гражданских и политических правах.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Примечания

¹ Статья 28 гласит: "Иностранец, в отношении которого принято постановление о высылке или препровождении на границу и который представляет доказательства того, что он не может покинуть территорию Франции, подтверждая отсутствие у него возможности вернуться в его страну происхождения или выехать в какую-либо иную страну, может... быть обязан решением министра внутренних дел проживать в определенном месте, где он должен периодически отмечаться в полиции или жандармерии".

М. Сообщения № 839/1998, 840/1998 и 841/1998, Мансарадж и другие против Сьерра-Леоне, Гборье и другие против Сьерра-Леоне и Сесай и другие против Сьерра-Леоне (Соображения приняты 16 июля 2001 года, семьдесят вторая сессия)*

<u>Представлены:</u>	г-ном Энтони Б. Мансараджем и др. г-ном Гборье Тамбой и др. г-ном Абдулом Каримом Сесаем и др.
<u>Предполагаемые жертвы:</u>	авторы сообщений
<u>Государство-участник:</u>	Сьерра-Леоне
<u>Дата сообщения:</u>	12 и 13 октября 1998 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, образованный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 16 июля 2001 года,

завершив рассмотрение сообщений № 839/1998, 840/1998 и 841/1998, представленных Комитету по правам человека г-ном Энтони Б. Мансараджем и др.; г-ном Гборье Тамбой и др. и г-ном Абдулом Каримом Сесаем и др. в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание всю письменную информацию, представленную ему авторами сообщений и государством-участником,

принимает следующее:

Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисуки Андо, г-н Прафуллачандра Натварлал Бхагвати, г-н Луис Хенкин, г-н Эккарт Кляйн, г-н Давид Крецмер, г-жа Сесилия Медина Кирога, сэр Найджел Родли, г-н Мартин Шейнин, г-н Иван Ширер, г-н Ахмед Тауфик Халиль, г-н Патрик Велла и г-н Максвелл Ялден.

1.1 Авторами сообщений являются гг. Энтони Мансарадж, Джилберт Самут Канду-Бо и Кемалай Идрисса Кейта (сообщение № 839/1998), Тамба Гборье, Альфред Абу Санкох (он же Загало), Хассан Карим Контех, Даниэль Кобина Андерсон, Альфа Саба Камара, Джон Амаду Соника Контех, Абу Бакарр Камара (сообщение № 840/1998), Абдул Карим Сесай, Кула Самба, Нельсон Уильямс, Бересфорд Р. Харльстон, Баширу Контех, Виктор Л. Кинг, Джим Келли Джаллох и Арнольд Х. Бангура (сообщение № 841/1998). Авторы представлены адвокатом.

1.2 16 июля 2001 года Комитет принял решение объединить рассмотрение этих сообщений.

Факты в изложении авторов

2.1 Авторы сообщений (представлены 12 и 13 октября 1998 года) на момент представления ожидали смертной казни в одной из тюрем Фритауна. 19 октября 1998 года были расстреляны следующие 12 из 18 авторов: Джилберт Самут Канду-Бо, Кемалай Идрисса Кейта, Тамба Гборье, Альфред Абу Санкох (он же Загало), Хассан Карим Контех, Даниэль Кобина Андерсон, Джон Амаду Соника Контех, Абу Бакарр Камара, Абдул Карим Сесай, Кула Самба, Виктор Л. Кинг и Джим Келли Джаллох.

2.2 Все авторы являются или являлись военнослужащими вооруженных сил Республики Сьерра-Леоне. Им было предъявлено обвинение, в частности, в измене и неспособности подавить мятеж, и 12 октября 1998 года военный трибунал Фритауна приговорил их к смертной казни¹. Вынесенный приговор обжалованию не подлежал.

2.3 13 и 14 октября 1998 года Специальный докладчик Комитета по новым сообщениям обратился к правительству Сьерра-Леоне с просьбой на основании правила 86 правил процедуры отложить приведение приговора в исполнение в отношении всех авторов, пока их сообщения будут рассматриваться Комитетом.

2.4 4 ноября 1998 года Комитет рассмотрел отказ государства-участника, которое не выполнило просьбу, направленную в соответствии с правилом 86, и привело смертный приговор в исполнение в отношении 12 авторов. Комитет выразил сожаление в связи с отказом государства-участника выполнить его просьбу и принял решение продолжить рассмотрение указанных сообщений в соответствии с Факультативным протоколом².

Жалоба

3.1 Адвокат указывает, что, поскольку осужденные военным трибуналом не имеют права на обжалование приговора, государство-участник нарушило пункт 5 статьи 14 Пакта.

3.2 Адвокат утверждает, что право на обжалование приговора первоначально предусматривалось частью IV Указа 1961 года о королевских вооруженных силах Сьерра-Леоне, но в 1971 году было отменено.

Сообщение государства-участника

4. Несмотря на повторную просьбу Комитета, государство-участник не представило какой-либо информации по этим сообщениям.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

5.1 Будучи участником Факультативного протокола, государство — участник Пакта признает компетенцию Комитета по правам человека получать и рассматривать сообщения отдельных лиц, утверждающих, что они являются жертвами нарушений любого из прав, предусмотренных в Пакте (преамбула и статья 1). Из факта присоединения государства к Протоколу вытекает, что оно принимает на себя обязательство добросовестно сотрудничать с Комитетом, с тем чтобы позволить ему и дать возможность рассматривать такие сообщения и после рассмотрения направлять свои соображения государству-участнику и соответствующему лицу (пункты 1 и 4 статьи 5). Любые предпринимаемые государством-участником действия, препятствующие Комитету в рассмотрении и обсуждении сообщений, а также в изложении своих соображений или делающие эти действия Комитета тщетными, являются несовместимыми с данными обязательствами.

5.2 Независимо от любого обвинения в нарушении прав по Пакту, выдвинутого против государства-участника в каком-либо сообщении, государство-участник совершает серьезные нарушения своих обязательств по Факультативному протоколу, если оно какими-либо действиями затрудняет или сводит на нет рассмотрение Комитетом сообщения о нарушении Пакта или же делает его рассмотрение Комитетом небесспорным, а изложение им своих соображений — недействительным и тщетным. Что касается настоящего сообщения, то адвокат утверждает, что его авторам было отказано в праве, предусмотренном в пункте 5 статьи 14 Пакта. Будучи уведомлено о сообщении, государство-участник нарушило свои обязательства по Протоколу, поскольку следующие предполагаемые жертвы Джилберт Самут Канду-Бо, Кемалай Идрисса Кейта, Тамба Гборье, Альфред Абу Санкох (он же Загало), Хассан Карим Контех, Даниэль Кобина Андерсон, Джон Амаду Соника Контех, Абу Бакарр Камара, Абдул Карим Сесай, Кула Самба, Виктор Л. Кинг и Джин Келли Джаллох были казнены до завершения Комитетом рассмотрения их сообщений и изложения своих соображений. Принятие государством таких мер представляется в особенности нетерпимым после того, как Комитет в соответствии с правилом 86 правил процедуры принял решение просить государство-участник воздержаться от принятия таких мер.

5.3 Предварительные меры по правилу 86 правил процедуры Комитета, принятые в соответствии со статьей 39 Пакта, имеют важнейшее значение для выполнения Комитетом своих функций по Факультативному протоколу. Пренебрежение указанным правилом, особенно путем принятия таких необратимых по последствиям мер, как казнь предполагаемой жертвы или ее высылка из страны, подрывает основы защиты предусмотренных в Пакте прав посредством Факультативного протокола.

5.4 Комитет рассмотрел данные сообщения с учетом всей представленной сторонами информации в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола. Комитет с озабоченностью отмечает, что государство-участник не представило какой-либо информации для разъяснения вопросов, затронутых в этих сообщениях. Комитет напоминает, что из пункта 2 статьи 4 Факультативного протокола следует, что государство-участник должно

добросовестно изучать все выдвинутые против него утверждения и представлять в Комитет всю имеющуюся у него информацию. Поскольку государство-участник не сотрудничало с Комитетом в этом вопросе, Комитет обязан придать должный вес утверждениям авторов в той мере, в какой они были обоснованы.

5.5 В соответствии с требованием пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривается согласно другой процедуре международного разбирательства или урегулирования. Комитет отмечает, что государство-участник не заявило о наличии каких-либо внутренних средств защиты, еще не исчерпанных авторами, и не представило каких-либо других возражений относительно приемлемости жалобы. На основании имеющейся у него информации Комитет признает это сообщение приемлемым и немедленно приступает к рассмотрению существа дела.

5.6 Комитет принимает к сведению утверждение авторов о том, что государство-участник нарушило пункт 5 статьи 14 Пакта, лишив их права на обжалование приговора военного трибунала, тем более что речь идет о смертной казни. Комитет отмечает, что государство-участник не опровергло и не подтвердило это утверждение авторов, но указывает, что 12 из них были казнены всего лишь через несколько дней после вынесения приговора. Таким образом, Комитет считает, что в отношении всех 18 авторов сообщения государство-участник нарушило пункт 5 статьи 14 Пакта и, следовательно, статью 6, защищающую право на жизнь. Из предыдущей практики Комитета четко следует, что в соответствии с пунктом 2 статьи 6 Пакта смертный приговор может быть приведен в исполнение, в частности, только тогда, когда были обеспечены все гарантии справедливого судебного разбирательства, включая право на обжалование приговора.

6.1 Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что рассмотренные Комитетом факты свидетельствуют о нарушении Сьерра-Леоне статьи 6 и пункта 5 статьи 14 Пакта.

6.2 Комитет подтверждает свой вывод о том, что государство-участник совершило серьезное нарушение своих обязательств по Факультативному протоколу, приведя смертный приговор в исполнение в отношении 12 авторов, прежде чем Комитет завершил рассмотрение их сообщения³.

6.3 В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить эффективное средство защиты Энтони Мансараджу, Альфа Саба Камара, Нельсону Уильямсу, Бересфорду Р. Харльстону, Баширу Контеху и Арнольду Х. Бангура. Эти авторы были осуждены в результате судебного разбирательства, которое не обеспечило основных гарантий справедливого разбирательства. Таким образом, Комитет считает, что они должны быть освобождены, если законодательством Сьерра-Леоне не предусмотрена возможность повторного разбирательства, обеспечивающего все гарантии, предусмотренные статьей 14 Пакта. Комитет также считает, что ближайшим родственникам Джилберта Самута Канду-Бо, Кемалая Идрисса Кейты, Тамба Гборье, Альфреда Абу Санкоха (он же Загало), Хассана Карима Контеха, Даниэля Кобина Андерсона, Джона Амаду Соника Контеха, Абу

Бакарра Камара, Абдула Карима Сесая, Кула Самба, Витора Л. Кинга и Джима Келли Джаллоха должно быть предоставлено надлежащее средство защиты, обеспечивающее им компенсацию.

6.4 С учетом того, что присоединение государства-участника к Факультативному протоколу означает признание им компетенции Комитета выносить решения по факту наличия или отсутствия нарушений Пакта и что согласно статье 2 Пакта государство-участник обязано гарантировать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам признаваемые в Пакте права и обеспечивать их действенными и имеющими исковую силу средствами правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о принятых мерах во исполнение сформулированных Комитетом соображений.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Примечания

¹ Это единственная информация, представленная адвокатом о вынесенных приговорах.

² Том 1, A/54/40, глава 6, пункт 420, приложение X.

³ Пиандионг, Моральос и Булан против Филиппин (869/1999).

**N. Сообщение № 846/1999, Янсен-Гилен против Нидерландов
(Соображения приняты 3 апреля 2001 года, семьдесят первая сессия)***

Представлено: г-жой Гертрудой Хубertiной Янсен-Гилен
(представлена г-ном Б.В.М. Зегерсом)

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Нидерланды

Дата сообщения: 7 августа 1998 года (первоначальное
представление)

Дата решения о приемлемости
и принятия соображений: 3 апреля 2001 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28
Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 3 апреля 2001 года,

завершив рассмотрение сообщения № 846/1999, представленного
Комитету по правам человека г-жой Гертрудой Хубertiной Янсен-Гилен в
соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о
гражданских и политических правах,

приняв во внимание всю письменную информацию, представленную ему
автором сообщения и государством-участником,

принимает следующее:

**Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного
протокола**

1. Автором сообщения от 7 августа 1997 года является гражданка Голландии
Гертруда Мария Хубертин Янсен-Гилен, родившаяся 21 ноября 1940 года. Она
утверждает, что является жертвой нарушения Нидерландами статей 14, 17 и 19
Пакта о гражданских и политических правах. Ее представляет адвокат
г-н Б.В.М. Зегерс.

Факты в изложении автора

2.1 Автор сообщения продолжительное время работала учителем в римско-
католической начальной школе "Будшоп" в Недерверте. Она была нанята одной
из частных ассоциаций.

---

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета:
г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисукэ Андо, г-н Прафулладандра Натварлал Бхагвати,
г-жа Кристина Шане, г-н Луис Хенкин, г-н Эккарт Кляйн, г-н Давид Крецмер,
г-н Раджусумер Лаллах, г-н Рафаэль Ривас Посада, сэр Найджел Родли, г-н Мартин
Шейнин, г-н Иван Ширер, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Ахмед Тауфик Халиль,
г-н Патрик Велла и г-н Максвелл Ялден

2.2 20 декабря 1989 года директор Общего пенсионного фонда (Algemeen Burgerlijk Pensioenfonds), который является частным учреждением, констатировал инвалидность автора на уровне 80%. Его решение было основано на заключении психиатра, составленном в ноябре 1989 года.

2.3 Автор обжаловала это решение, но 24 сентября 1992 года Окружной суд Гааги отклонил ее апелляцию. В решении суда отмечается, что в период с октября 1987 года по октябрь 1988 года автор часто отсутствовала на работе по состоянию здоровья, а с октября 1988 года она вообще не являлась на работу. Как утверждается в заключении психиатра, причина ее отсутствия заключалась в возникшем на работе серьезном конфликте, перенести который она не смогла.

2.4 Автор затем подала апелляцию в Центральный апелляционный суд (Centrale Raad van Beroep) — высшую судебную инстанцию по пенсионным делам. В сентябре 1994 года она сменила адвоката. Письмом от 26 сентября 1994 года, полученным Апелляционным судом 27 сентября 1994 года, новый адвокат представил в суд заключение психиатра, в котором опровергаются выводы, сделанные в первом экспертном заключении. Как и было запланировано, слушание этого дела в Центральном апелляционном суде состоялось 29 сентября 1994 года. Своим решением от 20 октября 1994 года Центральный апелляционный суд отклонил апелляцию автора. Суд отметил, что он не может принять во внимание направленное автором экспертное заключение вследствие его позднего представления. Из этого судебного решения явствует, что, по мнению суда, защита ответчика была бы неоправданно ущемлена, если бы упомянутый документ был принят к рассмотрению. Принимая свое решение, суд также сослался на положения статьи 8:58 (нового) Общего административного кодекса.

2.5 Как сообщает автор, Общий административный кодекс вступил в силу 1 января 1994 года, но в соответствии с его статьей 1(3) он не применим к делу автора, поскольку автор подала свою апелляцию до 1 января 1998 года¹. В рамках прежней административной процедуры не было установлено никакого крайнего срока для представления экспертных заключений, и, таким образом, заключение следовало принять к рассмотрению как представленное своевременно.

2.6 Кроме того, автор подчеркивает, что в судебной повестке от 29 сентября 1994 года суд не предупредил автора о том, что она может представить новые документы лишь за 10 дней до даты судебного заседания. Утверждается также, что на практике даже новое законодательство допускает позднее представление документов, если это не ущемляет серьезно права другой стороны.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что непринятие судом к рассмотрению экспертного заключения является нарушением ее права представлять доказательства, поскольку суд не позволил ей опровергнуть аргументы другой стороны в отношении ее трудоспособности. Она заявляет, что это является нарушением статьи 14, поскольку разбирательство ее дела не было справедливым.

3.2 Она также утверждает, что допущено нарушение статьи 17 Пакта, так как необоснованное решение о том, что уровень ее инвалидности превышает 80%

и что она не может вообще работать по найму, затрагивает ее частную жизнь (физическую и моральную неприкосновенность), а также ее репутацию.

3.3 Автор далее заявляет, что главная причина объявления ее инвалидом заключалась в том, что администрация школы, в нарушение статьи 18 Пакта, негативно воспринимала приверженность автора к традиционалистскому течению в Римской католической церкви.

Представления государства-участника

4.1 В представлении от 22 марта 1999 года государство-участник оспаривает приемлемость данного сообщения, поскольку автор не упомянула в рамках национальных процедур, даже имплицитно, те закрепленные в Пакте права, которые, как она сейчас заявляет, были нарушены. Государство-участник утверждает, что данное сообщение следует объявить неприемлемым вследствие неисчерпания внутренних средств правовой защиты.

4.2. Кроме того, государство-участник утверждает, что автор не обосновала свое заявление о том, что причина ее признания нетрудоспособной связана с ее приверженностью к традиционалистскому католическому течению, и что эту часть ее сообщения следует признать неприемлемой в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

5.1 В последующем представлении от 1 сентября 1999 года государство-участник поясняет, что заседание Центрального апелляционного суда (Centrale Raad van Beroep) для рассмотрения апелляции автора на решение Пенсионного фонда о признании ее инвалидом с нетрудоспособностью на уровне более 80% было запланировано на 29 сентября 1994 года. 26 сентября 1994 года нынешний адвокат автора уведомил суд о том, что он замещает прежнего адвоката, и представил новое заключение психиатра, опровергающее заключение, на котором было основано решение Фонда. Суд, однако, не приобщил новое заключение психиатра к материалам по делу, поскольку оно было представлено слишком поздно.

5.2 Касаясь заявления автора о том, что решение суда не приобщать новое заключение психиатра к материалам по делу нарушило ее право на справедливое судебное разбирательство, государство-участник напоминает о решениях Комитета, в соответствии с которыми, как правило, судам государств-участников, а не Комитету надлежит рассматривать факты и доказательства, представленные в национальные суды и оцененные ими. Государство-участник оспаривает тот факт, что непринятие к рассмотрению нового заключения психиатра сделало разбирательство данного дела явно произвольным или было равносильно отказу в осуществлении правосудия. В этой связи государство-участник поясняет, что в результате вступления в силу Общего административного кодекса 1 января 1994 года в процессуальное законодательство была внесена поправка. В прежнем законодательстве не устанавливались временные рамки, а сейчас предусмотрено, что стороны могут представлять свои документы за 10 дней до начала судебного разбирательства. В соответствии с переходными положениями в отношении разбирательства по делу автора действовало старое законодательство.

5.3 Как утверждает государство-участник, регистрационный отдел Центрального апелляционного суда получил от адвоката автора письмо с

приложениями лишь за два дня до судебного заседания. Адвокат не пояснил, почему документы были представлены так поздно. В отсутствие какого-либо специального правила суд рассмотрел приемлемость данного документа в свете принципов надлежащего судопроизводства, один из которых гласит, что процессуальные действия должны выполняться таким образом, чтобы не ущемлялись необоснованно интересы ни одной из сторон. Суд пришел к выводу о том, что на данной стадии судопроизводства приобщение дополнительных документов к материалам дела явилось бы неоправданным ущемлением интересов одной из сторон.

5.4 Государство-участник отмечает, что это один из общих принципов административно-процессуального законодательства Нидерландов, о котором адвокат должен был знать, и что никакие документы не принимаются судом к рассмотрению, если другая сторона не имела возможности ознакомиться с ними в течение разумного периода времени. Адвокат мог бы просить о переносе судебного заседания, чтобы другая сторона и суд получили время для изучения документа. Он же решил не делать этого и, таким образом, сознательно пошел на риск того, что поздно представленное заключение не будет приобщено к материалам по делу.

5.5 Государство-участник отрицает, что в своем решении суд исходил из нового законодательства. По мнению государства-участника, суд упомянул новое законодательство лишь в подтверждение общего правила надлежащего судебного разбирательства о том, что стороны должны располагать временем для адекватной подготовки к судебному заседанию. Таким образом, права автора в этом отношении не были ущемлены.

5.6 Касаясь утверждения автора относительно статьи 17, государство-участник отмечает, что определение уровня трудоспособности автора было законным в соответствии с Законом о пенсиях, поскольку автор отсутствовала на работе по болезни. Касаясь утверждения автора о том, что ее отсутствие на работе было обусловлено производственным конфликтом, а не болезнью, государство-участник ссылается на заключение психиатра, из которого исходил Пенсионный фонд в своем решении. В этом заключении делается вывод о том, что автор оказалась неспособной перенести конфликт, возникший по месту ее работы. Поэтому государство-участник полагает, что решение Фонда нельзя считать противоправным.

5.7 Касаясь вопроса о том, было ли предполагаемое вмешательство произвольным, государство-участник ссылается на решение Центрального апелляционного суда, в котором подчеркивается, что в обстоятельствах, подобных обстоятельствам дела автора, необходимо проявлять особое внимание во избежание нарушений, связанных с установлением пенсии по инвалидности. Суд пришел к выводу о том, что Фонд проявил достаточное внимание в своем решении. Соответственно государство-участник отрицает, что вмешательство было произвольным.

5.8 Кроме того, государство-участник отрицает, что признание инвалидности автора стало противозаконным посягательством на ее репутацию. В этой связи государство-участник напоминает, что принятое решение было законным и не основывалось на недостоверных фактах. По мнению государства-участника, репутация какого-либо лица может быть опорочена лишь в случае посягательства, которое может стать достоянием общественности². Оно

заявляет, что свидетельство о нетрудоспособности было направлено лишь непосредственно заинтересованным сторонам.

5.9 Касаясь утверждения автора относительно статьи 18, государство-участник ссылается на свои замечания по вопросу приемлемости и заявляет, что это утверждение не подкрепляется какими-либо доводами, и что никаких нарушений совершено не было.

Комментарии автора относительно представления государства-участника

6.1 Адвокат вновь заявляет, что в результате отказа суда приобщить это заключение к материалам по делу судопроизводство стало явно произвольным и равнозначным отказу в правосудии. Он отмечает, что, поскольку действовало старое административное законодательство, документы были с точки зрения закона представлены вовремя. Тот факт, что суд получил документы лишь за два дня до судебного заседания, нельзя рассматривать как необоснованное препятствие для отправления правосудия. По мнению адвоката, было достаточно времени для внимательного прочтения заключения. Кроме того, суд вправе переносить свои заседания, и он мог бы пойти на это, если бы он счел, что требуется больше времени для изучения упомянутого документа. Адвокат также утверждает, что упоминание судом нового Кодекса можно рассматривать лишь как предлог для того, чтобы не приобщать новое заключение психиатра.

6.2 Адвокат подчеркивает, что отсутствие автора на работе было обусловлено производственным конфликтом, а не болезнью. Заключение, на котором основано решение Фонда, опровергается тем заключением психиатра, которое суд отказался принять к рассмотрению. Для урегулирования трудового спора был необоснованно использован Закон о пенсиях, и, таким образом, вмешательство в личную жизнь автора было противозаконным. Кроме того, новое заключение психиатра, которое не было приобщено к материалам по делу, подтверждает, что признание нетрудоспособности автора основано на недостоверных фактах. Поэтому данное признание стало вмешательством в личную жизнь автора и посягательством на ее физическую и моральную неприкосновенность, а также на ее репутацию. В этой связи адвокат утверждает, что признание автора инвалидом стало достоянием общественности, поскольку заседания Центрального апелляционного суда являются открытыми.

6.3. Адвокат также заявляет, что государство-участник закрывает глаза на практику, в рамках которой здоровых людей, придерживающихся особых политических взглядов, — в данном случае приверженных традиционалистскому течению в Римской католической церкви, — лишают возможности работать на благо общества. По мнению адвоката, новое заключение психиатра доказывает, что автор была в состоянии пережить трудовой конфликт и не утратила трудоспособности. Поэтому адвокат отмечает, что единственной причиной, по которой автор признана нетрудоспособной, было то, что администрация школы, которая негативно воспринимала приверженность автора к традиционалистскому течению Римской католической церкви, захотела от нее избавиться. Адвокат утверждает, что власти Нидерландов подвергают систематическим гонениям последователей традиционалистского учения в Римской католической церкви, возбуждая, например, уголовные дела против католиков-прихожан и

священников, которые публично проповедают свои взгляды. По мнению адвоката, в деле автора нарушено трудовое законодательство с целью подавления той свободы исповедовать религиозные убеждения, которая закреплена в статье 18 Пакта.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

7.1 Перед рассмотрением любых утверждений, содержащихся в сообщении, Комитет по правам человека обязан в соответствии с правилом 87 его правил процедуры решить, является ли данное сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

7.2 Касаясь утверждений автора о том, что она является жертвой нарушения статей 17 и 18 Пакта, поскольку ее, как она заявляет, необоснованно объявили нетрудоспособной, Комитет отмечает, что автор не представила достаточных доказательств в обоснование своих утверждений для целей приемлемости. Комитет отмечает, что заявления и утверждения автора носят в этой связи весьма общий характер и что автор не обратила на эти вопросы внимание национальных судебных органов. Поэтому эта часть сообщения автора неприемлема в соответствии со статьей 2 и пунктом 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

7.3 Касаясь утверждения автора в связи со статьей 14, Комитет отмечает, что были исчерпаны все имеющиеся в наличии внутренние средства правовой защиты, и что никаких других возражений против приемлемости данного утверждения нет. Поэтому Комитет объявляет сообщение приемлемым в той части, в какой может возникнуть вопрос по статье 14 Пакта. Комитет незамедлительно приступает к рассмотрению этого утверждения по существу.

8.1 Комитет по правам человека рассмотрел данное сообщение в свете всей письменной информации, представленной ему сторонами, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

8.2 Автор утверждает, что отказ Центрального апелляционного суда приобщить к материалам дела заключение психиатра, представленное ее адвокатом, за два дня до судебного заседания представляет собой нарушение ее права на справедливое судебное разбирательство. Комитет принял к сведению аргумент государства-участника о том, что в случае принятия упомянутого заключения к рассмотрению за два дня до судебного заседания для другой стороны возникли бы неоправданные трудности с подготовкой к судебному заседанию. В то же время Комитет отмечает, что процессуальные нормы, касающиеся судебного разбирательства, не устанавливают какого-либо срока для представления документов. Поэтому Апелляционному суду, не ограниченному временными рамками, надлежало обеспечить, чтобы каждая сторона могла выдвинуть свои возражения в отношении документальных доказательств, которые представила или желала представить другая сторона, и, в случае необходимости, отложить судебное заседание. Учитывая отсутствие гарантий равенства сторон в состязательном процессе судебного разбирательства, Комитет констатирует нарушение пункта 1 статьи 14 Пакта.

9. Действуя на основании пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, Комитет по

правам человека полагает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении Нидерландами пункта 1 статьи 14 Пакта.

10. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта Комитет делает вывод о том, что автор вправе воспользоваться эффективным средством правовой защиты.

11. С учетом того, что, присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признало компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение Пакта, и что в соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник обязалось обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, а также эффективное и имеющее исковую силу средство правовой защиты в случае выявления какого-либо нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о мерах, принятых в соответствии с Соображениями Комитета.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Примечания

¹ В начале своего решения от 20 октября 1994 года Центральный апелляционный суд указал, что апелляция рассматривалась на основе положений законодательства, действовавших до вступления в силу Общего административного кодекса.

² Государство-участник цитирует Новака (CCPR commentary, page 306, paragraph 42).

Добавление

Особое совпадающее мнение Давида Крецмера и Мартина Шейнина

Хотя мы и согласны с изложенным в пункте 8.2 Соображений выводом Комитета о том, что в рассматриваемом случае имело место нарушение пункта 1 статьи 14, мы полагаем, что это решение следует обосновать иначе.

Решать вопрос о приемлемости документов в рамках судебного разбирательства и о порядке их представления надлежит, как правило, национальным судам. Хотя на момент рассмотрения дела автора в национальных судах не существовало никакого законодательного положения, устанавливающего временные рамки для представления документов, государство-участник заявило, что в соответствии с национальным законодательством об административных процедурах никакие документы не могут быть приняты к рассмотрению на судебном заседании, если другая сторона не будет иметь возможности изучить их в течение разумного периода времени. Это утверждение не было оспорено автором. Однако государство-участник не дало никаких разъяснений, почему, учитывая исключительную важность нового заключения психиатра для дела автора, суд не принял меры к тому, чтобы позволить другой стороне рассмотреть, а не просто проигнорировать это заключение. В контексте этих обстоятельств мы согласны с тем, что закрепленное в пункте 1 статьи 14 Пакта право автора на справедливое определение ее прав в судебном процессе было нарушено.

(Подпись) Давид Крецмер]

[Совершено на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

**О. Сообщение № 855/1999, Схмитз-де-Йонг против Нидерландов
(Соображения приняты 16 июля 2001 года, семьдесят вторая сессия)***

Представлено: г-жой М. Схмитз-де-Йонг (представлена адвокатом г-ном Паулем С.П. Вандерхейденом)

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Нидерланды

Дата сообщения: 25 ноября 1998 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 16 июля 2001 года

завершив рассмотрение сообщения № 855/1999, представленного Комитету по правам человека г-жой М. Схмитз-де-Йонг в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание всю письменную информацию, предоставленную ему автором сообщения и государством-участником,

принимает следующее:

**Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5
Факультативного протокола**

1. Автором сообщения является гражданка Нидерландов г-жа М. Схмитз-де-Йонг, родившаяся 15 февраля 1949 года и проживающая в Гюльпене, Нидерланды. Она утверждает, что является жертвой нарушения статьи 26, в совокупности со статьями 3 и 5, Международного пакта о гражданских и политических правах. Она представлена адвокатом.

Факты в изложении автора

2.1 Каждый гражданин Голландии в возрасте 65 лет и старше имеет право на специальный льготный пропуск, выдаваемый пенсионерам (так называемый "ПРОПУСК-65"). Супруги обладателей такого пропуска тоже имеют субсидиарное право на такой пропуск, если им 60 лет или больше. Обладатели пропуска платят по сниженным тарифам за пользование общественным

---

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисукэ Андо, г-н Прафулладандра Натварлал Бхагвати, г-н Луис Хенкин, г-н Ахмед Тауфик Халиль, г-н Эккарт Кляйн, г-н Давид Крецмер, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Рафаэль Ривас Посада, сэр Найджел Родли, г-н Мартин Шейнин, г-н Иван Ширер, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Патрик Велла и г-н Максвелл Ялден.

транспортом, участие в общественных и культурных мероприятиях, библиотечное обслуживание и посещение музеев.

2.2 Автор сообщения состоит в браке с Вильгельмом Теодором Схмитзом, родившимся 4 мая 1924 года. Г-н Схмитз является обладателем ПРОПУСКА-65. 26 февраля 1993 года автор сообщения ходатайствовала о выдаче ей супружеского пропуска. 16 марта 1993 года муниципалитет Гюльпена отказал ей в выдаче пропуска, так как автор не отвечала возрастному цензу. Автор возбудила ходатайство о пересмотре этого решения, и это ходатайство было отклонено 25 мая 1993 года. Государственный совет отклонил ее апелляцию 15 августа 1996 года. На этом, как утверждается, были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты.

Жалоба

3. Автор утверждает, что отказ в выдаче ей супружеского пропуска представляет собой дискриминацию по признаку возраста. Она ссылается на изданную правительством информационную брошюру, в которой объясняется, что такой пропуск призван поощрять активное участие стариков-пенсионеров в жизни общества, а для их более широкого участия такой пропуск выдается и супругам пожилых пенсионеров. Поскольку разница в возрасте между пожилыми пенсионерами и их супругами составляет в среднем от четырех до пяти лет, то было решено, что право на такой пропуск имеют и все супруги в возрасте 60 лет и старше. Автор утверждает, что этот возрастной ценз был избран произвольно и что предназначение супружеского пропуска не оправдывает ограничение его выдачи лишь супругам в возрасте 60 лет и старше.

Замечания государства-участника

4.1 Представлениями от 16 августа 1999 года и 29 февраля 2000 года государство-участник информирует Комитет, что с 1 сентября 1999 года такой супружеский пропуск отменен после заключения Комиссии по вопросам равного обращения о том, что эта система пропусков для супругов сопряжена с косвенной дискриминацией по признаку семейного положения. Государство-участник заявляет, что соответственно снимается основание для притязания автора.

4.2 Что касается жалобы автора, что она является жертвой дискриминации по признаку возраста, то государство-участник объясняет, что в качестве нижнего возрастного ценза для получения права на пропуск был специально избран 60-летний возраст. Снижение этого возрастного лимита входило бы в противоречие с целями такого пропуска для пожилых граждан, причем с этими же целями сопряжен и супружеский пропуск. По мнению государства-участника, лица моложе 60 лет слишком далеко отстоят от той целевой группы, в интересах которой вводился пропуск для пожилых граждан. Государство-участник напоминает, что, когда автор ходатайствовала о выдаче супружеского пропуска, ей было 44 года. Государство-участник ссылается далее на финансовые соображения, по которым выдача супружеского пропуска ограничивается супругами в возрасте 60 лет и старше.

Комментарии адвоката

5. В своих комментариях адвокат указывает, что автор сообщения является жертвой дискриминации в течение последних семи лет и что упразднение супружеского пропуска с 1 сентября 1999 года никак не влияет на это. Кроме того, адвокат указывает, что упразднение супружеской льготы не имеет последствий для нынешних обладателей супружеского пропуска, поскольку они могут сохранить его и по-прежнему пользоваться им. По мнению адвоката, если бы автору сообщения был выдан пропуск, когда она просила об этом, то сегодня ей было бы позволено продолжать пользоваться им. Адвокат утверждает, что с учетом самой цели супружеского пропуска — стимулировать пожилых граждан, с которыми они состоят в браке, к участию в общественной и культурной жизни, — никакой возрастной ценз не позволителен.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

6.1 Прежде чем рассматривать любое утверждение, содержащееся в сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры решить, является ли сообщение приемлемым по Факультативному протоколу к Пакту.

6.2 Комитет отмечает, что автор исчерпал все имеющиеся в наличии внутренние средства правовой защиты и что государство-участник не высказало никаких возражений в отношении приемлемости утверждения. Комитет удостоверился также, что это же дело не рассматривается в рамках какой-либо другой процедуры международного разбирательства или урегулирования. Соответственно Комитет признает сообщение приемлемым и приступает к его рассмотрению по существу.

7.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение в свете всей письменной информации, предоставленной ему сторонами, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

7.2 Автор утверждает, что является жертвой дискриминации по признаку возраста, так как в возрасте 44 лет (в 1993 году) она не имела права на получение пропуска для супругов пожилых граждан, который выдается лишь супругам в возрасте 60 лет и старше. Комитет напоминает, что различие не представляет собой дискриминацию, если оно основано на объективных и разумных критериях. В настоящем случае Комитет заключает, что возрастной ценз, дающий право на различные снижения тарифов для супругов пенсионеров в возрасте старше 65 лет только лицам, достигшим 60-летнего возраста, является объективным критерием дифференциации и что в случае автора применение такой дифференциации не является неразумным.

8. Комитет по правам человека, действуя на основании пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, полагает, что имеющиеся у него факты не свидетельствуют о нарушении какой-либо статьи Пакта.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Р. Сообщение № 857/1999, Блазек и другие против Чешской Республики
(Соображения приняты 12 июля 2001 года, семьдесят вторая сессия)*

Представлено: гг. Мирославом Блазек, Джорджем А. Хартманом и Джорджем Кризек

Предполагаемые жертвы: Авторы сообщения

Государство-участник: Чешская Республика

Дата сообщения: 16 октября 1997 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный по статье 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 12 июля 2001 года,

завершив рассмотрение сообщения № 857/1999, представленного Комитету по правам человека гг. Мирославом Блазек, Джорджем А. Хартманом и Джорджем Кризек в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание всю письменную информацию, предоставленную ему авторами сообщения и государством-участником,

принимает следующее:

Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Авторами сообщений (от 16 октября 1997 года, 13 ноября 1997 года и 29 ноября 1997 года, а также последующей корреспонденции) являются уроженцы Чехословакии Мирослав Блазек, Джордж А. Хартман и Джордж Кризек, которые эмигрировали в Соединенные Штаты после прихода к власти коммунистов в 1948 году и впоследствии в порядке натурализации приобрели гражданство Соединенных Штатов. Они утверждают, что являются жертвами нарушений Чешской Республикой их прав по Пакту, в частности по статье 26. Они не представлены адвокатом.

---

* В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисукэ Андо, г-н Прафулладандра Натварлал Бхагвати, г-жа Кристина Шане, г-н Морис Глеле Аханханзо, г-н Луис Хенкин, г-н Ахмед Тауфик Халиль, г-н Эккарт Кляйн, г-н Давид Крецмер, г-н Раджсумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Рафаэль Ривас Посада, сэр Найджел Родли, г-н Мартин Шейнин, г-н Иван Ширер, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Патрик Велла и г-н Максвелл Ялден.

Факты в изложении авторов

2.1 Авторы являются натурализованными гражданами Соединенных Штатов, которые родились в Чехословакии и утратили чехословацкое гражданство в силу Договора о натурализации 1928 года между Соединенными Штатами и Чехословакией, воспреещающего двойное гражданство. Они покинули Чехословакию после прихода к власти коммунистов в 1948 году. Их собственность в Чехословакии была впоследствии конфискована согласно предписаниям о конфискации имущества от 1948, 1955 и 1959 годов.

2.2 Г-н Мирослав Блазек утверждает, что он лишен возможности претендовать на свое наследство, включая недвижимость в Праге и сельскохозяйственное владение в Плана-над-Лужници, поскольку он не является чешским гражданином. Он представляет копию письма от своего адвоката в Чешской Республике, информирующего его о том, что он в нынешних обстоятельствах не может выдвинуть свои притязания, поскольку он не отвечает требуемым применимым законом условиям относительно наличия чешского гражданства. Между тем его дядя, гражданин Франции и Чехии, от своего имени и имени автора выдвинул притязания в отношении их совместной собственности в Праге; однако правительство выделило дело автора в отдельное производство и отказало ему в его доле.

2.3 Джордж А. Хартман, по профессии архитектор, родился в 1925 году в тогдашней Чехословацкой Республике и 26 декабря 1948 года эмигрировал в Соединенные Штаты. Он получил политическое убежище в Соединенных Штатах и 2 апреля 1958 года стал натурализованным гражданином Соединенных Штатов, утратив тем самым право на двойное гражданство в соответствии с Договором о натурализации 1928 года между Соединенными Штатами и Чехословакией. До декабря 1948 года он со своим братом Яном (который впоследствии стал французским гражданином, хотя и сохранил чешское гражданство) владели четырьмя жилыми зданиями в Праге и деревенским домом в Зелизи.

2.4 Своим постановлением от 1 июля 1955 года уголовный суд в Клатови определил, что г-н Хартман покинул Чехословакию нелегально. Ему был вынесен заочный приговор, а его имущество в Чехословакии было официально конфисковано в порядке наказания за противозаконное деяние — отъезд из Чехословацкой Республики в 1948 году. Согласно Закону 119/1990, принятому после смещения коммунистического правительства, уголовное осуждение автора за нелегальный выезд из страны было признано недействительным.

2.5 Заявлением от 17 октября 1995 года г-н Хартман ходатайствовал о реституции своего имущества, однако его ходатайство было отклонено, поскольку он не отвечал требованию о наличии чешского гражданства. Чтобы получить возможность ссылаться на закон о реституции, г-н Хартман на протяжении многих лет добивался чешского гражданства. С 9 ноября 1999 года он имеет двойное гражданство Чехии и Соединенных Штатов. Однако, несмотря на то, что сейчас он имеет чешское гражданство, он оказался не в состоянии добиться реституции, поскольку в 1992 году истек установленный законом предельный срок выдвижения притязаний на реституцию.

2.6 Джордж Кризек утверждает, что собственность его родителей, включая предприятие оптовой торговли (велосипедами) в Праге, зерновую и молочную

ферму в окрестностях Праги, а также сельскохозяйственные угодья в Сестайовице, была конфискована в 1948 году без какой-либо компенсации. После смерти его родителей он бежал из Чехословакии и эмигрировал в Соединенные Штаты, где в 1974 году он в порядке натурализации приобрел гражданство этой страны. В апреле 1991 года он на основании Закона № 403/1990 выдвинул притязания на свою собственность, которые, однако, были отклонены министерством сельского хозяйства. В 1992 году автор вновь выдвинул свои притязания по законам 228 и 229/1991. Однако, как он был уведомлен, чтобы иметь право на реституцию, ему необходимо ходатайствовать о получении чешского гражданства и постоянно проживать в Чешской Республике. Невзирая на это, в 1994 году через своего адвоката в Праге он вновь выдвинул притязания, но безуспешно.

2.7 В силу постановления чешского Верховного суда от 1994 года было снято требование о постоянном местожительстве применительно к притязаниям на реституцию; что же касается требования о наличии чешского гражданства, то оно остается в силе.

Жалоба

3.1 Авторы утверждают, что они являются жертвами нарушений Чешской Республикой их прав по Пакту в связи с конфискацией их имущества коммунистическими властями и дискриминационным отказом демократических правительств Чехословакии и Чешской Республики произвести реституцию. Они утверждают, что в своей совокупности чешские законы 119/1990 (от 23 апреля 1990 года) о реабилитации в судебном порядке, 403/1990 (от 2 октября 1990 года) о реституции собственности, 87/1991 (от 21 февраля 1991 года с последующими поправками) о реабилитации во внесудебном порядке, 229/1991 (от 21 мая 1991 года) о сельскохозяйственных землях и 182/1993 (от 16 июня 1993 года) о создании Конституционного суда, в сочетании с позицией чешского правительства по вопросу о чешском гражданстве, оборачиваются дискриминацией по отношению к чешским эмигрантам, которые утратили чешское гражданство и теперь им препятствуют в истребовании своего имущества.

3.2 Авторы ссылаются на решение Комитета относительно сообщения № 516/1992 (Симунек против Чешской Республики), в котором Комитет счел, что отказ в реституции или компенсации авторам этого сообщения по причине того, что они уже не являются чешскими гражданами, представляет собой нарушение статьи 26 Пакта, принимая во внимание, что государство-участник само несет ответственность за отъезд своих граждан и что предъявляемое к ним требование вновь получить чешское гражданство и вернуться в эту страну на постоянное жительство в качестве предварительного условия для возвращения их имущества или для выплаты соответствующей компенсации было бы несовместимым с положениями Пакта.

3.3 Авторы утверждают, что с целью непринятия притязаний чешских эмигрантов в Соединенных Штатах на реституцию чешские власти имеют обыкновение ссылаться на Договор 1928 года между Соединенными Штатами и Чехословакией, который требовал, чтобы любое лицо, ходатайствующее о возвращении чешского гражданства, вначале отказалось от гражданства Соединенных Штатов. И хотя этот договор был аннулирован в 1997 году,

приобретение впоследствии чешского гражданства, по мнению чешских властей, не дает авторам права вновь ходатайствовать о реституции по причине истечения сроков выдвижения притязаний.

3.4 Делается ссылка на дело еще двух американских граждан, которые обращались в чешские суды с ходатайством вынести постановление об изъятии из Закона 87/1991 требования относительно наличия гражданства. Однако чешский Верховный суд своим постановлением US 33/96 подтвердил, что требование о наличии гражданства носит конституционный характер.

3.5 Авторы далее утверждают, что государство-участник умышленно отказывает им в средстве правовой защиты и что, в нарушение статьи 2 Пакта, с целью непринятия их притязаний практикуется система проволочек и бездействия.

3.6 Один из авторов, Джордж А. Хартман, иллюстрирует предполагаемую дискриминацию путем ссылки на дело своего брата Яна Хартмана, который является гражданином Чехии и Франции и который сумел добиться реституции своей половины имущества в Праге, которое было конфисковано в 1948 году согласно судебному постановлению от 25 июня 1991 года, тогда как самому автору было отказано в компенсации, поскольку на момент выдвижения своего притязания он не был чешским гражданином.

Исчерпанность внутренних средств правовой защиты

4.1 Авторы утверждают, что в их случаях не существует никаких внутренних средств правовой защиты, поскольку они не подпадают под действие закона о реституции. Кроме того, вопрос о конституционности этого закона уже ставился другими претендентами и соответствие его конституции было подтверждено чешским Конституционным судом. Они ссылаются, в частности, на постановление Конституционного суда по делу US 33/96 (Ян Длуги против Чешской Республики, решение от 4 июня 1997 года), подтверждающее конституционность требования о наличии гражданства в качестве условия для получения статуса "лица, имеющего право" по Закону о реабилитации № 87/1991.

4.2 Они сетуют, что с 1989 года затратили много времени и значительные средства, тщетно пытаясь добиться реституции — как путем возбуждения официальных судебных процедур, так и путем направления петиций в государственные ведомства и должностным лицам, включая судей Конституционного суда, со ссылкой, среди прочего, на Чешскую хартию основных прав и свобод.

Рассмотрение вопроса о приемлемости и рассмотрение сообщения по существу

5.1 Прежде чем рассматривать любые утверждения, содержащиеся в сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры принять решение о том, является ли оно приемлемым по Факультативному протоколу к Пакту.

5.2 Комитет удостоверился в том, что это же самое дело не представлено и не было представлено в какую-либо другую инстанцию международного расследования или урегулирования.

5.3 Что касается требования, изложенного в пункте 2 b) статьи 5 Факультативного протокола относительно исчерпания авторами внутренних средств правовой защиты, то Комитет отмечает, что государство-участник не оспаривает довод авторов о том, что в их случаях отсутствуют доступные и эффективные внутренние средства правовой защиты, и, в частности, что в силу предварительных условий, указанных в Законе 87/1991, они не могут притязать на реституцию. В этой связи Комитет отмечает, что конституционность упомянутого закона безуспешно оспаривали другие истцы; что принятые ранее Комитетом соображения по делам Симунека и Адама остаются неосуществленными; и что даже после этих жалоб Конституционный суд подтвердил конституционность Закона о реституции. В этих обстоятельствах Комитет считает, что пункт 2 b) статьи 5 Факультативного протокола не является препятствием для рассмотрения Комитетом сообщений г-на Блазека, г-на Хартмана и г-на Кризека.

5.4 Что касается утверждения авторов о том, что они подверглись неравному обращению со стороны государства-участника в связи с порядком реституции и компенсации, введенным в действие после вступления в силу Факультативного протокола для государства-участника, то Комитет признает сообщение приемлемым в той степени, в какой оно может вызывать вопросы по статьям 2 и 26 Пакта.

5.5 Соответственно Комитет приступает к рассмотрению дела по существу в свете имеющейся в его распоряжении информации, как того требует пункт 1 статьи 5 Факультативного протокола. Он отмечает, что от авторов им была получена достаточная информация; что же касается государства-участника, то от него не было представлено никаких материалов. В этой связи Комитет напоминает, что государство-участник обязано согласно пункту 2 статьи 4 Факультативного протокола сотрудничать с Комитетом и представлять письменные разъяснения или заявления, проясняющие дело и информирующие о том, какие средства правовой защиты, если таковые имеются, могли бы быть предоставлены.

5.6 В отсутствие какого-либо представления со стороны государства-участника Комитет должен придавать надлежащий вес материалам, представленным авторами. Комитет вновь рассмотрел свои ранее принятые соображения по делам № 516/1993 (г-жа Алина Симунек и др.) и № 586/1994 (г-н Йозеф Адам). При решении вопроса о том, совместимы ли с Пактом условия реституции или компенсации, Комитет должен рассмотреть все соответствующие факторы, включая изначальные полномочия авторов на соответствующее имущество. В данных случаях авторы пострадали от исключających положений закона 87/1991 о том, что претенденты должны быть чешскими гражданами. Таким образом, перед Комитетом встает вопрос о том, совместимо ли со статьей 26 предварительное условие наличия гражданства. В этой связи Комитет вновь напоминает о своих ранее принятых решениях о том, что не всякая дифференциация в обращении может считаться дискриминационной по статье 26. Дифференциация, которая является совместимой с положениями Пакта и опирается на разумные основания, не составляет запрещаемой дискриминации по смыслу статьи 26.

5.7 Если фактор гражданства является объективным критерием, Комитет должен установить, было ли бы разумным применение этого критерия к авторам в обстоятельствах этих дел.

5.8 Комитет напоминает о своих соображениях по делам Алина Симунек против Чешской Республики и Йозеф Адам против Чешской Республики, где он счел, что была нарушена статья 26: "...авторы в этом случае, как и многие другие лица, находившиеся в аналогичном положении, покинули Чехословакию по своим политическим убеждениям и пытались найти защиту от политических преследований в других странах, где в конечном счете они остались проживать постоянно и получили новое гражданство. Если принять во внимание, что государство-участник само несет ответственность за [их] ... отъезд, то требование [к ним] ... о получении чешского гражданства в качестве предварительного условия для возвращения их имущества или же для выплаты соответствующей компенсации несовместимо с положениями Пакта" (CCPR/C/57/D/586/1994, пункт 12.6). Комитет полагает, что к авторам настоящего сообщения применим прецедент, установленный решением по делу Адама. Комитет хотел бы отметить также, что он не может представить себе, как можно считать резонным проведение различия по признаку гражданства в свете того обстоятельства, что утрата чешского гражданства произошла в связи с их пребыванием в государстве, в котором им удалось получить убежище.

5.9 Далее, что касается временных ограничений, то, хотя in abstracto сроки исковой давности могут носить объективный и даже разумный характер, Комитет не может принять такого рода предельный срок выдвижения притязаний на реституцию применительно к делу авторов, ибо они с самого начала были исключены из схемы реституции в силу прямых формулировок закона.

Соображения Комитета

6. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что имеющиеся в его распоряжении факты свидетельствуют о нарушении статьи 26 в отношении г-на Блазека, г-на Хартмана и г-на Кризека.

7. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник несет обязанность предоставить авторам эффективное средство правовой защиты, включая возможность выдвижения нового притязания на реституцию или компенсацию. Комитет далее предлагает государству-участнику пересмотреть свое соответствующее законодательство и административную практику с целью обеспечить такое положение, при котором ни закон, ни его применение не влекли бы за собой дискриминацию в нарушение статьи 26 Пакта.

8. Комитет, как и в связи с его предыдущими соображениями по делам Алины Симунек и Йозефа Адама, напоминает, что Чешская Республика, став государством — участником Факультативного протокола, признала компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение Пакта, и что согласно статье 2 Пакта государство-участник обязалось обеспечивать всем лицам, находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией, права, признаваемые в Пакте, и в случае установления нарушения обеспечивать эффективное и действенное средство правовой защиты.

9. В этой связи Комитет хотел бы получить от государства-участника, не позднее чем через 90 дней после препровождения настоящих соображений государству-участнику, информацию о принятых мерах по реализации этих соображений. Государству-участнику также предлагается перевести на чешский язык и опубликовать эти соображения.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Добавление

Отдельное мнение члена Комитета Нисуке Андо

Просьба ознакомиться с моим отдельным мнением, содержащимся в добавлении к соображениям Комитета по правам человека по делу № 586/1994: Адам против Чешской Республики.

(Подпись) Нисуке Андо

[Совершено на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

**Q. Сообщение № 858/1999, Бакл против Новой Зеландии
(Соображения приняты 25 октября 2000 года,
семидесятая сессия)***

Представлено: г-жой Маргарет Бакл
Предполагаемая жертва: автор сообщения
Государство-участник: Новая Зеландия
Дата сообщения: 21 сентября 1998 года (первоначальное
представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28
Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 25 октября 2000 года,

завершив рассмотрение сообщения № 858/1999, представленного
Комитету по правам человека г-жой Маргарет Бакл в соответствии с
Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и
политических правах,

приняв во внимание всю письменную информацию, представленную ему
автором сообщения и государством-участником,

принимает следующее:

**Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5
Факультативного протокола**

1. Автором сообщения является Маргарет Бакл, гражданка
Великобритании/Новой Зеландии. Она утверждает, что является жертвой
нарушения Новой Зеландией статей 17, 18, 23 и 24 Международного пакта о
гражданских и политических правах. Автор сообщения не представлен
адвокатом.

Факты в изложении автора

2.1 В 1994 году автора сообщения отстранили от попечения ее шестерых
детей (по состоянию на указанное время в возрасте от восьми лет до одного
года) предположительно в связи с ее неспособностью обеспечить надлежащий
уход за ними.

2.2 В августе 1997 года автор обжаловала в Апелляционном суде решение
новозеландского суда по делам семьи о лишении ее попечительских прав.
25 февраля 1998 года Апелляционный суд подтвердил решение суда по делам

---

* В рассмотрении настоящего сообщения участвовали следующие члены Комитета:
г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Натварлал Бхагвати, г-жа Кристина Шане,
лорд Колвилл, г-жа Элизабет Эват, г-жа Пилар Гайтан де Помбо, г-н Луис Энкин,
г-н Эккарт Кляйн, г-н Давид Крецмер, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Мартин Шейнин,
г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Роман Верушевский, г-н Макссуэлл Ялден и г-н Абдалла
Захья.

семьи. Просьба автора разрешить ей подать в Тайный совет апелляцию на решение от февраля 1998 года была отклонена. Несмотря на это г-жа Бакл прибыла в Соединенное Королевство и добилась слушания своей апелляции в мае 1998 года в Судебном комитете Тайного совета. Апелляция была отклонена.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что лишение ее попечительских прав в отношении ее шестерых детей является нарушением положений статей 17 и 23 Пакта, так как, по ее словам, это является произвольным вмешательством в осуществление ее прав матери. По мнению автора, независимо от того, в каких условиях жили с ней ее дети, она как мать имеет право быть рядом с ними и в каких-либо оснований отстранять ее от попечения детей нет.

3.2 Она утверждает, что власти вмешались в ее жизнь и забрали у нее детей потому, что она является новообращенной христианкой и, следовательно, упомянутое решение забрать у нее детей представляет собой нарушение положений статьи 18.

3.3 Автор далее утверждает, что имеет место нарушение статьи 24 Пакта в отношении ее шестерых детей, поскольку, забрав их у нее, власти лишили детей права на то, чтобы их воспитывала родная мать.

Представление государства-участника по вопросу о приемлемости и по существу

4.1 В своих замечаниях от 29 октября 1999 года как относительно приемлемости, так и по существу сообщения государство-участник отмечает, что в отношении данного дела внутренние средства правовой защиты были исчерпаны.

4.2 Однако оно утверждает, что сообщение является неприемлемым, поскольку автор не обосновывает свои утверждения, в том что касается жалоб в соответствии со статьями 17, 18, 23 и 24 Пакта. Кроме того, в отношении статьи 24 государство-участник утверждает, что автор не представляет своих детей и не объясняет, каким образом были нарушены их права.

4.3 Государство-участник заявляет, что утверждения автора являются расплывчатыми и неточными. В отношении статей 17, 18 и 23 оно заявляет, что автор не приводит конкретных фактов, в достаточной степени подтверждающих предполагаемые нарушения этих статей. Используемые автором общие фразы не содержат достаточных фактов, подтверждающих жалобы. Отсутствуют какие-либо подтверждающие доказательства, жалоба основана лишь на утверждениях автора. Согласно заявлению государства-участника представленные документы свидетельствуют о том, что детей забрали в соответствии с законом по результатам всестороннего рассмотрения дела судом. Таким образом, все жалобы на нарушение прав, предусмотренных Пактом, не являются в достаточной степени обоснованными.

4.4. В отношении утверждений, касающихся статьи 24, государство-участник заявляет, что жалоба является неприемлемой на том основании, что статья 24 предоставляет соответствующие права лицам, к которым автор сообщения не относится, и что с точки зрения как цели, так и результатов данное сообщение

не направляется автором от имени этих лиц. Сообщение составлено автором на основе ее собственного видения данного случая, и в нем идет речь о жалобах на нарушение ее прав. Нельзя также утверждать, что сообщение составлено от имени детей. Хотя правило 90 (1) b) разрешает направление сообщений от имени предполагаемой жертвы без прямого ее поручения, когда, как представляется, она не может представить сообщение сама, эта процедура предусматривает направление сообщения от имени, в отношении и с учетом интересов детей. В данном случае автор сосредоточивает внимание исключительно на своих собственных правах, вместо того чтобы направлять жалобу от имени детей в связи с нарушением их прав согласно правилу 90 (1) b). Кроме того, автор вопреки требованиям упомянутого правила не обосновывает невозможность подачи жалобы самими детьми.

5.1 В отношении существа вопроса государство-участник утверждает, что, хотя сообщение содержит ряд ссылок на религию, автор не указывает, каким образом были нарушены ее религиозные права, будь то в целом или с указанием каких-либо конкретных событий. Сам по себе факт исповедания человеком религиозных верований не может означать, при прочих равных обстоятельствах, что нарушение какого-либо другого права представляет собой также нарушение права на свободу религии. Поэтому государство-участник заявляет, что автор не продемонстрировала, какое отношение это имеет к статье 18 и каким образом она могла быть нарушена.

5.2. По мнению государства-участника, статья 23 предусматривает институциональную гарантию единства "семьи" как таковой. Если статья 17 предусматривает защиту от произвольного или незаконного вмешательства в семейную жизнь, то статья 23 преследует иную цель, поскольку она требует, чтобы государства признавали семью как основную ячейку общества и обеспечивали ее соответствующее правовое признание. Новозеландским правом предусмотрено широкое признание семьи, и в стране существует целый комплекс законов, регулирующих права и обязанности семьи и отдельных ее членов в самых различных обстоятельствах — от образования до финансовых пособий, содержания детей и последствий раздельного проживания и развода. Автор не привела никаких доказательств невыполнения Новой Зеландией этого общего институционального обязательства.

5.3 В отношении предполагаемого нарушения положений статьи 17 государство-участник признает, что лишение детей родительского попечения можно рассматривать как вмешательство; однако оно заявляет, что в данном случае действия не носили незаконного или произвольного характера и что цель такого вмешательства была законной по смыслу Пакта, в частности с учетом статьи 24. В этой связи государство-участник заявляет, что в случае автора детей забрали в строгом соответствии с законом. Во-первых, предпринимались усилия по оказанию помощи этой семье, не прибегая к судебным процедурам. Работники сферы социального обеспечения проводили неформальные встречи с членами семьи, с тем чтобы решить проблемы детей, руководствуясь принципом минимального вмешательства и стремления создать в семье атмосферу доверия. Была достигнута договоренность укрепить базу поддержки семьи, улучшить ее медицинское обслуживание и контакты социальных работников с детьми и сделать более регулярной обратную связь. После того как стало ясно, что этих мер недостаточно ввиду все большей неспособности автора сообщения обеспечивать уход за своими детьми, был

созван семейный совет. Семейный совет в составе восьми членов семьи договорился рекомендовать суду принять соответствующее постановление и передать большинство детей на воспитание родственникам. К сожалению, возможности автора, в том что касается ухода за детьми, не расширились и с учетом результатов, предусмотренных законом регулярных проверок и рассмотрения апелляции, поданной автором на решение суда¹, было подтверждено решение передать детей опекунам.

5.4 Государство-участник утверждает, что вмешательство не было произвольным, а проводилось с должным учетом того, была ли данная административная акция "направлена на достижение цели, которая представляется законной, исходя из положений Пакта в целом, и была ли она предсказуемой с точки зрения верховенства закона и, в частности, была ли она разумной (соразмерной) с точки зрения поставленной цели"².

5.5 Государство-участник отмечает, что в соответствии с Законом 1989 года о детях, подростках и членах их семей, как правило, вмешательство не может осуществляться без уведомления или неожиданно. Семейный совет обсуждает имеющиеся варианты до какого-либо обращения в суд, что и имело место в данном случае. Основание для вмешательства, которое предусматривает судебные действия, сформулировано в статье 14 закона следующим образом:

"Ребенок или подросток нуждается в уходе или защите... если а) ребенку или подростку наносится или может быть нанесен ущерб (будь то физический, эмоциональный или сексуальный), он подвергается или может подвергнуться жестокому или грубому обращению либо серьезным лишениям; или б) развитию либо физическому, психическому или эмоциональному благополучию ребенка или подростка наносится или может быть нанесен ущерб, либо он остается или может остаться без внимания, и такой ущерб либо отсутствие внимания носят или может носить серьезный характер, либо не являются неизбежными; или

f) родители или опекуны либо другие лица, на попечении которых находится ребенок или подросток, не желают или не в состоянии обеспечить уход за ребенком или подростком;"

5.6 Государство-участник указывает, что, хотя эти положения в их нынешнем виде являются широкими, они не могут быть более конкретными и точными, учитывая разнообразие ситуаций, которые они призваны регулировать. Законодательство Новой Зеландии предусматривает многочисленные средства защиты до обращения в суд и целый комплекс механизмов обжалования и пересмотра судебных решений после такого обращения. К ним относятся право рассмотрения в суде ходатайства по обеспечению попечения и защиты, регулярный пересмотр механизмов обеспечения попечения и право обжалования вынесенных решений. Кроме того, вышеупомянутый закон обеспечивает соразмерность вмешательства в семейную жизнь поставленным целям. Судебное вмешательство применяется только в качестве *ultima ratio*, если суд удостоверился в практической невозможности или нецелесообразности организации попечения ребенка или подростка, либо его защиты с помощью каких-либо других средств. Принимая решение о вынесении постановления, суд руководствуется принципами необходимости обеспечения способности семьи принимать соответствующие решения, и лишение родительских прав в отношении ребенка или подростка является

крайней мерой. Обеспечение благополучия и интересов ребенка или подростка является соображением первого и высшего порядка.

5.7 Государство-участник утверждает, что первое постановление суда о том, что дети нуждаются в попечении и защите, вынесенное им в октябре 1992 года, опиралось на выводы, согласованные ранее членами семьи и социальными работниками на семейном совете. Две старшие дочери были переданы на воспитание их дедушке и бабушке по материнской линии, а одна дочь — тете и дяде по материнской линии. Остальные были переданы на воспитание опекунам, живущим неподалеку от матери. За автором сообщения были сохранены опекунские права, которые должны были осуществляться совместно с дополнительными опекунскими правами, предоставленными опекунам. Это положение изменилось в декабре 1997 года, когда на основании решения Высшего суда от 18 августа 1997 года дети были переданы под исключительную опеку генерального директора службы социального обеспечения, в результате чего автор сообщения была временно лишена опекунских прав. Несмотря на временное лишение опекунских прав, за автором сохранились права на общение с детьми при условии ее соответствующего консультирования. Она отказалась делать это. В соответствии с Законом регулярно рассматривался вопрос о положении детей. Апелляция автора на решение Высшего суда была отклонена 25 февраля 1998 года. Государство-участник утверждает, что автор в полной мере использовала существующие механизмы пересмотра решения в отношении детей, о котором говорилось выше. Однако ни ей самой, ни от ее имени ни разу не удалось представить какие-либо доказательства того, что в ее состоянии с точки зрения способности воспитывать своих детей произошли изменения, достаточные для того, чтобы это послужило основанием для возвращения детей под ее опеку. На самом деле факты свидетельствовали об обратном, а именно о том, что возвращение детей под опеку автора не отвечает наилучшим интересам детей, может травмировать их и нанести ущерб их благополучию. В августе 1997 года в ходе основного разбирательства в Высшем суде были заслушаны 18 свидетелей.

5.8 Государство-участник далее заявляет, что у автора были все возможности для того, чтобы помочь специалистам и суду получить более полное представление о ее способности быть опекуном своих детей, но она всякий раз отказывалась от сотрудничества. Государство-участник утверждает, что вмешательство было необходимым и обоснованным и что действующие механизмы гарантии подтвердили соразмерность принятых мер.

6. Автор информировала Секретариат о том, что ей нечего добавить к заявлению государства-участника. Она продолжает утверждать, что имело место нарушение ее прав, предусмотренных Пактом.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

7.1 Прежде чем рассматривать любые утверждения, содержащиеся в сообщении, Комитет по правам человека в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры принимает решение о том, является ли оно приемлемым на основании Факультативного протокола к Пакту.

7.2 В отношении требования исчерпания внутренних средств правовой защиты государство-участник признает, что после прекращения рассмотрения

дела автора Судебным комитетом Тайного совета все внутренние средства правовой защиты для целей Факультативного протокола действительно были исчерпаны.

7.3 В отношении утверждения автора, что она является жертвой нарушения положений статьи 18 Пакта с точки зрения ее права на свободу религии, поскольку, как она утверждает, лишение ее родительских прав объясняется тем, что она является новообращенной христианкой, Комитет считает, что автор не обосновала это утверждение на предмет приемлемости. Таким образом, эта часть сообщения является неприемлемой на основании статьи 2 Факультативного протокола.

8. Комитет считает, что остальные утверждения автора являются приемлемыми, и приступает к рассмотрению существа этих заявлений в свете всех тех данных, которые были представлены ему сторонами, как того требует пункт 1 статьи 5 Факультативного протокола.

9.1 В отношении заявления автора по статье 17 Пакта Комитет принимает к сведению информацию, представленную государством-участником о различных процедурах, которые были использованы в деле автора. Комитет также отмечает, что данная ситуация регулярно пересматривается и что за автором сохраняется возможность общаться с детьми. С учетом этого, по мнению Комитета, вмешательство в семейную жизнь автора не было незаконным или произвольным и, следовательно, положения статьи 17 Пакта не нарушены.

9.2 Автор также утверждает, что имело место нарушение положений статьи 23 Пакта. Комитет признает серьезный характер решения о раздельном проживании матери и детей, однако отмечает, что имеющаяся у него информация свидетельствует о том, что власти и суды государства-участника тщательно изучили все представленные им материалы и действовали с учетом обеспечения наилучших интересов детей и что нет никаких свидетельств нарушения ими предусмотренного статьей 23 долга, связанного с защитой семьи.

9.3 В отношении якобы имевшего место нарушения положений статьи 24 Пакта Комитет считает, что доводы автора и имеющаяся в его распоряжении информация не затрагивают вопросов, которые не охватывались бы вышеизложенными выводами.

10. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, заключает, что имеющиеся в его распоряжении факты не свидетельствуют о нарушении положений какой-либо из статей Международного пакта о гражданских и политических правах.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

¹ Государство-участник представило копии различных судебных решений по данному делу (подборка подтверждающих документов объемом около 255 страниц).

² Ссылка делается на Замечание общего порядка № 16 Комитета от 8 апреля 1988 года по статье 24, согласно которому "введение понятия произвольности призвано обеспечить, чтобы даже вмешательство, допускаемое законом, соответствовало положениям, целям и задачам Пакта и в любом случае являлось обоснованным в конкретных обстоятельствах".

R. Сообщение № 869/1999, Пиандионг и другие против Филиппин
(Соображения приняты 19 октября 2000 года, семидесятая сессия)*

Представлено: г-ном Александром Падильей и г-ном Рикардо III Сунгой (адвокатами)

Предполагаемые жертвы: г-н Данте Пиандионг, г-н Хесус Моральос и г-н Арчи Булан (покойные)

Государство-участник: Филиппины

Дата сообщения: 15 июня 1999 года

Комитет по правам человека, образованный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 19 октября 2000 года,

завершив рассмотрение сообщения № 869/1999, представленного Комитету по правам человека г-ном Александром Падильей и г-ном Рикардо III Сунгой в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание всю письменную информацию, представленную ему авторами сообщения и государством-участником,

принимает следующее:

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

1.1 Авторами сообщения являются Александр Падилья и Рикардо III Сунга. Они представляют данное сообщение в качестве адвокатов г-на Данте Пиандионга, г-на Хесуса Моральоса и г-на Арчи Булана, которые, по утверждению первых, являются жертвами нарушения Филиппинами статей 6, 7 и 14 Международного пакта о гражданских и политических правах.

1.2 7 ноября 1994 года региональный суд города Калоокан признал г-на Пиандионга, г-на Моральоса и г-на Булана виновными в грабеже при отягчающих обстоятельствах в виде убийства и приговорил их к смертной казни. Верховный суд своим решением от 19 февраля 1997 года отклонил

---

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Прафуллачандра Натварлал Бхвагвати, г-жа Кристина Шане, лорд Колвилл, г-жа Элизабет Эват, г-жа Пилар Гайтан де Помбо, г-н Луис Хенкин, г-н Эккарт Кляйн, г-н Давид Крецмер, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Роман Верушевский, г-н Макссуэлл Ялден и г-н Абдалла Захия.

В добавлении приводятся тексты двух особых мнений, подписанных четырьмя членами Комитета.

апелляционную жалобу и утвердил как обвинительный приговор, так и назначенное наказание. Последующие ходатайства о пересмотре были отклонены 3 марта 1998 года. После того, как приведение в исполнение смертной казни было назначено на 6 апреля 1999 года, канцелярия президента 5 апреля 1999 года приняла решение об отсрочке исполнения приговора на три месяца. Вместе с тем вопрос о помиловании не был решен положительно, и 15 июня 1999 года адвокаты, действуя в соответствии с положениями Факультативного протокола, направили сообщение в Комитет.

1.3 Действуя через своего Специального докладчика по новым сообщениям, 23 июня 1999 года Комитет препроводил данное сообщение государству-участнику с просьбой представить предусмотренные положениями пункта 2 правила 91 правил процедуры Комитета информацию и замечания в отношении приемлемости жалоб и их существа. Государству-участнику было предложено также, исходя из правила 86 правил процедуры Комитета, не приводить в исполнение смертный приговор в отношении г-на Пиандионга, г-на Моральоса и г-на Булана, пока их дело находится на рассмотрении Комитета.

1.4 7 июля 1999 года адвокаты сообщили Комитету, что было отдано распоряжение о приведении в исполнение смертного приговора г-ну Пиандионгу, г-ну Моральосу и г-ну Булану 8 июля 1999 года. Комитет связался с представителем государства-участника при Отделении Организации Объединенных Наций в Женеве, и Комитету было сообщено, что казни будут приведены в исполнение в соответствии с назначенными сроками, несмотря на направленную в соответствии с правилом 86 правил процедуры просьбу Комитета, поскольку, по мнению государства-участника, судебный процесс г-на Пиандионга, г-на Моральоса и г-на Булана был справедливым.

1.5 Адвокаты г-на Пиандионга, г-на Моральоса и г-на Булана обратились с ходатайством в Верховный суд, с тем чтобы добиться судебного запрета на исполнение приговора, в чем им судом было отказано 8 июля 1999 года. Адвокаты встретились также лично с министром юстиции правительства Филиппин и ходатайствовали о неприведении в исполнение смертного приговора, учитывая наличие соответствующей просьбы со стороны Комитета. Тем не менее во второй половине дня 8 июля 1999 года г-н Пиандионг, г-н Моральос и г-н Булан были казнены путем инъекции смертоносного вещества.

1.6 Своим решением от 14 июля 1999 года Комитет запросил у государства-участника разъяснения относительно обстоятельств приведения в исполнение смертного приговора. 21 июля 1999 года Специальный докладчик по новым сообщениям и заместитель председателя Комитета встретились с представителем государства-участника.

Жалоба

2.1 Адвокаты утверждают, что г-н Пиандионг и г-н Моральос были арестованы 27 февраля 1994 года по подозрению в участии 21 февраля 1994 года в ограблении пассажиров маршрутного такси в городе Калоокан, в ходе которого был убит один из пассажиров такси — полицейский. После доставки в полицейский участок г-н Пиандионг и г-н Моральос подверглись избиениям, в ходе которых им наносились удары в живот, с целью вынудить их признаться в совершении преступления, однако они не сделали этого. В ходе предъявления их для опознания свидетели не смогли идентифицировать их как грабителей.

После этого полицейские удалили из помещения других участников процедуры опознания, оставив там лишь вышеназванных лиц, и дали свидетелям указание опознать именно их. Адвокатов, которые могли бы оказать помощь обвиняемым в этот момент, на процедуре опознания не присутствовало. При рассмотрении дела в суде г-н Пиандионг, г-н Моральос и г-н Булан дали свои показания под присягой, однако судья счел возможным не придавать значения их показаниям из-за отсутствия подтверждающих их правоту показаний независимых свидетелей.

2.2 Адвокаты далее утверждают, что наказание в виде смертной казни было назначено им неправомерно, поскольку судья сделал вывод о наличииотягчающих обстоятельств, так как преступление было совершено более чем тремя вооруженными лицами. Однако, по утверждению адвокатов, наличие этого обстоятельства не было доказано так, чтобы это не вызывало разумных сомнений. Кроме того, адвокаты утверждают, что судье следовало бы принять во внимание смягчающее обстоятельство в виде добровольной явки обвиняемых в полицию, поскольку г-н Пиандионг, г-н Моральос и г-н Булан прибыли с полицейскими, не оказывая никакого сопротивления.

2.3 Адвокаты далее утверждают, что свидетельские показания очевидцев происшествия не заслуживают доверия, поскольку эти очевидцы были близкими друзьями погибшего, и сообщенные ими описания преступников не совпадали с тем, как в действительности выглядели г-н Пиандионг, г-н Моральос и г-н Булан. Адвокаты заявляют также, что судья ошибся, не признав состоятельными доказательства наличия алиби у обвиняемых.

2.4 Наконец, адвокаты утверждают, что смертная казнь является неконституционной мерой наказания и что ее следует назначать только за наиболее тяжкие преступления.

Замечания государства-участника

3.1 В своем представлении от 13 октября 1999 года государство-участник разъясняет, что внутренние средства правовой защиты были исчерпаны решением Верховного суда от 3 марта 1998 года, которым были отклонены дополнительные ходатайства о пересмотре. По состоянию на этот день осужденные и их адвокаты могли обратиться с сообщением в Комитет по правам человека. Однако они не сделали этого и направили на имя президента прошение о помиловании. 6 апреля 1999 года президент отсрочил на 90 дней дату исполнения приговора, с тем чтобы рассмотреть ходатайство о помиловании. Это ходатайство было рассмотрено Президентским комитетом по рассмотрению прошений о помиловании в составе министра юстиции, исполнительного секретаря и главного юрисконсульта президента. После всестороннего изучения дела этот комитет не нашел убедительных оснований для вынесения президенту рекомендации об осуществлении им своей президентской прерогативы. Государство-участник объясняет, что предоставленные президенту полномочия по помилованию не подразумевают ни отмены, ни пересмотра решения Верховного суда. Акт помилования предполагает, что решение Верховного суда остается в силе и что президент лишь исходит из стремления проявить милосердие. По мнению государства-участника, вверив свою судьбу в руки президента с предоставленными ему полномочиями, осужденные согласились с решением Верховного суда.

Государство-участник утверждает также, что, поскольку они поступили таким образом, представляется крайне неуместным, что после этого они могли бы обратиться в Комитет по правам человека с ходатайством о восстановлении их нарушенных прав.

3.2. Государство-участник объясняет, что президент осуществляет свои конституционные полномочия по помилованию осужденных, если доказано, что на совершение преступления осужденных толкнула нищета. По мнению государства-участника, судя по обстоятельствам дела, возбужденного в связи с совершением г-ном Пиандионгом, г-ном Моральосом и г-ном Буланом преступления, о нищете как о побудительной причине совершения преступления говорить не приходится. В этой связи государство-участник ссылается на решение Верховного суда, который установил, что выстрел в полицейского, находившегося в маршрутном такси, последующее ограбление раненого полицейского и, наконец, повторный выстрел в него в тот момент, когда он умолял отвезти его в больницу, свидетельствуют о жестокости и отсутствии у них чувства жалости и требуют назначения им смертной казни.

3.3 Что касается утверждения о применении пытки, то государство-участник отмечает, что это обстоятельство не фигурировало в числе оснований для обжалования приговора в Верховном суде, и поэтому Верховный суд не рассматривал этот вопрос. По утверждению государства-участника, Верховный суд воспринимает обвинения в пытках и жестоком обращении весьма серьезно и отменил бы приговор суда низшей инстанции, если бы было доказано, что эти обвинения соответствуют действительности.

3.4 Что же касается утверждения об отсутствии правовой помощи, то государство-участник отмечает, что юридическая помощь предоставлялась обвиняемым на всем протяжении разбирательства дела в суде низшей инстанции и в апелляционном суде. В отношении права на жизнь государство-участник отмечает, что Верховный суд вынес постановление о конституционности смертной казни, а также методов казни и признал их соответствующими положениям Конституции.

3.5 В отношении же обращенной адвокатами Комитету просьбы о принятии предварительных мер защиты в безотлагательном порядке государство-участник отмечает, что адвокаты не сочли необходимым обратиться в Комитет в течение года после того, как их клиентам был вынесен смертный приговор, после того, как были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты. Даже после предоставления президентом отсрочки исполнения приговора на 90 дней адвокаты дожидались истечения этого срока, прежде чем направить сообщение в Комитет. Государство-участник утверждает, что, поступая таким образом, адвокаты выставляют на посмешище систему отправления правосудия и конституционный процесс на Филиппинах.

3.6 Государство-участник заверяет Комитет в своей приверженности Пакту и заявляет, что его действия не ставят целью лишить смысла принимаемые Комитетом меры. В этой связи государство-участник сообщает Комитету, что в целях дальнейшего совершенствования системы пересмотра приговоров, направляемых президенту на предмет помилования осужденных, создан новый орган под названием Президентский комитет по пересмотру приговоров осужденных к смертной казни. В состав комитета, в котором председательствует исполнительный секретарь, входят следующие члены: один

представитель научных кругов, занимающийся социальными вопросами, один представитель НПО, действующих в области борьбы с преступностью, и два представителя церковных организаций. Комитет выполняет двойную функцию — рассматривает случаи вынесения смертных приговоров, принимая во внимание как гуманитарные аспекты, так и соображения гуманитарного порядка, и делает президенту рекомендации относительно возможного осуществления предоставленных ему полномочий в отношении отсрочки исполнения приговоров, изменения назначенного наказания в сторону его смягчения и помилования.

Замечания адвокатов

4.1 Адвокаты утверждают, что г-н Пиандионг, г-н Моральос и г-н Булан считали обращение к президенту внутренним средством правовой защиты, которое им необходимо было исчерпать, прежде чем направить свое сообщение в Комитет по правам человека. Поэтому адвокаты утверждают, что не было ничего ненадлежащего в том, что они дожидались момента, когда станет ясно, что решения о помиловании не будет. Что же касается довода государства-участника, согласно которому помилование не могло быть предоставлено, поскольку данное преступление не могло рассматриваться как мотивированное нищетой, то адвокаты отмечают, что г-н Пиандионг, г-н Моральос и г-н Булан оспаривали сам факт признания их предполагаемыми субъектами преступления.

4.2 Что касается довода государства-участника о том, что попытки не фигурировали в качестве одного из оснований обжалования приговора, адвокаты утверждают, что на суде г-н Пиандионг, г-н Моральос и г-н Булан под присягой показали, что они были подвергнуты жестокому обращению и что на этот вопрос было обращено внимание Верховного суда в дополнительном ходатайстве о пересмотре. По мнению адвокатов, факт жестокого обращения говорит о слабости собранных обвинением доказательств, поскольку, если бы доказательства были убедительными, применения жестокого обращения не потребовалось бы. В ответ на утверждение государства-участника о том, что Верховный суд серьезным образом подходит к обвинениям в применении пыток, адвокаты заявляют, что в действительности дело, по-видимому, обстоит иным образом, поскольку Верховный суд не принял никаких решений при рассмотрении данного дела.

4.3 В связи с заявлением государства-участника о том, что обвиняемым была предоставлена возможность пользоваться юридической помощью, адвокаты отмечают, что такая возможность появилась у них только с начала рассмотрения дела в суде. В период же, предшествовавший судебному разбирательству, в имеющий важнейшее значение момент предъявления задержанных для опознания в полиции, адвокаты не присутствовали.

4.4 Что касается довода государства-участника о том, что в своем решении Верховный суд постановил, что назначение смертной казни и метод приведения ее в исполнение являются конституционными, адвокаты утверждают, что решение Верховного суда заслуживает пересмотра.

4.5 В отношении ходатайства перед Комитетом относительно принятия предварительных мер адвокаты вновь заявляют, что они медлили с представлением сообщения в Комитет до тех пор, пока не будут исчерпаны все

внутренние средства правовой защиты, включая обращение с петицией о помиловании. Адвокаты утверждают также, что трудно серьезно воспринимать выраженную государством-участником приверженность Пакту в свете такого вопиющего нарушения, как приведение в исполнение казни г-на Пиандионга, г-на Моральоса и г-н Булана, несмотря на обращенную к государству-участнику просьбу Комитета не делать этого.

Отказ государства-участника положительно отреагировать на просьбу Комитета о принятии предварительных мер в соответствии с правилом 86 его правил процедуры

5.1 Став участником Факультативного протокола, государство-участник Пакта признало компетенцию Комитета по правам человека получать и рассматривать сообщения отдельных людей, утверждающих, что они являются жертвами нарушений любого из прав, установленных в Пакте (преамбула и статья 1). Из факта присоединения государства к Протоколу вытекает обязательство государства добросовестно сотрудничать с Комитетом, с тем чтобы позволить ему и дать возможность рассматривать такие сообщения и после рассмотрения направлять свои соображения государству-участнику и индивиду (пункты 1 и 4 статьи 5). Любые предпринимаемые государством-участником действия, препятствующие Комитету в рассмотрении и обсуждении сообщений, а также в сообщении своих соображений или делающие эти действия Комитета тщетными, являются несовместимыми с данными обязательствами.

5.2 Таким образом, безотносительно к содержанию любого нарушения Пакта, вменяемого государству-участнику в каком-либо сообщении, государство-участник серьезно нарушает свои обязательства по Факультативному протоколу, если оно действует таким образом, что это препятствует рассмотрению Комитетом или лишает всякого смысла рассмотрение Комитетом сообщения о нарушении Пакта или же делает рассмотрение дела Комитетом небесспорным, а сообщение им своих соображений недействительным и тщетным. Что касается настоящего сообщения, то его авторы утверждают, что предполагаемым жертвам было отказано в соблюдении их прав, предусмотренных статьями 6 и 14 Пакта. Будучи уведомлено о получении сообщения, государство-участник нарушает свои обязательства по Протоколу, если приводит в исполнение смертную казнь предполагаемых жертв до того, как Комитет завершит рассмотрение сообщения и сформулирует и сообщит свои соображения. Принятие государством таких мер представляется в особенности нетерпимым после того, как Комитет в соответствии с правилом 86 правил процедуры принял решение просить государство-участник воздержаться от принятия этих мер.

5.3 Комитет выражает также серьезную обеспокоенность представленным государством-участником объяснением своих действий. Комитет не может согласиться с доводом государства-участника о том, что адвокатам не надлежало направлять сообщение в Комитет по правам человека, после того как адвокат и подзащитные обратились с петицией о помиловании президентом и это ходатайство было отклонено. В Факультативном протоколе нет ничего, что ограничивало бы право предполагаемой жертвы нарушения его или ее прав по Пакту направить сообщение после того, как ходатайство о помиловании было отклонено, и государство-участник не может в одностороннем порядке

устанавливать такие условия, которые ограничивали бы одновременно компетенцию Комитета и право предполагаемых жертв на направление сообщений. Кроме того, государству-участнику не удалось доказать, что, если бы оно прислушалось к требованию Комитета о принятии предварительных мер, тем самым было бы затруднено отправление правосудия.

5.4 Предварительные меры по правилу 86 правил процедуры Комитета, принятых в соответствии со статьей 39 Пакта, имеют важнейшее значение для выполнения Комитетом своих функций по Протоколу. Пренебрежение положениями указанного правила, в особенности посредством принятия таких необратимых по последствиям мер, как казнь предполагаемой жертвы или ее высылка из страны, подрывает основы защиты предусмотренных в Пакте прав при помощи Факультативного протокола.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

6.1 Прежде чем рассматривать любые жалобы, содержащиеся в сообщении, Комитет по правам человека должен, исходя из статьи 87 своих Правил процедуры, решить, является ли сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

6.2 Комитет отмечает, что государство-участник не выдвинуло никаких возражений против приемлемости сообщения. Комитету неизвестно о каких бы то ни было препятствиях к признанию сообщения приемлемым, и поэтому он объявляет сообщение приемлемым и незамедлительно приступает к рассмотрению сообщения по существу.

7.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение с учетом всех представленных ему сторонами письменных данных, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

7.2 Адвокаты утверждают, что опознание г-на Пиандионга и г-на Моральоса свидетелями во время предъявления их к опознанию в полиции было произведено с нарушениями, поскольку в первый раз никто из свидетелей не опознал их, после чего задержанные были выведены в другое помещение и полицейские научили свидетелей указать на задержанных. Суд отклонил жалобу защиты в этом отношении, поскольку утверждение защиты не было подтверждено какими-либо объективными и заслуживающими доверия свидетельскими показаниями. Кроме того, суд посчитал, что обвиняемые были опознаны свидетелями в суде и что такого опознания достаточно. Комитет напоминает о принятых им решениях, согласно которым по общему правилу именно судам государств-членов, а не Комитету надлежит оценивать факты и доказательства в том или ином конкретном деле. Это относится также и к вопросу о том, насколько законным и заслуживающим доверия был процесс опознания. Кроме того, рассматривая довод о том, что процесс предъявления к опознанию не был свободен от нарушений, апелляционный суд признал, что опознание обвиняемых на суде основывалось на опознании их свидетелями в ходе судебного процесса и что предъявление их к опознанию в полиции значения для рассмотрения дела не имело. Исходя из этого Комитет делает вывод о том, что оснований для утверждения о несовместимости судебного опознания обвиняемых с их правами по статье 14 Пакта не имеется.

7.3 Что касается других утверждений, касающихся предполагаемого жестокого обращения после задержания, доказательств против обвиняемых и степени доверия, внушаемого свидетелями, то Комитет отмечает, что все эти вопросы рассматривались национальными судами, которые их отклонили. Комитет вновь заявляет, что оценка фактов и доказательств по конкретному делу, а также толкование соответствующих положений внутреннего законодательства находятся в компетенции судов государств-участников, а не Комитета. В распоряжении Комитета нет данных, которые свидетельствовали бы о том, что решения судов были произвольными или что они могли быть уподоблены отказу в правосудии. В этих условиях Комитет делает вывод о том, что представленные ему факты не свидетельствуют о нарушении Пакта в этом отношении.

7.4 Комитет отметил, что в предъявленной от имени г-на Пиандионга, г-на Моральоса и г-на Булана жалобе в национальные суды говорилось о том, что вынесение смертного приговора является нарушением Конституции Филиппин. Хотя в компетенцию Комитета и не входит рассмотрение вопросов конституционности, существо жалобы, по-видимому, вызывает важные вопросы, касающиеся назначения смертной казни г-ну Пиандионгу, г-ну Моральосу и г-ну Булану: является ли вмененное им преступление наиболее тяжким преступлением по смыслу пункта 2 статьи 6, а также соответствует ли введение заново смертной казни в Филиппинах обязательствам государства-участника по пунктам 1, 2 и 6 статьи 6 Пакта. Однако в данном конкретном случае Комитет не считает возможным рассматривать эти вопросы, поскольку ни адвокаты, ни государство-участник не сделали никаких представлений в этом отношении.

8. Руководствуясь пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, Комитет по правам человека делает вывод о том, что он не может установить наличие каких бы то ни было нарушений любой из статей Международного пакта о гражданских и политических правах. Комитет подтверждает свой вывод о том, что государство совершило серьезное нарушение своих обязательств по Протоколу, приведя в исполнение назначенную предполагаемым жертвам смертную казнь до завершения Комитетом рассмотрения сообщения.

[Принято на английском, французском и испанском языках, причем оригиналом является текст на английском языке. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Добавление

Особое мнение г-жи Кристины Шане (частично несогласное)

Я не согласна с мнением Комитета в отношении единственного аспекты его решения, заключающегося в выводе об отсутствии нарушений статьи 14 Пакта.

По моему мнению, в делах о совершении уголовных преступлений, наказуемых смертной казнью, присутствие адвоката должно считаться необходимым на всех этапах производства, независимо от того, требует ли присутствия адвоката обвиняемый и признаются ли рассматривающим дело судом в качестве имеющих доказательственное значение процессуальные действия, осуществляемые в ходе расследования.

Поскольку государство-участник не обеспечило обвиняемым присутствие адвоката во время предъявления их для опознания, по моему мнению, следовало бы сделать вывод о наличии нарушений пунктов 3 b) и 3 d) статьи 14 и статьи 6 Пакта.

(Подпись) Кристина Шане

[Совершено на английском, французском и испанском языках, причем оригиналом является текст на французском языке. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Особое мнение г-жи Элизабет Эват и г-жи Сесилии Медины Кироги (частично несогласное)

Мы не согласны с выводами Комитета относительно предполагаемых нарушений процедуры предъявления для опознания. Авторы выступили с утверждениями, которые ставят под сомнение добросовестность проведенной процедуры, особенно если учесть, что опознание проводилось в отсутствие защитника. Суд останавливался на этих утверждениях, но отклонил их на том основании, что ему нет необходимости полагаться на результаты предъявления к опознанию и что любые связанные с этим проблемы были преодолены в силу опознания обвиняемых свидетелями на судебном процессе. Однако опознание обвиняемых в суде свидетелями, которые принимали участие в предположительно не свободной от нарушений процедуре предъявления к опознанию, само по себе не опровергает наличия процессуальных нарушений, имевших место в ходе предшествующего опознания обвиняемых указанными свидетелями. Суд не привел никаких других оснований для признания этих утверждений недействительными, и, таким образом, возникающие в связи с утверждениями авторов сомнения остаются неразрешенными, и поэтому они должны быть приняты во внимание. В этих обстоятельствах сохраняются серьезные вопросы относительно справедливости судебного разбирательства, что, по нашему мнению, составляет нарушение пункта 1 статьи 14.

(Подпись) Элизабет Эват

(Подпись) Сесилия Медина Кирога

[Совершено на английском, французском и испанском языках, причем оригиналом является текст на французском языке. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Особое мнение г-на Мартина Шейнина (частично несогласное)

Я полностью разделяю основной вывод Комитета по данному делу, а именно, что государство-участник нарушило свои обязательства по Факультативному протоколу, приведя в исполнение смертный приговор трем лицам, от имени которых было представлено сообщение, в то время, когда их дело находилось на рассмотрении Комитета, в условиях игнорирования государством-участником должным образом сообщенной ему просьбы в соответствии с правилом 86 правил процедуры. Кроме того, я согласен с тем, что постановка вопросов, касающихся введения заново смертной казни после ее отмены, а также вопроса о том, являются ли данные преступления "самыми тяжкими преступлениями" по смыслу пункта 2 статьи 6, не была достаточно обоснованной для того, чтобы Комитет мог установить факт нарушения статьи 6 на этих основаниях.

Отличное от мнения Комитета представление складывается у меня в отношении вопроса об отказе в помощи адвоката. По моему мнению, в сообщении содержалось достаточным образом подкрепленное доказательствами утверждение, согласно которому тот факт, что все три обвиняемых лица были лишены помощи адвоката в период до начала фактического слушания дела в суде, представляет собой нарушение статьи 14, а следовательно, и статьи 6 Пакта. Хотя это утверждение фигурирует отдельно от утверждения, связанного с вопросом об опознании двух из обвиняемых, о важности помощи со стороны адвоката на более ранних стадиях производства со всей очевидностью свидетельствует то, каким образом суды рассматривали проблему опознания, когда она наконец была действительно поставлена перед ними.

Как уже подчеркивалось Комитетом в ряде предшествующих дел, согласно Пакту, лица, которым грозит наказание в виде смертной казни, бесспорно, должны иметь возможность пользоваться услугами адвоката на всех стадиях производства (см., например, дело Конрой Леви против Ямайки, сообщение № 179/1996, и дело Кларенс Маршалл против Ямайки, сообщение № 730/1996). Предполагаемые жертвы до начала слушания дела в суде провели в заключении от шести до восьми месяцев. Независимо от отнесения стадий разбирательства, проводившегося до начала рассмотрения дела в суде, к судебным или несудебным и независимо от того, обращались ли обвиняемые с прямыми ходатайствами о предоставлении им защитника, государство-участник было обязано обеспечить им помощь защитника в течение этого периода времени. Факт необеспечения государством-участником помощи адвоката обвиняемым по делу, в результате рассмотрения которого было определено наказание в виде смертной казни, представляет собой нарушение пунктов 3 b) и 3 d) статьи 14, а следовательно, и статьи 6.

(Подпись) Мартин Шейнин

[Совершено на английском, французском и испанском языках, причем оригиналом является текст на английском языке. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

**S. Сообщение № 884/1999, Игнатане против Латвии
(Соображения приняты 25 июля 2001 года, семьдесят вторая сессия)***

Представлено: г-жой Антониной Игнатане (представлена адвокатом,
г-жой Татьяной Жданок)

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Латвия

Дата сообщения: 17 мая 1998 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28
Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 25 июля 2001 года,

завершив рассмотрение сообщения № 884/1999, поданного в Комитет по
правам человека г-жой Антониной Игнатане в соответствии с Факультативным
протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание всю информацию, предоставленную ему автором
сообщения и государством-участником в письменном виде,

принимает следующее:

**Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5
Факультативного протокола**

1.1 Автором сообщения является г-жа Антонина Игнатане, гражданка Латвии
русского происхождения, родившаяся в Риге 21 февраля 1943 года, по
профессии — учительница. Она считает себя жертвой нарушения Латвией
статей 2 и 25 Международного пакта о гражданских и политических правах.
Автора представляет адвокат.

1.2 Международный пакт о гражданских и политических правах вступил в
силу для Латвии 14 июля 1992 года, а Факультативный протокол — 22 сентября
1994 года.

Факты в изложении автора

2.1 Во время событий, о которых идет речь, г-жа Игнатане работала
учительницей в Риге. В 1993 году она сдала аттестационной комиссии экзамен
по латышскому языку и впоследствии получила свидетельство о владении
языком, удостоверяющее третий (высший) уровень знания ею языка.

---

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета:
г-н Прафуллачандра Натварлал Бхагвати, г-жа Кристина Шане, г-н Морис Глеле
Аханханзо, г-н Луис Хенкин, г-н Ахмед Тауфик Халиль, г-н Эккарт Кляйн, г-н Давид
Крецмер, г-н Раджсумер Лаллах, г-н Рафаэль Ривас Посада, сэр Найджел Родли,
г-н Мартин Шейнин, г-н Иван Ширер, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Патрик Велла и
г-н Макссуэлл Ялден.

2.2 В 1997 году автор сообщения зарегистрировалась для участия в местных выборах, намеченных на 9 марта 1997 года, в качестве кандидата по списку Движения за социальную справедливость и равноправие в Латвии. 11 февраля 1997 года ее вычеркнули из этого списка по решению Рижской избирательной комиссии на основании заключения Центра государственного языка (ЦГЯ) о том, что знание ею официального языка не соответствует требуемому уровню.

2.3 17 февраля 1997 года автор обратилась в Центральный районный суд с жалобой на незаконное, по ее мнению, решение Избирательной комиссии. Этот суд автоматически передал дело в Рижский окружной суд, который 25 февраля отклонил жалобу своим решением, которое немедленно вступило в силу.

2.4 Г-жа Игнатане 4 марта 1997 года обратилась с ходатайством об отмене решения от 25 февраля к Председателю Палаты гражданских дел Верховного суда Латвии. Письмом от 8 апреля 1997 года Верховный суд отказал в удовлетворении этого ходатайства.

2.5 Автор сообщения 4 марта 1997 года также обратилась с заявлением в прокуратуру. Рассмотрев это заявление, прокуратура 22 апреля 1997 года уведомила ее о том, что основания для принятия мер по жалобе отсутствуют и что соответствующее решение было принято с должным соблюдением законодательства и не противоречит Международному пакту о гражданских и политических правах.

2.6 Автор представила в Комитет перевод статей 9, 17 и 22 Закона о выборах в городские думы и волостные советы Латвии от 13 января 1994 года. В статье 9 этого Закона перечислены категории лиц, которые не могут баллотироваться на местных выборах. Согласно пункту 7 статьи 9 к участию в выборах допускаются только кандидаты, владеющие государственным языком на третьем (высшем) уровне. Согласно статье 17, кандидат не являющийся выпускником школы с преподаванием на латышском языке, обязан приложить к своей просьбе о регистрации в качестве кандидата копию свидетельства о владении языком на высшем (третьем) уровне. Как пояснила адвокат автора, копия этого свидетельства требуется для того, чтобы ЦГЯ мог проверить его подлинность, а не соответствие действительному положению дел.

2.7 Согласно статье 22 только Избирательная комиссия, осуществляющая регистрацию кандидатов, уполномочена вносить изменения в этот список и лишь только:

- 1) путем вычеркивания кандидата из списка, если: ...
- b) условия, упомянутые в статье 9 настоящего Закона, применимы к кандидату, ... и в случаях, охватываемых пунктом 1 a), b) и c) настоящей статьи, кандидат может быть вычеркнут из списка на основе заключения соответствующего учреждения или по решению суда.

В случае если кандидат: ...

- 8) не отвечает требованиям, соответствующим высшему (третьему) уровню владения государственным языком, этот факт должен подтверждаться заключением ЦГЯ.

2.8 В заключение г-жа Игнатане сообщает о том, что, как заявили представители ЦГЯ во время слушания дела, аттестационная комиссия

министерства просвещения получила жалобы по поводу знания ею латышского языка. Так случилось, отмечает автор, что именно это министерство в 1996 году было замешано в громком скандале вокруг закрытия средней школы № 9 в Риге, где она работала завучем. Школа была русскоязычной, и ее закрытие оказало сильное отрицательное воздействие на положение русскоязычного меньшинства в Латвии.

Жалоба

3. Автор утверждает, что, лишив ее возможности участвовать в местных выборах, Латвия нарушила статьи 2 и 25 Пакта.

Замечания государства-участника

4.1 В своих замечаниях от 28 апреля 2000 года государство-участник оспаривает приемлемость сообщения. Оно утверждает, что автор не исчерпала доступных внутренних средств защиты.

4.2 Государство-участник также отмечает, что автор сообщения не оспаривает выводов Центра государственного языка, согласно которым она не владеет латышским языком в объеме, требующемся для участия в выборах (третья категория), а оспаривает лишь законность решения Избирательной комиссии вычеркнуть ее кандидатуру из списка. Государство-участник считает судебные постановления законными и правомерными и полностью соответствующими законодательству Латвии, в частности пункту 7 статьи 9 и пункту 8 статьи 22 Закона о выборах в городские думы и волостные советы.

4.3 Государство-участник придерживается мнения о том, что положения вышеупомянутого закона соответствуют требованиям Международного пакта о гражданских и политических правах, как они раскрыты в Замечании общего порядка № 25 Комитета по правам человека по поводу статьи 25, где сказано, что "любые обстоятельства, которыми обусловлено осуществление прав, закрепленных в статье 25, должны основываться на объективных и разумных критериях". Согласно государству-участнику, для участия в ведении государственных дел требуется высокий уровень владения государственным языком, и подобное предварительное условие разумно и основано на объективных критериях, которые перечислены в правилах проведения аттестации на знание государственного языка. Государство-участник заявляет, что в соответствии с этими правилами третий уровень знания государственного языка является обязательным для нескольких категорий лиц, включая выборных представителей. Высший (третий) уровень предполагает способность свободно изъясняться на официальном языке, понимать произвольно отобранные тексты и составлять на официальном языке тексты, связанные с выполнением кандидатом своих официальных функций.

4.4 Что касается реального знания автором сообщения государственного языка, то государство-участник ссылается на подробную информацию на этот счет в судебном постановлении, где сказано, что при поступлении жалоб по поводу знания государственного языка проводится экзамен для проверки соответствия фактического уровня знаний уровню, указанному в свидетельстве. В данном конкретном случае, как утверждает государство-участник, в министерство просвещения и науки поступили жалобы по поводу знания латышского языка истцом, но при этом никаких дальнейших сведений

на этот счет или доказательств не представляется. 5 февраля 1997 года был проведен экзамен, который показал, что она не знает языка в объеме, соответствующем третьему уровню. Впоследствии суд ссылаясь на материалы (копию экзаменационной работы с исправлениями), которые ЦГЯ представил в обоснование результатов экзамена на знание латышского языка г-жой Игнатане.

4.5 Результаты этого экзамена послужили основанием для исключения истца из списка кандидатов на выборах в соответствии с законодательством. Законность этого решения была впоследствии подтверждена Верховным судом и Прокуратурой.

4.6 В отношении предположительно имеющего место противоречия между свидетельством, которое имеет автор, и заключениями ЦГЯ государство-участник отмечает, что заключения ЦГЯ касаются только права кандидата участвовать в выборах и никоим образом не предполагают автоматической отмены действия свидетельства и не могут быть использованы в качестве основания для его пересмотра, если этого не пожелает сам держатель такого аттестата.

4.7 Государство-участник утверждает, что автор могла бы предпринять еще два шага. Во-первых, г-жа Игнатане могла бы просить о проведении еще одного экзамена по языку, как это отмечали представители ЦГЯ во время слушаний. Цель такого экзамена заключалась бы в проверке правильности выданного г-же Игнатане аттестата. Во-вторых, автор могла бы возбудить иск на основании несоответствия между ее аттестатом и заключениями ЦГЯ по поводу ее права участвовать в выборах, в результате чего суд был бы обязан назначить еще один экзамен для проверки правильности свидетельства.

4.8 Поскольку автор не воспользовалась ни одной из этих возможностей, государство-участник утверждает, что не все внутренние средства защиты были исчерпаны. Государство-участник также опровергает утверждение о дискриминации автора на основе ее политических убеждений, поскольку все другие включенные в этот же список лица были зарегистрированы в качестве кандидатов на выборах.

Комментарии автора относительно замечаний государства-участника

5.1 В своих комментариях от 22 сентября 2000 года адвокат рассматривает довод государства-участника о том, что г-жа Игнатане не оспаривает выводов Центра государственного языка, согласно которым ее знания не соответствуют высшему уровню владения латышским языком, а оспаривает законность решения Избирательной комиссии вычеркнуть ее из списка кандидатов. Адвокат признает, что г-жа Игнатане, разумеется, оспаривает законность решения Избирательной комиссии, но при этом отмечает, что единственным основанием для этого решения было заключение ЦГЯ о том, что знание ею латышского не соответствует требованиям высшего уровня. Таким образом, по словам адвоката, автор оспаривает законность решения Избирательной комиссии вычеркнуть ее фамилию из списка кандидатов, которое было принято на основании заключения ЦГЯ.

5.2 Адвокат отмечает, что используемая государством-участником формулировка "требуемый третий (высший) уровень для участия в выборах"

может быть неправильно истолкована. Согласно адвокату, законы Латвии о выборах не содержат требования о каком-либо конкретном уровне владения государственным языком только для участия в выборах; положения о трех уровнях для различных постов и профессий предусматриваются лишь правилами установления степени владения государственным языком для трудоустройства, а свидетельство о знании языка на первом, втором или третьем уровне является общим по характеру.

5.3 Что касается утверждения государства-участника, что это законодательство о выборах соответствует требованиям Международного пакта о гражданских и политических правах, как они раскрыты в Замечании общего порядка по статье 25, то адвокат заявляет, что условия, содержащиеся в пункте 7 статьи 9 и пункте 8 статьи 22 Закона, не основаны на объективных и разумных критериях, как того требует Замечание общего порядка Комитета по правам человека в отношении недискриминации.

5.4 Согласно пункту 7 статьи 9 Закона, лица, знание государственного языка которых не отвечает требованиям высшего (третьего) уровня, не могут выдвигаться в качестве кандидатов на выборах местных советов и не могут избираться в эти советы. Согласно пункту 8 статьи 22 кандидат может быть вычеркнут из списка, если, по заключению Центра государственного языка, знание им языка не отвечает требованиям третьего уровня владения государственным языком. Согласно адвокату, на практике это положение может толковаться как угодно и дает возможность для принятия произвольных и ничем не обоснованных решений.

5.5 Затем адвокат переходит к рассмотрению утверждения государства-участника, что, в случае поступления жалоб, кандидату назначается экзамен по языку. Если жалоб не было получено, ЦГЯ представляет заключения по каждому кандидату в форме подтверждения подлинности копии его свидетельства о владении латышским языком. Адвокат считает, что неподтвержденное заявление о получении жалоб на кандидата и результаты последующего экзамена, который был проведен одним единственным экзаменатором — старшим инспектором Инспекции государственного языка — нельзя назвать объективными критериями. Тот объем полномочий, который предоставлен старшему инспектору, несоизмерим с последствиями, которые при этом наступают, т.е. с недопущением кандидата к участию в выборах. Подобный подход к проверке степени знания государственного языка позволяет при желании заблокировать всех кандидатов, представляющих меньшинство.

5.6 Далее адвокат характеризует условия, при которых проводился экзамен. Г-жа Игнатане была в школе, когда урок немецкого языка, который она вела, был прерван и ей предложили выполнить письменное задание по латышскому языку. Экзамен проводился инспектором в присутствии двух свидетелей — преподавателей той же школы. В этих обстоятельствах, как утверждает адвокат, ошибки в правописании и другие ошибки, которые были использованы как основание для вывода о недостаточном знании латышского языка, не должны приниматься во внимание.

5.7 В-третьих, со ссылкой на утверждение государства-участника о том, что для участия в ведении государственных дел требуется высокая степень владения государственным языком и что подобное предварительное условие

является разумным и основывается на объективных критериях, содержащихся в правилах аттестации уровня знания государственного языка, адвокат утверждает, что такое предварительное условие для участия в местных выборах не является разумным. Для кандидатов в целом не предусмотрено никаких других предварительных условий, например в отношении уровня образования или профессиональной квалификации. Тот факт, что единственное предварительное условие касается знания латышского, означает, по мнению адвоката, что право голосовать и быть избранным не уважается и не гарантируется всем без какого-либо различия по признаку языкового статуса. Адвокат утверждает, что приблизительно для 40% населения Латвии латышский не является родным языком.

5.8 Согласно адвокату, такое предварительное условие высокого уровня знания латышского языка для участия в местных выборах не основывается на объективных критериях. Однако это не означает, что автор считает, будто бы критерии правил аттестации уровня знания государственного языка необъективны. Речь идет только о том, что данные критерии не применяются в связи с положением (пункт 8 статьи 22 Закона), согласно которому любой кандидат может быть исключен из списка, если он не удовлетворяет требованиям высшего (третьего) уровня владения латышским языком, и этот факт должен быть удостоверен заключением ЦГЯ. Адвокат утверждает, что, согласно правилам аттестации уровня владения государственным языком, таковой удостоверяется специальной аттестационной комиссией в составе не менее пяти специалистов по языку. Правила содержат подробное описание процедуры экзамена и аттестации, обеспечивая тем самым объективность и достоверность. Свидетельства первого, второго и третьего уровня действительны без ограничений по времени. В соответствии со статьей 17 Закона кандидаты, которые получили аттестат об окончании средней школы, обучение в которой велось не на латышском языке, обязаны представить в избирательную комиссию копию свидетельства третьего уровня. Автор представила копию этого документа в Избирательную комиссию Риги. Адвокат утверждает, что заключение ЦГЯ, выданное на основе внепланового экзамена, проведенного одним единственным инспектором Инспекции государственного языка ввиду жалоб, якобы полученных министерством просвещения, не соответствовало требованиям правил аттестации уровня знания государственного языка. Кроме того, государство-участник само признает, что заключение ЦГЯ касается только вопроса участия в выборах, оно отнюдь не подразумевает автоматического аннулирования этого свидетельства и не может быть использовано в качестве основания для пересмотра его правильности.

5.9 Наконец, в-четвертых, адвокат рассматривает утверждение государства-участника о неисчерпании всех внутренних средств правовой защиты. Адвокат напоминает, что судебное постановление от 25 февраля 1997 года, подтверждающее решение Рижской избирательной комиссии от 11 февраля 1997 года, было окончательным и вступило в силу немедленно. Специальная процедура обжалования таких решений — это именно та процедура, которой воспользовалась автор сообщения.

5.10 Адвокат далее отмечает, что средства правовой защиты должны быть не просто адекватными и достаточными, но они должны практически обеспечивать возможность восстановления того положения, которое является предметом жалобы. Средство защиты, которым воспользовалась автор, а

именно специальная процедура обжалования решения Избирательной комиссии, была единственным способом достичь цели жалобы, т.е. получить возможность участвовать в выборах в Рижскую городскую думу в 1997 году путем восстановления фамилии автора в списке кандидатов.

5.11 Адвокат утверждает, что государство-участник само себе противоречит, когда оно, с одной стороны, заявляет, что не может согласиться с тем, что были исчерпаны внутренние средства защиты, поскольку ни один из двух упомянутых им способов проверки правильности свидетельства автора не был использован, а с другой стороны, говорит, что, согласно сообщению, автор оспаривает законность исключения ее кандидатуры из списка, а не заключение ЦГЯ о несоответствии знания ею латышского языка требуемому третьему уровню. В любом случае каждая из упомянутых государством-участником процедур проверки правильности свидетельства автора занимает по меньшей мере несколько месяцев и поэтому автор не смог бы участвовать в выборах 1997 года. В этой связи адвокат напоминает о том, что решение отстранить автора от участия в выборах было принято за 26 дней до выборов. В этот ограниченный срок автор не мог воспользоваться какими-либо другими средствами правовой защиты.

Обсуждение Комитетом вопросов, касающихся приемлемости

6.1 Прежде чем рассматривать любые утверждения, содержащиеся в сообщении, Комитет по правам человека в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры обязан принять решение о том, является ли оно допустимым в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах.

6.2 Комитет отмечает, что государство-участник оспаривает допустимость сообщения по мотивам неисчерпания внутренних средств правовой защиты на том основании, что автор не протестует против заключения ЦГЯ, согласно которому она не знает языка на необходимом уровне, а оспаривает решение Избирательной комиссии исключить ее фамилию из списка. Комитет не может согласиться с доводом государства-участника, что это служит свидетельством неисчерпания автором доступных средств правовой защиты, поскольку в то время автор располагала действительным, выданным на законных основаниях свидетельством, удостоверяющим, что знание ею официального языка соответствует требуемому стандарту, причем это обстоятельство не оспаривается самим государством-участником.

6.3 Комитет также отмечает доводы адвоката по поводу того, что средства защиты, упомянутые государством-участником, не являются эффективными средствами и что государство-участник не доказало того, что они эффективны, и не оспорило доводов адвоката. Комитет также принимает к сведению замечания адвоката о том, что для использования указанных государством-участником средств защиты в любом случае требуется несколько месяцев и что их задействие все равно означало бы, что автор не сможет участвовать в выборах. Комитет отмечает, что эти замечания адвоката были доведены до сведения государства-участника, но последнее на них не отреагировало. В этих обстоятельствах Комитет не усматривает никаких помех для признания приемлемости этого сообщения.

6.4 Таким образом, Комитет объявляет данное сообщение допустимым и постановляет перейти к рассмотрению дела по существу в соответствии с пунктом 2 статьи 5 Факультативного протокола.

Рассмотрение по существу

7.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, представленной ему в письменном виде сторонами в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

7.2 На рассмотрении Комитета находится следующий вопрос: были ли права автора в соответствии со статьями 2 и 25 нарушены из-за того, что ей не разрешили участвовать в качестве кандидата на местных выборах, состоявшихся в марте 1997 года.

7.3 Согласно государству-участнику, для участия в ведении государственных дел требуется высокий уровень знания государственного языка и поэтому предъявление языковых требований к кандидатам для участия в выборах является разумным и объективным. Комитет отмечает, что статья 25 гарантирует каждому гражданину право и возможность быть избранным на подлинных периодических выборах без какой-либо дискриминации по признакам, упомянутым в статье 2, включая язык.

7.4 Комитет отмечает, что в данном случае единоличное решение инспектора, принятое за несколько дней до выборов и игнорирующее факт наличия свидетельства о владении языком, выданного за несколько лет до этого на неограниченный срок комиссией специалистов по латышскому языку, оказалось достаточным для принятия Избирательной комиссией решения вычеркнуть фамилию автора из списка кандидатов на муниципальных выборах. Комитет отмечает, что государство-участник не оспаривает действительности этого свидетельства применительно к профессиональной деятельности автора, но строит свою аргументацию на результатах оценки инспектором права автора участвовать в выборах. Комитет также отмечает, что государство-участник не оспаривает довода адвоката о том, что законодательство Латвии не предусматривает иных уровней владения официальным языком для участия в выборах и что действуют стандарты и аттестационные требования, используемые в других случаях. В результате переэкзаменовки автор была лишена возможности осуществить свое право на участие в ведении государственных дел в соответствии со статьей 25 Пакта. Комитет отмечает, что первый экзамен в 1993 году был проведен в соответствии с официальными требованиями и был оценен пятью экспертами, в то время как экзамен в 1997 году был проведен на разовой основе и проверен одним экзаменатором. Отказ автору в возможности баллотироваться в силу такой переэкзаменовки, которая не была основана на объективных критериях и в отношении которой государство-участник не привело аргументов, свидетельствующих о том, что она отвечает процедурным требованиям, несовместимым с обязательствами государства-участника по статье 25 Пакта.

7.5 Комитет приходит к заключению о том, что г-же Игнатане был причинен конкретный ущерб запретом участвовать в местных выборах в Риге в 1997 году, поскольку ее вычеркнули из списка кандидатов по причине недостаточного знания официального языка. Комитет по правам человека

считает, что автор сообщения является жертвой нарушения статьи 25 в совокупности со статьей 2 Пакта.

8. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить г-же Игнатане эффективное средство правовой защиты. Оно также обязано принять меры для недопущения в будущем аналогичных нарушений.

9. Учитывая, что, став участником Факультативного протокола, государство-участник признало компетенцию Комитета устанавливать факт нарушения Пакта и что в соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник обязалось обеспечить всем лицам в пределах его территории или под его юрисдикцией права, признанные в Пакте, и обеспечить эффективные средства правовой защиты в случае установления нарушений, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о мерах, принятых для практического осуществления соображений Комитета. Кроме того, он просит государство-участник опубликовать эти соображения Комитета.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является французский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

**Т. Сообщение № 930/2000, Вината против Австралии
(Сообщения приняты 26 июля 2001 года, семьдесят вторая сессия)***

Представлено: г-ном Хендриком Винатой и г-жой Со Лан Ли
(представлены адвокатом г-жой Энн О'Донохью)

Предполагаемые жертвы: авторы сообщения и их сын Барри Вината

Государство-участник: Австралия

Дата сообщения: 11 мая 2000 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 26 июля 2001 года,

завершив рассмотрение сообщения № 930/2000, представленного в Комитет по правам человека г-ном Хендриком Винатой и г-жой Со Лан Ли в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание все письменные материалы, представленные ему авторами сообщения и государством- участником,

принимает следующее:

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Авторами сообщения от 4 мая 2000 года являются Хендрик Вината, родившийся 9 ноября 1954 года, и Со Лан Ли, родившаяся 8 декабря 1957 года; в прошлом они были индонезийскими гражданами, однако в настоящее время являются апатридами; они также выступают от имени своего сына Барри Винаты, родившегося 2 июня 1988 года и являющегося гражданином Австралии. Авторы утверждают, что предлагаемое выселение родителей из Австралии в Индонезию будет представлять собой нарушение государством-участником статьи 17, пункта 1 статьи 23 и пункта 1 статьи 24 Пакта. Их интересы представляет адвокат.

---

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллагандра Натварлал Бхагвати, г-жа Кристина Шане, г-н Морис Глеле Аханханзо, г-н Луис Хенкин, г-н Ахмед Тауфик Халиль, г-н Эккарт Клайн, г-н Давид Крецмер, г-н Раджумер Лаллах, г-н Рафаэль Ривас Посада, сэр Найджел Родли, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойнен, г-н Патрик Велла и г-н Марксуэлл Ялден.

В соответствии со статьей 85 Правил процедуры Комитета г-н Иван Ширер в рассмотрении данного сообщения не участвовал.

В добавлении к настоящему документу приводится текст особого (несогласного) мнения, который подписали следующие члены Комитета: Прафуллагандра Натварлал Бхагвати, Ахмед Тауфик Халиль, Давид Крецмер и Макс Ялден.

Факты в изложении авторов

2.1 24 августа 1985 года и 6 февраля 1987 года г-н Вината и г-жа Ли прибыли в Австралию по туристической и студенческой визам, соответственно. По истечении срока действия их виз, соответственно 9 сентября 1985 года и 30 июня 1988 года, они продолжали проживать в Австралии нелегально. Г-н Вината и г-жа Ли познакомились в Австралии и установили де-факто супружеские отношения; в настоящее время они имеют 13-летнего сына Барри, родившегося 2 июня 1988 года в Австралии.

2.2 2 июня 1998 года в силу своего рождения в стране и проживания в течение десяти лет Барри получил австралийское гражданство. 3 июня 1998 года г-н Вината и г-жа Ли обратились с совместным заявлением о выдаче визы в целях обеспечения защиты в министерство иммиграции и по делам этнических групп (МИДЭГ) на основании того, что они могут быть подвергнуты преследованию в Индонезии из-за своего китайского этнического происхождения и католического вероисповедания. 26 июня 1998 года представитель министерства отказал им в выдаче такой визы.

2.3 15 октября 1998 года¹ представитель г-на Винаты и г-жи Ли в Джакарте обратился в австралийское посольство с просьбой о выдаче им разрешения на пребывание в Австралии на основании "визы, выдаваемой родителям, в соответствии с подпунктом 103". Одним из требований для выдачи такой визы (в настоящее время предоставляется 500 таких виз ежегодно) является факт нахождения просителя за пределами Австралии на момент предоставления визы. По мнению адвоката, г-ну Винате и г-же Ли, судя по всему, пришлось бы ждать несколько лет, прежде чем они смогли бы вернуться в Австралию по родительским визам.

2.4 25 января 2000 года суд по делам, касающимся беженцев (СДБ), оставил в силе постановление МИДЭГ об отказе в выдаче защитной визы. СДБ, изучив права авторов на получение статуса беженцев только в соответствии со статьей 1А(2) Конвенции о статусе беженцев (с внесенными в нее поправками), установил, что, даже если г-н Вината и г-жа Ли могли утратить свое индонезийское гражданство из-за их отсутствия в этой стране в течение столь длительного времени, у них не должно возникнуть особых препятствий для его восстановления². Кроме того, на основании последних сообщений из Индонезии СДБ счел, что, хотя вероятность пострадать в результате религиозного конфликта полностью не исключается, положение в Индонезии улучшается и что возможность какого-либо преследования в данном случае является минимальной. СДБ особо отметил, что его задача ограничивается исключительно рассмотрением вопроса о наличии у беженцев прав на получение защитной визы и что он не может принимать к сведению свидетельства более широкого характера, касающиеся жизни семьи в Австралии.

2.5 Проконсультировавшись у юриста и узнав, что любое ходатайство о судебном пересмотре решения СДБ не имеет перспективы, г-н Вината и г-жа Ли не стали обжаловать это решение. Поскольку установленный законом и составляющий 28 дней непродляемый срок подачи апелляции со дня принятия решения истек, г-н Вината и г-жа Ли не могут воспользоваться этой возможностью.

2.6 20 марта 2000 года³ г-н Вината и г-жа Ли обратились к министру иммиграции и по делам этнических групп с просьбой, чтобы он положительно решил их вопрос, исходя из принципов сочувствия и сострадания⁴ и использовав свое не обеспеченное правовой санкцией право принятия решений по своему усмотрению. В заявлении, в котором, среди прочего, делалась ссылка на статьи 17 и 23 Пакта, приводились "веские аргументы эмоционального характера" и утверждалось, что "если они не будут приняты во внимание, это нанесет непоправимый ущерб и причинит постоянные страдания австралийской семье". К заявлению был приложен текст заключения психиатра на двух с половиной страницах, в котором приводились сведения об авторах и о возможных последствиях их переселения в Индонезию⁵. 6 мая 2000 года министр принял решение не применять своих дискреционных полномочий⁶.

Жалоба

3.1 Авторы утверждают, что их переселение в Индонезию приведет к нарушению предусмотренных в статье 17, в пункте 1 статьи 23 и в пункте 1 статьи 24 прав всех трех предполагаемых жертв.

3.2 Ссылаясь на предусмотренную в статье 17 защиту от произвольного или незаконного вмешательства в семейную жизнь, авторы утверждают, что их фактические отношения признаются австралийским законодательством, включая положения, регулирующие вопросы миграции, и что их отношения будут, несомненно, признаны Австралийских судах. Узы, объединяющие их с Барри, также будут признаны Австралией в качестве "семейных". Опираясь на заключение психиатра, они утверждают, что между ними существует активная и эффективная семейная связь.

3.3 По мнению авторов, выселение, в результате которого родители разлучаются с находящимся у них на иждивении ребенком, что, согласно их утверждению, может произойти в случае, если Барри останется в Австралии, является "вмешательством" в жизнь их семьи. Согласившись с тем, что выселение г-на Винаты и г-жи Ли является законным по внутреннему праву страны в силу Закона о миграции, авторы ссылаются на Замечание общего порядка № 16 Комитета, в котором предусматривается, что любое вмешательство должно также соответствовать положениям, целям и задачам Пакта и являться обоснованным в конкретных обстоятельствах.

3.4 Авторы утверждают, что, если они будут подвергнуты выселению из страны, они смогут избежать расставания с Барри только в том случае, если он вместе с ними уедет из страны и переселится в Индонезию. Однако они утверждают, что Барри полностью интегрирован в австралийское общество, не знает ни индонезийского, ни китайского языков и не имеет культурных связей с Индонезией, поскольку он всегда проживал в Австралии. В заключении психолога говорится, что "Барри является австралийским ребенком китайского происхождения, для которого характерны качества, присущие жителю Западного Сиднея, где проживают представители различных культур, и что в силу сформировавшегося у него на основе наилучших проявлений этой культуры и субкультуры характера в Индонезии он окажется оставленным на произвол судьбы и подвергнется значительному риску". С другой стороны, авторы считают неразумным и крайне опасным разрушать семью и оставлять

Барри на произвол судьбы в Австралии, если они будут вынуждены его там оставить по причине возвращения в Индонезию. Авторы считают, что в любом случае их выселение будет произвольным и необоснованным.

3.5 В своих выводах авторы опираются на правовую практику Европейского суда по правам человека, который в своем толковании аналогичной статьи 8 Европейской конвенции в целом занимает ограничительную позицию по отношению к лицам, желающим переселиться в какую-либо страну в целях "создания семьи", однако проявляет более либеральный подход по отношению к уже находящимся в стране семьям. Авторы настоятельно призывают Комитет занять аналогичную позицию и утверждают, что статья 17 Пакта наделяет авторов большими правами, чем статья 8 Европейской конвенции, поскольку предусмотренное в ней положение не ограничено какими-либо условиями и поэтому право личности на семейную жизнь имеет первостепенное значение и не должно противопоставляться праву любого государства вмешиваться в семейную жизнь.

3.6 В отношении статей 23 и 24 авторы не приводят какой-либо конкретной аргументации, помимо замечания о том, что формулировка статьи 23 является более сильной, чем статьи 12 Европейской конвенции, и что в статье 24 содержатся конкретные положения о защите прав ребенка как такового или как одного из членов семьи.

Замечания государства-участника по вопросу о приемлемости и по существу сообщения

4.1 Государство-участник утверждает, что жалобы авторов являются неприемлемыми, поскольку авторы не исчерпали внутренних средств правовой защиты, что их жалобы не соответствуют положениям Пакта и (отчасти) не являются достаточно обоснованными.

4.2 В отношении средств правовой защиты государство-участник утверждает, что авторами не были исчерпаны три доступных им и эффективных средства. Во-первых, авторы не обратились в Федеральный суд с ходатайством о судебном пересмотре решения СДБ от 25 января 2000 года (с последующей возможностью подачи апелляции), что предусмотрено в Законе о миграции. Хотя к настоящему моменту срок подачи такой апелляции уже истек, государство-участник ссылается на решение Комитета по делу Н.С. против Канады⁷ о том, что неисчерпание какого-либо средства правовой защиты в установленные сроки означает, что имеющиеся внутренние средства правовой защиты исчерпаны не были. Во-вторых, авторы могли бы в порядке использования конституционного средства правовой защиты обратиться в Высокий суд, который мог бы вынести постановление о том, чтобы СДБ пересмотрел данное дело в соответствии с существующим законом в случае установления юридической ошибки. Государство-участник ссылается на правовую практику Комитета, согласно которой сомнения в эффективности средства правовой защиты не лишают авторов возможности их использования. Поскольку авторам не давалось юридической рекомендации о том, что их ходатайство о судебном пересмотре бесперспективно, нет оснований считать, что авторы убедительно доказали, что такие средства были бы неэффективными.

4.3 Наконец, государство-участник отмечает, что авторы обратились за родительскими визами. И, хотя авторам пришлось бы покинуть страну на период оформления виз и ждать своей очереди вместе с другими просителями, период такого ожидания не являлся бы бесконечным. Барри мог бы проживать с авторами в Индонезии и ожидать вместе с ними выдачи виз или продолжать учиться в школе в Австралии.

4.4. Что касается несоответствия сообщения положениям Пакта, то государство-участник считает, что утверждения авторов не имеют отношения к признаваемым Пактом правам. Государство-участник утверждает, что в пункте 1 статьи 12 и в статье 13 Пакта признается право государств-участников регулировать доступ иностранцев на свои территории. Если авторы будут высланы из Австралии, это будет связано с тем фактом, что они нелегально оставались в Австралии по истечении срока действия их виз. Пакт не гарантирует авторам права оставаться в Австралии или создавать там семью после того, как они сознательно и незаконно поселились в Австралии.

4.5 В отношении необоснованности утверждений государство-участник заявляет, что в связи с пунктом 1 статьи 23 и пунктом 1 статьи 24 авторами были представлены недостаточные доказательства в подтверждение их утверждений. Авторы просто утверждают, что государство-участник нарушит эти положения, если заставит их покинуть страну, однако они не приводят никаких подробностей в отношении этих утверждений. Государство-участник заявляет, что сообщение не раскрывает сути этих конкретных утверждений; при этом остается неясным, какое отношение к ним имеют приводимые доказательства. Изложенные факты и аргументация в их подтверждение относятся только к статье 17.

4.6 В отношении существа жалобы по статье 17 государство-участник сразу же приводит свое толкование рамок применения права, содержащегося в этой статье. В отличие от соответствующего положения Европейской конвенции применение статьи 17 не ограничивается "необходимыми" условиями, которые должны быть соблюдены для достижения перечисленных в статье целей, а является более гибким и должно быть прежде всего разумным, но не произвольным для достижения установленной Пактом цели. Государство-участник ссылается на заложенный в Пакте принцип "*travaux préparatoires*", цель которого заключается в том, чтобы не устанавливать излишних ограничений для государств-участников в форме какого-либо перечня исключений из статьи 17, а предоставить им возможность самим определять, каким образом данный принцип должен осуществляться на практике⁸.

4.7 Что касается рассматриваемого дела, то государство-участник, хотя и не возражает против того, чтобы считать авторов "семьей", настаивает на том, что выселение авторов не будет представлять собой "вмешательства" в их семейную жизнь и что в любом случае подобная мера в данных обстоятельствах не будет являться произвольной или неразумной.

4.8 Что касается "вмешательства", то государство-участник утверждает, что в случае, если авторам придется покинуть страну, оно не будет устанавливать никаких препятствий для того, чтобы Барри мог вместе с ними выехать в Индонезию, где семья сможет продолжить совместное проживание. Доказательств того, что они не смогут жить вместе одной семьей, не существует, и СДБ не установил никаких фактов, подтверждающих, что им

угрожает преследование. Хотя государство-участник и признает, что в этом случае Барри придется прервать свое образование, оно утверждает, что это не представляет собой "вмешательства в семейную жизнь"⁹. Оно отмечает, что переезд детей всех возрастов вместе с родителями в другие страны по различным причинам, является обычным явлением.

4.9 Государство-участник отмечает, что, помимо родителей, у Барри нет родственников в Австралии, в то время как в Индонезии у него имеется большое количество близких родственников, с которыми авторы поддерживают отношения и которые могут только укрепить семейную жизнь Барри. Поэтому, по мнению государства-участника, положения Пакта, также как и Европейской конвенции, не должны истолковываться как гарантирующие семейную жизнь в какой-либо конкретной стране, а как обеспечивающее право на эффективную семейную жизнь, независимо от страны проживания.

4.10 С другой стороны, если Барри останется жить в Австралии, семья сможет посещать его и в любом случае поддерживать с ним связь. В такой ситуации находятся многие дети, обучающиеся в школах-интернатах, и подобная разлука не означает разрушения семьи. В любом случае, решение о том, какой из имеющихся вариантов следует избрать, должно быть принято именно самими родителями, а не являться следствием каких-либо действий со стороны государства-участника, равносильных "вмешательству". Кроме того, независимо от того, какое решение будет принято, государство-участник не будет предпринимать каких-либо действий, препятствующих продолжению и развитию семейных отношений.

4.11 Государство-участник утверждает, что, даже если выселение семьи можно было бы считать вмешательством, оно не было бы произвольным. Авторы прибыли в Австралию по краткосрочным визам и отдавали себе полный отчет в том, что им придется покинуть Австралию по истечении срока действия виз. Их выселение будет являться результатом того, что заявители оставались в стране по истечении срока действия их виз, которые, как им было известно, разрешали лишь временное проживание в стране, а они незаконно находились в Австралии в течение более 10 лет¹⁰. Законы, предусматривающие их выселение в данных обстоятельствах, хорошо известны, и их применение является обычной практикой. Действие этих законов, регулирующих процедуру выселения, является ясным и предсказуемым, и они являются разумным и соразмерным средством достижения предусмотренной Пактом законной цели установления контроля над иммиграцией.

4.12 В данных обстоятельствах в момент рождения Барри авторам было известно о наличии риска того, что им не удастся остаться в Австралии и воспитывать там Барри. Авторы не сообщают о каких-либо существенных препятствиях, в силу которых семья не смогла бы обосноваться в Индонезии, и, если они пожелают, они могут восстановить свое индонезийское гражданство. Оба автора окончили школу в Индонезии, говорят, читают и пишут на индонезийском языке, а также работали в Индонезии. Они вместе с другими членами семьи в состоянии воспитывать Барри в стране, язык и культура которой им знакомы. Поскольку Барри достаточно хорошо понимает индонезийский язык, то любые языковые проблемы для него будут относительно незначительными, и, учитывая его юный возраст, их преодоление не составит для него большого труда. Если авторы решат, что ему лучше

остаться в Австралии, он сможет поддерживать контакты с родителями и иметь доступ ко всем видам помощи, предоставляемой детям, разлученным с родителями.

4.13 Еще одним подтверждением обоснованности решения о выселении является тот факт, что ходатайство авторов о предоставлении им защитных виз рассматривалось на основании представленных ими фактов в соответствии с законом, устанавливающим общепринятые и объективные критерии, основанные на международных обязательствах Австралии и подтвержденные в ходе обжалования. Ходатайства авторов о предоставлении им родительских виз будут рассмотрены в установленном порядке в соответствии с законом, и вполне очевидно, что просьба авторов будет рассмотрена вместе с другими аналогичными ходатайствами.

4.14 Государство-участник ссылается на правовую практику Комитета, и в частности на его решения об отсутствии нарушений статьи 17 (или статьи 23) в случаях выселения, когда у авторов имелись семьи в принимавшей их стране¹¹. Кроме того, особое значение приобретает фактор наличия у какого-либо лица *законного* основания рассчитывать на продолжение семейной жизни на территории конкретного государства. Европейский суд, принимая решения по находящимся на его рассмотрении делам, поддерживает проведение такого различия между семьями, проживающими в каком-либо государстве на законных основаниях, и семьями, проживающими незаконно.

4.15 Так, в деле Бугханеми против Франции¹² Европейский суд признал, что высылка заявителя, незаконно проживавшего во Франции, не нарушает статьи 8, несмотря на то, что во Франции у него имелась семья. По делу Круз Варас против Швеции¹³ Суд также признал высылку нелегальных иммигрантов отвечающей положениям статьи 8. В деле Бучелка против Франции¹⁴, в котором истец *незаконно* вернулся во Францию после высылки и создал семью (включая рождение дочери), Суд не обнаружил нарушения статьи 8 в связи с его повторной высылкой. Напротив, в деле Беррехаб против Нидерландов¹⁵ Суд установил, что было допущено нарушение, когда отец малолетнего ребенка был выслан из страны проживания ребенка, в которой отец проживал *законно* в течение ряда лет¹⁶.

4.16 В этой связи, по мнению государства-участника, факт незаконного создания семьи на территории государства является весомым обстоятельством, позволяющим данному государству принимать меры, которые, если бы семья проживала в этом государстве на законных основаниях, могли бы рассматриваться как нарушение статьи 17. Как отметил Европейский суд, статья 8 Европейской конвенции не гарантирует наиболее подходящего места для проживания¹⁷, и супружеская пара не может выбирать место для проживания своей семьи, оставаясь *незаконно* в государстве, в котором она хотела бы создавать свою семью и иметь детей. Из этого следует, что авторы, проживая в Австралии незаконно и полностью осознавая риск того, что им, возможно, не удастся остаться и создать семью в Австралии, не могут рассчитывать на дальнейшее проживание в Австралии, и их выселение не является произвольным и не противоречит статье 17.

4.17 В отношении пункта 1 статьи 23 государство-участник упоминает об основных гарантиях, предусмотренных данной статьей¹⁸. Оно отмечает, что семья является основной ячейкой общества, и ее важность заслуживает

полного и безоговорочного признания, включая наделение родителей правом запрашивать визы, позволяющие им проживать вместе с детьми в Австралии (как это сделали авторы), а также предоставление родителям особых привилегий по сравнению с другими иммигрантами. Статья 23, так же как и статья 17, должна истолковываться с учетом права Австралии, предусмотренного международным правом, принимать разумные меры по контролю за допуском, проживанием и высыланием иностранцев. Поскольку СДБ установил, что авторы не являются беженцами и что реальной угрозы для их проживания в Индонезии нет¹⁹, и поскольку Барри может, по усмотрению родителей, оставаться в Австралии и продолжать образование или вернуться в Индонезию, в случае возвращения авторов существование семьи не окажется под угрозой и ей не будет нанесен ущерб.

4.18 В отношении пункта 1 статьи 24 государство-участник ссылается на ряд законодательных мер и программ, конкретно направленных на защиту детей и оказание помощи детям, относящимся к категории риска²⁰. Выселение авторов из Австралии не является мерой, направленной против Барри, который в качестве австралийского гражданина (только с июня 1998 года) имеет право проживать в Австралии, независимо от того, где живут его родители. Выселение авторов будет следствием скорее их незаконного проживания в Австралии, чем отсутствия достаточных мер для защиты ребенка. Когда Барри родился, авторам было хорошо известно о том, что когда-нибудь им придется вернуться в Индонезию.

4.19 Государство-участник утверждает, что выселение авторов не связано с отказом предоставить надлежащую защиту Барри как несовершеннолетнему, и не причинит ему ущерба. Как представитель министерства иммиграции и по вопросам этнических групп, так и СДБ установили, что опасность преследования авторов в Индонезии является маловероятной и что каких-либо доказательств в подтверждение того, что Барри столкнется с какой-либо значительной опасностью преследования, если он вместе с родителями отправится в Индонезию, представлено не было.

4.20 Ссылаясь на свою аргументацию в отношении статьи 17 по вопросу о "вмешательстве" в семейную жизнь, государство-участник настаивает на отсутствии каких-либо значительных препятствий, мешающих Барри продолжать нормальную жизнь вместе со своей семьей в Индонезии. Государство-участник не согласно с мнением психиатра о том, что, если Барри будет выслан из страны вместе с авторами, он "окажется оставленным на произвол судьбы и подвергнется значительному риску в Индонезии". Оно утверждает, что, хотя нарушение привычной жизни Барри в связи с переездом в Индонезию может в первое время вызвать у него определенные трудности благодаря своему возрасту, знакомству с различными культурами²¹ и знанию индонезийского языка он скорее всего быстро адаптируется к новой среде. Барри может продолжать хорошо учиться в Индонезии, находясь в физическом и эмоциональном контакте с авторами (которые родились, выросли и прожили большую часть жизни в этой стране) и с другими близкими родственниками; с другой стороны, если он того пожелает, то как австралийский гражданин он может также закончить среднюю школу и получить высшее образование в Австралии. Даже если он расстанется с авторами, в этом не будет ничего необычного, поскольку многие дети в период обучения в старших классах и получения высшего образования проживают отдельно от родителей, а учеба в

школах и университетах Австралии является обычным явлением для детей и молодежи из стран Юго-Восточной Азии. Как гражданин Австралии, согласно австралийскому закону, он будет иметь право на максимально возможную защиту и будет получать такую же защиту, которая предоставляется другим австралийским детям, проживающим в Австралии без родителей.

Комментарии авторов в связи с замечаниями государства-участника

5.1 Что касается приемлемости сообщения, то авторы оспаривают утверждения государства-участника относительно исчерпания внутренних средств правовой защиты, несоответствия Пакту и недостаточности обоснования.

5.2 Что касается внутренних средств правовой защиты, то авторы считают, что требование об исчерпании внутренних средств правовой защиты означает, что *данная жалоба* была представлена на рассмотрение имеющихся государственных органов прежде, чем она была представлена на рассмотрение Комитета. Правовые средства, на наличии которых настаивает государство-участник, касаются процедуры предоставления статуса беженца и оценки опасности возможного преследования. Вместе с тем настоящая жалоба не связана с вопросами беженцев, ее предметом является вмешательство в семейную жизнь в виде выселения авторов. В этой связи авторы считают, что им не может быть предъявлено требование о том, чтобы они ходатайствовали о получении статуса беженцев, если их жалоба касается единства семьи.

5.3 В отношении совместного прошения о предоставлении родительской визы авторы отмечают, что на период решения их вопроса им пришлось бы покинуть Австралию, и даже в случае успешного решения потребовалось бы несколько лет, прежде чем они смогли бы вернуться в Австралию. В любом случае статистика министерства иммиграции показывает, что с 1 сентября 2000 года по 28 февраля 2001 года австралийскими представителями в Джакарте не было выдано ни одной родительской визы и что процедура оформления подобных виз во всем мире в среднем занимает почти четыре года. Учитывая текущие политические споры в отношении подобных виз, такие задержки, по признанию самого государства-участника, увеличатся²². По мнению авторов, подобные задержки являются явно неприемлемыми и необоснованными.

5.4 В отношении утверждения государства-участника о том, что жалоба авторов не совместима с положениями Пакта, и, в частности, с пунктом 1 статьи 12 и статьей 13, авторы ссылаются на сформулированное Комитетом Замечание общего порядка № 15. В нем указано, что, хотя в Пакте не признается право иностранцев въезжать на территорию государства-участника или проживать на ней, иностранец может пользоваться защитой Пакта даже в отношении въезда и проживания, когда возникают, в частности, вопросы уважения права на семейную жизнь. Авторы считают, что статья 13 не имеет отношения к данному контексту.

5.5 Авторы возражают против аргумента государства-участника о том, что утверждения о нарушении пункта 1 статьи 23 и пункта 1 статьи 24 являются необоснованными. Авторы указывают, что факты, приведенные в подтверждение их жалобы, имеют отношение к этим положениям в дополнение к статье 17, и утверждают, что нарушение статьи 17 также может

рассматриваться как нарушение основных гарантий, содержащихся в статьях 23 и 24.

5.6 В отношении вопросов существования авторы касаются первоначального представления государства-участника, в котором говорится, что в случае их выселения Барри вполне мог бы вернуться в Индонезию и жить вместе с ними. Авторы считают, что это не соответствует имеющемуся заключению психолога, которое было представлено министру и прилагается к настоящему сообщению. Кроме того, авторы утверждают, что предложение о том, чтобы Барри оставался (без надзора) в Австралии до решения вопроса об их возвращении, является практически нереальным и не отвечает наилучшим интересам Барри. У авторов нет таких финансовых средств, чтобы оплатить обучение Барри в школе-интернате, а также нет никого, кто мог бы взять на себя заботу о Барри на период их отсутствия.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

6.1 Прежде чем рассматривать какие-либо утверждения, содержащиеся в сообщении, Комитет должен в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры принять решение о том, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

6.2 В отношении аргументов, приведенных государством-участником в подтверждение того, что внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны, Комитет отмечает, что оба предлагаемых вида обжалования решения СДБ являются дальнейшими шагами в соответствии с процедурой определения статуса беженца. В то же время находящаяся на рассмотрении Комитета жалоба не связана с первоначальным обращением авторов за получением статуса беженца, а касается их отдельной и явной просьбы получить разрешение остаться в Австралии по семейным обстоятельствам. Государство-участник не представило Комитету какой-либо информации о существующих средствах правовой защиты для обжалования решения министра, запрещающего им пребывание в Австралии по этим обстоятельствам. Рассмотрение ходатайства авторов о выдаче им родительских виз, которое связано с необходимостью их выезда из Австралии на значительный период времени, не может рассматриваться как имеющееся средство правовой защиты в отношении решения министра. Поэтому Комитет не может согласиться с аргументом государства-участника о том, что сообщение является неприемлемым, поскольку не были исчерпаны внутренние средства правовой защиты.

6.3 В отношении утверждения государства-участника о том, что представленная жалоба по существу является претензией на проживание в стране незаконно находящихся в ней иностранцев и таким образом является несовместимой с положениями Пакта, Комитет отмечает, что авторы не настаивают на том, что они имеют право на проживание в Австралии, а утверждают, что действия государства-участника направлены на их выселение из страны и будут представлять собой произвольное вмешательство в их семейную жизнь. Хотя иностранцы, как таковые, возможно, не имеют права проживать на территории государства-участника, государство-участники обязаны соблюдать и обеспечивать все права, предусмотренные в Пакте. Утверждение о том, что действия государства-участника будут представлять

собой произвольное вмешательство в семейную жизнь авторов, имеет отношение к утверждаемому нарушению одного из прав, гарантируемых всем лицам в соответствии с Пактом. Авторы достаточно полно обосновали эту жалобу, чтобы считать ее приемлемой, и она должна быть рассмотрена по существу.

6.4 В отношении утверждений государства-участника о том, что предполагаемые нарушения пункта 1 статьи 23 и пункта 1 статьи 24 не были подтверждены достаточными обоснованиями, Комитет считает, что представленные факты и аргументы касаются вопросов, связанных с вышеуказанными положениями Пакта. Комитет считает целесообразным рассмотреть эти связанные между собой положения в совокупности на стадии рассмотрения жалобы по существу. Поэтому жалобы по этим разделам Пакта он считает обоснованными для целей приемлемости.

6.5 Исходя из этого, Комитет считает, что сообщение в представленном виде является приемлемым и незамедлительно приступает к рассмотрению существа дела. Комитет рассмотрел сообщение с учетом всей информации, представленной ему сторонами, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

7.1 Что касается заявления о нарушении статьи 17, то Комитет принимает к сведению приведенные государством-участником аргументы о том, что какое-либо "вмешательство" отсутствует, поскольку решение о том, уедет ли Барри со своими родителями в Индонезию или останется в Австралии, в случае чего ему придется расстаться с родителями, принимается только семьей, а не в результате действий государства. Комитет отмечает, что, действительно, могут быть случаи, когда отказ государства-участника разрешить одному из членов семьи оставаться на его территории, будет представлять собой вмешательство в семейную жизнь данного лица. Однако факт наличия у одного из членов семьи *права* оставаться на территории государства-участника совсем не означает, что требование о том, чтобы другие члены семьи покинули страну, представляет собой подобное вмешательство.

7.2 В данном случае Комитет считает, что решение государства-участника о высылке обоих родителей, в результате которого семья вынуждена выбирать между тем, чтобы оставить в государстве-участнике 13-летнего ребенка, который получил его гражданство после десятилетнего проживания, и тем, чтобы взять его с собой, следует рассматривать как "вмешательство" в семейную жизнь, по крайней мере, учитывая обстоятельства, при которых, как в данном случае, любое из решений повлечет за собой значительные изменения в давно установившемся порядке семейной жизни. В этой связи встает вопрос о том, является ли такое вмешательство произвольным и нарушающим статью 17 Пакта.

7.3 В соответствии с Пактом государство-участник безусловно имеет неоспоримое право требовать на основании своего законодательства, чтобы лица, находящиеся на его территории после истечения срока разрешенного пребывания, покинули страну. Неоспоримым также является и то, что факт рождения ребенка или приобретения таким ребенком, согласно действующему законодательству, гражданства при рождении или позднее сам по себе является достаточным, для того чтобы предлагаемая высылка одного или обоих родителей считалась произвольной. Таким образом, у государства-участника

имеются достаточные возможности для того, чтобы осуществлять свою иммиграционную политику и потребовать, чтобы нелегально проживающие лица покинули его территорию. Однако это дискреционное право не является неограниченным и в определенных случаях его осуществление может рассматриваться как произвольное. В данном случае оба автора прожили в Австралии более 14 лет. Сын авторов проживает в Австралии в течение 13 лет, с момента своего рождения, и, как и другие дети, он посещал австралийские школы и устанавливал соответствующие социальные связи. Учитывая продолжительность такого периода времени, государству-участнику надлежит указать дополнительные обстоятельства, оправдывающие решение о высылке обоих родителей, помимо соблюдения своего иммиграционного законодательства, для того чтобы его действия не квалифицировались как произвольные. Поэтому Комитет считает, что высылка авторов государством-участником будет представлять собой, в случае ее осуществления, произвольное вмешательство в семейную жизнь и нарушение пункта 1 статьи 17 в совокупности со статьей 23 Пакта в отношении всех предполагаемых жертв, а также нарушение пункта 1 статьи 24 в отношении Барри Винаты в результате отказа предоставить ему как несовершеннолетнему надлежащие меры защиты.

8. Руководствуясь пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, Комитет по правам человека считает, что высылка авторов государством-участником, в случае ее осуществления, повлечет за собой нарушение статьи 17, пункта 1 статьи 23 и пункта 1 статьи 24 Пакта.

9. В соответствии с положениями пункта 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить авторам эффективные средства правовой защиты и в том числе воздержаться от выселения авторов из Австралии, пока им не будет предоставлена возможность рассмотрения их заявления о получении визы на пребывание в стране в качестве родителей ребенка при уделении должного внимания вопросу о защите интересов Барри Винаты как несовершеннолетнего. Государство-участник обязано принять меры для предотвращения аналогичных нарушений Пакта в будущем.

10. С учетом того, что став участником Факультативного протокола, государство-участник признало компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение положений Пакта, и что в соответствии со статьей 2 Пакта государство обязалось обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, а также предоставлять им эффективные и приемлемые средства правовой защиты в случае выявления какого-либо нарушения этих положений, Комитет хотел бы получить от государства-участника в 90-дневный срок информацию о принятых мерах по выполнению рекомендаций, изложенных в сообщениях Комитета.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Примечания

- ¹ Согласно хронологии государства-участника, датой этого события является 20 октября 1998 года.
- ² Авторы не оспаривают, что восстановление индонезийского гражданства не будет связано с какими-либо проблемами.
- ³ Согласно хронологии государства-участника, датой этого события является 20 октября 1998 года.
- ⁴ Согласно статье 417 Закона о миграции, министр может заменить решение СДБ на более благоприятное, если он сочтет, что это соответствует общественным интересам.
- ⁵ В заключении по вопросу о проживании семьи в Австралии, которое хранится в секретариате, указано, что i) Барри имеет нормальное воспитание и образование, у него есть "несколько достаточно близких друзей", он понимает индонезийский язык (но, по-видимому, не говорит на нем) и что ii) в семье существуют прочные и тесные связи в соответствии с китайской традицией, при этом семья является открытой и поддерживает дружественные связи с представителями других культур, возникшие в результате ее трудовой деятельности, церковной и общественной жизни. Кроме того, в заключении упоминаются проблемы беженцев, касающиеся истории данной семьи, которые не затрагиваются в представленном сообщении.
- ⁶ Авторы были официально поставлены в известность о решении министра 17 мая 2000 года, после того, как сообщение было представлено Комитету 11 мая 2000 года.
- ⁷ Сообщение 26/1978, признанное неприемлемым 28 июля 1978 года.
- ⁸ Bossuyt, *Guide to the "Travaux Préparatoires" of the International Covenant on Civil and Political Rights* (1987), at 347.
- ⁹ Государство-участник ссылается на решение Европейской комиссии по правам человека по делу *Family X v. United Kingdoms* (Decisions and Reports of the European Commission of Human Rights 30 (1983)), которая постановила, что, если в результате высылки родителей сын не сможет продолжать обучение в Соединенном Королевстве, это не является вмешательством в семейную жизнь и нарушением права на уважение семейной жизни.
- ¹⁰ Данный 10-летний период не включает срока, в течение которого авторам было разрешено находиться в Австралии для решения вопроса о легализации их статуса.
- ¹¹ Стюарт против Канады (сообщение 538/1993) и Канепа против Канады (сообщение 558/1993).
- ¹² (1996) 22 EHRR 228.
- ¹³ Решение от 20 марта 1991 года (дело 46/1990/237/307).
- ¹⁴ Решение от 27 января 1997 года.
- ¹⁵ (1998) 11 EHRR 322.
- ¹⁶ Государство-участник отмечает, что в этом случае, в отличие от обстоятельств рассматриваемого дела, в результате предложенного решения *родителям* ребенка пришлось бы проживать в двух разных странах.
- ¹⁷ Ahmut v. The Netherlands (Application No. 21702/93, judgment of 28 November 1996).
- ¹⁸ Nowak, *United Nations Covenant on Civil and Political Rights: CCPR Commentary*, NP Engel (1993) at 460.
- ¹⁹ По сообщению государства-участника, ходатайство о получении статуса беженца свидетельствует о том, что г-н Вината никогда не подвергался аресту, задержанию, тюремному заключению, допросу или жестокому обращению в Индонезии, а его имуществу не наносился ущерб.

²⁰ См. пункты 323-332 и 1193 *Третьего периодического доклада Австралии в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах*.

²¹ Государство-участник ссылается на заключение психиатра, в котором Барри характеризуется как "австралийский ребенок китайского происхождения, знакомый с различными культурами".

²² Авторы представили копию информационного сообщения по данному вопросу министра иммиграции и по делам этнических групп от 11 октября 2000 года.

Добавление

Особое (несогласное) мнение членов Комитета Плафуллачандры Натварлала Бхагвати, Тауфика Халиля, Давида Крецмера и Макса Ялдена

1. Вопрос данного сообщения состоит не в том, вызывает ли случай авторов и их сына сочувствие, и не в том, считают ли члены Комитета, что государство-участник сделало бы благородный жест, разрешив им остаться на своей территории, вопрос заключается только в том, обязано ли государство-участник в соответствии с положениями Международного пакта о гражданских и политических правах воздержаться от предъявления к авторам требования о том, чтобы они покинули Австралию. Мы не можем согласиться с мнением Комитета о том, что ответ на этот вопрос должен быть положительным.

2. Комитет основывает свои Соображения на трех статьях Пакта: на пункте 1 статьи 17 в совокупности со статьями 23 и 24. Авторы не приводят никакой информации о мерах защиты, которые государство-участник должно будет им предоставить в целях соблюдения его обязательств в соответствии с последней статьей. Многие семьи по всему миру переезжают из одной страны в другую, даже если у них есть дети школьного возраста, которые успешно интегрировались в школьную среду какой-либо страны. Обязаны ли государства-участники принимать меры по защите детей против подобных действий со стороны их родителей? На наш взгляд, расплывчатое оценочное суждение о том, что ребенку было бы лучше, если бы какие-либо действия не предпринимались, не является достаточным основанием в подтверждение заявления о том, что государство-участник не предоставило данному ребенку надлежащих мер защиты, предусмотренных в соответствии со статьей 24. В этой связи мы считаем, что авторам не удалось обосновать для целей приемлемости свою жалобу о нарушении статьи 24 и что поэтому эту часть сообщения следует признать неприемлемой согласно статье 2 Факультативного протокола.

3. В отношении утверждения о нарушении статьи 17 у нас есть серьезные сомнения по поводу того, что решение государства-участника, обязывающее авторов покинуть его территорию, представляет собой вмешательство в их семейную жизнь. В данном случае решение государства-участника не приводит к неизбежному разлучению членов семьи, которое можно, безусловно, рассматривать, как вмешательство в семейную жизнь²². Комитет квалифицирует данную ситуацию как "значительные изменения в давно установившемся порядке семейной жизни". Хотя такое понятие действительно существует в правовой практике Европейского суда по правам человека²², Комитет не изучил вопрос о том, является ли эта концепция уместной в контексте статьи 17 Пакта, которая скорее касается вмешательства в семейную жизнь, чем уважения семейной жизни, упоминаемого в статье 8 Европейской конвенции. Поэтому совсем неочевидным является тот факт, что действия государства-участника, в результате которых происходят изменения в давно установившемся порядке семейной жизни, являются вмешательством в семейную жизнь, если при этом отсутствуют какие-либо препятствия для сохранения единства семьи. Вместе с тем мы не видим необходимости выражать окончательное мнение по данному вопросу в отношении представленного сообщения, поскольку даже если признать, что

вмешательство в семейную жизнь авторов имело место, мы считаем, что нет оснований утверждать, что решение государства-участника было произвольным.

4. Комитет не приводит какого-либо подтверждения или обоснования в отношении своего заявления о том, что государству-участнику надлежит указать дополнительные обстоятельства, помимо соблюдения своего иммиграционного законодательства, для того чтобы его действия не квалифицировались как произвольные. Действительно, в определенных исключительных случаях вмешательство в жизнь семьи может быть настолько сильным, что требование государства-участника о том, чтобы один из членов семьи, находящийся на его территории незаконно, будет несоразмерным заинтересованности государства-участника в обеспечении соблюдения его иммиграционного законодательства. В таких случаях подобное решение, обязывающее данного члена семьи покинуть страну, может быть квалифицировано как произвольное. Однако мы не можем согласиться с тем, что если лицо, незаконно находящееся на территории государства-участника, создало там семью, то в этом случае государству-участнику "надлежит указать дополнительные обстоятельства, оправдывающие депортацию обоих родителей, помимо соблюдения своего иммиграционного законодательства, для того чтобы его действия не квалифицировались как произвольные". Последствием данной интерпретации, утвержденной Комитетом, может стать такое положение, при котором, если лицо, незаконно проживающее на территории государства-участника, создает семью и если ему удастся оставаться необнаруженным в течение достаточно длительного времени, оно фактически приобретает право оставаться в стране. Нам кажется, что подобная интерпретация не соответствует распространенным нормам международного права, позволяющим государствам регулировать доступ иностранцев и их пребывание на своей территории.

5. Как отмечалось выше, решение государства-участника никоим образом не принуждает членов семьи к раздельному проживанию. И хотя сыну авторов, возможно, действительно придется столкнуться с проблемами адаптации, если авторам придется вернуться в Индонезию, эти проблемы не являются таковыми, чтобы решение государства-участника о том, чтобы авторы покинули его территорию, являлось несоразмерным по отношению к его законной заинтересованности в соблюдении иммиграционного законодательства государства-участника. Такое решение нельзя расценивать как произвольное, и поэтому мы не можем согласиться с мнением Комитета, о том что государство-участник нарушило права авторов и их сына, предусмотренные в соответствии со статьей 17 и 23 Пакта.

6. Прежде чем завершить изложение настоящего мнения, мы хотели бы также отметить, что, помимо устранения достаточно ясного смысла, содержащегося в понятиях "произвольное" и "вмешательство в семейную жизнь", используемых в статье 17, на наш взгляд, подход Комитета к этим понятиям имеет неблагоприятные последствия. Во-первых, он наказывает те государства-участники, которые не занимаются активным поиском нелегальных иммигрантов, с тем чтобы заставить их покинуть территорию, а предпочитают полагаться на ответственное отношение самих посетителей к вопросу о соблюдении их законов и условий, регулирующих выдачу разрешений на въезд в страну. Кроме того, такой подход подвергает наказанию

те государства-участники, которые не требуют, чтобы все имели при себе удостоверение личности и подтверждали свой статус при каждом контакте с представителями власти, так как иностранцы, находящиеся в стране по ограниченным визам, могут достаточно легко оставаться необнаруженными в течение длительных периодов времени на территории таких государств-участников. Во-вторых, такой подход Комитета может предоставить незаслуженное преимущество лицам, игнорирующим иммиграционные требования государства-участника и предпочитающим оставаться незаконно на его территории, вместо того чтобы воспользоваться процедурами, предусмотренными для потенциальных иммигрантов в соответствии с законами государства-участника. Такое преимущество может привести к возникновению особенно острых проблем, в том случае если государство-участник проводит политику ограничения иммиграции на основе установления определенной квоты иммигрантов, допускаемых на его территорию в течение какого-либо конкретного года, поскольку он позволяет потенциальным иммигрантам обойти установленную очередность за счет незаконного пребывания на территории государства-участника.

(Подпись) Прафуллагандра Натварлал Бхагвати

(Подпись) Ахмед Тофик Халил

(Подпись) Давид Крецмер

(Подпись) Макс Ялден

[Совершено на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Приложение XI

Решения Комитета по правам человека, объявляющие сообщения неприемлемыми в соответствии с Факультативным протоколом к международному пакту о гражданских и политических правах

A. Сообщение № 762/1997, Дженсен против Австралии (Решение принято 22 марта 2001 года, семьдесят первая сессия)*

Представлено: г-ном Майклом Дженсеном
Предполагаемая жертва: автор сообщения
Государство-участник: Австралия
Дата сообщения: 2 апреля 1996 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

На своем заседании 22 марта 2001 года,

принимает следующее:

Решение по вопросу о приемлемости

1. Автором сообщения, первоначально датированного 2 апреля 1996 года, является Майкл Дженсен, австралийский гражданин, родившийся 26 ноября 1947 года. В настоящее время он содержится в тюрьме "Карнет Призон Фарм", Западная Австралия. Он утверждает, что является жертвой нарушения Австралией пунктов 3 а) и с) статьи 2, статьи 7, пунктов 1, 2 и 3 статьи 9, пунктов 1 и 3 статьи 10, пунктов 3 а) и с) статьи 14 и пункта 1 статьи 15 Пакта. Адвокатом автор не представлен.

Факты в изложении автора

2.1 29 августа 1990 года автор был осужден Верховным судом штата Западная Австралия за изнасилование и сексуальные посягательства в отношении психически больной пациентки, находящейся на его попечении в психиатрической больнице в Западной Австралии в 1989 году (преступления в Западной Австралии). Он был приговорен к девяти годам тюремного заключения. Его дело могло быть рассмотрено на предмет его возможного условно-досрочного освобождения не ранее 30 ноября 1994 года.

---

* В рассмотрении данного сообщения принимали участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисукэ Андо, г-н Прафулладандра Натварлал Бхавгати, г-жа Кристина Шане, г-н Луис Хенкин, г-н Эккарт Кляйн, г-н Давид Крецмер, г-н Раджсумер Лаллах, г-н Рафаэль Ривас Посада, сэр Найджел Родли, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Ахмед Тауфик Халиль, г-н Патрик Велла и г-н Максвелл Ялден. В соответствии с правилом 85 правил процедуры Комитета г-н Иван Ширер не участвовал в рассмотрении этого дела.

2.2 В ходе расследования этих преступлений полиция обнаружила в доме автора видеокассету и фотографии, на которых были запечатлены сцены других преступлений, состоящих в изнасиловании и десяти случаях непристойных действий в отношении семилетней девочки, а также трех случаях непристойных действий в отношении ее десятилетней сестры, совершенных автором в штате Квинсленд в 1985 году (квинслендские преступления). Автор заявляет, что в то время мать этих несовершеннолетних знала о таком поведении, но впоследствии отказалась выдвинуть обвинения против него, поскольку он переехал в Западную Австралию.

2.3 31 июля 1990 года, когда автор по-прежнему находился в ожидании суда за преступления в Западной Австралии, полиция пыталась допросить автора по поводу видеокассеты и фотографий со сценами квинслендских преступлений. Полицейские информировали автора о содержании видеокассеты, о личности жертв и о том, что в полицию поступила жалоба. По совету своего адвоката, автор отказался отвечать на вопросы. В ходе опроса полицейские заявили автору, что по его освобождению из тюрьмы будет подано ходатайство о его выдаче в Квинсленд.

2.4 На сессии суда Западной Австралии по вопросу о порядке исполнения приговора, состоявшемся в октябре 1990 года, автору в ответ на его вопрос было сообщено, что ни в одном штате Австралии не выдавалось ордеров на его арест. 6 марта 1991 года окружной суд города Перт приговорил автора к одному году тюремного заключения, подлежащему отбыванию совокупно с его девятилетним заключением за четыре преступления, состоящие в проникновении со взломом в ряд полицейских участков в Западной Австралии в попытке изъять или уничтожить видеокассету и фотографии со сценами квинслендских преступлений.

2.5 В сентябре 1991 года на другой сессии суда Западной Австралии по вопросу о порядке исполнения приговора автору в ответ на его повторный вопрос было вновь сказано, что ни в одном штате Австралии нет никаких ордеров на его арест. 14 октября 1992 года автору показали копию письма от 13 августа 1992 года, адресованного полицией штата Квинсленд в департамент пенитенциарных служб в Перте, в котором было указано, что властями выдан ордер на арест автора по обвинению в изнасиловании, совершенном в Квинсленде в 1985 году. В письме также указывалось, что по освобождении автора из тюрьмы будет возбуждена процедура экстрадиции. Ордер, подготовленный в августе 1992 года, по оплошности не был подписан, и поэтому с юридической точки зрения он был недействителен.

2.6 Адвокат автора запросил копию ордера и полное изложение всех обвинений против автора. В январе была представлена копия должным образом оформленного ордера от 7 января 1993 года на арест автора по обвинению в изнасиловании несовершеннолетней, совершенном в Квинсленде в 1985 году. В ордере не было изложено никаких фактических обстоятельств, равно как и не упоминалось о каких-либо иных преступлениях.

2.7 5 апреля 1993 года автор обратился к компетентным властям с письменным ходатайством о переводе его в штат Квинсленд для того, чтобы он мог предстать перед судом по квинслендскому обвинению. 23 августа 1993 года автор приступил к прохождению программы лечения лиц, совершивших половые преступления, в Западной Австралии. 14 марта и 15 июня 1994 года

соответствующие власти в Западной Австралии и Квинсленде утвердили перевод автора в Квинсленд. 30 июня 1994 года автор завершил прохождение программы лечения.

2.8 15 сентября 1994 года суд упрощенной юрисдикции города Фримантл распорядился о переводе автора в Квинсленд. Статутный период для пересмотра этого решения истекал 29 сентября 1994 года. На следующий день, 30 сентября 1994 года, автор официально выразил намерение отозвать свое ходатайство о переводе в другой штат по причине задержки. 17 октября 1994 года автор был доставлен в Квинсленд и по прибытии подвергнут аресту по обвинению в изнасиловании несовершеннолетней и 13 другим обвинениям в совершении непристойных действий. 18 октября автор был доставлен в магистратский суд города Брисбен в связи с обвинениями, предъявленными ему накануне, и производство по делу было отложено в связи с назначенным на 1 декабря 1994 года рассмотрением вопроса о предании суду.

2.9 1 декабря 1994 года автор предстал перед магистратским судом Брисбена, и было принято решение о привлечении его к суду в связи с обвинениями, предъявленными ему 17 октября 1994 года. 8 мая 1995 года в окружном суде Брисбена автор признал себя виновным по одному пункту обвинения, касающемуся изнасилования, и по 13 пунктам, касающимся непристойных действий при отягчающих обстоятельствах. 7 июля 1995 года автор был приговорен к пяти годам тюремного заключения за изнасилование, 18 месяцам тюремного заключения за каждый из шести случаев непристойных действий и девяти месяцам тюремного заключения за каждый из семи других случаев непристойных действий, причем все эти сроки подлежали отбыванию одновременно. Окружной суд рекомендовал, чтобы дело автора могло быть пересмотрено на предмет условно-досрочного освобождения по истечении двух лет тюремного заключения. Срок тюремного заключения начинался сразу же.

2.10 20 июля 1995 года автор подал письменное ходатайство о переводе его обратно в Западную Австралию, с тем чтобы он мог находиться ближе к своей семье. Ввиду наличия поданной и находившейся в процессе рассмотрения апелляции стороны обвинения на приговор, в частности по причине его явной неадекватности, это ходатайство не могло быть рассмотрено. 2 апреля 1996 года автор представил свое сообщение в Комитет по правам человека. 11 июня 1996 года апелляционный суд Квинсленда увеличил наказание по пункту обвинения, касающемуся изнасилования, до 11 лет, оставив без изменений остальные одновременные наказания за непристойные действия. Пересмотренный срок исчислялся ретроактивно с 7 июля 1995 года, и соответственно пятилетнее тюремное заключение по приговорам, вынесенным первоначально за преступления в Западной Австралии, он отбывал бы одновременно. Суд рекомендовал, чтобы дело автора было рассмотрено на предмет условно-досрочного освобождения после 29 августа 1998 года.

2.11 12 июня 1996 года автор вновь подал письменное ходатайство о переводе его обратно в Западную Австралию по гуманитарным соображениям. 13 августа 1996 года автор начал проходить в Квинсленде курс лечения лиц, совершивших половые преступления. 7 октября 1997 года автор завершил прохождение квинслендского курса лечения и получил необходимое

разрешение на перевод в другой штат. 23 апреля 1998 года автор был переведен из тюрьмы Квинсленда в тюрьму в Западной Австралии.

2.12 31 июля и 18 августа 1998 года Западноавстралийский совет по рассмотрению вопросов об условно-досрочном освобождении отложил рассмотрение дела автора, с тем чтобы получить дополнительную информацию. 11 сентября 1998 года Совет по рассмотрению вопросов об условно-досрочном освобождении отказал в условно-досрочном освобождении автора по причине риска рецидива в связи с хроникой тяжких половых преступлений и ограниченной результативностью прохождения курсов, предназначенных для лечения лиц, совершивших половые преступления. 13 ноября 1998 года, после получения дополнительного заключения психологической экспертизы, и затем 8 апреля 1999 года и 28 апреля 2000 года Совет по рассмотрению вопросов об условно-досрочном освобождении вновь рассмотрел ходатайство автора о его условно-досрочном освобождении, но отклонил его. В настоящее время автор остается под стражей, и в апреле 2001 года Совет по рассмотрению вопросов об условно-досрочном освобождении должен вновь рассматривать его дело.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что в нарушение пунктов 3 а) и с) статьи 2 ему было отказано в эффективном средстве правовой защиты от нарушений, которым он якобы подвергся, и заявляет, в частности, что эффективность пройденных им курсов лечения была оценена и представлена ненадлежащим образом, в результате чего Совет по рассмотрению вопросов об условно-досрочном освобождении отклонил его ходатайство.

3.2 Автор утверждает, что задержки с преданием его суду за квинслендские преступления нарушают его права по пунктам 1, 2 и 3 статьи 9 и пунктам 3 а) и с) статьи 14. Он указывает, что полиции было известно о его преступлениях с 1990 года, что он неоднократно предпринимал попытки установить, грозят ли ему какие-либо обвинения, что действительный ордер на арест был выдан лишь в январе 1993 года и лишь в связи с одним преступлением и что 13 других обвинений были добавлены в октябре 1994 года.

3.3 Автор заявляет, что его перевод в Квинсленд преднамеренно задерживался до того времени, когда его дело вскоре могло быть рассмотрено на предмет условно-досрочного освобождения. В результате этих действий, а также его перевода в Квинсленд после того, как он отозвал свое ходатайство о переводе, его содержание под стражей в Квинсленде до момента вынесения приговора с юридической точки зрения представляло собой продолжение исполнения приговора, вынесенного в Западной Австралии. Этого бы не произошло, если бы ему было предоставлено условно-досрочное освобождение до предъявления обвинений в Квинсленде. В связи с этим он считает, что срок его содержания под стражей был реально увеличен на девять месяцев — от момента перевода до начала отбытия наказания за преступления в Квинсленде. Автор утверждает, что это представляет собой произвольное содержание под стражей по пункту 1 статьи 9.

3.4 Автор утверждает также, что допущенные задержки: сначала — с предъявлением ему обвинений, затем — с его переводом в Квинсленд, а позднее — с его переводом обратно в Западную Австралию, с тем чтобы он мог

быть ближе к своей семье, сразу после суда в Квинсленде, оказали на него угнетающее воздействие и причинили ему серьезную эмоциональную и психологическую травму, включая депрессию и появление суицидальных наклонностей, а также бессонницу, выпадение волос и необходимость применения химиотерапии. Он заявляет, что это составляет нарушение статьи 7 Пакта.

3.5 Автор заявляет, что в период пребывания в тюрьме он проходил интенсивную терапию и что заключения психологической экспертизы свидетельствуют о маловероятности рецидива. Автор утверждает, что продолжение его содержания под стражей за преступления десятилетней давности, когда он уже готов для реабилитации и реинтеграции в обществе, имеет пагубное значение для его реабилитации и является причиной серьезного эмоционального и психологического стресса. В связи с этим он заявляет о нарушении пункта 3 статьи 10 Пакта.

3.6 Наконец, автор заявляет, что в силу нового законодательства, принятого в Квинсленде, его наказание, предусматривающее 11 лет тюремного заключения с трехлетним периодом без возможности условно-досрочного освобождения, было изменено на 8 лет и 8 месяцев без возможности условно-досрочного освобождения. Он считает, что теперь его дело может быть пересмотрено на предмет условно-досрочного освобождения не ранее чем в апреле 2004 года. Автор утверждает, что это составляет нарушение статьи 15.

Замечания государства-участника в отношении приемлемости сообщения

4.1 Что касается утверждений о нарушениях статьи 2, то государство-участник указывает, что, как оно понимает, рассматриваемые права на правовую защиту носят субсидиарный характер и применяются в случае нарушения какого-либо конкретного права по Пакту. Поскольку государство-участник не видит установленного факта какого-либо другого нарушения, оно заявляет, что автор не обосновал утверждения о нарушении статьи 2.

4.2 В отношении утверждений о нарушениях статьи 7 и пункта 1 статьи 10 государство-участник ссылается на правовую практику Комитета, согласно которой наказание, чтобы оно было сопряжено с нарушением Пакта, должно унижать, оскорблять достоинство и в любом случае содержать какие-либо элементы, выходящие за рамки простого лишения свободы. Государство-участник утверждает, что автор был лишен свободы законным образом во всех отношениях и что любые душевные страдания автора носят сопутствующий характер. Государство-участник заявляет, что, вопреки утверждениям автора, в медицинском деле за период заключения в Западной Австралии, говорится лишь о периодически возникающем чувстве тревоги и эпизодической легкой депрессии, а вовсе не о химиотерапии, выпадении волос, бессоннице или вообще о какой-либо крайне серьезной психологической или эмоциональной травме. Точно так же, наблюдение в период заключения в Квинсленде, свидетельствует о том, что в качестве единственной медицинской проблемы была отмечена возможная депрессия и что в медикаментозном лечении не было необходимости. Соответственно государство-участник считает, что эта часть заявления не вызывает вопросов с точки зрения правовых притязаний и поэтому является недостаточно обоснованной. Поэтому ее следует отклонить как неприемлемую.

4.3 Что касается утверждений о нарушениях статьи 9, то государство-участник указывает, что, как оно понимает, понятие "произвольности" по пункту 1 охватывает элементы несообразности, несправедливости и непредсказуемости. Оно также заявляет, что указанное в пункте 2 право быть безотлагательно проинформированным о выдвигаемых обвинениях имеет отношение лишь к стадии ареста. Кроме того, закрепленное в пункте 3 требование о том, что арестованное или задержанное по уголовному обвинению лицо должно быть безотлагательно доставлено к судье, также относится к периоду, когда лицо подвергается аресту или задержанию по данным конкретным обвинениям.

4.4 Государство-участник отмечает, что по его закону лицо может быть переведено из одного штата в другой с целью предъявления ему уголовных обвинений либо по его окончательном или по условно-досрочном освобождении из тюрьмы ("экстрадиция"), либо в любой момент, когда заключенный подает ходатайство о переводе ("перевод в другой штат"). Государство-участник отмечает, что в июле 1990 года автор был информирован о том, что по его освобождении из тюрьмы будет подано ходатайство о его экстрадиции с целью предъявления квинслендских обвинений, однако автор отказался ответить на вопросы, касающиеся таких преступлений. Государство-участник указывает, что, поскольку дело автора подлежало рассмотрению на предмет условно-досрочного освобождения не ранее ноября 1994 года, государство-участник не усматривало экстренной необходимости в исполнении приказа на арест автора. В августе 1992 года был выдан недействительный, а затем — в январе 1993 года — действительный ордер на арест автора. В это время, в апреле 1993 года, автор подал ходатайство о переводе в Квинсленд для ответа на выдвигаемые обвинения. После получения согласия соответствующих властей в обоих штатах было проведено судебное слушание по вопросу об отдаче распоряжения о переводе.

4.5 Государство-участник отмечает, что, согласно его законодательству, суд не отдает такое распоряжение, если по заявлению заключенного он удостоверится в том, что осуществление такого перевода было бы сопряжено с тяжкими или гнетущими последствиями или не отвечало бы интересам правосудия. В данном деле автор имел законного представителя и располагал возможностью в течение 14 дней ходатайствовать о пересмотре решения. По истечении этого периода распоряжение суда приобрело окончательный характер и отзыв автором своего ходатайства о переводе не имел юридической силы.

4.6 Государство-участник признает, что в первоначальном ордере было указано лишь одно обвинение и что по прибытии в Квинсленд автор был арестован еще по 12 менее тяжким преступлениям. Вместе с тем государство-участник заявляет, что ордер на арест нередко выдается по одному обвинению, которое в данном случае является наиболее серьезным, между тем как другие обвинения могут еще находиться на рассмотрении на основе имеющихся улик. В день прибытия автора в Квинсленд в октябре 1994 года ему были предъявлены все 13 ордеров. На следующий день он был доставлен в суд. В декабре 1994 года состоялось предварительное слушание, а в марте 1995 года состоялось окончательное слушание. Наконец, государство-участник отмечает, что в случае автора, как это и практикуется обычно, новый приговор, вынесенный в Квинсленде, подлежал исполнению и исполняется одновременно с первоначальным приговором.

4.7 Что касается условно-досрочного освобождения, то государство-участник заявляет, что вопрос об условно-досрочном освобождении автора не передавался в Западноавстралийский совет по рассмотрению вопросов об условно-досрочном освобождении, поскольку автор подал ходатайство о его переводе в штат Квинсленд. В любом случае, когда такой вопрос выносится на рассмотрение, право на автоматическое условно-досрочное освобождение не наступает автоматически. Решение принимается после тщательной оценки степени исправления заключенного и риска для окружающих в конкретный момент времени.

4.8 На основе вышеизложенных фактов государство-участник настаивает, что у автора не может быть претензий по какому бы то ни было из трех вышеуказанных пунктов статьи 9. Автор мог бы правомерно содержаться под стражей на основании первоначального судебного приговора до 28 августа 2000 года. В момент его перевода вопрос о его условно-досрочном освобождении не рассматривался, не говоря уж о том, что такое освобождение ему не было предоставлено, и поэтому он не может сетовать на то, что он был подвергнут произвольному содержанию под стражей. Нет и никаких свидетельств того, что на том или ином этапе имели место преднамеренные затяжки. Как только автор был арестован, он был информирован о предъявляемых обвинениях и незамедлительно доставлен к судье, а затем подвергнут суду, как того требует Пакт. Такого рода утверждения автором не обоснованы, и поэтому их также следует отклонить как неприемлемые.

4.9 Что касается утверждения автора о том, что обращение с ним не имело своей основной целью его перевоспитание и социальную реабилитацию, то государство-участник отмечает, что его пенитенциарная система преследует такие цели, с тем чтобы привить заключенным желание вести законопослушный и самостоятельный образ жизни после освобождения из-под стражи и помочь им стать способными к этому. Как и множество других программ, курсы лечения лиц, совершивших половые преступления, и в Западной Австралии, и в Квинсленде нацелены на реабилитацию таких лиц, как автор, а также на сокращение частотности и рецидивов. В случае автора курс в Западной Австралии был пройден без достижения необходимой цели, в результате чего ему затем пришлось пройти индивидуальный курс в Квинсленде до его перевода обратно в Западную Австралию. Еще одним аспектом системы, рассчитанной на максимально возможное перевоспитание и реабилитацию, является возможность перевода из одного штата в другой по гуманитарным соображениям, которая была предоставлена автору по его просьбе.

4.10 Государство-участник отмечает, что и Окружной суд Квинсленда, и Верховный суд признали, что курс в Западной Австралии не был успешно пройден автором. Во всех случаях, когда эта проблема поднималась в суде, автор имел законного представителя и имел возможность прибегнуть к перекрестному допросу. Соответственно это не может быть признано в качестве довода в пользу скорейшего освобождения. Государство-участник отмечает, что вопрос об успешности или безуспешности прохождения курса является вопросом факта, не относящимся к компетенции Комитета. Государство-участник далее отмечает, что в свете предыдущей неудачи не было лишено оснований требование о том, чтобы автор прошел курс в Квинсленде, прежде чем рассматривать вопрос о его переводе обратно в Западную

Австралию. Замечания государства-участника были представлены до того, как результативность прохождения автором курса в Квинсленде была оценена Советом по вопросам условно-досрочного освобождения и другими инстанциями. Соответственно государство-участник заявляет, что автор не обосновал свое утверждение в этом отношении, и его следует отклонить как неприемлемое.

4.11 В отношении утверждений автора о нарушении его прав по статье 14 государство-участник ссылается на сделанное Комитетом замечание общего порядка по статье 14, в котором говорится, что право быть безотлагательно уведомленным о предъявляемом обвинении требует, чтобы информация предоставлялась сразу, как только выдвигается обвинение компетентными властями, т.е. когда компетентный орган решает предпринять процедурные действия против подозреваемого или публично объявляет его таковым. Европейский суд по правам человека также толкует аналогичное право на надлежащее судебное разбирательство как предполагающее необходимость прежде всего предъявить обвинение или официальное уведомление о наличии утверждений о том, что данное лицо совершило уголовное преступление.

4.12 В связи с пунктом 3 а) статьи 14 государство-участник заявляет, что, как показывают факты, на всех этапах расследования предпринимались разумные и надлежащие усилия к тому, чтобы проинформировать автора о характере и причинах любых обвинений против него. С 1990 года автору было известно о проведении расследования в связи с преступлениями, совершенными в Квинсленде в 1985 году. Автор был уведомлен о характере обвинений в тот момент, когда он был впервые публично указан в качестве подозреваемого в совершении этих преступлений, т.е. 7 января 1993 года, когда был выдан ордер на его арест по одному обвинению в изнасиловании. Это было наиболее тяжким из тех преступлений, за которые автор позднее предстал перед судом. Соответственно государство-участник полагает, что это утверждение автором не обосновано и его следует отклонить как неприемлемое.

4.13 Касаясь заявления автора о нарушении пункта 3 с) статьи 14, государство-участник напоминает обстоятельства дела. Государство-участник подчеркивает, что автор отказался оказывать содействие в ходе полицейского расследования в 1990 году. Автор мог быть подвергнут экстрадиции по отбытии приговора не ранее 11 ноября 1994 года, но ордер на его арест был выдан в январе 1993 года. После того как в мае 1993 года автор подал ходатайство о переводе, он завершил прохождение курса лечения, получил необходимое согласие и в октябре 1994 года был переведен в другой штат. Он был сразу же арестован, ему было предъявлено обвинение, и на следующий день его доставили в суд. На последующие шесть недель автору был предоставлен адвокат для подготовки его защиты. В декабре 1994 года было принято решение о предании автора суду в июне 1995 года, но в мае 1995 года автор признал себя виновным по всем пунктам обвинения. В июле 1995 года ему был вынесен приговор, а в июле 1996 года было завершено апелляционное производство.

4.14 Государство-участник заявляет, что действия властей определялись законом, осуществлялись согласно закону и без каких-либо нарушений и не способствовали каким бы то ни было необоснованным задержкам в проведении судебного разбирательства по делу автора. Государство-участник заявляет, что в свете обстоятельств данного сообщения промежуток времени с

момента предъявления обвинения 17 октября 1994 года до вынесения приговора 7 июля 1995 года, в сочетании с увеличением наказания в порядке апелляционного производства 11 июня 1996 года, не является чрезмерным.

4.15 Наконец, в отношении статьи 15 государство-участник отмечает, что недавние поправки к положениям, регламентирующим режим наказаний в Квинсленде, носят перспективный характер и автора не затрагивают. Соответственно он не обосновал претензию по статье 15, и эту часть следует отклонить как неприемлемую.

Ответ автора на замечания государства-участника по вопросу о приемлемости сообщения

5.1 В отношении статьи 2 автор повторяет утверждение о преднамеренном сокрытии и фальсификации властями результатов прохождения им курса лечения и в связи с этим заявляет, что факты были искажены.

5.2 В связи со своим утверждением по статье 7 автор заявляет, что из-за преднамеренной фальсификации заключений его наказание вышло за рамки оправданного. В сочетании с задержкой в судебном разбирательстве это, по словам автора, явно представляет собой нарушение статьи 7.

5.3 Касаясь статьи 9, автор утверждает, что в ходе опроса в 1990 году ему не говорили, что по его освобождении против него будут выдвинуты обвинения, а лишь сказали, что полиция снова займется им через 10 лет. До 1992 года его не информировали о наличии обвинений в совершении преступлений в Квинсленде. Автор заявляет, что полиция штата Квинсленд не должна была умышленно ждать два года, прежде чем информировать власти Западной Австралии об этих обвинениях. Автор утверждает, что в результате действий полиции он был лишен условно-досрочного освобождения, а соответственно и свободы.

5.4 Автор заявляет, что не существует никаких оправданий для почти пятилетней задержки между проведением полицейских расследований и предъявлением ему обвинений в совершении преступлений в Квинсленде. Если бы обвинения были выдвинуты ранее, то, по его словам, он мог бы ответить на эти обвинения на более раннем этапе своего заключения. Автор далее выдвигает подробные возражения против назначенных ему наказаний и заявляет, что, по его расчетам, успешное, как он утверждает, прохождение курса лечения привело бы к тому, что ему было бы предоставлено условно-досрочное освобождение.

5.5 В отношении статьи 14 автор вновь заявляет о том, что в ходе опроса в 1990 году ни о каких обвинениях не упоминалось и полиция не ссылалась ни на какие конкретные инциденты. Он отмечает, что до 1992 года его заверяли, что против него нет никаких обвинений или ходатайств об экстрадиции. Задержки с осуществлением его перевода в Квинсленд также необоснованно затянули процесс разбирательства с квинслендскими обвинениями.

5.6 Автор принимает замечания государства-участника в отношении статьи 15 и отзывает эту часть своего заявления.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

6.1 Прежде чем рассматривать любые утверждения, содержащиеся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека должен, в соответствии с правилом 87 его правил процедуры, решить вопрос о том, является ли сообщение приемлемым по Факультативному протоколу к Пакту.

6.2 В отношении заявления автора о том, что власти подвергли его пыткам или жестокому, бесчеловечному и унижающему достоинство обращению в нарушение статьи 7 или иному негуманному обращению в нарушение пункта 1 статьи 10 Комитет ссылается на свои ранее принятые решения, согласно которым заключенный, выдвигая утверждения по этим статьям, должен продемонстрировать наличие дополнительного усугубляющего фактора, выходящего за рамки обычных инцидентов, связанных с содержанием под стражей. В данном случае автор не продемонстрировал для целей признания утверждения приемлемым, что он подвергался какому-либо обращению, которое выходит за рамки обычного обращения с заключенным. Соответственно эта часть сообщения является неприемлемой по статье 2 Факультативного протокола.

6.3 В отношении утверждений автора, касающихся пунктов 1, 2 и 3 статьи 9, Комитет считает, что факты явно указывают на то, что, как только автор был арестован за совершение квинслендских преступлений, он был информирован о предъявляемых обвинениях, доставлен в суд и затем в течение разумного периода времени привлечен к судебной ответственности. Соответственно автор не обосновал для целей приемлемости эту часть заявления, и она является неприемлемой по статье 2 Факультативного протокола.

6.4 Касаясь утверждений автора в отношении пункта 3 статьи 10, согласно которым применение наказания в его случае не имело своей основной целью его социальную реабилитацию и перевоспитание, Комитет отмечает наличие в пенитенциарной системе государства-участника разнообразных программ и механизмов, созданных с этой целью. Комитет считает, что автор не обосновал свое утверждение о том, что составленные государством-участником оценки прогресса в перевоспитании автора и последствий, которые должны вытекать из этого, ставят под вопрос соблюдение требований пункта 3 статьи 10. Соответственно Комитет считает, что автор не обосновал для целей приемлемости свое утверждение о нарушении пункта 3 статьи 10, и поэтому эта часть сообщения является неприемлемой по статье 2 Факультативного протокола.

6.5 В связи с утверждениями автора по пунктам 3 а) и с) статьи 14 Комитет отмечает, что законодательство государства-участника позволяло осуществить перевод автора для предания суду до его освобождения, которое могло бы произойти не ранее ноября 1994 года, лишь при наличии ходатайства о переводе из одного штата в другой и соответствующего распоряжения суда. Ходатайство автора о переводе, поданное после получения в 1993 году уведомления о наиболее тяжком обвинении — в изнасиловании, было удовлетворено по соответствующему распоряжению суда. По прибытии он был обвинен в основном и сопутствующих преступлениях, предан суду и осужден в течение надлежащего срока. Комитет считает, что все эти факты не обосновывают для целей приемлемости утверждение по статье 14 и поэтому эта часть сообщения является неприемлемой по статье 2 Факультативного протокола.

6.6 В отношении утверждений автора по статье 2 Комитет считает, что утверждения автора в этой связи не затрагивают никаких вопросов, помимо тех, которые уже рассматривались в контексте других затрагиваемых статей, и что эти утверждения не были достаточно обоснованы для целей приемлемости.

6.7 Что касается заявления автора о нарушении статьи 15, то Комитет отмечает, что автор в своем ответе на замечания государства-участника отзывает эту часть сообщения и она не требует дальнейшего рассмотрения (пункт 5.6 выше).

7. Комитет в связи с этим постановляет:

- а) признать сообщение неприемлемым согласно статье 2 Факультативного протокола;
- б) направить настоящее решение государству-участнику и автору.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский язык. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

**В. Сообщение № 787/1997, Гобин против Маврикия
(Решение принято 16 июля 2001 года, семьдесят вторая сессия)***

Представлено: г-ном Вишвадео Гобином
Предполагаемая жертва: автор сообщения
Государство-участник: Маврикий
Дата сообщения: 25 ноября 1996 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,
на своем заседании 16 июля 2001 года,
принимает следующее:

Решение о приемлемости

1. Автором сообщения от 25 ноября 1996 года является г-н Вишвадео Гобин, гражданин Маврикия, родившийся 22 января 1945 года, который утверждает, что он стал жертвой нарушения Маврикием статьи 26 Пакта. Он представлен своим сыном Манишем Гобином.

Факты в изложении автора

2.1 В сентябре 1991 года автор выдвинул свою кандидатуру на проходивших в Маврикии всеобщих выборах в законодательный орган. В своем избирательном округе он занял четвертое место по количеству полученных им голосов. В соответствии с законодательством Маврикия по его избирательному округу были напрямую избраны лишь три занявшие первые места кандидата, но автор мог в принципе рассчитывать занять одно из восьми дополнительных мест, которые распределяются по всем избирательным округам. Однако, как утверждает автор, он не получил это место, так как не принадлежит к "соответствующей общине". Это место занял другой кандидат из того же избирательного округа, получивший меньше голосов, чем автор.

2.2 Автор поясняет, что выборы в законодательный орган в Маврикии проходят по 21 избирательному округу: в 20 округах избранными считаются

---

* В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисукэ Андо, г-н Прафулладандра Натварлал Бхагвати, г-жа Кристина Шане, г-н Луис Хенкин, г-н Ахмед Тауфик Халиль, г-н Эккарт Кляйн, г-н Давид Крецмер, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Рафаэль Ривас Посада, сэр Найджел Родли, г-н Мартин Шейнин, г-н Иван Ширер, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Патрик Велла и г-н Макссуэлл Ялден.

В соответствии с пунктом 1 а) правила 84 правил процедуры Комитета г-н Раджсумер Лаллах не принимал участия в рассмотрении настоящего сообщения.

В приложении содержатся тексты особого несовпадающего мнения, выраженного г-жой Кристиной Шане, г-ном Луисом Хенкиным, г-ном Мартином Шейниным, г-ном Иваном Ширером и г-ном Макссуэллом Ялденом, и особого несовпадающего мнения, выраженного г-ном Эккартом Кляйном.

три кандидата, получившие наибольшее число голосов, и в одном округе — два первых кандидата. Таким образом, напрямую избираются 62 члена законодательного органа. Оставшиеся восемь мест получают восемь кандидатов, набравшие наибольшее число голосов. В соответствии с положениями Первого приложения к Конституции Маврикия все кандидаты обязаны указать свою принадлежность к какой-либо общине (индуисты, мусульмане, синомаврикийцы или просто маврикийцы). Определяя восемь дополнительных членов законодательного органа, Контрольная избирательная комиссия руководствуется статьей 5 Первого приложения, которая предусматривает, что кандидаты должны принадлежать к "соответствующей общине". В соответствии со статьей 5 (8) Первого приложения под "соответствующей общиной" понимается община, у которой есть неизбранный кандидат и самое высокое соотношение между ее численностью (по данным переписи населения 1972 года) и количеством мест, занимаемых ее представителями в Национальной ассамблее непосредственно перед распределением дополнительных мест.

Жалоба

3. Автор утверждает, что положение Конституции государства-участника, согласно которому для получения места в качестве набравшего наибольшее число голосов среди проигравших кандидатов, он должен принадлежать к "соответствующей общине", носит дискриминационный характер, поскольку критерии, по которым принимается решение, основаны на признаках расы и религии. Поэтому данное положение противоречит статье 26 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Замечания государства-участника

4.1 В своем представлении от 25 мая 1998 года государство-участник изложило ряд замечаний относительно приемлемости рассматриваемого сообщения.

4.2 Государство-участник вначале утверждает, что автор не исчерпал внутренние средства правовой защиты, поскольку он не воспользовался предусмотренным в статье 17 Конституции правом обращаться в Верховный суд с жалобой на дискриминацию, как это предусмотрено в статье 16 Конституции государства-участника. Касаясь в этой связи аргумента автора о том, что никакой судебный орган в Маврикии не может выносить решения, противоречащие Конституции — основному закону страны, государство-участник отмечает также, что автор лишь высказывает предположение относительно результата подобного обращения и что он получит также возможность направить апелляцию в Судебный комитет Тайного совета, поскольку данный вопрос касается толкования Конституции.

4.3. Кроме того, государство-участник полагает, что рассматриваемое сообщение несовместимо с положениями Международного пакта о гражданских и политических правах. Процедура распределения восьми дополнительных мест, действительно, определена таким образом, чтобы обеспечить адекватное представительство всех национальных меньшинств в законодательном органе, и она, как показала практика, эффективно предотвращает расовую дискриминацию по смыслу статьи 26 Пакта. Таким

образом, цель рассматриваемого сообщения противоречит положениям Пакта, ибо отсутствие подобного конституционного положения привело бы к проявлениям дискриминации по признакам расы, религии, национального или социального происхождения.

4.4 В заключение государство-участник утверждает, что рассматриваемое сообщение является злоупотреблением правом на представление таких сообщений, поскольку период между совершением предполагаемого акта дискриминации в 1991 году и датой направления сообщения, 25 ноября 1996 года, является чрезмерным и не имеет никакого приемлемого оправдания. Кроме того, государство-участник полагает, что эта серьезная задержка не позволяет использовать какое-либо эффективное средство правовой защиты.

Дополнительные комментарии автора

5.1 В своем представлении от 13 ноября 1998 года автор высказывает соображения по замечаниям государства-участника.

5.2 Во-первых, касаясь вопроса об исчерпании внутренних средств правовой защиты, автор утверждает, что упоминаемое государством-участником обращение в Верховный суд в соответствии со статьей 17 Конституции имело бы целью оспаривание решения, которое противоречит статье 16 Конституции. В данном случае, однако, не возникает сомнений в том, что статья 16 нарушена не была; ее применили правильно. Поэтому необходимо определить, противоречит ли сама статья 16 статье 26 Пакта и тому, что предусмотрено в статье 17 Конституции. Во-вторых, автор отмечает, что в статье 16 Конституции речь идет о нарушении принципа недискриминации каким-либо "законодательным актом", принятым парламентом, а не положением самой Конституции, и это означает, что никаких разумных оснований для ссылок на статью 16 в Верховном суде нет. В-третьих, неоспоримым является тот факт, что Верховный суд не может принять решение, противоречащее Конституции, поскольку Конституция является высшим законом страны. Кроме того, так как положения Пакта не включены в маврикийское законодательство, руководствоваться ими Верховный суд может лишь опосредованно. Это же касается Судебного комитета Тайного совета, который будет применять маврикийское законодательство и, соответственно, натолкнется на то же препятствие, что и Верховный суд.

5.3 Таким образом, нет оснований считать, что в данном конкретном случае автор располагал эффективным внутренним средством правовой защиты. Единственным органом, правомочным изменять Конституцию при определенных обстоятельствах, является маврикийский парламент, который до настоящего времени не предпринимал каких-либо действий в этом направлении. Комитету, соответственно, надлежит в рассматриваемом случае отказаться от требования об обязательном исчерпании внутренних средств правовой защиты.

5.4 Касаясь аргумента государства-участника о том, что данное сообщение несовместимо с положениями Пакта, автор отмечает, что определение состава Национальной ассамблеи должно быть оставлено на усмотрение избирателей и государству не следует занимать в этом вопросе чрезмерно протекционистскую позицию. Прежде всего потому, что на выборах население Маврикия разделяется по признаку религии и расы на четыре "общины", автор считает,

что распределение мест на основе расовой и религиозной принадлежности является неприемлемым и в принципе противоречит статье 26 Пакта.

5.5 Касаясь в заключение задержки с представлением сообщения, автор отмечает, что в большинстве иных случаев задержка в пять лет является тем периодом, который государство-участник не считает чрезмерным, в связи с чем он требует использования такого же подхода к его сообщению, в частности, потому, что понятие справедливости в международном праве имеет столь большое значение, что ее обеспечение должно носить приоритетный характер.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

6.1 Прежде чем рассматривать какие-либо утверждения, содержащиеся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека обязан в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры принять решение о том, является ли данное сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

6.2 Автор сообщения утверждает, что его права, закрепленные в статье 26 Пакта, были нарушены в результате применения предусмотренной в Конституции процедуры распределения мест в парламенте, основанной на критерии этнической принадлежности. Государство-участник не оспаривает тот факт, что упомянутая процедура предусмотрена в Конституции и что национальные суды неправомочны пересматривать положения Конституции в целях обеспечения их соответствия положениям Пакта. В этих обстоятельствах не возникает никаких сомнений в бесполезности судебного обжалования, а также в том, что у автора не было никаких внутренних средств правовой защиты применительно к предполагаемому нарушению его прав, закрепленных в Пакте. Поэтому Комитет отклоняет просьбу государства-участника признать данное сообщение неприемлемым по причине исчерпания внутренних средств правовой защиты.

6.3 Государство-участник утверждает, что вследствие задержки с представлением сообщения Комитету надлежит в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола признать его неприемлемым как сообщение, которое представляет собой злоупотребление правом представлять сообщения. Комитет отмечает, что для представления сообщений в соответствии с Факультативным протоколом не установлено никаких временных ограничений, и задержка с представлением сообщений сама по себе не свидетельствует о злоупотреблении правом на представление сообщений. Однако в определенных обстоятельствах Комитет вправе рассчитывать на получение разумного объяснения причин задержки. В данном случае предполагаемое нарушение имело место во время периодических выборов, проведенных за пять лет до направления в Комитет сообщения от имени предполагаемой жертвы, и никаких убедительных причин такой задержки приведено не было. В отсутствие подобных разъяснений Комитет полагает, что представление сообщения с подобной задержкой следует рассматривать как злоупотребление правом представлять сообщения, которое делает данное сообщение неприемлемым в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола.

7. В этой связи Комитет постановляет:

- a) признать данное сообщение неприемлемым в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола;
- b) довести настоящее решение до сведения автора и препроводить его государству-участнику.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Добавление

Особое (несогласное) мнение членов Комитета Кристины Шане, Луиса Хенкина, Мартина Шейнина, Ивана Ширера и Максвелла Ялдена

Нижеподписавшиеся члены Комитета не могут согласиться с тем, что в отсутствие каких-либо убедительных причин, приведенных автором, пятилетний срок между предполагаемым нарушением и представлением сообщения является тем фактором, который определяет неприемлемость сообщения в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола.

В Протоколе не установлено никаких сроков для представления сообщений.

Таким образом, Комитет не может на основании Факультативного протокола определять срок действия права на обжалование каких-либо деяний.

И наконец, вследствие этой задержки никакого особого ущерба государству-участнику нанесено не было.

(Подпись) Кристина Шане

(Подпись) Луис Хенкин

(Подпись) Мартин Шейнин

(Подпись) Иван Ширер

(Подпись) Максвелл Ялден

[Совершено на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках как часть настоящего доклада.]

Особое (несогласное) мнение члена Комитета Эккарта Кляйна

К моему сожалению, я не могу согласиться с мнением большинства относительно злоупотребления автором правом на представление сообщения (см. пункт 6.3 Соображений). Я согласен с тем, что сам факт отсутствия в Факультативном протоколе установленных временных ограничений для представления сообщений не исключает в принципе применения общей нормы о злоупотреблении правами. Однако для констатации злоупотребления каким-либо правом (несмотря на отсутствие каких-либо временных ограничений) должен был пройти значительный срок, и оценивать адекватность срока представления сообщения следует с учетом обстоятельств каждого конкретного случая. Кроме того, как правило, именно государство-участнику надлежит доказывать наличие условий для применения положения о злоупотреблении тем или иным правом. В рассматриваемом случае государство-участник высказало свое мнение лишь в обобщенном виде, назвав представление сообщения злоупотреблением без приведения приемлемых обоснований (см. пункт 4.4 Соображений). Кроме того, Комитет возлагает бремя аргументации на автора. Это перекладывание бремени аргументации было бы приемлемым лишь в том случае, если бы представление сообщения было задержано на столь долгий срок, что такая задержка была бы вообще непонятна без дополнительных разъяснений. Учитывая, что в рассматриваемом случае соответствующий срок составляет лишь пять лет, перекладывание бремени аргументации не представляется разумным, и это бремя несет государство-участник, которое в настоящем случае не привело убедительных обоснований. Лишь тот факт, что предполагаемое нарушение имело место в ходе периодических выборов, не является сам по себе достаточным. Поэтому я не считаю, что задержку с представлением настоящего сообщения можно рассматривать как злоупотребление правом на представление сообщений по смыслу статьи 3 Факультативного протокола.

(Подпись) Эккарт Кляйн

[Совершено на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

**С. Сообщение № 791/1997, Сингх против Новой Зеландии
(Решение принято 12 июля 2001 года, семьдесят вторая сессия)***

Представлено: г-ном Моти Сингхом
Предполагаемая жертва: автор сообщения
Государство-участник: Новая Зеландия
Дата сообщения: 1 декабря 1996 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,
на своем заседании 12 июля 2001 года,
принимает следующее:

Решение о приемлемости

1. Автором сообщения, датированного 1 декабря 1996 года, является Моти Сингх, гражданин Новой Зеландии, родившийся 13 марта 1960 года на Фиджи, в настоящее время проживающий в Окленде. Он утверждает, что является жертвой допущенных Новой Зеландией нарушений статей 2, 7, 10, пунктов 1, 2, 3 d), e) и g) статьи 14 и статей 5, 16, 23 и 26 Пакта. Юридическим консультантом не представлен.

Факты в изложении автора

2.1 22 декабря 1993 года автору было предъявлено обвинение из 66 пунктов в налоговом мошенничестве в соответствии с Законом о подоходном налоге 1976 года. Ему также было предъявлено обвинение в "хищении путем сокрытия" в соответствии с разделом 222 Закона об уголовных преступлениях 1961 года¹.

2.2 8 июня 1995 года окружной суд Отахуху признал его виновным по 66 пунктам обвинения в налоговом мошенничестве. Жалоба автора сообщения относится только к судебному разбирательству по обвинению в хищении.

2.3 Автор сообщения подал ходатайство об оказании ему правовой помощи в отношении обвинения в хищении, однако ему было отказано в этом 24 января 1994 года регистратором окружного суда Отахуху. 1 февраля 1994 года автор сообщения обжаловал это решение, и правовая помощь была ему предоставлена. Однако автору пришлось выплатить 150 новозеландских долл. в качестве участия в расходах.

---

* В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисукэ Андо, г-н Прафулладандра Натварлал Бхагвати, г-жа Кристин Шане, г-н Морис Глеле Аханханзо, г-н Луис Хенкин, г-н Эккарт Кляйн, г-н Давид Крецмер, г-н Ражсумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Рафаэль Ривас Посада, Сэр Найджел Родли, г-н Мартин Шейнин, г-н Иван Ширер, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Ахмед Тауфик Халиль, г-н Патрик Велла и г-н Максвелл Ялден.

2.4 После постановления обвинительного приговора по предъявленному обвинению в мошенничестве автор пришел к выводу, что не может рассчитывать на справедливое судебное разбирательство в окружном суде Отахуху и поэтому обратился к своему адвокату с просьбой добиться перенесения рассмотрения дела по обвинению в хищении в другой суд. По словам автора, по протесту прокурора рассмотрение дела в другой суд перенесено не было². Дело по обвинению автора сообщения в хищении было рассмотрено окружным судом Отахуху в ходе восьмидневного слушания, и 6 июля 1995 года он был признан виновным и приговорен к 9 месяцам периодического содержания под стражей с наложением штрафа в размере 4 603,33 новозеландских доллара.

2.5 10 августа 1995 года автор подал ходатайство о предоставлении юридической помощи для обжалования вынесенного ему приговора на том основании, что судья был пристрастен и суд не был справедливым. 4 октября 1995 года ему было сообщено, что в его просьбе о предоставлении юридической помощи ему отказано, поскольку основания для обжалования не являются "существенными". Автор обжаловал данное решение регистратора, однако 31 октября 1995 года судья Апелляционного суда поддержал решение не предоставлять автору юридической помощи. Тем не менее автор подал апелляционную жалобу в Апелляционный суд, однако 24 июля 1996 года она была оставлена без удовлетворения.

Жалоба

3.1 В сообщении автора содержатся следующие жалобы³.

Юридическая помощь/неадекватность защиты в ходе судебного разбирательства/место судебного разбирательства

3.2 Автор утверждает, что, хотя он получил юридическую помощь, ему пришлось заплатить 150 новозеландских долл. в качестве участия в расходах по предоставлению ему услуг адвоката. Он утверждает, что, поскольку у его первого адвоката было плохое зрение, тот не мог должным образом подготовиться к разбирательству дела. Впоследствии назначенный ему новый адвокат специализировался в области уголовного, а не налогового права и не мог поэтому обеспечить его защиту должным образом. Кроме того, автор жалуется, что не имел возможности выбрать опытного адвоката, равно как и вызвать в суд свидетелей и экспертов по причине финансовых трудностей. Автор, кроме того, жалуется, что, поскольку его просьба о перенесении разбирательства дела в другой суд не была удовлетворена, суд над ним не был справедливым.

Проведение судебного разбирательства

3.3 Автор утверждает, что в ходе судебного заседания судья оказывала на его адвоката давление, с тем чтобы тот убедил автора признать себя виновным, поскольку она (судья) считала, что собранные против него доказательства полностью его изобличают. Однако, несмотря на якобы оказанное на него давление, он не признал себя виновным.

3.4 Автор далее заявляет, что судья нарушила свой долг и не обеспечила справедливого судебного разбирательства, позволив обвинению включить в

одно обвинительное заключение одновременно шесть пунктов. По словам автора, то обстоятельство, что эти пункты рассматривались судом совокупно, отрицательно сказалось на ходе разбирательства. Он утверждает, что не мог подать ходатайства о выделении содержащихся в обвинительном заключении обвинений в отдельное производство из-за затруднительного финансового положения, в котором находились он и его адвокат. Тем не менее судья, по его словам, в любой момент времени обладала правом в интересах правосудия разделить обвинение на части.

3.5 Автор жалуется, что в целом отношение судьи носило предвзятый характер и что она испытывала к нему и его адвокату "глубокую ненависть" из-за цвета их кожи. Автор утверждает, что судья не дала ему возможности полностью объяснить все обстоятельства дела и что его адвокат не имел возможности должным образом провести перекрестный допрос основного свидетеля обвинения. Автор также заявляет, что на присяжных не мог не подействовать "язык жестов" судьи.

3.6 В качестве доказательства предвзятости по отношению к нему со стороны судьи автор ссылается на речь судьи при вынесении приговора, в котором судья заявила, что "налогоплательщикам придется оплатить расходы на двухнедельное судебное разбирательство по делу, где, по моему мнению, защита совершенно невозможна". Автор также жалуется на то, что судья сказала его адвокату, что, если автор сообщения не заплатит 150 новозеландских долларов в качестве участия в расходах по юридической помощи, эта сумма будет удержана из гонорара адвоката.

3.7 Автор утверждает, что поведение судьи настолько деморализовало его адвоката, что тот в конце процесса выразил желание отказаться от ведения дела, однако судья не дала ему на это разрешения. Автор утверждает, что в силу этого был лишен должной защиты в суде.

Обвинение

3.8 Автор сообщения жалуется на поведение адвоката Короны в ходе судебного процесса. Он заявляет, что после его отказа согласиться с предложенной обвинением сделкой адвокат Короны сообщил его защитнику, что будет добиваться вынесения обвинительного приговора по всем шести пунктам. По утверждению автора, это заявление являлось "эмоциональным нападением", чтобы запугать и деморализовать его адвоката. Апелляционный суд отклонил его апелляционную жалобу, основывающуюся на этом обстоятельстве, и не вызвал его бывшего защитника в качестве свидетеля. По словам автора, это является нарушением пункта 3 е) статьи 14.

3.9 Автор сообщения далее жалуется на якобы допущенные адвокатом Короны в его обращении к присяжным эмоционально окрашенные и подстрекательские выражения. Он утверждает, что то, как адвокат Короны вел его перекрестный допрос, отрицательно сказалось на разбирательстве дела, поскольку он был вынужден отвечать на компрометирующие и оскорбительные вопросы. Наконец, он жалуется, что прокурор пытался повлиять на судью в отношении приговора.

3.10 Автор далее утверждает, что обвинением было нарушено соглашение между адвокатом Короны и защитой. В соответствии с этим соглашением

обвинение должно было ограничиться ссылкой на шесть пунктов обвинения в хищениях и не упоминать о 66 суммарных пунктов обвинения в налоговом мошенничестве. Когда адвокат Короны начал ссылаться на исключенные таким образом доказательства, защитник автора сообщения возразил против этого, заявив, что упоминание о них недопустимо, поскольку является нарушением соглашения. Его возражение не было принято судьей во внимание, что, по мнению автора, отрицательно сказалось на его защите. При рассмотрении апелляции Апелляционный суд не нашел оснований для жалобы, поскольку соглашение носило достаточно широкий характер и допускало упоминания о поднятых обвинением вопросах.

Заслушивание свидетелей

3.11 Автор утверждает, что не мог вызвать в качестве свидетеля защиты некоего г-на Кумара, поскольку тот был выдворен за пределы Новой Зеландии 8 мая 1993 года. Вместе с тем показания данного свидетеля могли бы опровергнуть доказательства обвинения и вызвать серьезные сомнения в достоверности показаний главного свидетеля обвинения. При рассмотрении поданной им в апелляционный суд жалобы он представил affidavit, который, как постановил суд, не является основанием для пересмотра судебного решения.

3.12 По утверждению автора, главный свидетель обвинения лгал на суде, при этом автор допускает, что государственные правоохранительные органы и обвинение регулярно прибегают к использованию лжесвидетельств, для того чтобы обеспечить вынесение обвинительного приговора.

3.13 По его словам, второй свидетель обвинения г-н Чандра лгал суду, отрицая, что автор оказывал ему помощь в вопросах иммиграции и что защитнику не было разрешено предъявить этому свидетелю копию писем, касающихся иммиграционных вопросов. По утверждениям автора, эти документы вызвали бы сомнение в отношении правдивости показаний свидетеля и что решение судьи, таким образом, нарушило его право на действенную защиту.

3.14 Автор, кроме того, утверждает, что при слушании дела должны были быть исключены показания одного свидетеля, который умер до начала процесса. Он объясняет, что в то время, когда с этого свидетеля были сняты соответствующие показания, тот умирал от СПИДа и не был в состоянии давать какие-либо показания, поскольку днем раньше оказался не в состоянии прийти на собеседование. Автор также оспаривает тот факт, что эти показания носили добровольный характер. Однако после процедуры *voire dire* судья разрешил принять эти показания к рассмотрению.

Резюме заслушивания и оглашение приговора

3.15 Автор утверждает, что сделанное судьей для присяжных резюме судебного следствия было необъективным и склонялось в пользу версии обвинения.

3.16 Что касается оглашения приговора, автор жалуется, что судья допускала при этом различного рода неуважительные замечания в его адрес, и в частности жалуется на то, что она рекомендовала адвокату Короны направить

копию ее приговора новозеландскому обществу бухгалтеров и директору национального института бухгалтеров, с тем чтобы лишить его возможности дальнейшей работы в качестве бухгалтера. Автор заявляет, что, поскольку на его иждивении находится мать-инвалид, это является нарушением статьи 23 (1) Пакта. Кроме того, автор жалуется, что наказание по приговору было чрезмерным и что он не в состоянии выплатить предписанный штраф. По сравнению с аналогичными делами установленное ему наказание является наиболее строгим, и причина заключается в черном цвете его кожи. В этой связи автор также жалуется на то, что белые подсудимые имеют возможность нанимать опытных адвокатов, в то время как черные вынуждены прибегать к предоставлению им юридической помощи по назначению, что уменьшает их шансы на оправдательный или мягкий приговор. Это, как он заявляет, равнозначно отказу в правосудии.

3.17 Автор утверждает, что проявленная судьей по отношению к нему предвзятость объясняется ее предрассудками в отношении черных подсудимых вообще. Он ссылается на ряд вынесенных судьей решений, якобы свидетельствующих о ее предвзятости. В этой связи он упоминает, что защищавший его адвокат (который тоже был черным) посоветовал ему нанять белого адвоката, для того чтобы обжаловать приговор и избежать тюрьмы. Автор, кроме того, утверждает, что окружной суд Отахуу известен "легкостью, с которой выносит обвинительные приговоры". Автор также критикует судебные власти Новой Зеландии в целом.

Апелляция

3.18 Автор утверждает, что отказ в юридической помощи для подготовки апелляции нарушает интересы правосудия и дискриминирует его на основе расы, цвета кожи и по другим основаниям. Автор ставит под сомнение правомерность вынесенных судьями Апелляционного суда решений, поскольку в прошлом более 52% этих решений пересматривались Тайным советом, и утверждает, что суждение судьи о том, что основания для апелляции не являются существенными, таким образом, необязательно верно. Кроме того, отказывая ему в правовой помощи на том основании, что для апелляции не имеется существенных оснований, суд проявил по отношению к нему предвзятость в нарушение статьи 26. Он также заявляет, что, поскольку получил юридическую помощь на этапе рассмотрения его дела окружным судом, у него была "законная надежда" на то, что она будет предоставлена ему и для апелляции. Ссылаясь на дискреционное право регистратора предоставлять юридическую помощь или отказывать в ней, автор заявляет, что эта система открыта для злоупотреблений и те лица, которые, как и он, принадлежат к черным меньшинствам, никогда не получают юридической помощи. Кроме того, отказ регистратора в юридической помощи был недобросовестным, поскольку, в частности, тот был "заведомо предрасположен" отказать ему, предоставив автору сообщения очень мало времени для подготовки документов и в своей переписке с ним использовал "недоброжелательный тон". Автор также утверждает, что его ходатайство о пересмотре дела не было должным образом изучено, поскольку решение было вынесено в течение двух рабочих дней.

3.19 Автор жалуется на то, что судья Апелляционного суда был настроен против него и грубо его прервал, когда он сделал ошибку, что повлияло на его

способность аргументировать свою апелляцию. Он заявляет, что рассмотрение его апелляционной жалобы носило характер фарса и что исход был предreshен, что явствует также из отказа предоставить ему юридическую помощь. Более того, один из апелляционных судей до этого участвовал в рассмотрении его апелляции на обвинение в налоговом мошенничестве⁴ и, по словам автора, должен был объявить о своем предшествующем участии в рассмотрении дела автора и взять самоотвод при заслушивании дела в Апелляционном суде. Автор объясняет, что не поднял этого вопроса в ходе рассмотрения апелляции, поскольку боялся, что это будет расценено как неуважение к суду. Он заявляет также, что данный судья "известен своими неуместными замечаниями при вынесении приговора обвиняемым, которые являются либо эмигрантами, либо представителями коренного народа маори". В целом автор жалуется на то, что судебная система носит преимущественно "белый характер" в ущерб черным подсудимым.

Другая информация

3.20 Автор разъясняет, что отбывает свое наказание путем явки каждое воскресенье в центр заключения, где содержится под стражей в течение восьми часов и обязан заниматься физическим трудом независимо от погодных условий. Это, как он утверждает, означает нарушение статей 7 и 10 Пакта. В этой связи он утверждает, что в рабочей зоне имеется лишь один переносной туалет на 8-10 заключенных и нет ни мыла, ни стирального порошка. Кроме того, он жалуется на то, что предоставляемое питание недостаточно, плохого качества и готовится с нарушением правил гигиены. Он заявляет, что получает только лишь чашку чая в середине утра и бутерброд с сыром и свинойной на обед. Он жалуется на то, что, несмотря на тяжелый физический труд, заключенным не выдается ни специальной одежды, ни средств охраны труда и что они должны самостоятельно приобретать соответствующую обувь. Он утверждает, что получил серьезную кожную инфекцию в результате использования выданных в тюрьме защитных перчаток, которые до этого использовались другими заключенными и не прошли дезинфекции.

3.21 Он, кроме того, утверждает, что его мать является жертвой нарушения статьи 7 Пакта, поскольку действия государства-участника причинили ей страдания и поскольку он не в состоянии ухаживать за ней в течение тех восьми часов, которые каждую неделю проводит в месте заключения.

Замечания государства-участника по вопросу о приемлемости и по существу дела

4.1 Государство-участник считает, что все утверждения автора неприемлемы по причине либо несоответствия с положениями Пакта и недоказанности, либо неисчерпания внутренних средств защиты. В случае, если Комитет сочтет одно из этих утверждений приемлемым, то, по утверждению государства-участника, они не могут быть приняты к рассмотрению ввиду их недостаточной обоснованности по существу дела.

4.2 В целом, государство-участник отмечает, что большинство данных утверждений относится к рассмотрению дела в окружном суде, что уже было предметом рассмотрения и оставлено без изменений Апелляционным судом. Государство-участник ссылается на юриспруденцию Комитета и отмечает, что

оценка фактов и доказательственной стороны того или иного конкретного случая, если только выполнение процессуальных норм не носит явно произвольного характера или не представляет собой отказ в правосудии, является делом не Комитета, а апелляционных судов государств-участников. Соответственно большинство поднятых в данном сообщении вопросов не подпадают под юрисдикцию Комитета.

Юридическая помощь/неадекватность защиты в ходе судебного разбирательства/место судебного разбирательства

4.3 Государство-участник утверждает, что интересы автора сообщения были должным образом представлены. Оно заявляет, что утверждение автора о том, что регистратор намеренно назначил автору слепого адвоката, не соответствует действительности и что все адвокаты по назначению избираются по ротации из соответствующего списка. Возмещение расходов по оказанию юридической помощи является достаточно частой практикой, и выплата этой суммы не была бы для автора сообщения связана с какими-либо материальными лишениями. Кроме того, автор мог бы подать ходатайство о пересмотре решения регистратора о частичном возмещении расходов, однако, поскольку он этого не сделал, внутренние средства защиты в этом отношении не были исчерпаны.

4.4 По вопросу о месте проведения суда государство-участник утверждает, что автором не были исчерпаны внутренние средства защиты, поскольку он не обратился к судье окружного суда с ходатайством о передаче дела в другое судебное присутствие согласно разделу 28 d) Закона об окружных судах 1947 года и раздела 322 (1) Закона об уголовных преступлениях 1961 года.

Проведение судебного разбирательства

4.5 Относительно утверждений автора по поводу того, как проводилось разбирательство в суде, государство-участник утверждает, что все поднятые вопросы, включая якобы проявленную судьей предвзятость, и допущенное им нарушение правил в связи с упоминанием о возможности обвинительного приговора, а также о том, что средства для предоставления юридической помощи использовались не по назначению, были подробно рассмотрены Апелляционным судом и что автор не представил достаточных подтверждений своих претензий. В этом отношении государство-участник обращает внимание на аргументы, приведенные Апелляционным судом в мотивировке своего решения⁵. Кроме того, по вопросу об отказе в просьбе адвоката отказаться от защиты государство-участник указывает на постановление Апелляционного суда, где сказано, что судья первой инстанции правомерно стремился отговорить адвоката от оставления дела на поздней стадии процесса (несколько дней спустя после начала разбирательства) и что в деле отсутствуют какие-либо упоминания о заявлении адвоката об отказе от ведения дела.

Обвинение

4.6 По вопросу о поведении на суде обвинения государство-участник утверждает, что большинство поднятых вопросов было изучено Апелляционным судом, и вновь приводит выдержки из судебного решения⁶.

4.7 Относительно якобы допущенного нарушения судами пункта 3 с) статьи 14, выразившегося в отказе автору сообщения в вызове его бывшего адвоката для дачи показаний, государство-участник утверждает, что автор не исчерпал внутренних средств защиты. Заместителем регистратора 10 июля 1996 года автору было направлено письмо с изложением процедуры, которой суд будет следовать для рассмотрения показаний адвоката автора сообщения. Автор сообщения не предпринял никаких действий в ответ на это письмо. Если он действительно не получил это письмо, то ему следовало сообщить об этом по телефону.

4.8 Равным образом государство-участник утверждает, что автор не исчерпал внутренние средства защиты применительно к отказу суда разбить обвинительное заключение на отдельные части. Как признает сам автор, у него имелась возможность обратиться в суд с соответствующим ходатайством. Государство-участник утверждает, что по вопросу о якобы допущенном обвинением нарушении соглашения между ним и защитой соответствующие аргументы были подробно рассмотрены Апелляционным судом и отведены как несостоятельные⁷.

Заслушивание свидетелей

4.9 По вопросу о заслушивании свидетелей государство-участник утверждает, что выдвинутые автором утверждения в их совокупности были рассмотрены не только судом первой инстанции, но также и Апелляционным судом, и ссылается на судебное решение последнего по данному вопросу⁸. В отношении утверждения о том, что один из свидетелей солгал перед судом, государство-участник добавляет, что автор не поднял этого вопроса перед Апелляционным судом и тем самым не исчерпал в этом отношении внутренних средств защиты.

Резюме слушаний и оглашение приговора

4.10 Государство-участник оспаривает сделанные автором утверждения по вопросу об обобщении судьей итогов слушания. По вопросу об оглашении приговора и сделанном судьей предложении, чтобы обвинение сообщило о вынесенном обвинительном приговоре новозеландскому обществу бухгалтеров, государство-участник утверждает, что это не выходит за рамки обычной практики. По мнению государства-участника, это действие было осмотнительным и разумным, поскольку из обстоятельств дела с достаточной очевидностью усматривалось, что автор может попытаться вновь совершить подобные деяния.

4.11 Относительно обвинения в расовой дискриминации государство-участник отмечает, что этот вопрос в Апелляционном суде автором никогда не поднимался и что, таким образом, автор не исчерпал внутренних средств защиты и не представил подтверждающих доказательств в обоснование своего утверждения. Кроме того, ссылка на якобы чрезмерную строгость наказания рассматривалась Апелляционным судом и была им отведена.

Апелляция

4.12 Государство-участник оспаривает все выдвинутые автором утверждения по вопросу об отказе в юридической помощи для подготовки апелляционной жалобы. В частности, в отношении его утверждения о том, что решение было

несправедливым, государством-участником дано подробное описание процедуры рассмотрения поданного автором ходатайства сначала регистратором, а затем независимо от него четырьмя судьями Апелляционного суда. Относительно якобы проявленной регистратором недобросовестности государство-участник заявляет, что это утверждение автором достаточным образом не обосновано. Кроме того, соответствующие утверждения автора были отклонены Апелляционным судом, который отметил, что "приведенные основания для апелляции недостаточны и были рассмотрены тремя судьями Апелляционного суда" при рассмотрении апелляции по существу.

4.13 Государство-участник заявляет, что выполнило свои обязательства согласно пункту 3 d) статьи 14 Пакта, поскольку:

a) соответствующие заключения были вынесены независимым образом четырьмя судьями Апелляционного суда и в интересах правосудия не требовалось предоставить юридическую помощь автору применительно к данной апелляции;

b) эти предварительные заключения указывали, что основания для апелляции не являются существенными;

c) обжалуемый приговор окружного суда не относился к высшей категории строгости: он не предусматривал тюремного заключения (а только лишь умеренный срок периодического содержания под стражей) и, хотя автору была определена выплата возмещения в размере присвоенных им денежных сумм, дополнительного денежного штрафа наложено не было;

d) автор показал достаточную способность готовить и аргументировать свою апелляцию, поскольку в своем постановлении Апелляционный суд отметил его "тщательные, подробные и полезные письменные заявления и взвешенные устные выступления в дополнение к ним".

4.14 Кроме того, государство-участник утверждает, что автор располагал средствами для подачи своей апелляции, что он в частном порядке нанял адвоката и что адвокат получал от него инструкции с 24 октября 1995 года до середины июня 1996 года, то есть в течение большей части периода между первоначальной подачей его апелляции в середине августа 1995 года и ее рассмотрением 23 июля 1996 года.

4.15 Относительно аргумента автора о том, что один из судей, ранее уже участвовавший в разбирательстве апелляционной жалобы по обвинениям в налоговом мошенничестве, не должен был впоследствии участвовать в решении вопроса о юридической помощи, государство-участник утверждает, что, поскольку в Апелляционном суде судей немного, такой ситуации не всегда можно избежать. Принятие судьей решения о самоотводе на основе подобной логики противоречило бы его присяге. Кроме того, государство-участник утверждает, что автор мог опротестовать участие данного судьи в самом начале слушания. По утверждению государства-участника, трудно согласиться с той точкой зрения, что автор опасался, что будет привлечен к ответственности за неуважение к суду, поскольку этот вопрос не возник бы. Таким образом, в этом отношении автор не исчерпал внутренние средства защиты.

4.16 В ответ на утверждение автора, что решение было "предопределено", государство-участник ссылается на то обстоятельство, что его дело

рассматривалось в течение нескольких часов и что 20-страничное решение Апелляционного суда имеет весьма подробный и всеобъемлющий характер.

Другая информация

4.17 Характеризуя условия заключения, государство-участник подробно объясняет существующий режим. Поскольку остров, где расположено место заключения, является заповедником, строить постоянные канализационные сооружения нельзя и приходится использовать другие виды санитарного оборудования. Данный санузел, который отвечает требованиям, предъявляемым к подобного вида оборудованию муниципальным советом, является закрытым, имеет соответствующее сиденье, в "яму" для устранения неприятного запаха добавляется негашеная известь. Использование извести в таких туалетах является обычной практикой.

4.18 Государство-участник отрицает отсутствие мыла или моющих средств и утверждает, что, помимо этого, каждому заключенному выдается полотенце. Запас мыла и полотенца проверяется ежедневно и при необходимости пополняется. Заключенному, ответственному за приготовление пищи, выдаются "перчатки для обработки пищевых продуктов", которые он должен использовать постоянно при работе с продуктами. За соблюдением этих правил следит отвечающий за работу заключенных надзиратель. Государство-участник приводит подробное описание пищевого рациона каждого заключенного и отрицает его недостаточность. Оно также заявляет, что автор ни разу не обращался с просьбой об особом питании с учетом каких-либо религиозных или этических факторов, хотя был вправе это сделать.

4.19 Государство-участник отрицает, что все виды работ связаны с тяжелым трудом. Все рабочие места проверяются с точки зрения безопасности труда инспектором-куратором до начала работы рабочей команды. Проверка проводится на основе соответствующих инструкций по охране труда и здоровья. В случае необходимости начальником рабочей команды выдаются соответствующая спецодежда или средства охраны. Специальная одежда требуется не на всех рабочих местах. Государство-участник отрицает, что заключенные должны сами покупать специальную одежду, поскольку она выдается в центре периодического заключения. Оно также заявляет, что тем, у кого нет средств для приобретения собственной обуви, выдается казенная и что заключенные, если того желают, могут использовать собственные перчатки. Государство-участник отмечает, что автор сообщения никогда не заявлял о кожной инфекции и не предъявлял администрации центра какой-либо справки от врача. Равным образом никто из персонала центра не получал от автора устных или письменных жалоб в этой связи.

4.20 В контексте утверждений о нарушении статей 7, 10 и 23 применительно к матери автора государство-участник обращает внимание на то, что жалобу следовало подать самой матери. Вместе с тем по существу вопроса государство-участник заявляет, что автор находится в центре всего лишь 8-10 часов в неделю и что как автор сообщения, так и его мать получают от государства соответствующую помощь в связи с ее заболеванием.

Ответ автора на сообщение государства-участника

5.1 В своем ответе автор повторяет аргументацию, выдвинутую им в первоначальном сообщении. На заявление государства-участника о том, что оценка фактов и доказательств не входит в круг ведения Комитета, автор возражает, что юриспруденция Комитета может и должна быть пересмотрена и что в любом случае ход судебного разбирательства носил произвольный и явно несправедливый характер. В этой связи автор утверждает, что решение Апелляционного суда было "субъективным" и не содержит юридических аргументов для его мотивировки. Он вновь заявляет, что не был должным образом представлен в суде и не мог противостоять прокурору.

5.2 Автор оспаривает выдвинутый государством-участником тезис о неисчерпанности внутренних средств защиты в отношении ряда выдвинутых против него обвинений, поскольку за это несет ответственность его защитник, и автор сообщения не должен быть наказан за ошибку адвоката. Кроме того, в ответ на аналогичный аргумент государства-участника в отношении вопросов, связанных с поданной автором апелляцией, он утверждает, что не был осведомлен о существовании внутренних средств защиты из-за отсутствия должной представленности на процессе.

5.3 Автор опровергает объяснение государства-участника о системе назначения защитника по списку⁹. В отношении места судебного разбирательства он отмечает, что вопрос решается по усмотрению судьи и что в данном случае средства защиты "отсутствуют и не были бы эффективными".

5.4 Автор отмечает, что рассмотрение его апелляции заняло всего лишь три часа, что показывает, что он был лишен права на справедливое разбирательство. Его утверждения о дискриминации подтверждаются четырьмя различными делами, которые слушались под председательством одного и того же судьи и в которых, как он утверждает, проявилась ее предвзятость. Внутренние средства защиты, которые якобы были ему доступны, на самом деле отсутствовали и не являлись ни эффективными, ни достаточными.

5.5 Автор повторяет свои утверждения в отношении напутственного слова судьи присяжным и оглашения ею приговора и приводит информацию о судебных делах, которые были аналогичны его собственному и по которым санкция приговора была менее суровой. Что касается решения судьи довести объявленный ему приговор до сведения профессиональной организации, к которой он принадлежит, автор заявляет, что государство-участник не указало на имеющиеся прецеденты и таким образом его утверждения бездоказательны.

5.6 Автор отвергает разъяснение государства-участника в отношении отказа в юридической помощи, поскольку оно не представило доказательство того, что его апелляцию рассматривали четыре судьи Апелляционного суда. Причина, по которой ему было отказано в правовой помощи, связана с расходами по апелляции. Рассмотрение вопроса о расходах на принесение апелляционной жалобы в качестве предварительного условия принятия жалобы к рассмотрению является, по мнению автора, "незаконным" и явно нарушает пункты 3 d) и 5 статьи 14.

5.7 Автор не соглашается с разъяснениями государства-участника об условиях содержания. Он и другие заключенные неоднократно жаловались на недостаточность пищевого рациона, однако ничего сделано не было. Он устно

и письменно сообщал надзирателям о своих убеждениях, не позволяющих ему принимать в пищу говядину, однако по-прежнему получал ее в своей порции¹⁰. Он также утверждает, что сообщил надзирателям о своем кожном заболевании и представил им медицинские справки¹¹. Кроме того, он подвергался наказаниям за такие незначительные проступки, как разговоры с другими заключенными, за что ему "надевали на голову колпак, заставляли стоять на ногах в течение 10 часов и подвергали оскорблениям с расовым подтекстом"¹².

5.8 Автор подтверждает получение им выплат по системе социального страхования, однако лишь только после того, как потерял в результате осуждения работу на условиях неполного рабочего дня, что, по его словам, не дает государству-участнику оснований уклоняться от его ответственности по защите семьи.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

6.1 До рассмотрения любого содержащегося в сообщении утверждения Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 87 правил процедуры принять решение о его приемлемости в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

6.2 По вопросу о вносе автора на покрытие расходов по его защите в ходе слушания дела в окружном суде Комитет отмечает, что автор не пытался добиться пересмотра решения регистратора и поэтому не исчерпал внутренние средства правовой защиты. Таким образом, данная претензия неприемлема согласно пункту 2 b) статья 5 Факультативного протокола.

6.3 Аналогичным образом в отношении места слушания дела Комитет отмечает, что, поскольку автор не ходатайствовал перед судьей окружного суда о перенесении слушания в другой суд, он, таким образом, не исчерпал внутренние средства правовой защиты. Поэтому данная претензия неприемлема согласно пункту 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

6.4 В связи с предполагаемым нарушением пункта 3 c) статьи 14 (отказ в вызове бывшего защитника автора сообщения в качестве свидетеля в Апелляционный суд) Комитет отмечает, что автор не выполнил процессуальные условия для допуска его защитника к даче показаний и, следовательно не исчерпал внутренних средств правовой защиты. Таким образом, данная претензия неприемлема согласно пункту 2 b) статьи 4 Факультативного протокола.

6.5 По вопросу об отказе суда в разбиении на части обвинительного заключения из нескольких пунктов самим автором признано, что он не обращался в суд с соответствующей просьбой и, следовательно, не исчерпал внутренних средств правовой защиты. Таким образом, данная претензия неприемлема согласно пункту 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

6.6 Что касается утверждения о ложных свидетельских показаниях, Комитет отмечает, что автор не поднимал этого вопроса в Апелляционном суде и, следовательно, не исчерпал внутренние средства правовой защиты. Таким образом, эта претензия неприемлема согласно пункту 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

6.7 По вопросу о якобы имеющемся нарушении статьи 26 Пакта на основании его расовой принадлежности Комитет отмечает, что автор не заявлял об этом обстоятельстве до заседания Апелляционного суда и, следовательно, не исчерпал внутренних средств правовой защиты. Таким образом, данная претензия неприемлема согласно пункту 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

6.8 По вопросу об участии в заседании Апелляционного суда судьи, которые до этого имели отношение к разбирательству апелляционной жалобы автора в связи с обвинениями в налоговом мошенничестве, Комитет отмечает, что в ходе заседаний автор отвода этого судьи не добивался. Данная претензия поэтому неприемлема ввиду неисчерпания внутренних средств правовой защиты согласно пункту 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

6.9 Что касается утверждений о недостаточной защите интересов автора в окружном суде и о якобы допущенном в силу этого нарушении пункта 3 d) статьи 14, Комитет считает, что плохое зрение первого адвоката автора и отсутствие у его второго адвоката специализации по налоговому законодательству недостаточны для обоснования утверждения о том, что защита была неэффективной с точки зрения Пакта. Комитет поэтому считает, что автором не представлено достаточно подкрепляющих доказательств для обоснования данной претензии для целей приемлемости. Данная претензия, таким образом, неприемлема согласно статье 2 Факультативного протокола.

6.10 Относительно отказа в предоставлении автору юридической помощи для подачи апелляции, что характеризуется им как нарушение пунктов 3 d) и 5 статьи 14 Пакта, Комитет отмечает, что ходатайство автора было рассмотрено сначала регистратором, а затем четырьмя судьями Апелляционного суда, которые пришли к выводу, что интересы правосудия не требуют предоставления автору сообщения защитника в порядке назначения. Комитет считает, что автор не привел достаточных обоснований своего утверждения о противоположном и что поэтому данная претензия неприемлема согласно статье 2 Факультативного протокола.

6.11 Комитет отмечает, что другие относящиеся к статье 14 Пакта утверждения автора сообщения относятся главным образом к оценке фактов и доказательств, а также к вопросам применения внутреннего права. Комитет напоминает о том, что, как общее правило, именно суда государств-участников, а не Комитет изучают обстоятельства того или иного конкретного дела и истолковывают внутреннее законодательство. Из имеющейся у Комитета информации и выдвинутых автором сообщения аргументов не явствует, что оценка фактов судами и толкование ими закона являлись произвольными или представляли собой отказ в правосудии. Данные претензии, таким образом, неприемлемы согласно статьям 2 и 3 Факультативного протокола.

6.12 В отношении якобы имевших место нарушений статей 7 и 10, которые связаны с последствиями содержания автора под стражей и жертвой которых является его мать, Комитет указывает, что, согласно статье 2 Факультативного протокола, соответствующее сообщение должно быть направлено в Комитет непосредственно предполагаемой жертвой. Кроме того, и независимо от того обстоятельства, что мать автора не подавала такого сообщения, Комитет считает, что автор не обосновал свои утверждения достаточным образом в

целях приемлемости. Данная претензия, таким образом, неприемлема согласно статье 2 Факультативного протокола.

6.13 Что касается нарушений статьи 7 и 10 Пакта, жертвой которых якобы является автор в результате еженедельной восьмичасовой рабочей программы, Комитет считает, что этих утверждений недостаточно для констатации претензии согласно статьям 7 или 10 Пакта. То же самое относится к упомянутым в пункте 5.7 выше дополнительным претензиям, которые были впоследствии выдвинуты автором. Эти претензии, таким образом, неприемлемы согласно статье 2 Факультативного протокола.

7. В этой связи Комитет постановляет:

а) признать это сообщение неприемлемым в соответствии со статьями 2 и 3 и пунктом 2 b) статьи 5 Факультативного протокола;

б) довести это решение до сведения государства-участника и автора сообщения.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

**D. Сообщение № 808/1998, Рогль против Германии
(Решение принято 25 октября 2000 года, семидесятая сессия)***

Представлено: г-ном Георгом Роглем (представлен г-ном Георгом Риксом)

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Германия

Дата сообщения: 29 октября 1997 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 25 октября 2000 года,

принимает следующее:

Решение о приемлемости

1.1 Автором сообщения является г-н Георг Рогль, гражданин Германии, родившийся 30 мая 1950 года. Он представляет настоящее сообщение от своего имени и от имени своей дочери Николь, которая также является гражданкой Германии, родившейся 7 апреля 1985 года. Автора представляет юридический консультант г-н Георг Рикс. Автор утверждает, что он и его дочь стали жертвами допущенных государством-участником нарушений пункта 1 статьи 14, пунктов 1 и 2 статьи 17, пунктов 1 и 4 статьи 23 и пунктов 1 и 2 статьи 24.

1.2 Международный пакт о гражданских и политических правах вступил в силу в государстве-участнике 17 марта 1974 года, а Факультативный протокол — 25 ноября 1993 года. При присоединении к Факультативному протоколу государство-участник внесло следующую оговорку к Факультативному протоколу: "Федеративная Республика Германия вносит оговорку в отношении пункта 2 а) статьи 5, в соответствии с которой компетенция Комитета не распространяется на сообщения а) которые были уже рассмотрены в рамках другой процедуры международного расследования или урегулирования, или б) в которых заявляется о нарушении прав, связанном с событиями, имевшими место до вступления Факультативного протокола в силу для Федеративной Республики Германии, или с) в которых сообщается о нарушении статьи 26 [указанного Пакта], если и насколько указанное нарушение относится к правам, не гарантированным в вышеупомянутом Пакте".

---

* В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Натварлал Бхагвати, г-жа Кристина Шане, лорд Колвилл, г-жа Элизабет Эват, г-н Луис Хенкин, г-н Давид Крецмер, г-н Раджасумер Лаллах, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Роман Верушевский и г-н Максвелл Ялден. В соответствии с правилом 85 правил процедуры Комитета г-н Эккарт Кляйн не участвовал в рассмотрении этого дела.

Факты в изложении автора

2.1 После расторжения брака, в котором состоял автор, его бывшая жена повторно вступила в брак 15 декабря 1989 года. Ранее она получила право опеки над дочерью от ее брака с автором, с которой связано существо настоящего сообщения. В своем ходатайстве от 16 сентября 1991 года, поданном в муниципальную районную администрацию Чама, бывшая жена автора ходатайствовала об изменении фамилии дочери, носившей фамилию автора, на новую фамилию бывшей жены автора. 9 марта 1992 года это ходатайство было удовлетворено.

2.2 23 июля 1992 года районное правительство Оберифальца отклонило административную апелляцию автора. 7 декабря 1992 года, 30 ноября 1992 года и 27 июня 1994 года административный суд Регенсбурга, административный апелляционный суд Баварии и федеральный административный суд отклонили новые апелляции автора. 9 декабря 1994 года на основании решения о неприемлемости федеральный конституционный суд отклонил последующее конституционное ходатайство автора.

2.3 После исчерпания внутренних средств правовой защиты автор 26 мая 1995 года подал заявление, касающееся тех же фактов и вопросов, в Европейскую комиссию по правам человека. 25 августа 1995 года это заявление было зарегистрировано под номером № 28319/95. В своем решении, принятом большинством голосов на пленарном заседании 20 мая 1996 года, Европейская комиссия постановила, что это заявление является "явно необоснованным" и, соответственно, неприемлемым.

2.4 26 февраля 1998 года настоящее сообщение было препровождено государству-участнику. Замечания государства-участника в отношении приемлемости этого сообщения были получены 24 апреля 1998 года, а замечания юрисконсульта — 3 августа 1998 года. 7 июня 2000 года юрисконсульт представил дополнительные замечания, которые были прокомментированы государством-участником 26 сентября 2000 года.

Жалоба

3. Автор утверждает, что официальное изменение фамилии его дочери с его собственной фамилии на новую фамилию его бывшей жены, подтверждение этого изменения фамилии каждой судебной инстанцией государства-участника и различные предполагаемые процедурные нарушения в ходе этих разбирательств (включая отсутствие публичного оглашения судебного постановления в одном случае) представляют собой нарушение прав автора и его дочери в соответствии с пунктом 1 статьи 14, пунктами 1 и 2 статьи 17, пунктами 1 и 4 статьи 23 и пунктами 1 и 2 статьи 24.

Информация и замечания юрисконсульта в отношении приемлемости сообщения

4.1 В первоначальном представлении автора, помимо подробного изложения фактов и аргументов по существу, содержится ряд доводов, касающихся приемлемости этого дела. Во-первых, автор утверждает, что рассматриваемое сообщение не может быть исключено на основании пункта а) внесенной государством-участником оговорки к пункту 2 а) статьи 5 Факультативного

протокола, сделанной при присоединении к Протоколу, в которой содержится отказ признавать компетенцию Комитета рассматривать сообщения, уже рассмотренные в рамках другой процедуры международного расследования или урегулирования.

4.2 В связи с этой оговоркой автор представляет два аргумента. Он ссылается на решение Комитета по делу Казанова против Франции¹, в котором дело, объявленное Европейской комиссией неприемлемым *ratione materiae* не было сочтено "рассмотренным" таким образом, чтобы это исключало возможность его рассмотрения Комитетом на основании очень похожей оговорки этого государства-участника. Что касается заявления от имени ребенка, то автор утверждает, что, поскольку предварительное решение автора представить жалобу от имени ребенка было отклонено Европейской комиссией, утверждать, что все аспекты этой жалобы были рассмотрены, нельзя. Кроме того, никакое рассмотрение дела отца не исключает в силу оговорки отдельного рассмотрения дела дочери, поскольку в данном случае различные лица подают отдельные жалобы.

4.3 Второй довод автора заключается в том, что Комитет не лишается права рассматривать это сообщение в силу пункта b) оговорки государства-участника. Автор утверждает, что стандартные судебные процедуры были завершены только по получении постановления федерального административного суда от 8 июля 1994 года, когда решение об изменении фамилии приобрело юридическую силу. А в это время Факультативный протокол уже действовал в государстве-участнике. Кроме того, решение федерального конституционного суда от 9 декабря 1994 года, отклоняющее ходатайство о признании неконституционности вынесенного решения, представляет собой еще одно нарушение.

4.4 Во-вторых, автор утверждает, что в этом деле в любом случае может быть применена доктрина "длящихся последствий", в соответствии с которой нарушения Пакта, имевшие место до вступления Протокола в силу, могут рассматриваться Комитетом при наличии длящихся последствий для предполагаемых жертв. Пока решение об изменении фамилии остается действительным, связь между отцом и дочерью является ослабленной. В этой связи автор ссылается на соображения Комитета по делу Е. и А.К против Венгрии² и Симунек против Чехословакии³, которые нашли поддержку в замечании общего порядка № 24 Комитета от 11 ноября 1994 года. Автор утверждает, что толкование оговорки государства-участника как основания для отказа от рассмотрения нарушений с длящимися последствиями противоречило бы духу и цели Факультативного протокола.

4.5 В-третьих, автор утверждает, что сообщение от имени дочери нельзя считать неприемлемым *ratione personae* только на основании того, что отец не является опекуном. Автор цитирует соображения Комитета по делу П.С. против Дании⁴ в обоснование тезиса о том, что родители, не имеющие права опеки, могут представлять сообщения от имени своего ребенка. По мнению автора, очевидно, что сама дочь не имеет возможности представить сообщение, в то время как это, безусловно, не отвечает интересам матери ребенка. Утверждается, что родство отца и дочери является, таким образом, достаточным основанием для его решения представить сообщения от имени дочери.

Информация и замечания государства-участника по вопросу о приемлемости

5.1 Представленный государством-участником первый аргумент в отношении приемлемости заключается в том, что Комитет не наделен полномочиями рассматривать это сообщение в соответствии с пунктом а) оговорки государства-участника. Государство-участник утверждает, что "рассмотрение" по смыслу оговорки государства-участника имело место, когда 20 мая 1996 года Европейская комиссия по правам человека объявила ходатайство автора от 26 мая 1995 года неприемлемым. Государство-участник заявляет о том, что было бы ошибкой считать, что это ходатайство было отклонено на основании его неприемлемости *ratione materiae*. В отличие от дела Казанова, в котором Комиссия пришла к подобному выводу на основании того, что права, признанные в Европейской конвенции, просто не относятся к рассматриваемым фактам, Комиссия в данном случае исходила из вывода о применимости положений Европейской конвенции, о нарушении которых заявил автор.

5.2 В связи со статьей 8 Конвенции, которая во многом соответствует статье 17 Пакта, Комиссия, прежде чем прийти к выводу об обоснованности такой относимости дела к этому праву, исходила не только из предположения о применимости, но и о такой относимости. Государство-участник утверждает, что положения Европейской конвенции, о нарушении которых заявляет автор, во многом сходны с положениями Пакта, на которые теперь ссылается автор. Прежде чем прийти к выводу о явной необоснованности жалобы, Комиссия провела исчерпывающее, тщательное и всестороннее рассмотрение всех обстоятельств дела.

5.3 Государство-участник отмечает, что одной из важных причин, лежащих в основе этой части оговорки государства-участника, является стремление избежать дублирования процедур международного рассмотрения, которое может привести к противоречивым результатам. Для обеспечения эффективного функционирования международных органов в области прав человека также необходимо избегать рассмотрения заявлений от лиц, занимающихся поисками "удобного" суда. Особенно это относится к случаям, когда всестороннее рассмотрение фактической ситуации уже состоялось в рамках какой-либо международной процедуры, как и в рассматриваемом деле.

5.4 Этот подход, направленный на то, чтобы избежать повторного рассмотрения одних и тех же заявлений в различных международных органах по правам человека, является не каким-либо особенно ограничительным подходом, применяемым этим государством-участником, а позицией, которая становится нормой в международных соглашениях. В этой связи государство-участник цитирует практически аналогичные положения Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания и проекта (на тот момент времени) Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин.

5.5 В связи с приведенными юрисконсультном аргументами в отношении неприемлемости *ratione temporis* государство-участник утверждает, что ключевым событием является направленное муниципальной районной администрацией Чама уведомление от 9 марта 1992 года об изменении

фамилии и последующее подтверждение этого решения районным правительством Оберпфальца от 23 июля 1992 года. Обе эти даты приходятся на период до вступления в силу Факультативного протокола в государство-участнике. Государство-участник отмечает, что в соответствии с административным законодательством последний административный акт, т.е. уведомление от 23 июля 1992 года, может быть пересмотрен в суде.

5.6. Это соответствует как формулировке, так и цели оговорки государства-участника, которая исключает нарушения, "связанные с событиями", которые имели место до вступления в силу Факультативного протокола, в дополнение к нарушениям, совершенным до вступления Протокола в силу. В обоснование этого подхода государство-участник ссылается на соображения Комитета по делу К. и Ч.В. против Германии⁵.

5.7. Государство-участник также считает представленное сообщение неприемлемым, поскольку оно касается дочери автора, ссылаясь при этом на две причины. Во-первых, оно является неприемлемым *ratione personae*, поскольку, в соответствии с мнением Европейской комиссии, не наделенный правом опеки родитель не вправе обращаться с подобными заявлениями. Государство-участник не считает, что Комитет в этой связи применяет критерии, отличающиеся от критериев Комиссии. Оно утверждает, что признание за автором такого правомочия в данном случае означало бы идти наперекор воле родителя, тем, что обоснованной позицией в этом случае был бы отказ от учета мнения родителя, отвечающего за опеку. Государство-участник также считает, что внутренние средства правовой защиты исчерпаны не были, поскольку суды государства-участника ни в коей мере не рассматривали вопроса о нарушении прав дочери, в отличие от нарушения прав отца. В связи с этим разбирательство должно было бы быть возбуждено самой дочерью, которая по очевидным причинам этого не сделала.

Ответ юрисконсульта на информацию и замечания государства-участника в отношении приемлемости сообщения

6.1 В своем сообщении от 3 августа 1998 года автор высказывает несогласие с мнением государства-участника в отношении приемлемости.

6.2 Что касается утверждения о том, что сообщение уже рассмотрено другим механизмом, то автор выступает за ограничительное толкование указанной оговорки, отмечая, что решение Европейской комиссии касалось только приемлемости, а не существа дела. Исходя из замечания общего порядка Комитета по делу Казанова, в котором говорится, что предусмотренные в Европейской конвенции права "отличаются по существу" от прав, содержащихся в Пакте, автор не соглашается с данной государством-участником характеристикой этих двух комплексов прав, о которых идет речь в этом случае, как "в основном идентичных". Он отмечает, что в Европейской конвенции нет гарантий, эквивалентных статьям 23 и 24. Что касается статьи 17, то автор утверждает, что формулировка аналогичной статьи 8 в Европейской конвенции носит более ограничительный характер. Кроме того, в связи с предполагаемым нарушением статьи 14 (1) в форме неоглашения решения апелляционной инстанции нельзя утверждать о том, что имело место какое-либо "рассмотрение" этого аспекта, поскольку Комиссия пришла к выводу о том, что внутренние средства правовой защиты исчерпаны не были.

6.3 Что касается аргумента государства-участника о неприемлемости *ratione temporis*, то автор еще раз утверждает, что датой нарушения является дата окончательного судебного решения об изменении фамилии в форме произведенного 8 июля 1994 года вручения постановления федерального административного суда от 27 июня 1994 года об отказе в праве на обжалование, и, следовательно, сообщение не исключается *ratione temporis* на основании второй части оговорки государства-участника. Фактически изменение фамилии было произведено только в этот момент.

6.4 В любом случае постановления федерального административного суда и затем федерального конституционного суда стали новыми нарушениями Пакта, поскольку в них было подтверждено первоначальное нарушение. Автор также рассматривает эти подтверждения первоначального предполагаемого нарушения как приводящие к длящимся последствиям, на которые распространяется компетенция Комитета. Изменение фамилии само по себе также влечет за собой длящиеся и будущие последствия для отца и дочери. Автор заявляет, что эти длящиеся последствия не оспариваются государством-участником. Автор также утверждает, что это часть оговорки государства-участника несовместима с предметом и целью Факультативного протокола.

6.5 В заключение, автор утверждает, что он, безусловно, имеет право на подачу сообщения от имени своей дочери, приводя в качестве обоснования этого утверждения соображения Комитета по делу П.С. против Дании⁶ и Сантакана против Испании⁷. Комитет, по крайней мере в этом вопросе, придерживается более широкого подхода, чем Европейская комиссия. Что касается исчерпания внутренних средств правовой защиты, то автор заявляет, что национальные суды не учли права и интересы его дочери и то, что его дочь с точки зрения закона являлась стороной судебного разбирательства через посредство ее матери. У дочери нет необходимости самой возбуждать судебное разбирательство.

Дополнительная информация и замечания по вопросу о приемлемости

7. В новом сообщении от 7 июня 2000 года автор представляет дополнительные аргументы, касающиеся неприемлемости *ratione temporis*. Он утверждает, что в соответствии с внутренним законодательством ключевой датой является дата проведения устных слушаний в последней апелляционной судебной инстанции, решение которой стало окончательным за отсутствием возможности обжаловать его далее в законном порядке. Государство-участник в своем сообщении от 26 сентября 2000 года отмечает, что нет никаких указаний на то, что при рассмотрении указанного дела первоначальное решение увязывалось с какими-либо подобными условиями, и поэтому остается применимой приведенная государством-участником норма общего административного права, согласно которой основной датой является дата первоначального административного решения.

Доводы автора по существу дела

8.1 Автор представляет подробную информацию о предполагаемых нарушениях его прав, предусмотренных в статьях 14, 17 и 23, которые по причинам приемлемости, приведенным ниже, нет необходимости рассматривать более подробно. В связи с предполагаемыми нарушениями прав

его дочери автор заявляет, что с учетом статьей 17 и 23 изменение фамилии нарушило ее семейную жизнь, нанесло ущерб ее связи с отцом, не было вызвано необходимостью и не было произведено с целью наилучшего обеспечения интересов ребенка.

8.2 В связи с правами дочери, предусмотренными в статьях 14 и 24, автор заявляет, что суды ни разу не заслушали его дочь по безусловно важному для нее вопросу и не предоставили ей независимого правового представителя в обстоятельствах, при которых ее мать как законный опекун имела свои собственные независимые и отдельные интересы в этом вопросе. Утверждается, что эти процедурные упущения в ходе судебных разбирательств нарушают права дочери автора на справедливое судебное разбирательство и специальную защиту как ребенка. В этой связи автор ссылается на соображения Комитета по делу Галлицио против Аргентины⁸, в котором говорится о нарушении статьи 24 в связи с недостаточным представительством ребенка в соответствующих судебных разбирательствах.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

9.1 До рассмотрения любых утверждений, содержащихся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека, согласно статье 87 его правил процедуры, должен принять решение о том, является ли это сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

9.2 В отношении заявлений автора о нарушении его собственных прав, предусмотренных в статьях 14, 17 и 23, Комитет отмечает, что 20 мая 1996 года Европейская комиссия по правам человека отклонила заявление автора, относящееся к тем же фактам и вопросам, которые представлены в Комитет. Комитет также напоминает, что государство-участник при присоединении к Факультативному протоколу внесло оговорку в отношении пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола, в соответствии с которой в компетенцию Комитета не входит рассмотрение сообщений, которые были уже рассмотрены в рамках другой процедуры международного расследования или урегулирования.

9.3 Комитет отмечает, что Европейская комиссия исходила из предположения о применимости положений Европейской конвенции, о нарушении которых заявляет автор, и провела исчерпывающее расследование фактов и вопросов, относящихся к этому делу. Тщательно и всесторонне рассмотрев все обстоятельства этого дела, Комиссия в конечном счете пришла к выводу, что ограничение права автора на семейную жизнь было обоснованным, и в связи с этим объявила его претензию неприемлемой, как явно необоснованную. Что касается утверждений о несправедливости судебных разбирательств, то Комиссия пришла к выводу о том, что за исключением предполагаемого нарушения, заключающегося в том, что баварский административный апелляционный суд публично не огласил свое решение, не было никаких причин делать вывод о несправедливом характере всего процесса судебного разбирательства в целом.

9.4 В связи с аргументом автора о том, что положения Европейской комиссии отличаются от цитируемых в данном случае положений Пакта, то простой факт различия формулировок положений сам по себе является недостаточным для вывода о том, что тот или иной вопрос, возникающий в связи с тем или иным правом, предусмотренным в Пакте, не был "рассмотрен" Европейской

комиссией. В связи с рассматриваемым случаем должно быть подтверждено реальное различие между применяемыми положениями. В этом случае сходство положений статей 6, 8 и 14 Европейской конвенции в трактовке Европейской комиссии с цитируемыми положениями статей 14 и 17 Пакта является достаточным для утверждения о том, что соответствующие вопросы по этому делу были "рассмотрены". Приведенная в Комитете дополнительная ссылка на статью 23 Пакта этого вывода не меняет, поскольку все вопросы, связанные с этой статьей, были рассмотрены по существу Европейской комиссией в ходе предшествующего разбирательства.

9.5 Таким образом, настоящее сообщение следует отличать от дела Казанова против Франции⁹, на которое во многом ссылается автор, на основании того факта, что в указанном деле Европейская комиссия не рассматривала положения Европейской комиссии даже с точки зрения их применения к фактам по этому делу. Из вышесказанного следует, что, в том что касается прав автора на семейную жизнь и права на справедливое судебное разбирательство (кроме заявления об объявлении постановления), данное сообщение "было рассмотрено" другим международным механизмом. В связи с этим пункт а) оговорки государства-участника к пункту 2 а) статьи 5 Факультативного протокола является применимым, и Комитет не наделен полномочиями рассматривать эти аспекты представленного сообщения.

9.6 В связи с заявлением автора о нарушении статьи 14 (1) вследствие того, что баварский административный суд не огласил публично свое постановление, Комитет считает, что Европейская комиссия не приняла к рассмотрению этот аспект на основании неисчерпания местных средств правовой защиты, в частности на основании того факта, что этот вопрос не был поднят в федеральном конституционном суде. Эта часть сообщения, следовательно, не была "рассмотрена" другим международным механизмом и не может быть исключена из процесса рассмотрения на основании оговорки государства-участника. Вместе с тем по тем же причинам, которые были указаны Комиссией, Комитет считает, что имеющиеся внутренние средства правовой защиты в этой связи не были исчерпаны. Эта часть сообщения, соответственно, является неприемлемой, согласно пункту 2b) статьи 5 Факультативного протокола.

9.7 В отношении предполагаемых нарушений прав дочери автора, предусмотренных в статьях 14, 17, 23 и 24, Комитет отмечает, что Европейская комиссия отклонила ходатайство автора о подаче жалобы от имени его дочери. В связи с этим нельзя утверждать, что Европейская комиссия рассмотрела относящийся к дочери аспект жалобы, и поэтому компетенция Комитета позволяет ему рассмотреть это дело с точки зрения дочери.

9.8 Комитет отмечает, что в соответствии с его практикой родитель, не являющийся опекуном, необязательно считается не имеющим достаточных полномочий для подачи жалобы от имени ребенка. В связи с предполагаемыми нарушениями прав дочери, предусмотренных в статьях 14, 17, 23 и 24, Комитет, однако, считает, что ни аргументы автора, ни представленные материалы не подтверждают в целях приемлемости отрицательных последствий для дочери, которые, как утверждается, представляют нарушение этих статей. Комитет хотел бы в этой связи отметить, что, хотя на момент представления последнего сообщения автора его дочери уже исполнилось 15

лет, какие-либо данные, свидетельствующие о том, что дочь автора согласна с заявлением о нарушении ее прав, отсутствуют. Комитет, соответственно, считает этот аспект сообщения неприемлемым, согласно статье 2 Факультативного протокола.

9.9 В свете своих предыдущих выводов Комитет не видит необходимости рассматривать различные оставшиеся аргументы о приемлемости, представленные автором, и ответы на них государства-участника.

10. В этой связи Комитет постановляет:

- a) объявить представленное сообщение неприемлемым;
- b) довести настоящее решение до сведения государства-участника и автора.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Примечания

¹ Сообщение № 441/1990, объявленное приемлемым 7 июля 1993 года (CCPR/C/48/D/441/1990).

² Сообщение № 520/1992, объявленное неприемлемым 7 апреля 1994 года (CCPR/C/50/D/520/1994).

³ Сообщение № 516/1992, объявленное приемлемым 22 июля 1994 года (CCPR/C/51/D/516/1992).

⁴ Сообщение № 397/1990, объявленное неприемлемым 22 июля 1992 года (CCPR/C/45/D/397/1990).

⁵ Сообщение № 568/1993, объявленное неприемлемым 8 апреля 1994 года (CCPR/C/50/D/568/1993).

⁶ Сообщение № 397/1990, объявленное неприемлемым 22 июля 1992 года (CCPR/C/45/D/397/1990).

⁷ Сообщение 417/1990, объявленное приемлемым 25 марта 1992 года, см. соображения Комитета от 15 июля 1994 года (CCPR/C/51/D/417/1990).

⁸ Сообщение 440/1990, соображения, принятые 3 апреля 1995 года (CCPR/C/53/D/400/1990).

⁹ Сообщение № 441/1990, объявленное приемлемым 7 июля 1993 года (CCPR/C/48/D/441/1990).

**Е. Сообщение № 822/1998, Вакуме против Франции
(Решение принято 31 октября 2000 года, семидесятая сессия)***

Представлено: г-ном Матье Вакуме и 28-ю другими лицами
(представлены адвокатом из Нумеа г-ном Гюставом
Теио и адвокатской конторой "Ру-Ланг-Шеймоль-
Канизарес" из Монпелье)

Предполагаемые жертвы: авторы сообщения

Государство-участник: Франция

Дата сообщения: 11 марта 1998 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28
Международного пакта о гражданских и политических правах,
на своем заседании 31 октября 2000 года
принимает следующее:

Решение о приемлемости

1. Авторами сообщения являются г-н Вакуме и 28 других лиц, которые, по их словам, являются владельцами или потомками владельцев земельных участков на острове Пен в Новой Каледонии. Они утверждают, что стали жертвами нарушений статей 17 (1), 18 и 23 (1) Международного пакта о гражданских и политических правах в результате вмешательства в их личную и семейную жизнь, а также нарушения их права свободно исповедовать религию или убеждения в отправлении культа. Авторы представлены адвокатом из Нумеа г-ном Теио и адвокатской конторой "Ру-Шеймоль-Канизарес".

Изложение фактов, вытекающих из заявлений авторов и прилагаемых документов, и их рассмотрение

2.1 Авторами сообщения являются члены племени туэте, живущего в районе бухты Оро (остров Пен в южной части Новой Каледонии) на территории образованной в 1887 году резервации, где они осуществляют свои основанные на обычаях права. Район бухты Оро разделен на участки, принадлежащие отдельным кланам. По традиции представитель каждого клана должен спросить мнение всех членов клана и получить их согласие на использование земельного участка в тех или иных целях.

2.2 Авторы утверждают, что они обладают основанными на обычаях правами на земельные участки, на которых акционерная компания "Маженин" начала строительство гостиничного комплекса. Этот комплекс был официально открыт и начал работать с ноября 1998 года.

---

* В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Прафуллачандра Натварлал Бхагвати, г-жа Элизабет Эват, г-жа Пилар Гайтан де Помбо, г-н Луис Хенкин, г-н Эккарт Кляйн, г-н Давид Крецмер, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Роман Верушевский, г-н Макссуэлл Ялден и г-н Абдалла Захья.

2.3 Другие, помимо авторов, представители племени туэте принимали участие в осуществлении проекта строительства гостиничного комплекса компанией "Маженин", который был специально разработан для этой цели в 1994 году. Между представителями племени туэте и властями Южной провинции Новой Каледонии был достигнут договор, что власти выделяют племени в виде ссуды средства, необходимые для приобретения 66% акционерного капитала компании, являющейся собственником будущего комплекса, причем оставшаяся часть акций должна отойти гостиничной компании "Сосьетэ дез отель" из Нумеа. Кроме того, представители племени обязались передать этой компании на 25 лет право пользования необходимой для строительства территорией площадью в 5 га 37 акров. Авторы сообщения, которые не участвовали в упомянутом договоре, утверждают, что они имеют права на переданные земельные участки.

2.4 Сразу же после получения разрешения на строительство, которое Собрание Южной провинции выдало компании "Маженин" 30 августа 1996 года, начались работы. С декабря 1996 года в Административный суд Нумеа поступило несколько ходатайств от местных жителей об отмене разрешения на строительство. Своим решением от 1 апреля 1997 года Суд аннулировал разрешение на строительство в связи с тем, что в соответствии с пунктом 8 постановления № 24 Собрания Южной провинции от 8 ноября 1989 года для осуществления любого проекта раздельного или группового строительства жилых или иных зданий необходимо получить не разрешение на строительство, а санкцию на производство работ в установленном провинциальными собраниями порядке. Кроме того, Суд обязал компанию выплатить всем авторам сумму в 100 000 франков КФП.

2.5 16 апреля 1997 года компания "Маженин" обжаловала это решение в Апелляционном суде Нумеа. 24 апреля 1997 года авторы обратились к судье по срочным вопросам с ходатайством о выплате прогрессивной пени. 21 мая судья отклонил это ходатайство. 4 июня 1997 года авторы подали апелляцию на решение судьи по срочным вопросам.

2.6 Решением от 16 октября 1997 года Апелляционный суд Нумеа отменил постановление судьи по срочным вопросам от 21 мая 1997 года и предписал исполнить решение Административного суда Нумеа от 1 апреля 1997 года и выплатить прогрессивную пеню. 17 октября 1997 года Собрание Южной провинции постановило разрешить компании "Маженин" строительство комплекса зданий. 22 декабря 1997 года г-н Вакуме и несколько других лиц обратились в Административный суд Нумеа с ходатайством о приостановлении действия и отмене постановления от 17 октября 1997 года. 16 февраля 1998 года Административный суд Нумеа отменяет постановление о разрешении строительства, поскольку перед выдачей разрешения на строительство вопрос не был согласован с целым рядом местных органов. 3 апреля 1998 года власти Южной провинции обжаловали в Апелляционном административном суде Парижа решение Административного суда Нумеа от 16 февраля 1998 года.

2.7 26 февраля 1998 года власти Южной провинции выдали компании "Маженин" новое разрешение на строительство. 23 марта 1998 года авторы обратились в Административный суд Нумеа с ходатайством отменить и приостановить действие нового разрешения от 26 февраля 1998 года. Они

заявили, в частности, о том, что строительство гостиницы станет нарушением их права на невмешательство в частную жизнь (статья 17 Пакта) и на защиту семьи (статья 23 Пакта). 4 июня 1998 года Административный суд Нумеа отклонил апелляцию от 23 марта 1998 года, разрешив продолжать строительство. Суд отметил, что строительство не нарушает права заявителей, провозглашенные в Международном пакте о гражданских и политических правах, поскольку не был доказан тот факт, что гостиница будет расположена на месте традиционных захоронений и, кроме того, представители племени дали ранее согласие на строительство. 4 августа 1998 года авторы обратились в Апелляционный административный суд Парижа с ходатайством отменить решение от 4 июня 1998 года.

Жалоба

3.1 Авторы сообщения утверждают, что они стали жертвами нарушений статей 17 (1), 23 (1) и 18 Международного пакта о гражданских и политических правах.

3.2 Предварительно они сослались на правило 86 правил процедуры Комитета по правам человека, высказав пожелание того, чтобы были приняты предварительные меры во избежание причинения непоправимого ущерба жертвам предполагаемого нарушения¹. Так, они утверждают, что место, где велось строительство, занимает важное место в истории, культуре и жизни их племени.

3.3 Авторы сообщения разбивают на две части совершенные нарушения прав, закрепленных в Международном пакте о гражданских и политических правах.

3.4 Во-первых, они считают себя жертвами нарушений статей 17 (1) и 23 Пакта. В этой связи они указывают на то, что бухта Оро является важным природно-историческим заповедником, имеющим большую культурную ценность. На этой территории находятся традиционные захоронения, а также берут свое начало легенды, составляющие культурное достояние и коллективную память жителей острова Пен.

3.5 Авторы сообщения напоминают о решении, которое принял Комитет по правам человека 29 июля 1997 года по делу № 549/1993 Опо и Бессер против Франции² в связи со строительством гостиничного комплекса на месте традиционных захоронений. Комитет констатировал вмешательство в частную семейную жизнь авторов сообщения в нарушение статей 17 (1) и 23 Международного пакта о гражданских и политических правах. Авторы напоминают о том, что в том случае речь также шла о строительстве аналогичного гостиничного комплекса для той же группы.

3.6 Что касается нарушения статьи 18 (1) Пакта, то авторы полагают, что строительство на месте традиционных захоронений является посягательством на их свободу мысли, совести и религии. В этой связи отмечается, что авторы сообщения, как и меланезийцы, в целом живут в естественной среде, в которой основополагающее значение имеет система связей с их родителями, семьей и предками. Культ преклонения перед памятью предков является проявлением традиционной религии, характерным для их уклада жизни, убеждений и культуры.

3.7 В этом контексте авторы полагают, что разрушение священного места стало нарушением их права на свободу исповедовать свою религию и убеждения в отправлении культа и в выполнении ритуальных обрядов.

Замечания государства-участника по вопросу о приемлемости сообщения

4.1 4 декабря 1998 года государство-участник направило свои замечания по сообщению № 822/1998, которое оно сочло неприемлемым вследствие неисчерпания внутренних средств правовой защиты. Государство-участник обратило внимание на действия, инициированные авторами после того, как 11 марта 1998 года сообщение было представлено на рассмотрение Комитета. 23 марта 1998 года авторы обжаловали разрешение на строительство, выданное властями Южной провинции 26 февраля 1998 года. Кроме того, 4 августа 1998 года авторы обжаловали в Апелляционном административном суде Парижа решение Административного суда Нумеа от 4 июня 1998 года и их апелляция до сих пор находится в стадии рассмотрения.

4.2 Франция заявила также, что эти судебные процедуры нельзя рассматривать как выходящие за рамки разумных сроков. В течение менее чем двух лет по данному делу были вынесены определение суда первой инстанции Нумеа, постановление Апелляционного суда Нумеа и три решения Административного суда Нумеа.

4.3 И наконец, государство-участник считает данное сообщение неприемлемым, поскольку авторы вообще не обращались в судебные органы Франции с жалобой на возможное нарушение статей 17 (1), 18 (1) и 23 (1) Международного пакта о гражданских и политических правах, что противоречит требованиям пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

Ответ авторов сообщения на замечания государства-участника

5.1 В ответ на замечания государства-участника адвокаты авторов сообщения сделали представление от 8 апреля 1999 года. Они заявили о том, что гостиница уже построена и открыта и что как следствие налицо факт причинения ущерба жертвам. Поскольку все меры, принятые в целях прекращения противоправного деяния, оказались неэффективными и бесполезными, нарушение упомянутых выше статей не вызывает более никаких сомнений.

5.2 Аргументу государства-участника о том, что внутренние средства правовой защиты исчерпаны не были, авторы противопоставляют их убежденность в том, что эти средства оказались неэффективными и бесполезными для прекращения противоправного деяния. Как только принималось решение о прекращении работ, компания сразу же получала новое разрешение от Собрания Южной провинции и возобновляла работы. Таким образом, авторы сообщения так и не смогли добиться прекращения противоправного строительства.

5.3 По мнению авторов, тот факт, что судебное решение о прекращении работ и выплата прогрессивной пени так и не было исполнено и компания продолжала противозаконное строительство при попустительстве Председателя Собрания, является вопиющим нарушением права каждого лица на доступ к эффективным средствам правовой защиты. Повторение таких

противоправных деяний и проявленная в этой связи терпимость властями государства-участника являются практикой, в отношении которой средства правовой защиты бесполезны и неэффективны.

5.4 Касаясь утверждений правительства о том, что они не указывали ранее на нарушения положений Пакта, авторы могут лишь выразить сожаление в связи с недобросовестностью государства-участника. Адвокаты неоднократно заявляли и упоминали о нарушениях Пакта и других международных договоров.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

6.1 Перед рассмотрением жалобы, изложенной в том или ином сообщении, Комитет по правам человека должен, как это предусмотрено в правиле 87 его правил процедуры, определить, является ли данное сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

6.2 Принимая во внимание представленные документы, Комитет отмечает, что утверждение государства-участника о том, что авторы сообщения не упоминали в судебных или административных органах тот факт, что производившиеся работы являются вмешательством в их частную и семейную жизнь, посягательством на их свободу совести и религии, не может быть признано обоснованным. Действительно, было установлено, что адвокаты авторов заявляли об этом, в частности при обжаловании разрешения на строительство от 26 февраля 1998 года, и на этот счет высказывались соображения в решении суда Нумеа от 4 июня 1998 года.

6.3 Комитет отмечает, что государство-участник оспаривает приемлемость сообщения, ссылаясь на неисчерпание внутренних средств правовой защиты, поскольку авторы не дождались результата рассмотрения их апелляции.

6.4 Касаясь утверждений авторов о том, что внутренние средства правовой защиты являются неэффективными, так как гостиница уже построена и власти не выполнили судебные решения в пользу авторов, Комитет констатирует, что после того, как 16 октября 1997 года Апелляционный суд Нумеа вынес решение о прекращении работ и выплате прогрессивной пени вследствие отсутствия законного административного разрешения, власти выдали такое разрешение, придав, следовательно, продолжению строительства легитимный характер. Таким образом, представляется, что судебные решения в пользу авторов сообщения основывались главным образом на требованиях нормативных актов о строительстве и что нет свидетельств того, что власти не выполняли решения судебных органов.

6.5 Касаясь утверждений государства-участника о том, что внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны, поскольку авторы не дождались завершения рассмотрения их апелляции, а также касаясь контраргумента авторов сообщения о том, что обжалование в Апелляционном административном суде Парижа и, если то будет необходимо, в Государственном совете, будет неэффективным, Комитет не может согласиться с доводом адвоката о том, что, поскольку строительство уже завершено, суды неспособны теперь обеспечить эффективные средства правовой защиты. В этом контексте Комитет признает данное сообщение неприемлемым в соответствии с пунктом 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

7. В этой связи Комитет по правам человека постановляет:

а) признать данное сообщение неприемлемым в соответствии с пунктом 2 b) статьи 5 Факультативного протокола;

б) препроводить настоящее решение государству-участнику и представителю авторов сообщения;

с) пересмотреть настоящее решение в соответствии с пунктом 2 правила 92 Правил процедуры Комитета, если Комитет получит от авторов или от их имени письменную просьбу, содержащую информацию о том, что причины неприемлемости более не существуют.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является французский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках как часть настоящего доклада.]

Примечания

¹ Комитет, в лице своего Специального докладчика по новым сообщениям, отклонил это ходатайство.

² Документ CCPR/C/60/D/549/1993/Rev.1, Соображения, принятые Комитетом 29 июля 1997 года.

**Е. Сообщение № 831/1998, Мейерс против Франции
(Решение принято 16 июля 2001 года, семьдесят вторая сессия)***

Представлено: г-ном Микаэлем Мейерсом
(представлен г-ном Роланом Увером)

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Франция

Дата сообщения: 11 февраля 1997 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,
на своем заседании 16 июля 2001 года
принимает следующее:

Решение о приемлемости

1. Автором сообщения является Микаэль Мейерс, французский гражданин, проживающий в Бельфоре. Он обвиняет французские власти в нарушении пункта 1 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Факты

2.1 С ноября 1987 года по 1 января 1990 года автор проходил стажировку во Французской национальной полиции. По окончании стажировки он не был назначен в качестве штатного сотрудника, и 27 декабря 1989 года он был уволен министром внутренних дел.

2.2 Последнее решение стало предметом апелляции в Версальский административный трибунал, который решением от 17 декабря 1991 года, т.е. спустя почти два года после оспариваемого решения, отменил неназначение автора. Затем, в связи со "злонамеренным настроем" администрации в том, что касается исполнения указанного решения, автор обратился в отдел жалоб Государственного совета на предмет своего восстановления в должности. Это побудило министра внутренних дел принять решение от 17 апреля 1992 года о восстановлении автора в должности с 1 января 1990 года.

2.3 Между тем 23 марта 1992 года министр внутренних дел внес в Государственный совет апелляцию на решение Версальского административного трибунала. Из-за ошибки в адресе автор был извещен

---

* В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисукэ Андо, г-н Прафуллагандра Натварлал Бхавгати, г-н Луис Хенкин, г-н Эккарт Кляйн, г-н Давид Крецмер, г-н Раджсумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Рафаэль Ривас Посада, г-н Найджел Родли, г-н Мартин Шейнин, г-н Иван Ширер, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Ахмед Тауфик Халиль, г-н Патрик Велла и г-н Максуд Ялден.

префектурой Бельфора об этой апелляции и о ее мотивировках лишь 19 ноября 1992 года. И тогда автор обратился к адвокату, который 20 июля 1993 года подал в Государственный совет замечания в порядке возражения.

2.4 Не получая более известий об этом деле, 3 июля 1995 года автор отправился в компетентное подразделение Государственного совета, чтобы навести справки. В связи с этим запросом Государственный совет почтой от 21 августа 1995 года информировал последнего, что расследование его дела завершено и что докладчик уже представил свой проект, но пока нет возможности указать дату разбирательства.

2.5 Указанное разбирательство "по-видимому" имело место 11 декабря 1996 года, но автор, не будучи уведомлен о нем, не смог прибыть на него. Государственный совет пересмотрел решение, вынесенное Версальским административным трибуналом, и признал правоту администрации. Постановление было сообщено сторонам 14 января 1997 года.

2.6 Автор отмечает, что процедура в рамках первой инстанции разворачивалась на протяжении двух лет, что, на его взгляд, является неразумным сроком применительно к вопросу о восстановлении чиновника в должности. Кроме того, процедура в Государственном совете разворачивалась — с подачи апелляции до уведомления о постановлении — на протяжении четырех лет и десяти месяцев, что также представляет собой неразумный срок. Таким образом, вся процедура продолжалась в общей сложности около семи лет.

Жалоба

3.1 Автор считает, что промежуток времени, затраченного административными инстанциями для решения его дела носит неразумный характер, принимая в расчет как всю процедуру, так и ту лишь ее часть, которая проходила в Государственном совете. В силу этого он представляет собой вопиющее нарушение пункта 1 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах.

3.2 Автор считает этот срок тем более неразумным, что его дело не было сопряжено с какими-то особыми трудностями, что сам он не чинил никаких препон к надлежащему прохождению процедуры и что после подачи его заключений в Государственный совет в июле 1993 года его досье было готово к разбору.

3.3 Кроме того, автор напоминает, что Кодекс административных трибуналов устанавливает 60-дневный срок для представления сторонами встречных справок, но применительно к администрации этот срок никогда не выдерживается. И за это государство-участник несколько раз санкционировалось Европейским судом по правам человека (Валле против Франции, ЕСПЧ, 26 апреля 1994 года; Каракайя против Франции, ЕСПЧ, 8 февраля 1996 года).

3.4 Что касается последствий процедурного срока, то автор считает, что вследствие решения Государственного совета он оказывается в той же ситуации, что и пять лет назад. Соответственно, хотя у автора не вызывает сомнений тот факт, что заработная плата, получавшаяся им все эти годы, должна причитаться ему по "правилу исполненной службы", он полагает, что

администрация потребует от него вернуть возмещение, которое было выплачено администрацией за период процедуры разбирательства в первой инстанции, когда он не находился на службе.

3.5 Кроме того, с его восстановления в должности в составе администрации автор то и дело сталкивался с проблемами со стороны своего вышестоящего начальства, что в конечном счете привело к его увольнению 4 апреля 1996 года по причине его отказа отправляться на разного рода психиатрические экспертизы, которые представлялись ему неуместными. Между тем автор возбудил значительное число процедур (жалоба на превышение власти, процедура на предмет привлечения к ответственности, процедуры в Совете коллегии врачей...), которые не пришлось бы пускать в ход, если бы Государственный совет высказался в разумный срок.

3.6 Общий ущерб, понесенный вследствие продолжительности процедуры, автор оценивает в размере 3 млн. французских франков (порядка 428 000 долл. США).

3.7 Что касается приемлемости сообщения, то автор уточняет, что он не мог апеллировать в Европейский суд по правам человека, ибо последний считает, что дисциплинарные споры штатных чиновников не относятся к сфере "гражданских обязанностей" по смыслу пункта 1 статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

3.8 Вместе с тем, что касается принципа приемлемости в Комитете, то автор прямо отсылает к юриспруденции последнего по делу Казановы (Казанова против Франции) 441/1990, 19 июля 1994 года), в которой он счел, что возбужденная против чиновника процедура увольнения все-таки сопряжена с оспариванием его гражданских прав по смыслу пункта 1 статьи 14 Пакта. И автор притязает на применение этой юриспруденции к своему делу.

Сведения и замечания государства-участника по вопросу о приемлемости сообщения

4.1 Государство-участник считает, что сообщение должно быть признано неприемлемым, поскольку оно не входит в сферу применения пункта 1 статьи 14 Пакта.

4.2 Прежде всего, в принципиальном плане неназначение на должность после стажировки не носит характера дисциплинарной процедуры и, соответственно, ни в коей мере не сопряжено с каким бы то ни было обвинением уголовного свойства. Государство-участник проводит в этой связи разграничение между дисциплинарной процедурой, которая может иметь место на протяжении стажировки или по ее окончании, и решением с констатацией окончания стажировки и с отказом в назначении на должность по мотивам, связанным с профессиональной пригодностью кандидата, что имеет место в случае автора. Но если с дисциплинарной процедурой закон увязывает такие важные последствия, как мотивировка решений и сообщение дела, то в случае решения о неназначении дело обстоит иным образом, что и подтверждает отсутствие у последнего дисциплинарной природы.

4.3 Далее, хотя государству-участнику небезызвестна юриспруденция Комитета по вышеупомянутому делу Казановы, она, по его мнению, все-таки

не может применяться в данном случае. По сути дела, хотя этот спор и представляет для автора финансовый интерес, он касается определенного момента в карьере чиновника, где дискреционные полномочия администрации носят весьма ощутимый характер и где контроль со стороны судьи ограничивается явной ошибкой оценочного характера.

4.4 В этом отношении государство-участник напоминает юриспруденцию Европейского суда по правам человека на тот счет, что споры, касающиеся найма, службы и прекращения деятельности чиновников не входят в сферу применения пункта 1 статьи 6 Европейской конвенции по правам человека, за исключением тех случаев, когда они носят сугубо имущественный характер, что толкуется весьма ограничительным образом.

4.5 А между тем, как можно видеть, пункт 1 статьи 14 Пакта составлен в формулировках, аналогичных формулировкам вышеупомянутой статьи 6. Таким образом, коль скоро данный спор, как представляется, касается назначения автора, а также в интересах согласованности в толковании международных документов государство-участник считает, что Комитету было бы желательно признать сообщение неприемлемым по причине того, что оно не входит в сферу применения пункта 1 статьи 14 Пакта.

4.6 В субсидиарном плане, а также в том, что касается обоснованности сообщения, государство-участник отмечает, что автор не может претендовать на качество потерпевшего, коль скоро процедурный срок в Государственном совете не ущемил его прав. Первоначальное решение Версальского административного трибунала действительно аннулировало решение об отказе в назначении, вследствие чего автор продолжал заниматься своей деятельностью и нормально получать свою заработную плату за исполняемую службу.

Ответ заявителя на замечания государства-участника

5.1 Автор напоминает, что в деле Казановы Комитет счел, процедура увольнения чиновника все-таки сопряжена с оспариванием его гражданских прав по смыслу статьи 14 Пакта.

5.2 Автор считает, что к данному делу должна применяться та же юриспруденция. Процедура увольнения в деле Казановы была, по сути дела, сопряжена с потерей работы со всеми вытекающими отсюда финансовыми последствиями. Точно так же и назначение чиновника-стажера представляет собой окончательный отказ автору со стороны работодателя, что сопряжено с идентичными финансовыми последствиями. Таким образом, в данном случае речь идет именно об оспаривании его гражданского права, ибо его главный аспект носит имущественный характер.

5.3 С другой стороны, автор отмечает, что в данном случае стоит вопрос не об оспаривании решения о назначении, а именно о продолжительности процедуры, и вот эта-то проблема как раз и затрагивается положениями статьи 14 Пакта.

5.4 Что касается обоснованности сообщения, то автор считает, что материальный и моральный ущерб в результате неразумного срока процедуры носит бесспорный характер. Вследствие постановления Государственного совета процедуры, возбужденные автором после первоначального решения

Административного трибунала, завершились, в сущности, ничем. А между тем, если бы автор был своевременно извещен о подаче апелляции со стороны администрации и если бы Государственный совет вынес свое решение в разумный срок, можно было бы избежать издержек, сопряженных с последующими процедурами.

Решение Комитета по вопросу о приемлемости

6.1 Перед рассмотрением жалобы, представленной в сообщении, Комитет по правам человека обязан в соответствии с пунктом 87 своих Правил процедуры установить приемлемость сообщения в силу Факультативного протокола к Пакту.

6.2 Комитета принимает к сведению замечания государства-участника относительно приемлемости *ratione materiae*, равно как и его аргументацию и аргументацию автора относительно применимости к данному делу юриспруденции по делу Казановы.

6.3 Комитет тем не менее, не будучи обязан прибегать к пространному рассмотрению сферы применения пункта 1 статьи 14 Пакта и выражая все же определенную озабоченность по поводу продолжительности процедуры, пришел к заключению, что автор в данном случае не обосновал в достаточной степени, что продолжительность процедуры, которая имеет отношение к решению о неназначении от 23 декабря 1989 года и которая разворачивалась во французских административных юрисдикциях, причинила ему реальный ущерб, поскольку он, с одной стороны, получил возмещение за период, предшествующий его восстановлению в должности в 1992 году, а с другой — продолжал заниматься своей деятельностью и получать свою заработную плату до его увольнения в 1996 году.

7. В этой связи Комитет по правам человека постановляет:

- признать сообщение неприемлемым в силу статьи 2 Факультативного протокола;
- довести настоящее решение до сведения государства-участника и представителя автора сообщения.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

**Г. Сообщение № 832/1998, Валравенс против Австралии
(Решение принято 25 июля 2001 года, семьдесят вторая сессия)***

Представлено: Ф. (имя не разглашается)
Предполагаемая жертва: сын автора сообщения К. (имя не разглашается)
Государство-участник: Австралия
Дата сообщения: 22 июля 1998 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,
на своем заседании 25 июля 2001 года,
принимает следующее:

Решение о приемлемости

1. Автором сообщения является Ф. (имя не разглашается), представившая сообщение, датированное 22 июля 1998 года от имени своего сына К. (имя не разглашается), родившегося 10 июля 1979 года. Она утверждает, что ее сын стал жертвой нарушения Австралией статьи 26 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Факты в изложении автора

2.1 С 24 февраля по 2 марта 1993 года и затем с 12 по 18 марта 1993 года сын автора сообщения был отстранен от занятий в восьмом классе средней школы штата в Майами с рекомендацией об исключении из школы за хроническое злостное непослушание и дерзкое и вызывающее поведение по отношению к персоналу школы и учащимся.

2.2 В период с 21 апреля 1993 года по 15 декабря 1993 года сын автора сообщения находился в подростковом центре "Баррет" (интернат для подростков в возрасте 13-17 лет, страдающих эмоциональными, поведенческими и психическими расстройствами). Тогда же в результате медицинского освидетельствования было установлено, что он страдает "синдромом демонстративного неповиновения", который может быть вызван самыми различными причинами. Согласно медицинскому заключению обнаруженное у сына автора сообщения расстройство определяло его поведение в прошлом и могло повлиять на его поведение в будущем. При этом

---

* В рассмотрении данного сообщения принимали участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Прафуллачандра Натварлал Бхагвати, г-н Морис Глеле Аханханзо, г-н Луис Хенкин, г-н Экарт Кляйн, г-н Давид Крецмер, г-н Раджсумер Лаллах, г-н Рафаэль Ривас Посада, сэр Найджел Родли, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Ахмед Тауфик Халиль, г-н Патрик Велла и г-н Макссуэлл Ялден.

Текст особого мнения, подписанный одним из членов Комитета, содержится в приложении к настоящему документу.

в заключении было отмечено, что сын автора сообщения вполне в состоянии контролировать свое поведение и что это поведение может измениться в лучшую сторону, если будет выбрана правильная воспитательная стратегия.

2.3 В начале 1994 года было предложено зачислить сына автора сообщения в среднюю школу штата в Мерримак, расположенную недалеко от его дома и имеющую в своем штате группу по работе с трудными подростками. Однако администрация школы вместе с департаментом образования штата предложили прежде составить общими усилиями и подписать договор между автором сообщения и школой о воспитательных мерах с учетом прошлого поведения сына автора сообщения. В таком договоре обычно определяются роли и обязанности каждой стороны по содействию возвращению ребенка в школу путем обеспечения его приемлемого поведения. После того, как было подготовлено несколько проектов такого договора, автор сообщения отказалась от дальнейшего участия в обсуждениях. Она попросила вернуть ее сына в школу и не требовать от него контроля за своим поведением.

2.4 11 апреля 1994 года в Комиссию по правам человека и равным возможностям ("Комиссия") была подана жалоба на якобы имевшую место дискриминацию в отношении сына автора сообщения по причине его инвалидности. После состоявшейся 6 ноября 1996 года согласительной конференции, на которой автор сообщения выразила обеспокоенность по поводу того, что ее сын не закончил школу, последнему было предложено вновь пойти в одиннадцатый класс и учиться по программе, специально разработанной с учетом его потребностей. Однако автор сообщения отвергла это предложение, сославшись на то, что у ее сына остались от школы слишком болезненные воспоминания и он не хочет туда возвращаться.

2.5 20 мая 1997 года член Комиссии, занимающийся вопросами дискриминации по причине инвалидности, заключил, что нет никаких оснований считать, что требование о том, чтобы сын автора сообщения подписал до поступления в школу договор о воспитательных мерах, является незаконной дискриминацией. Он не усмотрел никакой прямой дискриминации в том, что сыну автора сообщения было предложено подписать такой договор в связи с его поведением и предыдущими случаями его отстранения от занятий (что является распространенной практикой в отношении учащихся с поведенческими нарушениями), а не в связи с его инвалидностью. Не было обнаружено и косвенной дискриминации, поскольку сын автора сообщения был явно в состоянии выполнить предусмотренные договором требования и мог согласиться с мерами по контролю за его поведением. Предусмотренные договором поведенческие цели были сформулированы с учетом его потребностей и особенностей и носили прогрессивный характер, а персонал школы был специально подготовлен для решения проблем сына автора сообщения. С учетом этого договор был признан разумным и недискриминационным. 4 августа 1997 года Председатель Комиссии подтвердил это решение и оставил жалобу без удовлетворения.

Жалоба

3.1 Автор сообщения выступает с рядом утверждений, жалуясь на дискриминацию по причине инвалидности в нарушение статьи 26 Пакта. Сначала она заявляет, что Комиссия, рассматривая ее жалобу на

дискриминацию, не учитывала положений Декларации прав ребенка, Декларации о правах инвалидов и австралийской конституции. По ее словам, Комиссия не собрала необходимые доказательства и полагалась исключительно на информацию и материалы, представленные органами просвещения.

3.2 Заявляя о дискриминации в отношении ее сына по причине инвалидности, автор ссылается на то, что его прием в школу был оговорен условием (подписание договора), которое не распространяется на учащихся, не имеющих инвалидности. Кроме того, она считает, что требования, предусмотренные договором, были необоснованными. Нельзя было, в частности, требовать, чтобы ее сын работал над улучшением своего поведения, поскольку обнаруженное у него расстройство связано с патологическими изменениями в головном мозгу, которые не поддаются лечению. И наконец, автор сообщения утверждает, что требование подписания такого договора является серьезным нарушением внутригосударственного права, Декларации прав ребенка и Декларации о правах инвалидов.

Замечания государства-участника по вопросу о приемлемости и существу сообщения и ответ автора

4.1 Что касается приемлемости сообщения, то государство-участник утверждает, что автор не имел права представлять данное сообщение. Оно отмечает, что к моменту представления сообщения сыну автора исполнилось 18 лет и что в отсутствие исключительных обстоятельств он должен был либо сам представить это сообщение, либо специально уполномочить на это свою мать. В отсутствие таких полномочий или исключительных обстоятельств данное сообщение следует считать неприемлемым *ratione personae*.

4.2 Государство-участник утверждает также, что не были исчерпаны внутренние средства правовой защиты. Так, автор сообщения могла обжаловать решение Комиссии в Федеральном суде. В случае необоснованности этого решения по существу или по процессуальным мотивам Суд мог бы приостановить его действие и вернуть его на повторное рассмотрение или же сообщить сторонам их права. Поэтому, по мнению государства-участника, данное сообщение является неприемлемым еще и в силу статьи 5, пункт 2 b), Факультативного протокола.

4.3 Государство-участник считает, что те утверждения автора сообщения, которые касаются решения Комиссии, выходят за рамки компетенции Комитета и неприемлемы в силу статьи 3 Факультативного протокола. Оно утверждает, что не было представлено никаких доказательств того, что в данном случае имело место произвольное толкование или применение закона или отказ в правосудии. Кроме того, согласно юридической практике Комитета, толкование внутреннего законодательства является прерогативой судов и властей государства-участника.

4.4 Государство-участник считает, что автор не смогла обосновать свою жалобу, и приводит в этой связи свои доводы по существу дела. Что касается процедуры, которой следовала Комиссия, то государство-участник отмечает, что Комиссия рассмотрела всю представленную сторонами информацию и не обязана была запрашивать дополнительную информацию. Государство-участник отмечает также, что декларации, на которые ссылается автор, не

имеют для него прямой юридической силы и не имеют прямого отношения к толкованию статьи 26.

4.5 Что касается существа заявлений о дискриминации, то государство-участник утверждает, что все дети с поведенческими проблемами, в том числе и с расстройствами здоровья, обязаны подписывать договоры, касающиеся поведенческих аспектов их обучения. Такие договоры, определяющие достижимые цели для всех сторон, широко используются для решения целого ряда поведенческих проблем. Они являются инструментом официальной политики и стратегии органов просвещения в области управления поведением учащихся, а также частью прямых обязанностей директоров школ по обеспечению порядка, дисциплины и максимально благоприятных условий для учебы. Кроме того, они играют полезную роль в деле поддержки "трудных" учащихся, обеспечивая общее понимание ожиданий и обязанностей в отношении изменений в поведении, необходимых для того, чтобы тот или иной учащийся мог продолжать обучение в школе. Государство-участник, ссылаясь на результаты ряда психиатрических исследований, указывает на эффективность таких договоров как документов, мобилизующих все стороны на достижение заявленных целей. Поэтому оно считает, что никакой дискриминации в отношении сына автора сообщения не было.

4.6 Государство-участник утверждает, что если отношение к нему чем-то и отличалось, то эти отличия основывались на объективных и разумных критериях и были мотивированы стремлением достичь законной по смыслу Пакта цели — обеспечить оптимальные условия для обучения сына автора сообщения и других учащихся. Государство-участник утверждает также, что требования предложенного договора были, как в целом, так и в частностях, справедливыми и реалистичными. Они основывались на объективном критерии — поведенческих проблемах сына автора сообщения — и отражали ожидания в отношении поведения и обязанностей последнего, а также его родителя, школы и органов просвещения.

4.7 Государство-участник, в частности, утверждает, что, согласно оценкам экспертов и выводам Комиссии, сын автора сообщения был способен контролировать свое поведение. В договоре отмечалась необходимость постоянных усилий в этой области и говорилось всего лишь о "работе по контролю над его поведением". Что касается автора сообщения, то договором на нее возлагались обязанности по контролю за сыном в неурочное время, соблюдению школьных процедур и оказанию поддержки школе в рамках программы управления поведением учащихся. Цель всего этого состояла в привлечении автора сообщения к конструктивному сотрудничеству со школой, что вполне согласуется с обязанностями всех родителей.

4.8 Таким образом, государство-участник утверждает, что предложение о подписании составленного совместными усилиями договора было связано с поведенческими проблемами сына автора сообщения, а не с его инвалидностью, и было направлено на обеспечение более благоприятной учебной среды как для него самого, так и для других учащихся. Условия этого договора были справедливыми и реальными и основывались на экспертных оценках индивидуальных качеств сына автора сообщения, а также на позитивной психиатрической оценке данного инструмента управления поведением в целом. Поэтому государство-участник утверждает, что заявления

автора сообщения о нарушении положений Пакта не обоснованы, т.е. что не было никакого нарушения положений Пакта.

5. Автор отвергает аргументы государства-участника, подробно излагая факты, касающиеся поведения, ставшего причиной первоначального отстранения от занятий, и состояния здоровья ее сына. Она продолжает утверждать, что ее сын страдает неизлечимым заболеванием и является инвалидом. Что касается заявления государства-участника о том, что она была не вправе представлять данное сообщение, то она утверждает, что сын не мог сделать это самостоятельно. Она утверждает также, не обосновывая это документально, что сын уполномочил ее направить данное сообщение.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

6.1 Прежде чем рассматривать любые утверждения, содержащиеся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека должен, в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры, решить, является ли соответствующее сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

6.2 Что касается утверждения государства-участника о том, что данное сообщение недостаточно обосновано для целей приемлемости, то Комитет отмечает, что сообщение строится на фактической и эмпирической оценке состояния сына автора сообщения и его способности контролировать и корректировать свое поведение. Комиссия по правам человека и равным возможностям, рассмотрев эти и другие обстоятельства, пришла к выводу, что отношение к Кристоферу, также как и к другим в подобных ситуациях, основывалось на прошлом и прогнозируемом будущем поведении, что предложенный договор был разумным в данных условиях и что не было допущено никакой дискриминации. С учетом выводов Комиссии Комитет считает, что автор не смогла продемонстрировать, что предложенный договор носил необоснованный и необъективный характер, и, следовательно, не смогла обосновать свои требования для целей приемлемости. Поэтому данное сообщение является неприемлемым для целей статьи 2 Факультативного протокола.

6.3 Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что автор сообщения была не вправе направлять это сообщение, однако считает, что в данных конкретных обстоятельствах могут возникнуть вопросы относительно способности ее сына официально предоставить ей необходимые полномочия. Вместе с тем, учитывая вышеизложенные выводы Комитета, нет никакой необходимости рассматривать эти и остальные утверждения государства-участника, касающиеся приемлемости сообщения.

7. В этой связи Комитет постановляет:

- a) признать сообщение неприемлемым для целей статьи 2 Факультативного протокола;
- b) препроводить настоящее решение автору и государству-участнику.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках как часть настоящего доклада.]

Добавление

Особое мнение члена Комитета Абдельфаттах Амор

Я не согласен с принятым Комитетом основанием, на котором это сообщение было признано неприемлемым. Это сообщение необходимо было бы признать неприемлемым на ином основании, которое явилось бы предварительным условием рассмотрения данного сообщения в том смысле, что мать (г-жа Ф.) не вправе представлять своего сына (К.).

1. В момент представления сообщения в Комитет в 1998 году К. был уже совершеннолетним;
2. Г-жа Ф. не были уполномочена своим совершеннолетним сыном на эти действия;
3. Даже если К., судя по всему, страдает расстройством поведения, ни один документ, выданный каким-либо компетентным органом, не удостоверяет факт его инвалидности или недееспособности;
4. В любом случае утверждения матери о том, что ее сын инвалид, недостаточно для того, чтобы она должным образом представляла его интересы в Комитете.

[Подпись] Абдельфаттах Амор

[Совершено на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский язык. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках как часть настоящего доклада.]

**Н. Сообщение № 834/1998, Келер против Германии
(Решение принято 22 марта 2001 года, семьдесят первая сессия)***

Представлено: г-ном Вальдемаром Келером
Предполагаемая жертва: автор сообщения
Государство-участник: Германия
Дата сообщения: 5 мая 1998 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,
на своем заседании 22 марта 2001 года
принимает следующее:

Решение о приемлемости

1.1 Автором сообщения от 5 мая 1998 года является гражданин Германии Вальдемар Келер. Он утверждает, что является жертвой нарушения Федеративной Республикой Германии нескольких положений Пакта. Адвокатом он не представлен.

1.2 Международный пакт о гражданских и политических правах вступил в силу для государства-участника 23 марта 1976 года, а Факультативный протокол — 25 ноября 1993 года. При присоединении к Факультативному протоколу государство-участник сделало следующую оговорку к Факультативному протоколу, которая, в частности, гласит: "Федеративная Республика Германия вносит оговорку в отношении пункта 2 а) статьи 5, в соответствии с которой компетенция Комитета не распространяется на сообщения а), которые были уже рассмотрены в рамках другой процедуры международного расследования или урегулирования".

Факты в изложении автора

2.1 Двое детей автора, Соня и Нина, родились от его брака с Анитой Келер соответственно 30 декабря 1981 года и 20 февраля 1983 года. После продолжительного периода нетрудоспособности, наступившей у автора в результате несчастного случая и болезни, супруги стали жить раздельно — после того как 29 мая 1995 года супруга покинула общее жилье вместе с обеими дочерьми.

2.2 Предварительным распоряжением от 12 июня 1995 года местный суд Дибурга (по семейным делам) предоставил матери право определять место

---

* В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисукэ Андо, г-н Прафулладандра Натварлал Бхагвати, г-жа Кристина Шане, г-н Луис Хенкин, г-н Давид Крецмер, г-н Раджсумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Рафаэль Ривас Посада, сэр Найджел Родли, г-н Мартин Шейнин, г-н Иван Ширер, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Ахмед Тауфик Халиль, г-н Патрик Велла, г-н Максвелл Ялден.

жительства детей в период раздельного проживания супругов. 28 июня 1995 года после устного разбирательства этот суд передал производство Туттлингенскому местному суду, поскольку автор ранее обращался в этот суд с целью оформления опеки на свое имя. 7 августа 1995 года после выражения детьми пожелания оставаться с матерью Туттлингенский суд поддержал решение суда Дибурга о временном праве определять место жительства детей.

2.3 17 октября 1995 года после ряда заявлений автора о том, что, выражая свои пожелания, дети не были ограждены от давления, суд Туттлингена предписал провести психиатрическое обследование детей. Многочисленные индивидуальные интервью с обоими детьми и родителями, а также психиатрические тесты показали, что эти пожелания были подлинными, после чего 21 февраля 1996 года суд Туттлингена подтвердил передачу опекунства матери. Автор получил возможность видеться с детьми один уик-энд в месяц и дополнительно в праздничные дни. Обжалование автором этого решения было отклонено высшим региональным судом Штутгарта 20 сентября 1996 года. 5 июня 1997 года суд Дибурга предписал автору выплачивать алименты на детей и их мать.

2.4 18 июля 1997 года автор направил в суд Туттлингена письменное ходатайство о принудительном обеспечении соблюдения порядка посещения детей. Судья заявил, что суд не в состоянии обеспечить исполнение решения, поскольку дети автора теперь отказываются его видеть. 27 октября 1997 года суд Дибурга отклонил ходатайство автора о передаче ему опекунства на детей и о наложении штрафа на мать после его неудавшейся попытки увидеться с детьми.

2.5 20 января 1998 года высший региональный суд Франкфурта-на-Майне внес изменения в режим опекунства, предоставив автору более частый доступ к детям — каждую вторую субботу месяца с 11.00 до 17.00. Суд предписал обеим сторонам соблюдать этот порядок под страхом денежного штрафа. 25 марта 1998 года Федеральный конституционный суд отклонил конституционную жалобу автора.

2.6 25 мая 1998 года Европейская комиссия по правам человека объявила неприемлемой жалобу автора, которая была подана 1 сентября 1996 года и зарегистрирована 3 октября 1997 года в виде дела № 38012/97, сочтя, что заявление не обнаруживает каких-либо видимых нарушений прав и свобод, предусмотренных Европейской конвенцией или протоколами к ней.

Жалоба

3. Автор утверждает, что его права и права его детей были нарушены, в связи с чем, как представляется, возникают вопросы, прежде всего касающиеся статей 23 и 24 Пакта. Вначале он сделал упор на утверждение о том, что запрет матери на свидание с детьми равносителен похищению детей и что в данном случае государство выступает соучастником, поскольку оно не обеспечивает доступа к детям и отказывается возбуждать уголовное преследование против бывшей жены автора. В последнее время автор утверждает, что установленный порядок посещений, вынуждающий его в состоянии тяжелой инвалидности совершать поездки на длительные расстояния для встречи со своими детьми, сопоставим с пыткой.

Информация и замечания государства-участника по вопросу о приемлемости сообщения

4.1 Государство-участник считает очевидным, что сообщение уже было рассмотрено в рамках другой процедуры международного расследования или урегулирования и что компетенция Комитета поэтому исключается в силу пункта а) оговорки государства-участника.

4.2 Государство-участник утверждает далее, что имеются значительные сомнения относительно исчерпания внутренних средств правовой защиты. Поскольку Федеральный конституционный суд не излагает оснований, по которым обращение было отклонено, и автор не представил суду своего заявления, тот факт, что Федеральный конституционный суд не принял заявления к рассмотрению, сам по себе не достаточен в условиях этой многогранной и затяжной тяжбы для того, чтобы продемонстрировать, что внутренние средства правовой защиты были исчерпаны.

4.3 Государство-участник считает также, что сообщение является неполным в плане представленных материалов и сделанных заявлений, в которых не предусматривается какая-либо объективная причина для обращения, и просит обратиться к автору с просьбой представить дополнительные уточнения. В частности, государство-участник утверждает, что автор не показывает, какие внутренние решения он оспаривает, равно как и то, в каком отношении (отношениях), по мнению автора, был нарушен Пакт.

Ответ автора на информацию и замечания государства-участника в отношении приемлемости сообщения

5. В ответ на представления государства-участника автор широко комментирует германское законодательство и юриспруденцию последнего времени по семейным вопросам, переписку с членами парламента и другими лицами, общую дискуссию по международным трансграничным случаям похищения детей в Германии и других странах, отчеты о состоянии его здоровья и истории его болезни и повторные утверждения о поведении его жены и других лиц, причастных к его делам.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

6.1 До рассмотрения любых утверждений, содержащихся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека, согласно статье 87 его правил процедуры, должен принять решение о том, является ли это сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

6.2 Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что пункт а) оговорки, сделанной при его присоединении к Факультативному протоколу, исключает компетенцию Комитета рассматривать заявку автора, поскольку это же дело уже рассматривалось в рамках другой процедуры международного расследования или урегулирования. В этой связи государство-участник проинформировало Комитет о том, что Европейская комиссия по правам человека 3 октября 1997 года объявила жалобу автора неприемлемой, найдя, что обращение не раскрывает какого-либо видимого нарушения прав и свобод, изложенных в Европейской конвенции или ее Протоколах. Ввиду непредставления автором своего обращения Комиссии,

отсутствия в решении Комиссии какого-либо изложения фактов или аргументации и более широких положений Пакта, касающихся этих вопросов, Комитет не располагает достаточной информацией для установления применимости оговорки государства-участника к настоящему сообщению.

6.3 Тем не менее относительно различных заявлений автора, сделанных им прежде всего по статьям 23 и 24 Пакта, Комитет считает, что автор не обосновал своих утверждений для целей приемлемости, и соответственно объявляет их неприемлемыми в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола. Поэтому в данных обстоятельствах Комитету нет необходимости рассматривать остающиеся доводы относительно приемлемости, приведенные государством-участником.

7. В этой связи Комитет постановляет:

- а) объявить представленное сообщение неприемлемым в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола;
- б) довести настоящее решения до сведения государства-участника и автора.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

I. Сообщение № 866/1999, Торрегроса Лафуенте и другие против Испании
(Решение принято 16 июля 2001 года, семьдесят вторая сессия)*

Представлено: г-жой Мариной Торрегроса Лафуенте и другими
 (их представляет г-н Хосе Луис Масон Коста)

Предполагаемые жертвы: авторы сообщения

Государство-участник: Испания

Дата сообщения: 13 июня 1997 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,
на своем заседании 16 июля 2001 года,
принимает следующее:

Решение о приемлемости

1. Авторами сообщения являются г-жа Мария Торрегроса Лафуенте и еще 21 человек, все из которых являются испанскими гражданами, проживающими в Испании. Они утверждают, что являются жертвами нарушения Испанией их прав, предусмотренных в пункте 3 статьи 2, пункте 1 статьи 14, пункте с) статьи 25 и статье 26 Международного пакта о гражданских и политических правах. Их представляет адвокат.

Факты в изложении авторов

2.1 В 1991 году министерство юстиции объявило конкурсный экзамен на замещение вакантных должностей в составе корпуса судебной администрации. В уведомлении говорилось, что по завершении процедуры письменного тестирования первый мадридский суд опубликует предварительный список кандидатов, успешно сдавших экзамен. Суд должен был окончательно утвердить этот список после исправления любых возможных фактических ошибок по истечении десяти календарных дней, отведенных для представления претензий. Суд исходил из того, что выражение "фактические ошибки" означает ошибки в личных данных претендентов или в подсчете баллов.

---

* В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Натварлал Бхагвати, г-жа Кристина Шане, г-н Луис Хенкин, г-н Эккарт Кляйн, г-н Давид Крецмер, г-н Раджсумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Рафаэль Ривас Посада, сэр Найджел Родли, г-н Мартин Шейнин, г-н Иван Ширер, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Ахмед Тауфик Халиль, г-н Патрик Велла и г-на Макссуэлл Ялден.

К настоящему документу прилагается текст особого мнения одного члена Комитета.

2.2 21 сентября 1992 года был опубликован окончательный список, из которого был исключен 131 человек из числа кандидатов, фигурировавших в предварительном списке, включая, в частности, авторов. Соответствующие лица обратились за разъяснением в министерство юстиции, в котором им сообщили, что эти изменения объясняются тем, что в ходе первой компьютеризированной проверки экзаменационных работ недействительными признавались любые ответы, содержащие дублирующие или недостаточно хорошо стерты данные, тогда как в ходе второй проверки суд принял решение засчитывать такие ответы.

2.3 Авторы утверждают, что проверка экзаменационных работ проводилась со следующими нарушениями:

а) первый мадридский суд осуществлял официальный контроль исходя из ложной посылки, что понятие "фактическая ошибка" позволяет ставить, в частности, следующие вопросы: i) могут ли быть засчитаны ответы, в которых дублируются данные; ii) является ли законным использование ластика; iii) следует ли засчитывать ответы с плохо стертыми данными.

б) для целей рассмотрения претензии по поводу предварительного списка суд пользовался не оригиналами, а фотокопиями, вследствие чего ему было трудно определить, насколько тщательно были стерты те или иные данные;

с) авторы не имели возможности оспорить факт изменения судом установленных норм;

д) нормы официального уведомления о проведении конкурса были нарушены в тот момент, когда из окончательного списка были исключены имена 131 кандидата, которые фигурировали в предварительном списке;

е) первый суд был не вправе пересматривать результаты экзамена, поскольку его полномочия ограничивались исправлением только фактических ошибок;

ф) вопрос № 47 следовало бы исключить из списка экзаменационных вопросов, поскольку любой на него ответ был бы неверным. Экзаменационный вопрос № 54 в предложенной формулировке лишен смысла;

г) суд решил выбрать кандидата, который не следовал установленному порядку ответа на вопросы. Такое решение влечет за собой нарушение права на равенство возможностей в отношении доступа к постам на государственной службе и представляет собой явное отклонение от процедурных норм, противоречащее основополагающему праву, закрепленному в пункте 2 статьи 23 Конституции.

2.4 Авторы утверждают, что в предварительном списке не было фактических ошибок и что суд вторично исправлял экзаменационные работы без соблюдения установленных норм, без заслушивания соответствующих лиц и в нарушение собственного решения, согласно которому предварительный список становится окончательным, если только вышестоящие суды не обнаружат в нем каких-либо ошибок. В ряде решений Верховного суда отмечается, что фактическая ошибка должна быть очевидной, явной и неоспоримой и не должна вытекать из субъективных суждений или толкования применимых юридических норм. Кроме того, Верховный суд отмечал, что официальное

уведомление о конкурсном экзамене, устанавливающее условия его проведения, является обязательной нормой, определяющей порядок проведения конкурсного экзамена.

2.5 Авторы представили ходатайство о повторном рассмотрении дела, решение по которому было вынесено только 11 марта 1993 года. Кроме того, они воспользовались в национальном высоком суде средством административной судебной защиты. В решении от 8 февраля 1996 года, копия которого прилагается к сообщению, высокий суд отклонил претензии авторов, мотивируя свое решение установленными в официальном уведомлении рамками юрисдикции первого суда и ссылаясь на предыдущие решения того же характера.

2.6 И наконец, авторы возбудили в Конституционном суде ходатайство о применении процедуры ампаро, и 16 декабря 1996 года Конституционный суд постановил, что это ходатайство является неприемлемым вследствие отсутствия вопреки утверждениям авторов каких-либо нарушений пункта 2 статьи 23 Конституции и права на эффективную правовую защиту, предусмотренного в статье 24 Конституции.

Жалоба

3.1 Адвокат утверждает, что вышеописанные факты противоречат следующим положениям Пакта:

- пункту с) статьи 25, в котором закрепляется право всех граждан допускаться в своей стране на общих условиях равенства к государственной службе, поскольку процедура отбора, в которой принимали участие авторы, носила явно произвольный характер;
- подпункту а) пункта 3 статьи 2, в котором закрепляется право любого лица, права и свободы которого, признаваемые в настоящем Пакте, нарушены, на эффективное средство правовой защиты. В результате существующей системы надзора за законностью проведения экзаменов и весьма продолжительным сроком с момента начала обжалования первоначального решения и до момента вынесения судом постановления по апелляции право на средство правовой защиты в связи с нарушениями в ходе проведения конкурсного экзамена лишается всякого смысла, поскольку любой суд принимает во внимание практическую значимость своего решения и весомость средства административной правовой защиты в тех случаях, когда обжалуемые инциденты имели место несколькими годами ранее (в данном случае более трех с половиной лет), при том что многие кандидаты, получившие соответствующие должности в результате экзаменов, уже определились де-факто со своим личным и семейным статусом;
- пункту 1 статьи 14, поскольку в решении национального высокого суда используется аргумент, согласно которому определенные в официальном уведомлении условия не носят обязательного характера, что является неприемлемым с точки зрения обычного применения юридических норм и, следовательно, противоречит праву на разумную мотивировку решения. Кроме того, в решении отсутствует ответ на претензию, касающуюся исправления экзаменационной работы кандидата, о котором идет речь в

пункте 2.3 g) выше. По поводу претензии относительно того, что экзаменационные задания включали лишенный смысла вопрос, который так и не был из них исключен, в судебном решении отмечается, что Верховный суд исходит из того, что оценка вопросов и ответов производится осуществляющим надзор судом. Такой аргумент можно считать равносильным отказу в правосудии;

– авторы считают, что тот факт, что в ходе возбужденной в Конституционном суде процедуры ампаро они были лишены возможности представлять себя самостоятельно без помощи адвоката¹, противоречит пункту 1 статьи 14 и статье 26 Пакта, поскольку согласно пункту 1 статьи 81 Закона об организации работы Конституционного суда только профессиональный юрист имеет право представлять себя или выступать в суде без помощи защитника, что имеет целью освобождение юрисконсульта от бремени ведения обширной частной переписки. Такое различие в обращении свидетельствует о неприемлемом нарушении принципа равноправия с точки зрения положений Пакта.

3.2 Авторы просят признать их право на возмещение в судебном порядке по причине нарушений, имевших место в процессе отбора кандидатов и в ходе последующих судебных процедур.

Представление государства-участника

4.1 В своем представлении от 22 июня 1999 года государство-участник оспаривает приемлемость настоящего сообщения на основе статьи 3 и пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола. Касаясь предполагаемого нарушения пункта c) статьи 25, государство-участник отмечает, что авторам не чинилось никаких препятствий в отношении равноправного доступа к государственной службе. В их жалобе идет речь о процедурах, которые они считают "произвольными и несправедливыми". Вместе с тем характер соответствующих судебных процедур не имеет никакого отношения к пункту c) статьи 25 Пакта.

4.2 Касаясь предполагаемого нарушения пункта 3 а) статьи 2 Пакта, государство-участник расценивает как несостоятельный тот аргумент, что на суд оказывалось "психологическое воздействие". Кроме того, оно обращает внимание на неприемлемость утверждения относительно отсутствия средства правовой защиты в связи с тем или иным нарушением с учетом того обстоятельства, что компетентный орган, а именно Комитет по правам человека, еще не признал даже факт наличия такого нарушения.

4.3 Касаясь предполагаемого нарушения пункта 1 статьи 14 Пакта, государство-участник отмечает, что суд вынес решение в соответствии с законом и изложил развернутые и разумные основания в обоснование своего решения. Несогласие с судебным решением не является достаточным основанием для утверждений о том или ином нарушении. Если исходить из того, что любые неблагоприятные судебные решения можно критиковать как базирующиеся на несостоятельных основаниях, тогда из этого следовало бы, что состоятельными и разумными являлись бы только те основания, которые поддерживают претензию соответствующей стороны.

4.4 Что касается требования об обязательном наличии адвоката в рамках процессуальных действий в Конституционном суде, то в пункте 1 статьи 81 Закона об организации работы Конституционного суда говорится, что "физические или юридические лица, интересы которых требуют их участия в конституционных процессуальных действиях в качестве истцов или дополнительных сторон, должны заручиться услугами адвоката и действовать под руководством юрисконсульта. Лица, имеющие юридическую квалификацию, могут представлять себя самостоятельно в целях защиты своих

прав и интересов, даже если они не являются адвокатами или юрисконсультами". В ходе судебных процедур авторов консультировал юрисконсульт, а представлял их в суде адвокат, при этом никаких жалоб они в этой связи не представляли. Предполагаемое нарушение отражает абстрактное несогласие юрисконсульта авторов с общим юридическим принципом, что представляется абсолютно не характерным для лиц, которые являются жертвами нарушения какого-либо права, гарантированного Пактом. Кроме того, авторы не выдвигали эту претензию при обращении в Конституционный суд. Если претензия не выдвигалась на уровне разбирательства в национальных судах, то авторы не вправе выдвигать ее при обращении в Комитет.

Замечания адвоката

5.1 Адвокат повторяет свои аргументы по поводу нарушения пункта 3 а) статьи 2, пункта с) статьи 25 и пункта 1 статьи 14 Пакта. Касаясь предусмотренного Конституционным судом требования, в соответствии с которым истец должен быть представлен защитником, адвокат отмечает, что различие в режиме обращения между юристами и неюристами следовало бы урегулировать через предоставление неюристам возможности не пользоваться услугами адвоката, что соответствовало бы пункту 1 статьи 14 Пакта, гарантирующему равенство всех лиц перед судами и трибуналами. Тот факт, что в конечном счете авторов представлял адвокат, вовсе не означает, что они таким образом отказались от своей претензии, как это утверждает государство-участник, а всего лишь является следствием отклонения Конституционным судом ходатайства, в котором юрисконсульт авторов просил предоставить его клиентам преимущество, предусмотренное в пункте 1 статьи 81 Закона об организации работы Конституционного суда. В своем решении от 20 мая 1996 года Конституционный суд отклонил эту просьбу, приведя в обоснование своего решения аргумент, согласно которому указанное преимущество "базируется на гарантии полного соблюдения основополагающего права на защиту, которое может быть ущемлено вследствие нехватки у соответствующей стороны специальных знаний, что уменьшает ее шансы на успех".

5.2 Адвокат заявляет, что выдвинутый Конституционным судом аргумент является несостоятельным, поскольку пользование услугами адвоката не имеет ничего общего с гарантией соблюдения права на защиту или наличием у сторон надлежащих специальных знаний, за что продолжает нести ответственность юрисконсульт. Единственное практическое значение возможности не пользоваться услугами адвоката будет заключаться в том, что корреспонденция будет направляться непосредственно заинтересованной стороне, а не через адвоката. Кроме того, используемый в этой связи аргумент Конституционного суда нарушает также право на надлежащее судебное разбирательство, включающее обязанность обеспечивать беспристрастное рассмотрение аргументов сторон и избегать заведомо ложных обоснований. Адвокат добавляет, что в связи с этой частью претензии Конституционный суд ссылается на пункт 3 с) статьи 6 Европейской конвенции о правах человека и пункт 3 d) статьи 14 Пакта, приписывая цитирование соответствующих положений лицам, возбудившим процедуру ампаро, которые ссылались отнюдь не на права обвиняемых в ходе уголовного процесса, а на право на справедливое судебное разбирательство, предусмотренное в пункте 1 статьи 14

Пакта (а не в пункте 3 d) статьи 14). Эти действия Конституционного суда дают основания для возбуждения новой жалобы, текст которой адвокат прилагает к настоящему сообщению.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

6.1 До рассмотрения любых утверждений, содержащихся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека, согласно статье 87 своих правил процедуры, должен принять решение о том, является ли это сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

6.2 Комитет считает, что претензии авторов в связи с нарушениями в процессе отбора базируются на толковании сферы компетенции первого суда определять критерии, которые ему следует принимать во внимание при подготовке окончательного списка кандидатов, сдавших конкурсный экзамен. С учетом всей имеющейся в его распоряжении информации Комитет отмечает, что данное обстоятельство доводилось до местных судов и что национальный высокий суд посвятил этому вопросу часть своего решения от 8 февраля 1996 года. Комитет напоминает, что в принципе оценка фактических обстоятельств дела и характера толкования национальными судами и властями национальных нормативных актов является обязанностью не Комитета, а апелляционных судов в государствах-участниках, если только не существует доказательств того, что судебные решения являются явно произвольными или равносильны отказу в правосудии. Аргументация авторов и представленные ими материалы не содержат доказательств, позволяющих обосновать для целей приемлемости их утверждения о том, что судебный контроль за действиями первого суда носил произвольный характер или был равносильен отказу в правосудии. В силу вышеизложенного сообщение является неприемлемым в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола в части утверждений о нарушении пункта c) статьи 25, пункта 3 а) статьи 2 и пункта 1 статьи 14 Пакта.

6.3 Что касается утверждений о нарушении пункта 1 статьи 14 и статьи 26 Пакта по той причине, что авторы были лишены возможности участвовать в процедурах Конституционного суда, не будучи представленными адвокатом, то Комитет полагает, что препровожденная авторами информация не свидетельствует о наличии ситуации, подпадающей под сферу действия указанных статей. Авторы утверждают, что то обстоятельство, что лица, обладающие юридической квалификацией, могут представлять себя самостоятельно в Конституционном суде, в то время как лица, не имеющие юридической квалификации, этого делать не могут, является дискриминацией. Между тем в решении Конституционного суда поясняется, что цель требований, содержащихся в пункте 1 статьи 81 Закона об организации работы Конституционного суда, заключается в том, чтобы лицо, обладающее юридическими знаниями, могло брать на себя бремя применения в суде тех или иных средств правовой защиты. С учетом этого Комитет считает, что авторы не сумели надлежащим образом обосновать для целей приемлемости свои утверждения относительно того, что такое требование не базируется на объективных и разумных критериях. В силу этого Комитет считает данную часть сообщения неприемлемой.

В этой связи Комитет постановляет:

а) признать сообщение неприемлемым согласно статье 2 Факультативного протокола;

б) довести настоящее решение до сведения государства-участника и авторов.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках как часть настоящего доклада.]

Примечания

- ¹ Адвокатом является юрист и член Коллегии адвокатов, функции которого заключаются в том, чтобы представлять [подзащитных] в рамках большинства судебных процедур, наблюдать за процессом покрытия судебных издержек и принимать активное участие в ходе принятия любых официальных решений и мер.

Добавление

Особое (несовпадающее) мнение г-жи Кристины Шане

Я заявляю о своем несогласии с решением Комитета, приняты на основаниях, изложенных в пункте 6.3. Предусмотренная испанской гражданской процедурой привилегия для лиц, имеющих юридическую квалификацию, в соответствии с которой они освобождаются от обязанности быть представленными адвокатом в ходе судебных процессуальных действий, на мой взгляд, дает основание *prima facie* ставить вопрос, затрагивающий статьи 2, 14 и 26 Пакта.

Я допускаю, что государство-участник может представить веские аргументы в обоснование разумности применения этих критериев как в принципиальном плане, так и на практике.

Тем не менее, лишь рассмотрение дела по существу позволит получить ответы, необходимые для целей любого серьезного изучения дела.

[Подпись] Кристина Шане

[Совершено на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является французский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

**Ж. Сообщение № 905/2000, Асенсио Лопес против Испании
(Решение принято 23 июля 2001 года, семьдесят вторая сессия)***

Представлено: г-ном Франсиско Асенсио Лопесом (которого представляет г-н Хосе Луис Масон Коста)
Предполагаемая жертва: автор сообщения
Государство-участник: Испания
Дата сообщения: 12 июля 1999 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,
на своем заседании 23 июля 2001 года,
принимает следующее:

Решение о приемлемости

1. Автором сообщения от 12 июля 1999 года является гражданин Испании г-н Франсиско Асенсио Лопес, который утверждает, что судебное решение, принятое по заявлению его жены с требованием пересмотреть условия их раздельного жительства, представляет собой диффамацию. Он утверждает также, что суды не рассмотрели должным образом поданное им заявление о возбуждении уголовного дела на основании содержащихся в указанном решении оскорбительных и клеветнических высказываний. Он заявляет, что является жертвой нарушения Испанией пункта 1 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Автора сообщения представляет его адвокат.

Факты в изложении автора

2.1 Требование о пересмотре условий раздельного жительства было подано против Франсиско Асенсио Лопеса его женой, с которой он официально расстался. В постановлении суда первой инстанции от 31 мая 1996 года об отказе в возбуждении дела содержалась ссылка на психическое состояние автора сообщения. Так, в решении говорилось: "не было возможности получить экспертное заключение по поводу его психического состояния, в результате которого, несомненно, было бы установлено, что данное лицо страдает умственным расстройством. Чтобы убедиться в этом, достаточно просто поговорить с ним или прочитать его жалобы. Г-н Асенсио, злоупотребляя своими правами, совершенно очевидно использует свою дочь, чтобы вынудить три суда города заниматься рассмотрением его дела. При этом

---

* В рассмотрении сообщения принимали участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисукэ Андо, г-н Прафулладандра Натварлал Бхагвати, г-жа Кристина Шане, г-н Морис Глеле Аханхансо, г-н Луис Хенкин, г-н Эккарт Кляйн, г-н Давид Крецмер, г-н Раджесумер Лаллах, г-жа Рафаэль Ривас Посада, г-н Найджел Родли, г-н Мартин Шейнин, г-н Иан Ширер, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Ахмед Тауфик Халиль, г-н Патрик Велла и г-н Максвелл Ялден.

он, как общеизвестно, безосновательно и публично на страницах газеты "Ла Опиньон" оскорбил судей, адвокатов, которые представляли его с самого начала рассмотрения дела о его раздельном жительстве, после чего все они — и вполне обоснованно — отказались от предоставления ему своих услуг, а также сотрудников местной полиции города Молина-де-Сегура".

2.2 1 июля 1996 года автор сообщения подал жалобу в суд, в которой утверждал, что в судебном решении от 31 мая 1996 года содержатся неприемлемые высказывания, которые, по мнению автора сообщения, могут рассматриваться как оскорбительные и клеветнические. Жалоба была составлена самим автором сообщения без соблюдения юридических требований, которые предъявляются к документам подобного рода. Учитывая, что компетентным органом для рассмотрения жалоб на судей в данном случае является Верховный суд Мурсии, эта жалоба была передана указанному суду, который 10 сентября 1996 года отклонил ее. Суд информировал автора сообщения, что он может подать апелляцию в течение трех дней, которая и была подана автором 3 октября 1996 года.

2.3 9 октября 1996 года Верховный суд Мурсии информировал автора сообщения, что он не сможет приступить к рассмотрению указанной апелляции, поскольку при ее рассмотрении обязательно должен присутствовать адвокат заявителя.

2.4 30 октября 1996 года автор сообщения, представленный адвокатом, подал апелляцию в Верховный суд Мурсии, который вынес по ней решение 25 февраля 2000 года.

Жалоба

3.1 В своем сообщении, направленном Комитету, автор утверждает, что заявления, содержащиеся в решении, принятом судьей первой инстанции 31 мая 1996 года, представляют собой явное нарушение его права на справедливое и беспристрастное слушание дела. Кроме того, по его мнению, содержащаяся в этом решении без психической экспертизы ссылка на то, что истец "страдает умственным расстройством", не только неправомерна, но и несовместима с пунктом 1 статьи 14 Пакта.

3.2 Что касается решения Верховного суда об отклонении его жалобы от 10 сентября 1996 года, то, как утверждает автор сообщения, данное решение нарушает право на справедливое и беспристрастное рассмотрение жалобы на судью, который в своем решении нанес ущерб репутации автора. На этом основании автор утверждает, что ему было отказано в правосудии, так как суд отказался рассмотреть дело по существу, тем самым нарушив пункт 1 статьи 14 Пакта.

3.3 Автор утверждает, что, обратившись в Верховный суд, самую высокую инстанцию провинции Мурсия, он исчерпал все внутренние средства правовой защиты. Что касается использования права на подачу апелляции в Конституционный суд, то, как утверждает автор сообщения, он не сделал этого, будучи уверен в том, что данный суд не рассмотрит его дело должным образом.

3.4 Данное дело не рассматривается в рамках другой процедуры международного расследования или урегулирования.

Информация и замечания государства-участника и комментарии автора в отношении приемлемости

4.1 В своих замечаниях от 7 февраля 2000 года государство-участник оспаривает допустимость этого сообщения и утверждает, что г-н Асен시오 Лопес не исчерпал всех внутренних средств правовой защиты, поскольку он имел возможность нанять адвоката и должным образом составить апелляцию¹.

4.2 В своих комментариях от 17 мая 2000 года автор отвечает, что он подал апелляцию 30 октября 1996 года и что Верховный суд вынес по ней решение 25 февраля 2000 года, в котором он отклонил содержащиеся в ней утверждения. Автор считает, что вследствие этого все внутренние средства судебной защиты были исчерпаны.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

5.1 До рассмотрения любой жалобы, содержащейся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека, согласно правилу 87 его правил процедуры, должен принять решение о том, является ли это сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

5.2 В соответствии с пунктом 2 а) статьи 5 Факультативного протокола Комитет удостоверился в том, что этот вопрос не рассматривается в рамках другой процедуры международного расследования или урегулирования.

5.3 Что касается утверждения об исчерпании внутренних средств судебной защиты, то, как отмечает Комитет, Верховный суд Мурсии не вынес решения в отношении апелляции в момент представления автором своего сообщения Комитету по правам человека 12 июля 1999 года. Однако учитывая последующее решение Верховного суда отказать в удовлетворении ходатайства о пересмотре и отмечая, что государство-участник не высказало никаких возражений в отношении этого решения, Комитет считает, что внутренние средства судебной защиты были исчерпаны.

5.4 Принимая во внимание, что Верховный суд Мурсии пересмотрел свое решение в отношении жалоб, содержащихся в сообщении, и что автор не смог доказать нарушения данным судом его прав, предусмотренных в пункте 1 статьи 14 Пакта, а также отказ ему в правосудии, Комитет считает, что указанные утверждения не являются должным образом обоснованными для целей приемлемости.

6. В этой связи Комитет по правам человека постановляет:

а) признать сообщение неприемлемым в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола;

б) направить данное решение государству-участнику и адвокату автора сообщения.

[Принято на английском, испанском и французском языках; причем языком оригинала является испанский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Примечания

¹ Следует отметить, что к этому времени автор уже подал апелляцию от 30 октября 1996 года.

**К. Сообщение № 935/2000, Махмуд против Словакии
(Решение принято 23 июля 2001 года, семьдесят вторая сессия)***

Представлено: г-ном Ибрагимом Махмудом (представленным адвокатом г-ном Богумиром Благой)
Предполагаемая жертва: автор сообщения
Государство-участник: Словакия
Дата сообщения: 2 мая 2000 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 23 июля 2001 года

принимает следующее:

Решение о приемлемости

1. Автором сообщения является Ибрагим Махмуд, гражданин Сирии, в настоящее время находящийся в центре содержания под стражей в Словацкой Республике. Он утверждает, что является жертвой нарушения Словацкой Республикой статей 2, 14 и 26 Международного пакта о гражданских и политических правах. Его интересы представляет адвокат.

Факты в изложении автора

2.1 Ибрагим Махмуд прибыл в Словацкую Республику 17 февраля 1992 года с целью учебы на фармацевтическом факультете Братиславского университета Коменского. Он получил стипендию министерства образования и вид на жительство на весь период пребывания.

2.2 10 марта 1998 года автор бросил учебу из-за неудовлетворительного состояния здоровья. Автор ссылается на две различные группы процедур, при осуществлении которых, по его утверждению, были нарушены его права согласно Пакту. Первая из них касается решения, в соответствии с которым его вид на жительство был аннулирован и ему было предложено покинуть Словацкую Республику, а вторая – отказа предоставить ему статус беженца.

Вид на жительство

2.3 Управление полиции по вопросам пограничной охраны и по делам иностранцев Братиславского главного управления полиции 16 марта 1998 года приняло решение, аннулирующее выданный автору вид на жительство.

---

* В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисукэ Андо, г-н Прафулладандра Натварлал Бхагвати, г-жа Кристина Шане, г-н Морис Глеле-Аханханзо, г-н Луис Хенкин, г-н Эккарт Кляйн, г-н Давид Крецмер, г-н Раджесумер Лаллах, г-н Рафаэль Ривас Посада, сэр Найджел Родли, г-н Мартин Шейнин, г-н Иван Ширер, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Ахмед Тауфик Халиль, г-н Патрик Велла и г-н Макссуэлл Ялден.

Решение это вручено автору не было. Оно было принято лишь в виде публичного указа, и, поскольку автор сообщения не знал об этом решении, он был лишен возможности оспорить его, обжаловав в установленном порядке.

2.4 Управление полиции по вопросам пограничной охраны и по делам иностранцев 29 апреля 1998 года приняло еще одно решение, согласно которому автору было запрещено возвращаться на территорию Словацкой Республики до 29 апреля 2001 года и приказано покинуть Словацкую Республику к 15 мая 1998 года. Ходатайство автора, в котором он обжаловал это решение, обратившись в министерство внутренних дел (президиум сил полиции, управление полиции по вопросам пограничной охраны и по делам иностранцев), было отклонено.

2.5 Автор подал ходатайство в Верховный суд, прося изучить законность решения министерства внутренних дел. Верховный суд рассмотрел дело в закрытом заседании и сообщил автору и его адвокату, что решение будет вынесено 28 января 1999 года. Автор и его адвокат не смогли присутствовать при вынесении решения, поскольку, когда они прибыли в здание суда, там происходила эвакуация из-за поступившего сообщения о заложенном взрывном устройстве. Автор оспаривает содержащееся в решении Верховного суда утверждение о том, что само решение было вынесено публично. Решение Верховного суда в письменной форме было вручено автору 17 марта 1999 года.

2.6 Автор подал заявление в Конституционный суд Словацкой Республики с просьбой установить конституционность того, что Верховный суд был не в состоянии публично вынести решение. Как представляется, это единственное основание, на которые ссылался автор в своем ходатайстве в Конституционный суд.

2.7 Конституционный суд 27 октября 1999 года постановил, что процедура, использованная Верховным судом, не нарушала прав автора, поскольку решение было вынесено публично. Это решение было вручено адвокату автора 5 ноября 1999 года.

Процедура предоставления убежища

2.8 16 мая 1998 года (на следующий день, после того как автор должен был покинуть территорию Словацкой Республики) он обратился в миграционное бюро министерства внутренних дел Словацкой Республики с ходатайством о предоставлении ему статуса беженца. Его заявление было отклонено решением от 8 февраля 1999 года, поскольку автор не смог доказать наличия обоснованных опасений в отношении преследований по признаку расы, религии, национальности, принадлежности к той или иной социальной группе или политических убеждений в случае возврата в страну его происхождения. Кроме того, в решении было высказано сомнение относительно достоверности причин, в силу которых автор добивался статуса беженца.

2.9 Автор обжаловал это решение, обратившись к министру внутренних дел, рассмотревшему дело исключительно на основании письменных документов. Это ходатайство было отклонено решением от 25 мая 1999 года.

2.10 После этого автор подал жалобу в Верховный суд с просьбой рассмотреть вопрос законности этого решения. Автор присутствовал на "слушании" дела 8 сентября 1999 года, но без адвоката. Судья задал автору вопрос, желает ли он

"высказать свое мнение по поводу жалобы". Автор попросил предоставить переводчика, однако ему было в этом отказано, исходя из того, что в данном случае "не шла речь о доказывании фактов", и поэтому просьба о переводчике была излишней. Верховный суд отклонил жалобу, и решение было вынесено на словацком языке. Это решение было вручено автору 8 октября 1999 года. Автор утверждает, что он исчерпал все внутренние средства правовой защиты в отношении процедуры представления убежища.

2.11 В марте 2000 года была начата процедура депортации автора из Словацкой Республики. Какой-либо дальнейшей информации о ходе этой процедуры не представлено.

Жалоба

3.1 В связи с решением управления полиции по вопросам пограничной охраны и по делам иностранцев об аннулировании вида на жительство автора последний утверждает, что, когда властям стало известно о невозможности установить его местонахождение, ему в соответствии с пунктом 2 статьи 16 Закона об административной процедуре № 71/1967 Coll. должен был быть назначен попечитель. По мнению автора, в этом случае он был бы в состоянии оспорить принятое решение.

3.2 Автор утверждает, что государство-участник нарушило его право на публичное вынесение решения Верховным судом и право присутствовать при вынесении этого решения в соответствии со статьей 2, пунктом 1 статьи 14 и статьей 26 Пакта. По словам автора, его жалоба касается только вынесения решения Верховным судом, а не решения, согласно которому ему запрещено возвращаться на территорию Словацкой Республики и приказано покинуть ее.

3.3 Автор утверждает, что для него не было обеспечено справедливое "слушание" в Верховном суде, поскольку ему было отказано в предоставлении переводчика. Это решение нарушало его право на то, чтобы это "разбирательство" велось на языке, который он понимает, право на равную юридическую защиту без дискриминации и принцип равенства сторон в деле в соответствии со статьей 2, пунктом 1 статьи 14 и статьей 26 Пакта. Кроме того, он указывает, что апелляция на имя министра внутренних дел основывается только на документах и не дает ее подателю возможности выступать с устными заявлениями. Наконец, он утверждает, что государство-участник дало неверную оценку фактам и материалам его дела.

Замечания государства-участника в отношении приемлемости

4.1 По фактам дела государство-участник указывает, что Ибрагим Махмуд был исключен из Университета Коменского и, поскольку цели, на основании которой был выдан его вид на жительство, больше не существовало, ему было предложено покинуть территорию Словацкой Республики до 15 мая 1998 года. В добавлении к этому государство-участник отмечает, что автор занимался не соответствующей условиям его вида на жительство деятельностью, руководя с 4 декабря 1997 года туристическим агентством.

4.2 По поводу жалобы автора относительно того, что решение по его вопросу не было вынесено Верховным судом публично, государство-участник со своей стороны заявляет, что и Верховный суд, и Конституционный суд исходили из

письменного свидетельства, которое было представлено министерством юстиции и в котором подтверждалось, что, несмотря на эвакуацию из здания из-за сообщения о заложенном взрывном устройстве, в течение части первой половины дня заседания проводились. Кроме того, государство-участник отмечает, что вынесение решения по этому делу было зарегистрировано в судебных досье. По мнению государства-участника, обеспечение наличия сторон при объявлении судебного решения не входит в функции суда и их отсутствие в суде в момент вынесения решения не является основанием для невынесения решения. Тот факт, что автор не мог войти в здание из-за того, что была объявлена тревога по поводу взрывного устройства, не может рассматриваться как нарушение его прав.

4.3 Что касается процедуры предоставления убежища, то по сообщению государства-участника министр внутренних дел отклонил жалобу, в частности, на основании того, что автор сообщения в ряде случаев действовал "в нарушение действующих законов" Словацкой Республики и не смог обосновать наличие опасений в отношении преследований в случае возврата в страну происхождения. Кроме того, у министра сложилось убеждение, что автор намеревался добиться права проживания в Словацкой Республике для продолжения своей деловой деятельности.

4.4 В отношении утверждения автора о том, что ему не был предоставлен переводчик в ходе разбирательства в Верховном суде, государство-участник утверждает, что в этот день Верховный суд лишь объявил вынесенное решение и что никакие устные свидетельства не заслушивались. Ввиду этого суд счел, что переводчик не был нужен. Постановления суда всегда объявляются на официальном языке без перевода на родной язык той или иной стороны дела. Кроме того, государство-участник утверждает, что сам автор не воспользовался услугами переводчика на первом этапе разбирательства, поскольку, как он якобы заявил в ходе собеседования, он хорошо владеет словацким языком. Государство-участник также подчеркивает тот факт, что Ибрагим Махмуд находился в Словацкой Республике с 1992 года и не подавал ходатайства о предоставлении убежища до 1998 года.

4.5 В любом случае государство-участник утверждает, что автор не исчерпал всех внутренних средств правовой защиты ни в том, ни в другом случае, и просит Комитет объявить сообщение неприемлемым. Во-первых, согласно пунктам е) и f) статьи 243 Уголовно-процессуального кодекса автор имел возможность обратиться с ходатайством к "генеральному прокурору" в чрезвычайном порядке, если он считал, что в вынесенном постановлении суда был нарушен закон. Государство-участник уточняет, что в рамках этой процедуры генеральный прокурор в случае обнаружения факта нарушения закона может обжаловать его в чрезвычайном порядке в Верховный суд. В случае автора сообщения такое чрезвычайное ходатайство рассматривалось бы Верховным судом в ином составе, а не в том, который рассматривал его дело в третьей инстанции. Верховный суд, установив факт нарушения закона, может отменить соответствующее постановление и вернуть дело в суд, вынесший неверное постановление, для дополнительного слушания. Государство-участник уточняет, что подача жалобы на имя Генерального прокурора в соответствии с этой процедурой и обжалование в чрезвычайном порядке не препятствуют обращению в Конституционный суд.

4.6 Во-вторых, в отношении притязаний автора на статус беженца государство-участник утверждает, что автор мог бы обратиться в Конституционный суд в соответствии со статьей 130 (3) Конституции. Государство-участник разъясняет, что подобное разбирательство может быть начато для рассмотрения судебных решений, а также административных решений и, например, решения об отказе в предоставлении автору статуса беженца. Право на убежище (статья 53 Конституции) и на разбирательство в суде на родном языке защищается Конституцией.

4.7 Согласно сообщению государства-участника Конституционный суд, принимая решение в пользу истца, указывает в своем постановлении, какие конституционные права были нарушены и в результате каких действий, процедур или решения государственного органа произошло такое нарушение.

Замечания адвоката в отношении приемлемости

5.1 Автор оспаривает заявление государства-участника о том, что Верховный суд лишь объявил решение в отношении процедуры предоставления убежища и подтверждает свое мнение о том, что имело место слушание, в котором принимали участие обе стороны. Он подтверждает, что не просил предоставления услуг переводчика при слушании дела в первой инстанции, указывая, что знает словацкий язык в степени, достаточной для выражения своего мнения по личным, но не правовым вопросам.

5.2 В отношении того, что автор не обратился с жалобой на имя Генерального прокурора в порядке чрезвычайной процедуры, автор заявляет, что, поскольку использование такой процедуры зависит исключительно от прокурора, а не от одного автора, он не имел никакой возможности воспользоваться этим средством правовой защиты¹.

5.3 По вопросу о неисчерпании внутренних средств правовой защиты в результате того, что автор не обратился с ходатайством о начале разбирательства в Конституционном суде, автор утверждает, что подобное средство правовой защиты было бы неэффективным. Он указывает, что Конституционный суд не вправе расследовать законные решения судебных органов, даже если в них нарушены права человека, поскольку это означало бы нарушение принципа независимости судебных органов, гарантируемой Конституцией². Не вправе Конституционный суд и предотвратить продолжение осуществления незаконного решения суда или государственного административного органа. Решение Конституционного суда в пользу истца может быть использовано лишь в качестве "нового правового факта" в материалах дела и в конечном счете может стать основанием для проведения нового разбирательства, однако оно не является эффективным средством правовой защиты от нарушения прав человека. Кроме того, даже если бы все правовые требования были соблюдены, Конституционный суд не обязан рассматривать то или иное дело.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

6.1 До рассмотрения любого утверждения, содержащегося в том или ином сообщении, Комитет по правам человека, согласно правилу 87 его Правил процедуры, должен принять решение о том, является ли это сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

6.2 Относительно решения управления полиции по вопросам пограничной охраны и по делам иностранцев аннулировать вид на жительство автора и жалобы автора о том, что он вообще не был информирован об этом решении, Комитет считает, что это решение было заменено решением от 29 апреля 1998 года, обязывающим автора покинуть территорию Словацкой Республики, и в силу этого Комитет полагает, что в дальнейшем рассмотрении этого вопроса нет необходимости.

6.3 Относительно жалобы автора по поводу вынесения Верховным судом решения об отказе в предоставлении ему вида на жительство Комитет принимает к сведению, что автор не оспаривает процедуру фактического разбирательства его жалобы, в ходе которого он был представлен адвокатом. Автор же утверждает, что, поскольку здание суда было эвакуировано вследствие тревоги, объявленной из-за сообщения о заложенном взрывном устройстве, вынесение решения не было публичным и его права были нарушены, так как он был лишен возможности присутствовать при официальном вынесении решения. В этой связи, однако, Комитет отмечает, что автор признает, что в момент вынесения решения рассмотрение его жалобы было уже завершено и решение было затем вручено ему лично. В этих обстоятельствах автор не смог продемонстрировать в целях решения вопроса о приемлемости факт нарушения его прав в соответствии со статьями 14 и 26 Пакта. Соответственно эта часть сообщения является неприемлемой согласно статье 2 Факультативного протокола.

6.4 В отношении разбирательства ходатайства автора о предоставлении убежища Комитет принимает к сведению заявление государства-участника о том, что автор не исчерпал внутренних средств правовой защиты, не обратившись в Конституционный суд, и что в ходе разбирательства в Конституционном суде можно сослаться на нарушение прав государством-участником. Автор, утверждая, что Конституционный суд не вправе вмешиваться в судебные решения, признал, однако, что упомянутый суд мог бы вынести решение, которое как "новый правовой факт" могло бы стать основанием для начала нового разбирательства. Кроме того, доводы автора противоречат представленной им информации о том, что его ходатайство в порядке обжалования решения Верховного суда по поводу публичного вынесения постановления было рассмотрено Конституционным судом по существу дела. Ввиду этого Комитет считает, что автор не опроверг довод государства-участника о том, что он мог бы оспорить решение Верховного суда в Конституционном суде на том основании, что ему было отказано в предоставлении услуг переводчика. Поэтому Комитет считает, что внутренние средства правовой защиты исчерпаны в этой связи не были и что эта часть сообщения является неприемлемой согласно статье 2 и пункту 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

7. В этой связи Комитет постановляет:

- a) признать представленное сообщение неприемлемым согласно статье 2 пункту 2 b) статьи 5 Факультативного протокола;
- b) довести настоящее решение до сведения государства-участника и автора.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

Примечания

- ¹ Адвокат ссылается на мнение Даниэля Свабы, выступавшего в Братиславе с лекцией по вопросу об исчерпании внутренних средств правовой защиты в соответствии со статьей 26 Европейской конвенции о защите прав человека. В своей лекции он ссылается на рассматривавшееся Европейским судом по правам человека дело H. v. Belgium (No.8950/80, постановление 16.5 1984, DR No. 37, P.5), по которому было вынесено решение о том, что внутренние средства правовой защиты были исчерпаны, несмотря на то, что на имя Генерального прокурора могло быть подано ходатайство, поскольку использование такой процедуры зависит исключительно от прокурора, а не от истца.
- ² Автор ссылается на замечания одного из членов Конституционного суда Словакии, высказанные в ходе семинара экспертов в Братиславе в 1995 году.

**L. Сообщение № 947/2000, Харт против Австралии
(Решение принято 25 октября 2000 года, семидесятая сессия)***

Представлено: г-ном Барри Хартом

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Австралия

Дата сообщения: 31 января 2000 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28
Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 25 октября 2000 года

принимает следующее:

Решение о приемлемости

1. Автором сообщения является Барри Харт, гражданин Австралии, родившийся 20 августа 1935 года. Он утверждает, что является жертвой нарушения Австралией статей 2 (1), (2) и (3) а), 14, 17 (1) и (2), 18 (1), 19 (1) и (2) и 26 Международного пакта о гражданских и политических правах. Международный пакт о гражданских и политических правах вступил в силу для государства-участника 12 ноября 1980 года, а Факультативный протокол — 25 декабря 1991 года.

Представленные факты

2.1 В 1973 году автор сообщения добровольно прибыл в Челмсфордскую частную больницу по назначению врача-психиатра д-ра Херрона, ведущего специалиста по лечению погружением в глубокий сон в Челмсфорде. Автор утверждает, что в результате преднамеренных действий персонала Челмсфордской больницы он потерял сознание. По утверждениям автора, в течение последующих десяти дней без его согласия его лечили путем введения через нос большого количества потенциально токсичных препаратов (в том числе барбитуратов). К автору применяли также методы электроконвульсивной терапии без релаксантов. Такое лечение вызвало у автора двустороннее воспаление легких, плеврит, тромбоз внутренних вен, эмболию легких и гипоксическое нарушение мозговой деятельности. 20 марта 1973 года с диагнозом двустороннего воспаления легких и эмболии легких автор был переведен в государственную больницу Хорнсби, откуда он был выписан 3 апреля 1973 года. После выписки у автора отмечались конвульсии, чувствительность к шуму, повышенная возбудимость, ночные кошмары, сухая рвота и постоянная психологическая активация. В результате ему был

---

* В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: г-н Нисуке Андо, г-н Прафуллачандра Натварлал Бхагвати, г-жа Кристина Шане, лорд Колвилл, г-жа Пилар Гайтан де Помбо, г-н Луис Хенкин, г-н Эккарт Кляйн, г-н Давид Крецмер, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Роман Верушевский, г-н Макссуэлл Ялден и г-н Абдалла Захья. В соответствии с правилом 85 правил процедуры Комитета г-жа Элизабет Эват не участвовала в рассмотрении данного дела.

поставлен диагноз острого хронического посттравматического расстройства на почве стресса. Это сделало автора практически недееспособным, и теперь он вынужден жить на пенсию по инвалидности. Автор утверждает, что с годами симптомы этого заболевания усугубились, став хроническими.

2.2 В ноябре 1976 года автор возбудил дело, подав жалобу в окружной суд Нового Южного Уэльса. Это дело в 1979 году было передано в Верховный суд Нового Южного Уэльса.

2.3 В марте 1980 года в Верховном суде Нового Южного Уэльса судья Фишер и присяжные заседатели начали гражданское разбирательство против Челмсфордской больницы и д-ра Херрона. Автор утверждает, что слушание было несправедливым во многих отношениях. По его словам, судья исключил как предвзятые важные доказательные свидетельства, а на присяжных оказывалось неуместное давление с целью вынесения решения в короткие сроки. В поддержку своей позиции обвиняемые не представили никаких свидетелей из числа медицинских работников, а судья представлял присяжным медицинские свидетельства в неблагоприятном для истца плане. Автор заявляет, что посттравматическое расстройство на почве стресса в то время не признавалось в качестве заболевания. Судья первой инстанции не поставил перед присяжными вопрос о штрафных убытках на том основании, что отсутствуют доказательства проявления грубости и черствости, недобросовестной практики и халатности, которые могли бы потребовать применения таких мер. 14 июля 1980 года присяжные вынесли вердикты о признании виновными администрации Челмсфордской больницы в неправомерном лишении свободы и д-ра Херрона — в неправомерном лишении свободы, избиении и халатности. Оба обвиняемых были присуждены к выплате компенсации ущерба автору сообщения в размере 6000 долл. за неправомерное лишение свободы, д-р Херрон — к выплате 18 000 долл. за избиения и оба обвиняемых — к выплате 36 000 долл. в порядке компенсации ущерба (за уже и еще не полученные доходы). В августе 1980 года обвиняемые обжаловали "чрезмерные суммы" возмещения убытков, и автор со своей стороны подал встречную апелляцию по поводу суммы возмещения и снятия вопроса о штрафных убытках.

2.4 В 1983 году автор направил жалобу в Комитет по расследованиям Медицинского совета по поводу лечения его в Челмсфордской больнице и по связанным с этим вопросам итогам и судебного разбирательства 1980 года.

2.5 В марте 1986 года Комитет по расследованиям признал *prima facie* дело в отношении д-ра Херрона о ненадлежащем осуществлении им профессиональных функций, санкционировав передачу его в Дисциплинарный трибунал. Д-р Херрон направил жалобу на нарушения в процессе разбирательства в Апелляционный суд Нового Южного Уэльса, который передал этот вопрос на рассмотрение Дисциплинарного трибунала. В июне 1986 года судья Трибунала Уорд постановил, что со стороны автора не было допущено задержек, на основании которых можно было бы говорить об имевших место нарушениях, сославшись на различные правовые действия в течение этого периода.

2.6 В сентябре 1986 года по заявлению д-ра Херрона Апелляционный суд Нового Южного Уэльса (коллегия в составе: Макхью (судья), Пристли и Стрит (заседатели) постановил прекратить дисциплинарное производство без ссылки

на решение судьи Уорда на том основании, что автор нарушил этот процесс, с опозданием на три года подав жалобу в Комитет по расследованиям Медицинского совета. В декабре 1986 года Высокий суд Австралии отказал автору в специальном разрешении на обжалование постановления Апелляционного суда.

2.7 В августе 1988 года Королевская комиссия по расследованию приступила к расследованию практики, применяемой в Челмсфордской больнице, в том числе лечения методом погружения в глубокий сон, и большого числа случаев смерти пациентов этой больницы. Среди прочих случаев Королевская комиссия тщательно изучила и дело автора. В весьма критическом докладе, подготовленном Комиссией в декабре 1990 года, говорилось о преступных действиях и о наличии свидетельств нанесения серьезного психологического ущерба. Комиссия сделала вывод о том, что обвиняемые вступили в сговор с целью извратить процесс отправления правосудия, в том числе используя угрозы в адрес медицинской сестры, ставшей свидетелем-очевидцем, и сфабриковали якобы имевшее место согласие автора на лечение, а затем преднамеренно лгали по поводу факта подлога.

2.8 По словам автора, в 1993 году ему был впервые поставлен диагноз тяжелой формы психического заболевания. В июне 1993 года Апелляционный суд Нового Южного Уэльса отклонил ходатайство д-ра Херрона о том, чтобы обжалование автором судебного постановления 1980 года было отклонено в связи с несовершенством истцом процессуальных действий.

2.9 В августе 1995 года Апелляционный суд Нового Южного Уэльса рассмотрел апелляцию автора на судебное постановление 1980 года по поводу неадекватного размера компенсации за нанесенный ущерб и снятия судьей первой инстанции в процессе судебного разбирательства вопроса о штрафных убытках. Встречной апелляции д-р Херрон не подал. 6 июня 1996 года Апелляционный суд Нового Южного Уэльса (коллегия в составе Пристли, Кларка и Шеллера) отклонил апелляцию, возложив оплату издержек на автора. Суд, в частности, постановил, что отчеты о проведенном в 1972 году психологическом обследовании выявили "многочисленные симптомы", которые впоследствии были увязаны с лечением в Челмсфордской больнице. По мнению суда, Королевская комиссия по расследованию в своих выводах, подкреплённых другими доказательствами, лишь поддержала заключение о том, что д-р Херрон совместно с другими лицами "действовал неподобающим образом". Судья Пристли от имени суда пришел к следующему заключению: "На мой взгляд, любые другие дополнительные материалы, представленные апеллянтom, вряд ли продвинут дело дальше, чем уже имеющиеся материалы судебного разбирательства". Суд постановил, что он не может найти каких-либо нарушений в действиях судьи первой инстанции.

2.10 В апреле 1997 года ходатайство автора в Высокий суд Австралии о предоставлении специального разрешения на подачу апелляции было отклонено (коллегия в составе Бреннона, Доусона и Тухи), а покрытие издержек вновь было возложено на автора. Суд постановил, что автор не может возбуждать производство о штрафных убытках по истечении столь длительного срока, прошедшего со времени судебного разбирательства. Автор утверждает, что факт преступной деятельности, о которой идет речь, был

выявлен Комиссией лишь в 1990 году и начиная с этого времени он оказался вовлеченным в затяжной судебный процесс.

Жалоба

3. Автор заявляет, что государству не удалось обеспечить надлежащий контроль за сложившимися в Челмсфорде нормами и практикой и расследовать серию жалоб со стороны младшего медицинского персонала и государственных инспекторов. Автор также заявляет, что работники судебной системы и адвокаты проявили к нему предвзятое отношение, сделав его жертвой стигматизации в связи с тем, что он подвергался психиатрическому лечению, в частности в ходе гражданского судопроизводства против д-ра Херрона, проходившего в 1980 году. Кроме того, автор утверждает, что, по имеющимся сведениям, Апелляционный суд Нового Южного Уэльса не принял во внимание соответствующие свидетельства, сфабриковал факты и свидетельства, и вынес ошибочные и вводящие в заблуждение постановления о прекращении дисциплинарного производства в 1986 году и по основной апелляции в 1996 году. Автор заявляет, что государство-участник не создало и не использует надлежащие механизмы регулирования и расследования деятельности работников судебной системы и адвокатов. Суды также не смогли обеспечить справедливую и адекватную компенсацию ему как жертве жестокого обращения и пыток со стороны психиатров. Автор утверждает, что вышеизложенное представляет собой нарушение статей 2, 14, 17, 18, 19 и 26 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

4.1 Перед рассмотрением любых утверждений, содержащихся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры принять решение о том, является ли данное сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

4.2 Поскольку Факультативный протокол вступил в силу для Австралии 25 декабря 1991 года, Комитет может *ratione temporis* рассматривать утверждения, касающиеся событий, которые имели место до наступления этой даты, только в том случае, если их последствия, сами по себе являющиеся нарушением Пакта, продолжают иметь место. Следовательно, жалобы автора, касающиеся его лечения в Челмсфордской больнице, гражданское судопроизводство против д-ра Херрона и решение Апелляционного суда Нового Южного Уэльса о прекращении дисциплинарного производства в отношении д-р Херрона, которые имели место до 25 декабря 1991 года, должны рассматриваться как неприемлемые.

4.3 Относительно заявлений автора, касающихся решений Апелляционного суда Нового Южного Уэльса и Высокого суда Австралии, Комитет напоминает о том, что, как правило, оценку фактов и свидетельств по конкретному делу надлежит проводить не Комитету, а судам государств-участников, за исключением тех случаев, когда может быть установлено, что такая оценка была явно произвольной или привела к отказу в правосудии. Кроме того, Комитет не должен комментировать толкование внутреннего законодательства национальными судами. В данном случае Комитет отмечает, что и Апелляционный суд Нового Южного Уэльса, и Высокий суд Австралии рассмотрели заявления автора и на базе имеющихся свидетельств отказались пересматривать установленные судом первой инстанции фактические обстоятельства и выводы о подлежащей применению правовой норме.

Утверждения автора и имеющаяся в распоряжении Комитета информация не свидетельствуют о том, что решения Апелляционного суда или Высокого суда были явно произвольными или выразились в отказе в правосудии. В этих обстоятельствах данная часть сообщения является неприемлемой в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

4.4 В отношении остальных утверждений автора Комитет считает, что автор не обосновал их на предмет приемлемости. Поэтому они также являются неприемлемыми согласно статье 2 Факультативного протокола.

5. В этой связи Комитет постановляет:

- a) признать данное сообщение неприемлемым;
- b) препроводить настоящее решение автору и, для информации, государству-участнику.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

**М. Сообщение № 948/2000, Девган против Канады
(Решение принято 30 октября 2000 года, семидесятая сессия)***

Представлено: г-ном Рави Девганом (представлен г-ном Гарри Копито, поверенным)

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Канада

Дата сообщения: 1 июня 2000 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 30 октября 2000 года

принимает следующее:

Решение о приемлемости

1. Автором сообщения является Рави Девган, гражданин Канады, родившийся в 1946 году. Он утверждает, что является жертвой нарушения Канадой его прав согласно статьям 2, 3, 7 и 14 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Факты в изложении автора

2.1 26 января 1996 года суд Онтарио рассмотрел дело автора сообщения, обвиняемого по самостоятельным жалобам в мошенничестве и даче ложных показаний. Автор сообщения заявил о своей невиновности, однако был признан виновным и 17 мая 1996 года приговорен к 90 дням тюремного заключения с правом определения периодов нахождения под стражей. Автор сообщения утверждает, что, хотя гражданский иск о компенсации за мошенничество уже был урегулирован, ему было предписано выплатить компенсацию обоим истцам согласно статье 725 1) Уголовного кодекса.

2.2 Автор сообщения, представленный поверенным, обжаловал как сам обвинительный приговор, вынесенный судом Онтарио, так и избранную меру наказания. Тем не менее поверенный уведомил автора сообщения о том, что если он будет настаивать на апелляции, то это может привести к вынесению более строгого приговора. В августе 1999 года автор сообщения уведомил в письменной форме адвоката о своем желании отозвать апелляцию. Адвокат представил уведомление об отказе от апелляции в суд, который 11 августа 1999 года отклонил апелляцию на основании отказа заявителя. Автор сообщения также обжаловал постановление о выплате компенсации. Решением

---

* В рассмотрении настоящего Сообщения принимали участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Прафулладандра Натварлал Бхагвати, лорд Колвилл, г-жа Элизабет Эват, г-жа Пилар Гайтан де Помбо, г-н Луис Хенкин, г-н Эккарт Кляйн, г-н Дэвид Крецмер, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойен и г-н Роман Верушевский. В соответствии с правилом 85 правил процедуры Комитета член Комитета Максвелл Ялден в рассмотрении дела не участвовал.

от 26 мая 1999 года апелляционный суд Онтарио аннулировал одно из постановлений о выплате компенсации и уменьшил подлежащую выплате сумму согласно второму.

2.3 После отказа от обжалования обвинительного приговора и избранной меры наказания автор сообщения получил дополнительную консультацию, согласно которой ужесточение приговора апелляционным судом было бы маловероятным, поскольку государственное обвинение не подало встречную апелляцию в отношении данного приговора. Тогда автор сообщения заявил ходатайство об отмене распоряжения об отклонении апелляции. 7 февраля 2000 года апелляционный суд Онтарио отклонил ходатайство за отсутствием оснований для отмены решения об отклонении апелляции. Автор сообщения обратился с просьбой разрешить обжалование данного решения в Верховный суд Канады, который 23 марта 2000 года отклонил эту просьбу. Кроме того, автор сообщения подал ходатайство о разрешении обжаловать решение апелляционного суда Онтарио о выплате компенсации. 20 апреля 2000 года Верховный суд Канады отклонил это ходатайство.

Жалоба

3. Автор сообщения утверждает, что, отказав ему в праве на подачу апелляции, суды нарушили его права согласно статьям 2, 3, 7 и 14 Пакта. Он также утверждает, что суды подвергли его риску дважды понести ответственность за одно и то же правонарушение, приняв постановление о выплате компенсации в ходе уголовного разбирательства после того, как данный вопрос был урегулирован в рамках гражданского процесса, что также является нарушением статей 7 и 14.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

4.1 Прежде чем приступить к рассмотрению той или иной жалобы, содержащейся в сообщении, Комитет должен в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры принять решение о том, является ли оно приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

4.2 В отношении заявления автора сообщения о том, что ему было отказано в праве на подачу апелляции, Комитет отмечает, что в соответствии с представленной автором сообщения информацией он изначально осуществил свое право на подачу апелляции, однако впоследствии отозвал ее. В утверждениях автора и в представленной Комитету информации отсутствует достаточное для целей приемлемости обоснование заявления автора о том, что отклонив его ходатайство о повторном обжаловании, государство-участник нарушило статьи 2, 3, 7 или 14 Пакта. Таким образом, данная часть сообщения является неприемлемой согласно статье 2 Факультативного протокола.

4.3 В отношении решения о выплате компенсации, принятого в ходе уголовного судебного разбирательства, Комитет полагает, что автор не сумел обосновать свое утверждение о том, что при принятии решения о выплате компенсации государство-участник нарушило его права согласно статьям 7 и 14 Пакта. Таким образом, данная часть сообщения также является неприемлемой согласно статье 2 Факультативного протокола.

5. В этой связи Комитет постановляет:

- a) признать сообщение неприемлемым;
- b) препроводить настоящее решение автору сообщения и, для информации, государству-участнику.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

**N. Сообщение № 949/2000, Кешавджи против Канады
(Решение принято 2 ноября 2000 года, семидесятая сессия)***

Представлено: г-ном Эймиром Кешавджи
Предполагаемая жертва: автор сообщения
Государство-участник: Канада
Дата сообщения: 4 июня 1996 года (первое представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28
 Международного пакта о гражданских и политических правах,
на своем заседании 2 ноября 2000 года
принимает следующее:

Решение о приемлемости

1. Автором сообщения является Эймир Кешавджи, гражданин Канады, родившийся 4 октября 1938 года. Он утверждает, что является жертвой нарушения Канадой статей 14, 25 с) и 26 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Факты

2.1 После успешной сдачи соответствующих экзаменов автор сообщения с 19 сентября 1989 года был принят на работу в министерство по делам национального дохода Канады в качестве налогового консультанта с испытательным сроком до 9 апреля 1990 года. 15 марта 1990 года автор сообщения сдал дополнительный экзамен и с 9 апреля 1990 года был назначен налоговым инспектором с испытательным сроком в один год. 31 июля 1990 года автор сообщения получил от руководителя группы по налогам и сборам письменное уведомление о том, что пять контрольных проверок работы автора сообщения, проведенные в период с ноября 1989 года по июль 1990 года, дали неудовлетворительные результаты. Указанные проверки были проведены 8 ноября 1989 года, 10 января 1990 года, 5 марта 1990 года, 22 июня 1990 года и 10 июля 1990 года.

2.2 31 июля 1990 года автора сообщения уведомили, что если он в 90-дневный срок не исправит указанные недостатки в своей работе, то его уволят с занимаемой должности до истечения испытательного срока. Ему также сообщили, что в течение указанного 90-дневного срока будут проведены еще три контрольные проверки. Автор сообщения утверждает, что это было первое полученное им уведомление о том, что он неудовлетворительно

---

* В рассмотрении настоящего сообщения участвовали следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Прафулладандра Натварлал Бхавати, лорд Колвилл, г-жа Элизабет Эват, г-жа Пилар Гайтан де Помбо, г-н Луис Хенкин, г-н Эккарт Кляйн, г-н Давид Крецмер, г-н Раджасумер Лаллах, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Мартин Шейнин, г-н Иполито Солари Иригойен и г-н Роман Верушевский. В соответствии с правилом 85 правил процедуры Комитета г-н Максвелл Ялден в рассмотрении дела не участвовал.

выполняет свои обязанности. Он также утверждает, что уровень производительности снизился во всем его подразделении, однако никто из других сотрудников не получил подобного письма. 29 августа 1990 года автор сообщения получил уведомление о том, что, ввиду неудовлетворительного выполнения им своих обязанностей, было отказано в прибавке к заработной плате, которая должна была начисляться с 19 сентября 1990 года. Представляется, что такое лишение прибавки к зарплате является стандартной процедурой в случаях, когда, по мнению руководства, тот или иной сотрудник выполняет свои обязанности неудовлетворительно. 28 ноября 1990 года автор сообщения был уволен с занимаемой должности до истечения испытательного срока.

2.3 При содействии и по рекомендации профсоюза работников налоговой службы автор сообщения обжаловал решение о лишении его надбавки к зарплате и снятии с должности, используя внутренние процедуры рассмотрения жалоб четырех уровней (подробности не приведены). Указанный процесс завершился 22 января 1992 года вынесением решения органом высшего уровня. Решение о лишении его прибавки к зарплате было отменено на третьем уровне рассмотрения, тогда как решение об увольнении не было отменено ни на одном уровне.

2.4 В октябре 1991 года автор сообщения направил жалобу в Комиссию по правам человека Канады, утверждая, что при увольнении с должности он подвергся дискриминации по признаку расы, цвета кожи и национальности или этнической принадлежности (ост-индское происхождение). Изучив все обстоятельства дела, Комиссия пришла к выводу о том, что качество работы автора сообщения после получения им соответствующего уведомления не улучшилось и что отношение руководства к автору и к другим сотрудникам данного подразделения было одинаковым. В итоге, в августе 1992 года Комиссия признала жалобу необоснованной. Автор вновь обратился в Комиссию с просьбой пересмотреть указанное решение, однако эта просьба также была отклонена.

2.5 В ноябре 1992 года автор подал жалобу в Комиссию по вопросам государственной службы Канады. В декабре 1992 года эта жалоба была отклонена. Автор предпринял ряд новых попыток добиться удовлетворения своих претензий путем обращения к премьер-министру, министру по делам национального дохода и к членам парламента. Он никаких дальнейших действий в судебном порядке не предпринял, например, не обратился в Федеральный суд Канады. Он утверждает, что это было бы бесполезно, так как проверка Федеральным судом решений Комиссии по правам человека сводится к вопросам юрисдикции и надлежащего соблюдения процедур.

Жалоба

3.1 Автор сообщения заявляет две основные жалобы. Первая жалоба касается действий профсоюза работников налоговой службы, который представлял автора в ходе внутренних разбирательств в связи с его жалобой. По утверждению автора, профсоюз не объяснил ему надлежащие процедуры подачи жалоб, применимые в его деле, и вопреки желанию автора не допустил его к участию в отдельных слушаниях. Автор также утверждает, что члены профсоюза организовали его увольнение.

3.2 Существо главной жалобы автора сообщения сводится к его утверждению о том, что при увольнении он подвергся дискриминации. Автор сообщения

заявляет о том, что недавно он сдал экзамены более высокого уровня, и подчеркивает, что надбавка к зарплате, в которой изначально ему было отказано, была впоследствии восстановлена. Автор утверждает, что его увольнение было произведено на почве расовой дискриминации. В обоснование своей претензии он приводит тот факт, что его руководители, сотрудники профсоюза, представлявшие его интересы, и судьи были представителями белой расы и что внутренние процедуры рассмотрения жалобы были несправедливыми, поскольку в состав комиссий по рассмотрению жалоб входили работники управленческого звена. Автор сообщения утверждает, что вышеизложенное свидетельствует о нарушении статьи 14, пункта с) статьи 25 и статьи 26 Пакта.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

4.1 Прежде чем рассматривать любые жалобы, содержащиеся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры должен принять решение о том, является ли оно приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

4.2 Что касается претензий в отношении действий профсоюза, то Комитет считает, что объектом этих претензий являются частные стороны. В отсутствие каких-либо аргументов, свидетельствующих об ответственности государства-участника за действия указанных лиц, данная часть сообщения является неприемлемой *ratione personae* согласно статье 1 Факультативного протокола.

4.3 В связи с утверждениями автора относительно имевшей место дискриминации Комитет напоминает о том, что в соответствии с его обычной практикой проверка фактов и доказательств должна осуществляться не Комитетом, а компетентными властями государства-участника. Комитет не ставит под сомнение результаты такой проверки, если только она не носила явно произвольный характер или не привела к отказу в правосудии. В рассматриваемом случае Комитет отмечает, что претензии автора сообщения были по существу рассмотрены Комиссией по правам человека Канады, которая пришла к выводу о том, что увольнение автора сообщения произошло не на почве дискриминации, а вследствие неудовлетворительного выполнения им своих должностных обязанностей. Кроме того, Комиссия сделала заключение о том, что отношение руководства ко всем налоговым инспекторам было одинаковым. Автор сообщения не привел достаточных для целей приемлемости оснований, позволяющих считать выводы Комиссии явно произвольными или равнозначными отказу в правосудии. В свете решения Комиссии по правам человека Комитет полагает, что автор не представил достаточных для целей приемлемости оснований, позволяющих считать, что его увольнение было сопряжено с нарушениями его прав согласно статье 14, пункту с) статьи 25 и статье 26 Пакта. Таким образом, данная часть сообщения является неприемлемой в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

5. В этой связи Комитет постановляет:

- а) признать сообщение неприемлемым в соответствии со статьями 1 и 2 Факультативного протокола;
- б) препроводить настоящее решение автору сообщения и, для информации, государству-участнику.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

О. Сообщение № 952/2000, Парун и Бальмер против Новой Зеландии
(Решение принято 22 марта 2001 года, семьдесят первая сессия)*

Представлено: г-ном М.Дж. Паруном и г-ном К.Д. Бальмером
Предполагаемая жертва: авторы сообщения
Государство-участник: Новая Зеландия
Дата сообщения: 15 октября 1998 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,
на своем заседании 22 марта 2001 года,
принимает следующее:

Решение о приемлемости

1. Авторами сообщения являются Кеннет Даниэль Бальмер, 1964 года рождения, и Мелвин Джозеф Парун, 1955 года рождения, оба граждане Новой Зеландии. Они утверждают, что являются жертвами нарушения Новой Зеландией их прав по статьям 2, 14 и 26 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Факты в изложении авторов

2.1 Авторы являлись барристерами, практикующими в Новой Зеландии и занимающимися уголовными делами, в том числе оказанием юридической помощи.

2.2 Из сообщения явствует, что авторы подали иск в Высокий суд Веллингтона, Новая Зеландия, в связи с тем, что, как они утверждают, судебный распорядитель Веллингтонского окружного суда распределял уголовные дела среди адвокатов для целей оказания юридической помощи нерациональным и противозаконным образом. Авторы не приводят никакой информации в отношении судопроизводства.

2.3 В апреле 1998 года авторы обратились в Апелляционный суд с ходатайством об отстранении от участия в слушании их дела судьи Высокого суда Низора на том основании, что этот судья якобы причастен к руководству и управлению системой юридической помощи. В письме от 10 июля 1998 года на

---

* В рассмотрении настоящего решения принимали участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисукэ Андо, г-н Прафулладандра Натварлал Бхагвати, г-жа Кристина Шане, г-н Луис Хенкин, г-н Давид Крецмер, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Рафаэль Ривас Посада, сэр Найджел Родли, г-н Мартин Шейнин, г-н Иван Ширер, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Ахмед Тауфик Халиль, г-н Патрик Велла и г-н Макссуэлл Ялден.

имя судебного распорядителя Апелляционного суда Новой Зеландии адвокат авторов выдвинул возражение против участия в судебном разбирательстве нескольких перечисленных судей Апелляционного суда в связи с их участием в ряде комитетов и советов. Авторы потребовали также, чтобы все постоянные судьи Апелляционного суда сделали заявления, в частности, относительно их участия в комитетах, перечисленных в письме, и заявили, что любое слушание в нарушение любого из указанных требований даст основание для возбуждения иска о возмещении реального ущерба.

2.4 20 июля 1998 года Апелляционный суд Новой Зеландии отклонил ходатайство об отводе судьи Низора на том основании, что в его юрисдикцию не входит вынесение постановлений по ходатайствам, предполагающим принятие позитивных мер.

2.5 В своем постановлении Апелляционный суд заявил, что он препровождает это постановление и письмо авторов на имя судебного распорядителя в Веллингтонскую окружную юридическую ассоциацию (ВОЮА). Суд счел, что авторы допустили злоупотребление судебной процедурой и что их письмо на имя судебного распорядителя можно истолковать как угрозу в адрес судей, и в связи с этим подал жалобу в ВОЮА. В письме от 11 ноября 1998 года ВОЮА признала эту жалобу обоснованной. Согласно авторам, решение ВОЮА может быть обжаловано в Высокий суд Новой Зеландии.

2.6 21 сентября 1998 года Апелляционный суд Новой Зеландии отклонил ходатайство авторов об условном разрешении обжаловать решение от 20 июля 1998 года в Тайный совет на том основании, что суд не правомочен давать такое разрешение. В тот же день Апелляционный суд Новой Зеландии отклонил сопутствующее ходатайство авторов о раскрытии документов, имеющихся по их делу против судьи Низора, на том основании, что авторы не явились в суд. Авторы заявляют, что они могут обжаловать решения в Тайный совет напрямую, однако они предпочитают не подавать такую непосредственную апелляцию в Тайный совет, поскольку члены Апелляционного суда являются также членами Тайного совета, и авторы считают, что все они относятся к ним предвзято.

2.7 Авторы далее заявляют, что они не воспользовались имеющимися средствами судебной защиты в отношении их ходатайства о назначении в качестве адвокатов, оказывающих юридическую помощь, их возможной апелляционной жалобы на решение ВОЮА и их возможного ходатайства о компенсации со стороны государства по той причине, что новозеландские суды относятся к ним небеспристрастно.

Жалоба

3. Авторы утверждают, что непредоставление им эффективного средства для отвода судьи Высокого суда Низора и разрешение участвовать в разбирательстве Апелляционного суда для ряда судей, которые, по утверждениям авторов, относятся к ним небеспристрастно, составляют нарушения их прав по статьям 2, 14 и 26 Пакта. Кроме того, авторы утверждают, что положения Пакта были нарушены в силу того, что им было отказано в доступе к независимому и беспристрастному суду в отношении их ходатайства о назначении в качестве адвокатов, оказывающих юридическую

помощь, их апелляционной жалобы на решение ВОЮА и их ходатайства о компенсации со стороны государства.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете по правам человека

4.1 Прежде чем рассматривать любые утверждения, содержащиеся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека должен, согласно статье 87 его правил процедуры, принять решение о том, является ли это сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

4.2 Суть жалобы авторов состоит в том, что новозеландские суды относятся к ним небеспристрастно. По этой причине они не смогли воспользоваться средствами правовой защиты в отечественных судах. Комитет считает, что авторы не представили обоснований этого утверждения. В этих условиях Комитет считает, что утверждение авторов не было обосновано для целей признания его приемлемым и поэтому сообщение является неприемлемым согласно статье 2 и пункту 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

5. В этой связи Комитет постановляет:

- a) признать представленное сообщение неприемлемым;
- b) довести настоящее решение до сведения авторов и — для целей ознакомления — государства-участника.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

**Р. Сообщение № 963/2001, Уэберганг против Австралии
(Решение принято 22 марта 2001 года, семьдесят первая сессия)***

Представлено: г-ном Колином Уэбергангом
Предполагаемая жертва: автор сообщения
Государство-участник: Австралия
Дата сообщения: 29 июня 2000 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,
на своем заседании 29 марта 2001 года,
принимает следующее:

Решение о приемлемости

1. Автором сообщения является Колин Уэберганг, гражданин Австралии, в настоящее время проживающий в Брисбене, штат Квинсленд, Австралия. Он утверждает, что является жертвой нарушений Австралией пункта 5 статьи 9 и пункта 6 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Автор представлен адвокатом. Государство-участник ратифицировало Пакт 13 октября 1966 года, а Факультативный протокол — 25 декабря 1991 года.

Факты в изложении автора

2.1 С 8 по 11 сентября 1997 года автор был привлечен к судебной ответственности в окружном суде Брисбена по обвинительному акту из трех пунктов в связи с мошенничеством и был признан виновным по одному пункту и оправдан по двум другим. 11 сентября 1997 года он был приговорен к двум годам тюремного заключения.

2.2 Автор подал апелляцию на судебное решение об осуждении в апелляционный суд Квинсленда. 27 февраля 1998 года апелляционный суд единогласно удовлетворил его апелляцию, отменил судебное решение об осуждении и вынес оправдательный приговор. В тот же день г-н Уэберганг был освобожден из тюрьмы.

2.3 10 февраля 1999 года и 20 мая 1999 года автор направил письма на имя Генерального атторнея штата Квинсленд с ходатайством о предоставлении компенсации за судебную ошибку, связанную с его, как утверждает, неправомерным тюремным заключением в течение пяти с половиной месяцев

---

* В рассмотрении настоящего решения принимали участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Нисукэ Андо, г-н Прафулладандра Натварлал Бхагвати, г-жа Кристина Шане, г-н Луис Хенкин, г-н Давид Крецмер, г-жа Сесилия Медина Кирога, г-н Рафаэль Ривас Посада, сэр Найджел Родли, г-н Мартин Шейнин, г-н Иван Ширер, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Ахмед Тауфик Халиль, г-н Патрик Велла и г-н Максвелл Ялден.

(с момента его осуждения судом первой инстанции до удовлетворения его апелляции). 17 февраля советник канцелярии Генерального атторнея информировал г-на Уэберганга о том, что Генеральный атторней отказал в выплате компенсации жертве на том основании, что "никаких исключительных обстоятельств, которые могли бы оправдать добровольную выплату компенсации... не обнаружено". Адвокат автора направил письмо на имя Генерального атторнея 5 июня 2000 года и получил такой же отрицательный ответ. Автор утверждает, что, обратившись с ходатайством о предоставлении компенсации к Генеральному атторнею, он исчерпал все внутренние средства правовой защиты по смыслу статьи 2 и пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

Жалоба

3.1 Адвокат заявляет, что отказ штата Квинсленд выплатить г-ну Уэбергангу компенсацию за период его неправомерного содержания в тюремном заключении представляет собой нарушение Австралией пункта 5 статьи 9 и пункта 6 статьи 14 Пакта.

3.2 Адвокат утверждает, что отказ канцелярии Генерального атторнея выплатить компенсацию на основании отсутствия исключительных обстоятельств представляет собой нарушение пункта 6 статьи 14, поскольку этот критерий не фигурирует в числе условий, изложенных в этой статье Пакта.

3.3 Адвокат отмечает, что пункт 6 статьи 14 содержит следующие элементы: имеется окончательное решение, ходатайствующее лицо осуждено за уголовное преступление, вынесенный приговор впоследствии отменен или осужденному лицу даровано помилование на том основании, что какое-либо новое или вновь обнаруженное обстоятельство неоспоримо доказывает наличие судебной ошибки, и не доказано, что указанное неизвестное обстоятельство не было в свое время обнаружено исключительно или отчасти по вине ходатайствующего лица.

3.4 Адвокат указывает, что все элементы пункта 6 статьи 14 имеются в наличии. Он оспаривает аргумент Генерального атторнея, согласно которому эта статья применяется только в тех "случаях, когда осужденный безуспешно реализовал все имеющиеся права обжалования, в результате чего окончательным судебным решением является подтверждение осуждения". Адвокат заявляет, что такая позиция позволяла бы ограничить сферу применения Пакта лишь теми случаями помилования, и отмечает, что положения данной статьи предусматривают как случаи помилования, так и случаи отмены судебного решения об осуждении.

3.5 Адвокат не приводит никаких доводов в отношении нарушения пункта 5 статьи 9, заявив лишь о том, что эта статья была нарушена.

Решение о неприемлемости

4.1 Прежде чем рассматривать любые утверждения, содержащиеся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека должен, согласно правилу 87 своих правил процедуры, принять решение о том, является ли это сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

4.2 В отношении ходатайства автора о предоставлении компенсации согласно пункту 6 статьи 14 Пакта Комитет отмечает, что условия для применения этой статьи состоят в следующем:

- а) наличие окончательного решения, которым лицо было осуждено за уголовное преступление;
- б) применение наказания вследствие такого осуждения; и
- с) последующая отмена приговора или помилование на основании какого-либо нового или вновь обнаруженного обстоятельства, которое неоспоримо доказывает наличие судебной ошибки.

4.3 Комитет отмечает, что решение об осуждении автора, вынесенное окружным судом 11 сентября 1997 года, было отменено апелляционным судом 27 февраля 1998 года. В связи с этим Комитет считает, что решение об осуждении автора не было "окончательным решением" по смыслу пункта 6 статьи 14 и что в условиях данного дела пункт 6 статьи 14 не применяется. Поэтому эта часть сообщения является неприемлемой по существу согласно статье 3 Факультативного протокола.

4.4 В отношении утверждения автора о нарушении пункта 5 статьи 9 Комитет отмечает, что после его осуждения судом первой инстанции автор был подвергнут тюремному заключению на основании приговора, вынесенного этим судом. Его последующее оправдание апелляционным судом само по себе не означает того, что его тюремное заключение в силу судебного приговора было незаконным. Адвокат не представил никаких дополнительных аргументов для обоснования утверждения о нарушении пункта 5 статьи 9. Поэтому эта часть сообщения является неприемлемой по статье 2 Факультативного протокола.

5. В этой связи Комитет постановляет:

- а) признать представленное сообщение неприемлемым;
- б) довести настоящее решение до сведения автора и — для целей ознакомления — государства-участника.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]

**Q. Сообщение № 991/2001, Неремберг против Германии
(Решение принято 27 июля 2001 года, семьдесят вторая сессия)****

Представлено: г-жой Хеной Неремберг и др.
(представлены адвокатом, г-ном Эдвардом Коссоем)

Предполагаемые жертвы: авторы сообщения

Государство-участник: Германия

Дата сообщения: 30 октября 1999 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 27 июля 2001 года,

принимает следующее:

Решение о приемлемости

1. Авторами сообщения являются г-жа Хена Неремберг и десять других лиц, в настоящее время проживающих соответственно в Канаде, Франции и Израиле. Авторы утверждают, что являются жертвами допущенных Германией нарушений статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Авторы представляет адвокат. Факультативный протокол вступил в силу для Германии 25 ноября 1993 года. При присоединении к Факультативному протоколу Германия внесла оговорку *ratione temporis*, а также оговорку в отношении пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола.

Факты в изложении авторов

2.1 Авторы сообщения являются наследниками и цедентами прав собственности на кожевенную фабрику в городе Радом (Польша). Вскоре после немецкой оккупации в ходе второй мировой войны это предприятие было конфисковано из-за того, что его владельцами были этнические евреи и, начиная с этого времени, находилось под управлением административных властей, созданных в Польше германским рейхом. В течение этого времени большие партии произведенной на предприятии кожи неоднократно отправлялись в Ганновер (Германия). Кроме того, была конфискована или арестована иная принадлежавшая предкам авторов сообщения собственность.

2.2 В ноябре 1958 года авторы и/или другие родственники обратились с требованием выплатить компенсацию за поставленную в Ганновер кожу и за

---

* В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: г-н Абдельфаттах Амор, г-н Прафуллагандра Натварлал Бхагвати, г-жа Кристина Шане, г-н Морис Глеле Аханханзо, г-н Рафаэль Ривас Посада, сэр Найджел Родли, г-н Мартин Шейнин, г-н Иван Ширер, г-н Иполито Солари Иригойен, г-н Ахмед Тауфик Халиль, г-н Патрик Велла и г-н Макссуэл Ялден.

В соответствии с правилом 85 правил процедуры Комитета г-н Эккарт Кляйн не участвовал в рассмотрении настоящего сообщения.

прочую конфискованную либо арестованную собственность, как это предусмотрено соответствующими положениями Федерального закона о реституции ("Bundesrückerstattungsgesetz"). С 1962 года дело находилось на рассмотрении окружного суда Берлина ("Landgericht"). В 1971 году авторы сообщения пришли к мировому соглашению в отношении одной части претензии. В отношении другой части претензии судебное разбирательство было продолжено.

2.3 В отдельных частичных решениях, принятых в 1983 и 1987 годах, окружной суд Ганновера присудил авторам компенсацию за другое конфискованное имущество кожевенной фабрики, в то время как рассмотрение дела в суде продолжалось. В 1990 году ряд авторов сообщения переуступили свои права требования коммерческой трастовой компании, оговорив свое право истребовать компенсацию за ущерб, причиненный задержкой судебного разбирательства. В 1993 году, после представления дополнительных доказательств, окружной суд присудил авторам сообщения компенсацию за другие материальные потери. Апелляцию на частичные решения, вынесенные в Германии, суды второй и третьей инстанции отклонили как необоснованную. Дополнительные апелляции на судебное предписание об оплате судебных издержек были отклонены. На тот момент времени общая сумма присужденной по суду компенсации составляла несколько миллионов немецких марок.

2.4 В 1995 году авторы сообщения пришли к мировому соглашению по всем неудовлетворенным компенсационным претензиям в обмен на выплату суммы в размере 1 млн. немецких марок.

2.5 В 1996 году авторы обратились в окружной суд Ганновера с иском о компенсации за задержку судебного разбирательства по представленному ими требованию о выплате компенсации.

2.6 Суд отклонил претензию на том основании, что Федеральный закон о реституции не предусматривает возмещения по иным претензиям, чем перечисленные в данном законе. В 1998 году апелляция авторов сообщения на это решение была окончательно отклонена Федеральным судом ("Bundesgerichtshof").

2.7 Вслед за этим авторы обратились в Европейскую комиссию по правам человека с жалобой на задержку судебного разбирательства. В 1998 году Европейская комиссия по правам человека приняла решение о неприемлемости заявления авторов, поскольку они не исчерпали средства правовой защиты, предусмотренные законодательством Германии, то есть не воспользовались процедурой "официальной ответственности" ("Amtshaftungsklage") и не подали конституционную жалобу ("Verfassungsbeschwerde") в Федеральный конституционный суд ("Bundesverfassungsgericht").

Решение о приемлемости

4.1 Прежде чем рассматривать какие-либо содержащиеся в сообщении претензии, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 87 правил процедуры Комитета принять решение о том, является ли сообщение приемлемым согласно положениям Факультативного протокола к Пакту.

4.2 Комитет отмечает, что при ратификации Факультативного протокола и признании полномочий Комитета получать и рассматривать сообщения от

подпадающих под юрисдикцию государства-участника лиц, государство-участник сделало следующую оговорку в отношении пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола:

"компетенция Комитета не распространяется на сообщения,

а) которые были уже рассмотрены в рамках другой процедуры международного расследования или урегулирования".

Кроме того, государство-участник сделало оговорку *ratione temporis*, исключающую компетенцию Комитета в любом случае:

"связанном с событиями, имевшими место до вступления Факультативного протокола в силу для Федеративной Республики Германии".

4.3 Комитет отмечает, что утверждение авторов о необоснованной задержке судебного разбирательства в нарушение пункта 1 статьи 14 Пакта относится в основном к судебным разбирательствам, которые должны были состояться до 25 ноября 1993 года, даты вступления Факультативного протокола в силу для государства-участника, и что ни одна из частей жалобы не относится к событиям, которые имели место после 1995 года.

4.4 Кроме того, Комитет отмечает, что авторы не воспользовались существующими средствами правовой защиты, включая процедуры "официальной ответственности" ("Amtshaftungsklage") или подачу конституционной жалобы ("Verfassungsbeschwerde"). В связи с этим их жалоба была признана Европейской комиссией по правам человека неприемлемой по причине неисчерпания внутренних средств защиты, что является условием для признания приемлемости, которое содержится также в пункте 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

5. В этой связи Комитет постановляет:

а) признать сообщение неприемлемым в соответствии со статьями 1, 2, 3 и пунктами 2 а) и b) статьи 5 Факультативного протокола;

б) довести настоящее решение до сведения автора и препроводить его для информации государству-участнику.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии документ издан также на арабском, китайском и русском языках в качестве части настоящего доклада.]